НОВАЯ ЭВРИКА

ВАДИМ ЭРЛИХМАН

СТИВЕН КИНГ: КОРОЛЬ ТЕМНОЙ СТОРОНЫ

АВРОРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Удивительно, что при невероятной популярности произведений Стивена Кинга в России, значительных публикаций о нем самом до сих пор на русском языке не было. Книга исследователя и переводчика Вадима Эрлихмана призвана восполнить этот досадный пробел. Читателей ждет увлекательнейшее повествование о жизни одного из самых знаменитых писателей современности, захватывающее путешествие по сюжетам его книг и множеству снятых по их мотивам фильмов.

- Вадим Эрлихман
  - ПРОЛОГ
  - Глава 1. Король и свита
  - Глава 2. Король забавляется
  - Глава 3. Король алый и король белый
  - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
  - ПРИЛОЖЕНИЯ
    - 1. ХРОНОЛОГИЯ жизни и творчества СК
    - 2. БИБЛИОГРАФИЯ русских переводов СК
    - 3. ЛИТЕРАТУРА
    - 4. ПОДПИСИ к карте «Штат Мэн — страна Кингландия»
    - 5. МЕСТА действия романов и повестей СК
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61

- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105

- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119

Вадим Эрлихман
КОРОЛЬ ТЁМНОЙ СТОРОНЫ
Стивен Кинг в Америке и России

«Иногда мне приходится выступать перед людьми, которые интересуются литературой и писательским трудом. Кто-нибудь из них непременно задает один и тот же вопрос: «Почему вы пишете о таких ужасных и мрачных вещах?» И я всегда отвечаю одно и то же: «Почему вы считаете, что у меня есть выбор?»

(С. Кинг. Из предисловия к сборнику «Ночная смена»)

ПРОЛОГ

Со Стивеном Кингом судьба свела меня неожиданно.

Нет, я не устраивал паломничества в штат Мэн и не заявлялся по-свойски в особняк, охраняемый чугунными вампирами. В Мэне я не бывал, да и встретиться с Кингом не мог по той простой причине, что он не слишком жалует незваных гостей — особенно из России (почему, вы узнаете по ходу дела). Все было иначе — в смутное время начала девяностых мне, безработному историку, предложили поучаствовать в переводе романов ужаса. Благодаря видео популярность этого жанра стремительно лезла вверх и гарантировала прибыль любому издателю. Начать решили, естественно, с Кинга, благо его русских изданий было раз-два и обчелся. В ту пору я по юному снобизму не слишком жаловал масслит и из Кинга не читал ни строчки, но неожиданно СК меня «зацепил». Как и всю страну — следующие несколько лет он был в России самым продаваемым автором, сменив в этой роли незабвенного Дюма-отца.

Почему писатель, который никогда особенно не интересовался миром за пределами Америки, завоевал такую известность у русских, а также немецких, испанских, японских и прочих читателей? Почему у себя на родине он легко обошел именитых коллег по тиражам и доходам? Почему на заре нового тысячелетия, когда многие предсказанные им кошмары начали сбываться, его популярность вдруг упала? Все эти вопросы имеют отношение не только к личности Кинга, но и к судьбе современной словесности и шире — всего общества. СК, которого обычно числят по разряду фантастики, на самом деле пишет сугубо реалистично. И вполне может считаться зеркалом — пусть не русской революции, но американской эволюции конца XX столетия, которая неминуемо отражается на всем остальном человечестве. Кроме этого, так сказать, внешнего пласта биографии Кинга, существует и внутренний — судьба человека, который долгое время балансировал на грани безумия, убаюкивая своих внутренних демонов стуком пишущей машинки. До сих пор, несмотря на все нажитые миллионы, литература остается для него не только средством заработка, но и способом выживания, что, кстати, справедливо для любого настоящего писателя.

Кинг воздействует на читателей не только своими книгами, но и загадочным имиджем «мэнского отшельника» (совсем рядом, в Вермонте, тот же имидж много лет ковал для себя другой гуру — Солженицын). Он обожает не только пугать публику, но и

интриговать ее, запутывая сетью мистификаций, как еще один наш соотечественник — Владимир Набоков. Немало людей, начитавшись его, тронулись умом или совершили всяческие преступления. При этом он искренне считает, что его книги идут на пользу человечеству: «мы же не запрещает спички оттого, что они могут вызвать пожар». Отношение мира к Кингу — не меньший парадокс, чем отношение Кинга к миру. Любимых писателей много, но мало таких, в ком видят если не пророка, то заклинателя, знающего тайны бытия. СК не только продается лучше своих коллег, но и получает больше всех писем — ему признаются в любви, исповедуются в грехах и просят совета, даже зная, что в лучшем случае письмо прочтет кто-нибудь из его секретарей. Фамилия оправдывается — он действительно Король американской литературы.

Странно, что республиканская по духу страна так тоскует по монархии, направо и налево раздавая звание «кинга». Даже в сталинской России всегда было несколько «лучших и талантливейших» писателей, летчиков, чекистов. В Америке такой всегда один. Здесь были Король сыска Эдгар Гувер, Король рока Элвис, и до сих пор здравствует Король компьютеров Билл Гейтс. Кинг вполне вписывается в их компанию, хотя с этим вряд ли согласятся критики, которые дружно объявляют каждый его роман, начиная со второго, «провалом» и «концом карьеры». При этом никто не объяснил феномен его 300-миллионного тиража и внимания, с которым читатели ловят каждое его слово. С ним не сравнится даже новомодная Дж. Роулинг — она создала культ героя, в то время как вокруг Кинга сложился очевидный культ автора.

Как ни странно, ничего внятного на эту тему до сих пор не написано — ни у нас, ни даже в Штатах. Все «кинговедение» сводится к толстенным сводам персонажей и мест действия (таких нет и у Хемингуэя с Фолкнером — завидуйте, классики!) или филологическим штудиям, изучающим, что и у кого СК стянул на своем тернистом писательском пути. За пределами всего этого остаются бесчисленные статьи и интервью в прессе, где рассыпаны главные алмазы для пытливого исследователя. Никто не сказал о Кинге лучше, чем он сам, нужно только уметь слушать. Конечно, имеющаяся литература — ни много ни мало 50 изданий только на английском — тоже полезна в смысле фактов. Особо хочется отметить труды Стивена Спиньези, Майкла Коллингса, Джорджа Бима, список которых можно найти в конце книги. Не соревнуясь с этими патриархами, я хочу надеяться, что все нижеизложенное окажется полезным не только для буйного племени кинголюбов (эти и так знают о своем любимце даже

больше, чем он сам), но и для тех, кто интересуется судьбой литературы, ее близким прошлым и далеким будущим.

Глава 1. Король и свита

1. Человек на шоссе

Это случилось 19 июня 1999 года на западе штата Мэн, в краю, который жители Новой Англии называют Vacation Land — «Отпускландией». Эра Клинтона подходила к концу. В столице не утихал скандал вокруг пятна на платье стажерки Моники Левински, американские «фантомы» грозили Сербии, а в Москве тайно готовилась операция «Преемник». Высокому черноволосому мужчине в джинсах и белой тенниске не было до всего этого никакого дела. Он шагал на север, совершая обычную послеобеденную прогулку — две мили по лесной тропинке и еще немного по пустынному двухполосному шоссе № 5, ведущему из маленького Фрайбурга в ничуть не больший Бетел.

Время приближалось к пяти, стояла обычная для этого сезона жара, и мужчина наверняка думал о ледяной пепси-коле, что ждала его дома. Конечно, его посещали мысли о новой книге, которая сочинялась легко и была уже почти на середине. И о семье — впервые за год его трое детей собрались под родительским кровом, наперебой рассказывая о своей новой взрослой жизни. Старший сын Джо привез отцу с матерью их первого внука, и трехмесячный Итан жизнерадостно ползал по гостиной, бормоча что-то на своем непонятном языке. Да, дети выросли, от этого было немного грустно, но в то же время радостно. Их жизнь, как и его, шла по накатанной колее, и казалась такой же предсказуемой, как расписание полетов.

Утром он отвез на своем «шевроле» младшего сына Оуэна в аэродром Портленда, откуда тот возвращался в свой нью-йоркский колледж. Оставшиеся члены семьи планировали вечером съездить в ближний кинотеатр в городке Норз-Конвей и посмотреть там «Дочь генерала» с Джоном Траволтой. Чтобы успеть к половине восьмого, нужно было поторопиться, и мужчина прибавил шагу. Он мог сразу повернуть домой, но доктор Скотт сказал, что ему необходимы два часа пеших прогулок в день. Это физическое упражнение, а главное — отдых для глаз. У него было редкое заболевание — атрофия глазных мышц, и непрерывное сидение за компьютером грозило в далекой перспективе слепотой. Он и сейчас не слишком четко видел дальше ста метров.

В 16.50 мимо него проехала машина, и сидящая за рулем Синтия Хобарт из Ловелла приветственно нажала на гудок —

писателя в этих краях все знали. Потом она рассказала, что через пару минут увидела едущий им навстречу светло-голубой фургон «Додж Караван». Похоже, водитель был нетрезв, поскольку фургон мотало по дороге из стороны в стороны. Синтия повернулась к подруге и сказала полушутливо: «Там, сзади нас, идет Стивен Кинг. Надеюсь, этот парень его не сшибет».

Тот, о ком они говорили, по-прежнему шел вперед, погруженный в свои мысли. Дорога поднималась на холм, и он был уже недалеко от вершины, загадав себе: «Дойду и поверну обратно». В те же минуты к вершине с другой стороны подъехал голубой фургон, управляемый Брайеном Смитом. Этому жителю Фрайбурга исполнился сорок один год, и он был классическим неудачником — бывший строительный рабочий, бывший механик и дорожный нарушитель со стажем. Развод лишил его жены и четырех детей, оставив лишь ветхий трейлер, где он обитал с единственными друзьями — двумя ротвейлерами, которых звали Пуля и Пистоль. В 1979 году он сильно пострадал в аварии и с тех пор жил на страховку, нигде не работая. Но урок не пошел впрок — Смита много раз штрафовали и всего месяц назад вернули права, отобранные за вождение в нетрезвом виде.

В этот день он не пил, но предвкушал приятный вечер в компании четырех-пяти бутылок «Будвайзера». На закуску ему почему-то захотелось шоколадок «Марс», и он направлялся за ними в супермаркет. По дороге заехал в магазин в Стоунхэме, где затоварился стейками, сложив их в дорожный холодильник. Как и все имущество пролетария, кулер был ветхим, и на середине пути его дверца отворилась. Унюхав лакомый запах, ротвейлер Пуля опередил Пистоля и сунул морду в холодильник. Громко, но беззлобно ругаясь на домашнего любимца, водитель повернулся и под грохот своего любимого «хэви-метала» начал отпихивать здоровенную собачищу. В это время неуправляемый фургон взлетел на вершину холма и начал быстрый спуск вниз.

Кинг увидел, как на него несется что-то большое, и подумал: «Господи, меня сейчас собьет школьный автобус». Он успел сделать всего один шаг в сторону, но этот шаг, как выяснилось позже, спас ему жизнь. Вместо того, чтобы врезаться в него всем передом и подмять под колеса, «додж» всего лишь ударил его правым боком кабины. Этого хватило, чтобы Кинг отлетел в сторону, под откос, и приземлился на землю в четырех метрах от дорожной насыпи, чудом не угодив на россыпь камней. «Дальше у меня в памяти провал, — вспоминал он год спустя в мемуарах под названием «Как писать книги». — По ту сторону этого провала я уже лежу на земле, глядя в корму фургона, съехавшего с дороги и накренившегося набок. Это даже не воспоминание, а

фотография… Я не думал, в голове было совершенно пусто».[1] Все звуки куда-то исчезли, воцарилась звенящая тишина, которую нарушало только тикание наручных часов. Они каким-то удом не разбились и показывали 17.10.

Ощутив удар, от которого вылетело ветровое стекло, Смит повернулся и надавил на тормоз. Сперва ему показалось, что он сбил оленя или еще какое-то крупное животное, но потом он увидел рядом с собой на сиденье окровавленные очки Кинга, слетевшие от удара. Выйдя из машины, он застыл на обочине, тупо глядя на лежащего в стороне человека. В ту же минуту рядом затормозил свой «форд» Чип Бейкер, 42-летний слесарь из Ловелла. Он не узнал Кинга, хотя не раз видел его, и крикнул Смиту: «Эй, мужик, быстро вызывай «скорую»!» Потом подбежал к лежащему, осмотрел его и заявил: «Ничего, все будет в порядке. Я видел парней, которым пришлось куда хуже, чем тебе, и они выздоровели». Потом он утверждал, что писатель был в сознании и даже попросил у него сигарету, но сам Кинг этого в упор не помнил.

Тем временем Смит послушно сел за руль и, ни во что уже больше не врезавшись, проехал две мили до ближайшего автомата, откуда вызвал «скорую помощь». После этого он вернулся к месту происшествия, снова вышел из машины и уселся на большой камень рядом с лежащим Кингом. Увидев, что тот открыл глаза, он сказал: «Не волнуйтесь, помощь уже едет». «Наверное, это просто вывих?» — почти шепотом спросил писатель. «Навряд ли, — отозвался Смит. — Переломов пять, а то и шесть». При этом голос у него был жизнерадостный, как будто он смотрел на все происходящее по телевизору… или читал один из романов Стивена Кинга.

После этого пострадавший опять отключился и пришел в себя только через пятнадцать минут, когда рядом затормозил оранжевый фургон «скорой». Пока фельдшер Пол Филлбраун оказывал первую помощь, Кинг спросил его — тем же хриплым шепотом, — не умирает ли он. Нет, ответил фельдшер, но нужно быстрее ехать в больницу. Кинг попросил отвезти его в госпиталь Северного Камберленда в Бриджтоне, где когда-то родился его младший сын. По просьбе Филлбрауна он попытался пошевелить пальцами ног — те двигались, хотя и с трудом. Только тут он начал осознавать случившееся: он искалечен, может быть, парализован до конца жизни. Возможно, он умрет, не воплотив в жизнь столько замыслов, и главный из них — эпопею Темной Башни. А главное — там, в доме у озера, его жена и дети, которые ждут его с прогулки и ничего не знают…

Но они узнают — приезжают все новые машины, слышен

треск полицейской рации, кто-то возбужденно орет в трубку: «Это Стивен Кинг, говорю я вам! Он серьезно ранен!» В 17.50 его грузят в машину и на максимальной скорости везут в Бриджтон. В это же время радиостанции штата Мэн передают срочное сообщение о происшествии со знаменитым писателем. Новость начала расходиться по миру, пока врачи выясняли состояние больного. Картина оказалась неутешительной: правая нога сломана во многих местах, колено треснуло, ребра сломаны, на голове и плечах глубокие порезы от разбитых стекол. Решили, что с такими травмами на месте не справиться, и нужно отвезти пациента в Медицинский центр Мэна в Льюистоне. Быть может, услышав все эти названия в сводках новостей, поклонники Кинга во всем мире впервые осознали реальность этих провинциальных городков, так густо заселенных его фантазией.

Санитарный вертолет уже садился, когда в больницу приехали жена Кинга и двое его детей. Табита Кинг, еле сдерживая слезы, стерла влажными салфетками кровь с лица мужа и вынула из его волос осколки стекла. Посещение длилось всего десять минут, после чего родственников попросили удалиться, а больного на каталке отвезли в вертолет. На высоте он вдруг начал задыхаться, и двое летевших с ним врачей поняли, что у него вдобавок ко всему пробито легкое, и наступает коллапс. Чтобы избежать худшего, пришлось быстро вставить в плевру стальную трубку. Еще десять минут, и вертолет приземлился на бетонной площадке рядом с Медицинским центром. Кинга опять погрузили на каталку и быстро повезли внутрь. Тогда он был уверен, что умирает, и прошептал одному из врачей: «Скажите Табби, что я ее люблю». «Сам скажешь» — последовал ответ. К тому времени медики почти не сомневались — несмотря на все травмы, пострадавший будет жить.

Помимо всего прочего, у Кинга обнаружились сотрясение мозга и несколько трещин в позвоночнике. Но опаснее всего был перелом правой ноги — еще немного, и ее пришлось бы отнять из-за нарушения кровообращения. В первый же вечер врачи разрезали ногу в двух местах, чтобы снять давление раздробленной берцовой кости и восстановить кровоток. За следующие две недели 43-летний опытный хирург Дэвид Браун провел пять сложнейших операций, сложив ногу больного буквально по кусочкам. После этого к ноге прицепили тяжелый стальной фиксатор, привинтив его к костям ноги толстыми штифтами. С этим неуклюжим приспособлением Кингу велели учиться ходить. А штифты медсестры трижды в день вывинчивали и промывали перекисью водорода, чтобы они не вросли в мясо. 25 июня больной в первый раз встал и сделал три шага к унитазу.

Боль оказалась такой сильной, что он заплакал. Дальше было легче, и в День независимости 4 июля он смог в кресле-каталке выехать во двор, чтобы посмотреть фейерверк — его любимое развлечение с детских лет. Кресло везла Табита, которая сняла квартиру рядом с госпиталем и каждое утро приносила мужу завтрак.

Утром 9 июля Кингу позволили вернуться в дом в Бангоре, где он с семьей жил почти двадцать лет. В день выписки из госпиталя он весил 75 кг против обычных 95 (кстати, его рост — метр девяносто три, чтобы больше не упоминать этой знаменательной детали). Врачи прописали ему усиленное питание и ежедневную физкультуру, включая прогулки на костылях с привязанным к ноге фиксатором. Постепенно он стал выбираться из дома — съездил к дантисту, потом посетил бангорский книжный клуб, где читала рассказы его знакомая Тэсс Герритсен. Оба раза Табита была рядом и зорко следила, чтобы никто не задел в тесноте его больную ногу — это могло вызвать новое смещение костей.

Через месяц, 4 августа, доктор Браун извлек из его колена штифты. Впереди были еще две операции, и к концу осени Кинг смог передвигаться свободно, хотя и не так быстро, как раньше. Еще 25 июля он после долгого перерыва сел за свой «Макинтош». Он боялся, что не сможет писать. Что его, как писателя Майка Нунэна из недавней книги «Мешок с костями», тут же одолеет тошнота. Или на экране вдруг начнут появляться непонятные слова, написанные чьей-то чужой рукой. Ничего такого не случилось, но первые пятьсот слов дались с неимоверным трудом. «Я переходил от слова к слову, — вспоминал Кинг, — как глубокий старик переходит поток по скользким камням».[2] Мешала и непривычная обстановка — он не мог подняться в кабинет на втором этаже, и Табита поставила ему стол в небольшом заднем холле за кладовкой. Мысли ускользали, ставшие за много лет привычными приемы куда-то ушли, но он упрямо писал и за полтора часа «сделал» три страницы. Это было куда меньше обычной нормы, но главное произошло — власть над словами возвращалась к нему.

В январе 2000 года суд округа Камберленд рассмотрел дело Брайена Смита, обвиненного в двух преступлениях: создании опасной ситуации на дороге и нанесении тяжких телесных повреждений по неосторожности. Первое влекло за собой лишение водительских прав, второе — тюрьму. Кинг через своего пресс-секретаря поддержал первое обвинение. Он заявил: «То, что этот человек отнял у меня — мое время, душевный покой и телесную легкость — не вернет никакое наказание». Писатель не

хотел мстить Смиту, но был твердо намерен убрать его с дороги, где тот мог задавить кого-нибудь еще. Окружной прокурор согласился с Кингом — в этой части Мэна редко спорили со знаменитым земляком, — и Смит получил полгода условно и лишился прав сроком на год. У него хватило ума не возражать против вердикта, но уже через неделю он с обидой говорил знакомым, что с ним поступили несправедливо. В интервью «Бангор ньюс» в октябре он заявил: «Конечно, раз это Стивен Кинг, для него установили особые правила. Я для них стал подопытной морской свинкой… Ну да, я сбил его, тут сказать нечего. Но почему они не понимают, что это была случайность?»

Многие знакомые жалели Смита — все-таки он был не таким мерзавцем, каким его изображали в газетах. Он искренне жалел о случившемся и не раз устно и письменно просил прощения у Кинга. После аварии его жизнь изменилась к худшему — к судебным передрягам добавились проблемы со здоровьем. Со времени собственной травмы он ходил с тростью, а теперь стал жаловаться еще и на боли в желудке. Его приятельница Лайза Каури, на которой он собирался жениться, вспоминала: «Он не раз предлагал мне починить машину или помочь по хозяйству. Это было тяжело для него, всякий раз он мучился от боли, но все равно помогал». Другая подруга, Джуди Таунсенд, говорила репортерам, что Смит хотел купить компьютер и выучиться мебельному дизайну. Еще он собирался написать книгу о своей жизни.

Однако первым делом он выставил на продажу свой фургон в надежде, что кто-нибудь из коллекционеров заплатит хорошие деньги за машину, сбившую Стивена Кинга. «Должен же я на что-то жить, — снова и снова терпеливо объяснял он репортерам. — Отобрав права, они оставили меня без средств». Кинга не порадовало известие, что «додж», ставший причиной его страданий, продолжит свою жизнь в руках неизвестных людей. Он столько написал об одушевленных злобных механизмах, что вполне мог представить, как фургон Смита является среди ночи к его крыльцу, сверкая фарами и требуя крови. Поэтому он поручил своему поверенному Уоррену Силверу приобрести автомобиль за любую цену, чтобы позже уничтожить его. Покупка состоялась 10 июля — «додж» обошелся Кингу в полторы тысячи. Правда, его обещанное публичное уничтожение так и не состоялось. Судьба фургона стала одной из многих тайн, окружавших личную жизнь писателя.

Домыслам вокруг происшествия не было конца. Нашлись те, кто обвинял в случившемся самого Кинга. Говорили, что он шел прямо по дороге или по другой ее стороне, спиной к движению.

Полиция быстро доказала, что это не так. Тогда разнесся другой слух — писатель на ходу читал книжку, новый роман Бентли Литтла «Дом», который нашли рядом с ним на обочине. Ему пришлось объяснить репортерам: «Я всегда брал книгу, когда шел гулять. Но на этом участке дороги никогда не читал, поскольку там обзор закрыт и нужно внимательно глядеть по сторонам, что я и делал». Действительно, отрезок, где случилась авария, был единственным «слепым» участком шоссе № 5 до самого Фрайбурга.

К концу 1999 года все вроде бы успокоилось. Поток писем и телеграмм с соболезнованиями превратился в тонкий ручеек, репортеры перестали дежурить у ворот бангорского дома, а Кинг смог вернуться в свой кабинет на втором этаже и бодро выполнял дневную норму — двадцать страниц. Мемуары «Как писать книги» подходили к концу, и писателя уже захватил новый замысел — роман о пришельцах, пожирающих людей изнутри, как рак. Сначала он хотел дать книге именно такое название, но Табита была против — после всего пережитого ей не хотелось напоминаний о болезнях и страданиях. В конце концов роман стал называться «Ловец снов» (Dreamcatcher). В декабре Кинг впервые покинул Бангор и появился в Нью-Йорке, показывая публике, что с ним все в порядке. День, когда он, грязный и окровавленный, лежал на обочине шоссе № 5, уходил в прошлое и забывался, как кошмарный сон.

…На самом деле все было иначе. Мужчина в джинсах и тенниске не успел отскочить, и «додж» ударил в него всей массой, разом превратив в мешок костей. Приехавшая через пятнадцать минут «скорая» ничего не смогла сделать. Вечером все информационные агентства мира распространили сообщение: «Знаменитый писатель Стивен Кинг погиб в автокатастрофе».

Знатоки творчества СК помнят, что именно так кончается его роман «Песнь Сюзанны» — предпоследняя часть эпопеи о Темной Башне. Помнят и то, что смерть Кинга нарушила космическое равновесие, поставив под угрозу судьбу Вселенной. Стрелку Роланду и его друзьям пришлось прорваться из иной реальности в штат Мэн и спасти писателя ценой жизни одного из самых обаятельных его персонажей — мальчика Джейка. В последний момент Джейк успел оттолкнуть писателя в сторону и принял на себя удар тяжелого фургона. Стрелок похоронил его в ближайшем лесу, а невольных свидетелей этого — Смита и самого Кинга, — загипнотизировал, заставив обо всем забыть. Вмешательство героев в судьбу автора было не только ловким литературным ходом. Врачи не раз говорили, что спасение Кинга было чудом, и писатель мог искренне считать, что о нем позаботился Бог… или

Роланд Дискейн, стрелок из Гилеада.

Вся эта история имела неожиданный и довольно зловещий эпилог. В сентябре 2000 года газеты сообщили о внезапной смерти Брайена Смита — крепкого мужчины, который никогда ничем не болел. Накануне вечером его мать, не получавшая вестей от сына уже несколько дней, попросила фрайбургских полицейских навестить его трейлер. Заглянув в окно, они увидели Смита лежащим на кровати лицом вверх. Когда он не ответил на стук, стражи закона взломали дверь и кое-как вывели из комнаты ротвейлеров Пулю и Пистоля. Вначале думали, что Смит совершил самоубийство, но врачи констатировали смерть от сердечного приступа. Правда, глаза покойника были вытаращены, словно он увидел что-то очень страшное, но при летальных приступах такое случается нередко. Смит пролежал в гараже уже дня два, но точного времени смерти дознаватели так и не узнали. Сказали только, что покойный часто болел и принимал чрезмерное количество лекарств — возможно, это его и погубило.

Кинг отозвался на эту смерть заявлением: «Я глубоко сожалею о кончине Смита, поскольку смерть 43-летнего человека всегда безвременна. Наши жизни пересеклись странным образом, и я рад, что я выжил, но его мне жаль». Конечно, добрым его отношение к покойному назвать нельзя. В одной из статей он писал: «У этого парня был ай-кью банки томатного супа, причем пустой. Он умудрился сбить меня на открытом месте посреди длиннющей дороги. Впрочем, чему тут удивляться, если НАСА, где сосредоточены все мозги и технология мира, не может попасть ракетой по Марсу. Хотя, возможно, в НАСА просто пошел работать какой-нибудь Брайен Смит». Странная смерть Смита пришлась на 21 сентября, день рождения Кинга, и немало людей поверили, что писатель наслал на своего обидчика проклятие или напустил на него кого-нибудь из своих любимых монстров. Во всяком случае, финал всей этой истории был вполне в духе Кинга, что заметно подняло его популярность, начавшую было падать. В ближайшие годы его тиражи резко возросли, а режиссеры чуть ли не дрались за право экранизации тех его произведений, что еще не обрели вторую жизнь на экране.

За тридцать лет славы Кинг уже привык, подобно легендарному царю Мидасу, превращать в золото все, к чему он прикасается. Привык к затворничеству, к назойливому вниманию репортеров, к мешкам писем у входной двери. Но когда-то он вел совсем другую жизнь. И все его привычки, страхи, фантазии, даже литературные приемы берут начало там — в полунищем провинциальном детстве, куда он обожает возвращаться в своих романах. Вернемся и мы — в далекую, уже ставшую легендой

Америку «золотых пятидесятых» и «бунтующих шестидесятых».

2. Кто сидит в шкафу?

Кинг не раз говорил, что писатели никогда ничего не забывают. Но вряд ли это относится к ранним годам жизни — их он сам называет «туманным ландшафтом, на котором кое-где торчат отдельными деревьями воспоминания».[3] Конечно, не помнит он — хотя иные писатели уверяют, что помнят — и своего появления на свет. Это случилось 21 сентября 1947 года в 14.50 в Общественном госпитале штата Мэн в Портленде. Малыш был крупный и вполне здоровый, что стало большим сюрпризом для врачей — все-таки Нелли Рут Пиллсбери исполнилось уже 33 года, эти роды были для нее первыми, и крепким здоровьем она не отличалась.

Рут происходила из обширного семейства Пиллсбери, ведущего свой род чуть ли не от первых колонистов Новой Англии. Их самым давним предком по документам значился житель Массачусетса Уильям Пиллсбери, живший в середине XVII века. В роду имелись и богачи — например, основатели одной из крупнейших в мире пищевых компаний Pillsbury, в свое время переехавшие на Запад. Однако родители Рут — Гай и Нелли — жили достаточно скромно. Глава семьи работал плотником и выбивался из сил, чтобы прокормить восьмерых детей. Дочек, едва они оканчивали школу, спешили выдать замуж, но Рут засиделась в девках по причине то ли полного отсутствия приданого, то ли неказистой внешности. Только в 26 лет на нее обратил внимание бравый моряк Дональд Кинг. Как раз тогда началась Вторая мировая, и Дональд, служивший в торговом флоте, не раз пересекал Атлантику из конца в конец, играя в прятки с немецкими субмаринами. При этом он больше боялся не смерти, а списания на берег из-за плохого зрения — бравый моряк страдал астигматизмом, который унаследовал и Стивен.

Многие биографы указывают, что Кинг-старший родился в Перу, и не все добавляют, что имеется в виду не страна в Южной Америке, а городок в штате Индиана. «Перуанское» происхождение добавляет экзотики таинственному отцу писателя, который дал ему многое — от внешности до буйного воображения. В «Пляске смерти» Кинг писал: «Пиллсбери, уравновешенные и практичные, были добропорядочными англосаксами; зато отец, как и все его родственники, отличался большой эксцентричностью. У его сестры, моей тетки Бетти, случались «заскоки», моя бабушка по отцовской линии любила

съесть на завтрак ломоть хлеба со свиным салом, а дед, шести футов ростом и весом триста пятьдесят фунтов, умер в тридцать два года, пытаясь обогнать поезд».[4]

Почти ничего не зная о пропавшем родителе, сын сочинил о нем множество легенд. В его мечтах отец представал то обветренным морским волком, то засекреченным изобретателем чудо-оружия. Уже в зрелом возрасте он уверял, что настоящая фамилия отца — Спански, что уводило его корни куда-то в Восточную Европу. Но если в крови черноволосого здоровяка Дональда и была польская либо еврейская примесь, она терялась в буйной шотландско-ирландской закваске, а фамилия Кинг до сих пор встречается в Ольстере довольно часто. Дональд, как и Рут, родился в 1913 году, его родители держали лавку, но их скромный достаток сожрала депрессия. Оставалось пойти на флот.

За свадьбой последовали безуспешные попытки зачать ребенка во время редких визитов Дональда домой. В победном 1945-м супруги решили взять приемного сына, и в семье появился трехмесячный Дэвид, брошенный матерью. Такое случалось нередко — в прибрежных городах моряки и солдаты, плывущие в Европу, оставили немало внебрачных отпрысков, которых матери не могли прокормить. Экономика страны в годы войны росла как на дрожжах, но Мэн оставался бедным штатом. Большинство мужского населения трудилось на лесопилках и бумажных фабриках, остальные ловили рыбу или устриц в прибрежных шхерах. Для женщин работы не было, и Рут скоро ощутила это на себе. Правда, пока что она могла не беспокоиться — муж получал хорошие деньги на флоте, а после демобилизации устроился продавцом стиральных машин фирмы «Электролюкс». Но отношения супругов портились: заработанные деньги Дональд просаживал в карты и тотализатор или просто пропивал. Домой он являлся под утро, и Рут подозревала, что дело не только в выпивке.

Осенью 1949-го семья распалась. Среди биографов Кинга бытует версия, что однажды вечером Дональд вышел за сигаретами (по другой версии — за пивом) и бесследно исчез. На другой день Рут сказала детям, что папу забрали марсиане. На самом деле она хорошо знала имя «марсианки» — грудастой официантки из Коннектикута, с которой ее муж сошелся уже давно. Верная принципам, она вычеркнула изменщика из жизни и с тех пор никогда не упоминала о нем. Стивен тоже обижался на родителя, но не переставал его любить. Любил он и мать, но Рут Кинг была женщиной жесткой, нервной и к тому же скуповатой, и мальчик чувствовал себя с ней не слишком уютно. Позже в его

произведениях часто мелькал образ слабого, но доброго отца, прижатого под каблук властной матерью. Таков Рэндолл Гарфилд из романа «Сердца в Атлантиде» — правда, он не сбежал из семьи, а умер. «Бобби смутно помнил мужчину, который щекотал его, а потом чмокал в щеки и в лоб. Он не сомневался, что это был его папа… «Твой отец не оставил нас купаться в деньгах», — чаще всего отвечала мать, когда Бобби намекал на чтонибудь, что могло обойтись больше чем в доллар. За это он почти ненавидел отца, и его сдерживало только то, что именно этого хотела от него мать».[5]

О дальнейшей судьбе отца Кинг — а с ним и его читатели — узнал совсем недавно. Выяснилось, что Дональд так и жил себе в Коннектикуте сначала со своей официанткой, потом с какой-то продавщицей родом из Бразилии. Формально он не был разведен, поэтому тщательно скрывал от подруги сведения о бывшей семье. Хотя Кинг почему-то уверен, что блудный отец не переставал любить его и читал кое-какие его книги. Он наплодил целую кучу — кажется, пять или шесть — смуглых детишек и умер в 1986 году, так и не собравшись повидаться с сыном.

А Рут с двумя детьми странствовала по стране в поисках работы. Ее история хорошо смотрелась бы в советских газетах, обожавших обличать капитализм. В интервью 1988 года Кинг говорил: «Я с детства чувствовал, что жизнь несправедлива. Мать воспитывала меня одна, отец бросил нас, и ей пришлось много и тяжело работать. Мы были бедными, жили от получки до получки и ничего не знали об обществе равных возможностей и прочей ерунде. Мы были «детьми с ключом на шее» еще до того, как появилось это выражение, а она была главой семьи и кормильцем, когда большинство женщин не работали, обслуживая домочадцев. Она никогда не жаловалась, но я не был ни глухим, ни слепым. Кое-что от этого ощущения несправедливости еще осталось и отражается сегодня в моих книгах».

Хорошо еще, что клан Пиллсбери не отказывал Рут в поддержке, хотя замужние сестры про себя, а порой и вслух осуждали непутевую родственницу. Чаще других бродячее семейство принимали тетя Этелин и ее муж Орен Флоус, жившие в городке Дарем недалеко от Портленда. К их дому относятся самые ранние воспоминания Стивена — там он в два года уронил себе на ногу тяжеленный шлакоблок. Год спустя семья оказалась в Уэст-де-Пер, штат Висконсин, где жила другая тетка. Из их дома Кингам пришлось съехать, когда соседи увидели шестилетнего Дэвида ползающим по крыше. Временами дети гостили у родителей беглого отца в Форт-Уэйне, штат Индиана. Матери вечно не было дома — она работала то уборщицей, то

официанткой, то прачкой. Все деньги уходили на еду и оплату нянек, которые часто менялись, и ни одна не была похожа на Мэри Поппинс. Стивен запомнил, как одна из них — здоровенная негритянка по имени то ли Эйла, то ли Бейла — скормила ему яичницу из семи яиц, а когда малыша начало тошнить, заперла его в стенной шкаф.

Поклонники писателя должны быть ей благодарны — из этого шкафа вышла добрая половина кинговских ужасов. Хотя, возможно, дело просто в излишней впечатлительности, унаследованной от ирландских предков. С раннего детства и до сих пор Кинг перед сном тщательно укутывает ноги одеялом, чтобы их не схватила холодная зеленая рука из-под кровати. Конечно же, его пугала жуткая темнота стенного шкафа — того самого closet, который нерадивые переводчики постоянно обзывают «клозетом». Эта непременная принадлежность детской в англо-американских домах завораживала не только Кинга — вспомним хотя бы начало «Нарнии» Клайва Льюиса. Скрип приоткрытой сквозняком дверцы пугал по-настоящему, а отблеск металлических ручек было легко принять за сверкание злобных глаз. Бука, сидящий в шкафу, был первым кошмаром в жизни Кинга.

Другим были мертвецы. Стив живо интересовался ими и постоянно расспрашивал мать и родных о том, как умирают люди. Сообщенных ими физиологических деталей хватило, чтобы воображение мальчика заработало в полную силу. Так родился рассказ о том, что в четыре года у него на глазах поезд задавил соседского парня, чуть ли не его друга. Из этого события якобы выросло ужасающее описание раздавленного трупа в повести «Тело». Достоверность истории сомнительна, поскольку никто из родственников писателя ее не подтверждает. Да и железной дороги рядом с домом Кинга не было, а далеко уходить ему не разрешали. В семь лет он пошел в школу в Дареме, но почти весь первый класс провалялся в постели — вначале с корью, потом с воспалением среднего уха и другими малоприятными болезнями. Ему прокалывали барабанные перепонки, чтобы выпустить гной, и эта боль казалась ему самой сильной вплоть до происшествия 1999 года.

Отчаянно скучая дома, Стив выучился читать и проглатывал тонны наивных комиксов о приключениях героических летчиков и рейнджеров. В семь с небольшим его впервые охватила тяга к писательству, и он написал рассказ о приключениях персонажа комиксов — капитана Кейси. Прочитав четыре страницы, исписанные большими печатными буквами, мать сказала: «Напиши лучше что-нибудь свое, Стиви. Этот Кейси — полная

чушь, он только и делает, что бьет кому-нибудь морду». Мальчик послушался и написал сказку о волшебных зверях, которые во главе с Белым Кроликом ездили на машине и выручали из беды маленьких детей. Эта история матери понравилась, и Стив получил 25 центов — свой первый писательский гонорар. Это вдохновило его продолжить литературные опыты, по-прежнему черпая сюжеты из комиксов и детских книжек.

Фантазия мальчика находила выход в снах. Позже в книге «Пляска смерти» он писал: «Самый яркий сон, какой я только могу вспомнить, приснился мне в восьмилетнем возрасте. Во сне я увидел труп повешенного, болтающийся на виселице на холме. На плече трупа сидели птицы, а за ним было ядовитое зеленое небо с кипящими облаками. На трупе была надпись — Роберт Бернс. Но когда ветер повернул тело, я увидел, что у трупа мое лицо — разложившееся, поклеванное птицами, но, несомненно, мое. И тут труп открыл глаза и посмотрел на меня. Я проснулся с криком».[6] Шестнадцать лет спустя этот сон стал одним из центральных образов романа «Жребий Салема», где повешенный привретился в злодея Хьюби Марстена. О других детских снах Кинг умолчал, но без сомнения их было немало.

Его воображение питал и сам штат Мэн — лесное захолустье, где жизнь еще недавно была глухой и таинственной. Устами старика из рассказа «Человек в черном костюме» он описывает это легендарное время «до войны» (речь идет о Первой мировой): «За пределами городов фермы стояли далеко друг от друга, и с декабря до середины марта мы чаще всего жались у маленьких островков тепла, которые назывались «семьями». Мы ежились и прислушивались к завыванью ветра в трубе, надеясь, что никто из нас не заболеет, не сломает ногу или не вобъет в голову дурных мыслей, как тот фермер в Касл-Роке, что тремя годами раньше зарубил жену с детишками и сказал в суде, что духи заставили его сделать это. В те дни до Великой войны большую часть земель вокруг Моттона занимали леса и трясины, мрачные места, полные лосей и москитов, змей и секретов. Тогда духи действительно были повсюду».

Летом 1955-го семья снова переехала — на этот раз в Коннектикут, где жили тетя Лоис и ее муж Фред. Рут предложили работу в прачечной в городе Стратфорд, и Кинги сняли квартиру на третьем этаже дома на Уэстброд-стрит. Неподалеку располагался огромный заросший пустырь с речкой посередине и заброшенной линией железной дороги. Этот пустырь стал для Кинга волшебной страной Оз, из которой вышли многие его произведения. В романе «Оно» он предстает под именем Барренс — «пустошь», а в детстве Стив и его друзья звали его

«джунглями». На тамошней свалке можно было отыскать подручный материал для сооружения потайной землянки или запруды на безымянной речушке. Эта запруда, залившая половину улицы, тоже описана в «Оно», только в реальности ее построил не Бен Хэнском, а брат Стивена Дэвид. Он с детства был увлечен изобретениями и постоянно мастерил всякие хитрые механизмы. Сооруженный им совместно с младшим братом «чудо-электромотор» вырубил электричество не только в их доме, но и в соседних, вызвав визит полиции. В общем, приключений хватало. Не случайно Кинг считает тот период самым счастливым в своей жизни, а буквально все его юные герои имеют возраст десять-одиннадцать лет — именно столько было тогда ему самому.

На стратфордских фотографиях мы видим курносого лохматого мальчишку — довольно толстого и с очками на носу. Оба этих обстоятельства изрядно портили Стиву жизнь. Поэтому он не любил вспоминать школу, где немало натерпелся от хулиганов. Это он, а не толстяк Бен из «Оно», убегал от обидчиков в чащобы Барренса и прятался там с друзьями из «Клуба неудачников». Другим местом спасения была библиотека со стеклянным коридором, разделявшим детское и взрослое отделения. Тенмыми вечерами этот освещенный коридор казался Стиву волшебным островом, полным книжных сокровищ. Здесь он прочел забавные истории доктора Зейса, а потом книги посерьезнее — «Остров сокровищ» Стивенсона и совсем недетского «Повелителя мух» Голдинга. Библиотека, попавшая в несколько произведений Кинга, позже была перестроена, но он оплатил строительство точно такой же в Бангоре.

Книги были для него не только окном в мир, но и способом убежать от домашних неурядиц. Дэвид в свободное от изобретательства время проявлял все неприятные свойства старшего брата. Кинг вспоминал об этом в рассказе «Бабуля»: «К брату он не испытывал особо светлых чувств. Бадди никогда не был слишком любезен и заботлив. Любимым его развлечением было повалить Джорджа на пол, усесться сверху и колотить его по лбу ложкой — Бадди называл это Пыткой Краснокожих и смеялся, как дебил».[7] Немудрено, что, позвролев, Кинг отдалился от своего замечательного брата и теперь видится с ним раз в пять лет. Его отношения с матерью тоже не были особенно теплыми. «Я помню маму упрямой, неподдающейся, мрачно упорной; ее почти невозможно было переубедить; она приобрела вкус к самостоятельности и хотела сама определять, как ей жить. У нее были приятели, но никто из них не задерживался надолго… Одного звали Норвилл; от него пахло сигаретами «Лаки», и при нем в нашей двухкомнатной квартире летом работали три

вентилятора; другой был Милт, он водил «бьюик» и летом носил гигантские синие шорты; был еще третий, очень маленького роста; кажется, он работал поваром во французском ресторане. Насколько мне известно, ни с кем из них о браке речь даже не заходила. Матери, видно, хватило одного раза пройти этим путем».[8]

Летом 1958 года семейство вернулось в Дарем. На семейном совете Пиллсбери было решено отрядить Рут ухаживать за родителями, которым было уже за восемьдесят. За это другие члены семьи выделили ей жилье и пообещали помогать деньгами и провизией. Как водится, постепенно обещания забылись — присланных денег едва хватало на еду, а все подарки свелись к заношенным детским вещам. Между тем уход за престарелой четой был делом нелегким — тощий и хмурый Гай почти не мог говорить, но постоянно выражал недовольство кряканьем, похожим на утиное. Похоже, у него бывали периоды просветления, когда он учил внука уму-разуму. Но, быть может, мудрый старик в произведениях Кинга — всего лишь собирательный образ, проявление тоски по мужскому воспитанию, которого Стивену всегда не хватало. Нелли Пиллсбери была расползшейся полуслепой старухой, которая с трудом вставала с постели. Когда ей показали внука, она захотела его обнять, и Стив еле сдержал крик, почуяв прикосновение ее холодных и влажных рук-щупалец. Позже в рассказе «Бабуля» бабушка предстала злобной ведьмой, едва не погубившей маленького героя. При этом Нелли, много лет работавшая учительницей, сохраняла твердую память — например, могла перечислить всех президентов США. Но временами на нее «находило», и она начинала разговаривать с умершими сестрами или истошно кричала, что домочадцы забыли покормить ее старого коня Билли, околевшего полвека назад.

При всех своих странностях бабушка прожила еще пять лет, дедушка — семь. Когда они умерли, Рут Кинг было уже за сорок, и она нашла себе работу экономки в пансионе для неопасных психов в соседнем городке Нью-Глостер. Там она работала почти до самой смерти, и Кинг не раз винил своих родных в том, что они заперли мать в клетку, из которой она так и не нашла выхода. И все же теперь у семьи была крыша над головой, и бесконечные переезды прекратились. Тогда же в их доме появился первый черно-белый телевизор. Позже Кинг очень радовался тому, что это случилось так поздно — все же книги гораздо полезнее для развития писательского дара, чем дурацкие шоу и рекламные ролики. Но тогда он с увлечением смотрел вестерны и фантастические сериалы. В те годы все бредили фантастикой,

особенно после того, как в небо взлетел первый спутник — к разочарованию многих, советский.

В конце того же знаменательного 1958 года Стивен отыскал в чулане тети Этелин старый сундук с журналами и книгами. Роль этого сундучка в кинговской мифологии весьма велика — считается, что он едва ли не целиком сформировал литературные пристрастия будущего писателя. Кому принадлежал сундучок, осталось загадкой — тетя Этелин, как и большинство американцев, не отличалась любовью к чтению. Стиву нравилось думать, что журналы достались ему от фантазера-отца. В том же чулане лежали его вещи, позже описанные в рассказе «Обезьяна»: «множество морских карт, некоторые из них были с аккуратно нанесенными окружностями. И косоглазый бинокль: если в него долго смотреть, то кружилась голова, и ломило глаза. И конверты с ворохом аккуратно вложенных диковинных марок, и чужеземные монеты, и черные блестящие камешки с гавайского острова Мауи, увесистые и зловещие, и пластинки в ярких конвертах с надписями на иностранных языках».[9]

В сундучке нашлись фантастические журналы 40-х годов и книжки издательства «Эйвон» с рассказами Говарда Лавкрафта и Рэя Брэдбери. Прочитав их от корки до корки, мальчик отправился в городскую библиотеку за новыми, а в его произведениях Белого Кролика вытеснили покорители космоса вперемешку с вампирами и прочими монстрами. Чуть позже, в 1960-м, он послал в журнал «Космонавт», издаваемый Форрестом Аккерманом, рассказ, ни названия, ни содержания которого уже не помнит. Аккерман не напечатал рассказ, но сохранил его, и много лет спустя Кинг, уже ставший знаменитым, поставил на рукописи свой автограф.

Этот рассказ был уже не написан вручную, а напечатан на подержанной машинке «Ройял» — ее за десять долларов купила Стивену мать, первой поверившая в его писательское будущее. На той же машинке он печатал рассказы, которые восемь лет подряд рассылал в разные журналы, прежде всего в любимый детьми журнал Альфреда Хичкока «Хичкок мистери мэгэзин». Это уважаемое издание только однажды соизволило прислать ему ответ, который гласил: «Не сшивайте рукописи степлером. Пользуйтесь скрепками». Эту рекомендацию Кинг выполнил. А отказ нацепил на гвоздь, вбитый у него над кроватью, где уже висела охапка предыдущих. Постепенно отказов скопилось столько, что гвоздь их не выдержал, и его пришлось заменить плотницким костылем. Тогда Стивен жил в маленькой комнатке под самой крышей, где едва помещались его сокровища — пишущая машинка, груда фантастических книжек и

проигрыватель «Вебкор». В моду уже вошел рок-н-ролл, и он с увлечением слушал Чака Берри, Джерри Ли Льюиса и Фэтса Домино вместе с Элвисом. В этой музыке бурлила энергия, которой были переполнены Стив и миллионы его сверстников.

В 1961 году президентом стал Кеннеди, которого семья Пиллсбери недолюбливала вдвойне — как демократа и католика. Сами они, как и большинство жителей Мэна, были республиканцами и методистами — приверженцами предельно упрощенного протестантского обряда, изобретенного в Англии в начале 19 века. Мать Кинга иногда посещала методистскую церковь, но сам он полностью отказался от веры предков. Вероятно, это случилось именно в краткую эпоху Кеннеди, когда Америка начала стремительно меняться. Молодежь укорачивала юбки и удлиняла волосы, с мыса Канаверал отправился в космос первый астронавт, а соседняя Куба перешла под власть коммунистов, что едва не привело к мировой ядерной войне. Пока происходили все эти судьбоносные события, Стивен с братом затеяли выпуск собственной газеты, без затей названной «Горчичник Дэйва» (Dave's Rag). В ней писалось обо всех новостях семьи Кингов и их соседей, были разделы погоды, рецептов и юмора. Братья выпускали газету в подвале даремского дома — вначале на гектографе, потом на купленном у старьевщика ротапринте. Постепенно тираж газеты вырос с пяти до пятидесяти экземпляров — родне они раздавались бесплатно, а прочим продавались за пять центов, что кое-как окупало типографские расходы.

Осенью 1962-го Стивен перешел в среднюю школу, которая располагалась в соседнем городке Лисбон-Фоллс. Учился он хорошо, но без всякого удовольствия и писал позже: «Что вообще в школе хорошего? Когда нас туда швыряют как заложников в турецкую баню (странные у Кинга представления о турецкой бане!), школа кажется нам самым важным делом на свете. Только после третьего или четвертого класса мы начинаем понимать, какой это вообще идиотизм».[10] У новой школы было только одно достоинство — она располагалась недалеко до Льюистона, где, в отличие от крошечного Дарема, имелись целых два кинотеатра. Стивен с приятелями ездили туда по субботам на законных основаниях и в другие дни — если удавалось сбежать с уроков, отыскав при этом сорок центов на билет.

Кинг и его лучший друг Крис Чесли особенно любили фильмы ужасов — вольные вариации Роджера Кормена на тему рассказов Эдгара По. По одному из таких фильмов — «Колодец и маятник» — Стивен написал повесть, которую напечатал на семейном гектографе в количестве сорока экземпляров. Повесть

стала первым бестселлером Кинга — в первый же день он распродал весь тираж по четвертаку за штуку. Правда, по окончании уроков его вызвали к завучу миссис Хислер, которая велела ему отдать обратно все полученные деньги и впредь не торговать в стенах школы всякой ерундой. Неудача не обескуражила Стивена — перед летними каникулами он успешно загнал соученикам новую повесть «Вторжение со звезд».

В апреле 1963 года они с Крисом уже отпечатали на том же гектографе тиражом 50 экземпляров сборник из восемнадцати коротких рассказов, известный под названием «Люди, места и вещи». Похоже, это имя было присвоено гораздо позже коллекционерами, которые сегодня готовы отдать любые деньги за эту бумажную тетрадку. Но напрасно — по всей вероятности, ни одного целого экземпляра сборника не сохранилось. Часть рассказов вообще оказалась утрачена, включая те пять, что были написаны Чесли. Впоследствии друг детства Стивена стал рабочим в Портленде и разбился на машине, не дожив до тридцати лет. Он стал прототипом Криса Чамберса, одного из героев ностальгической повести «Тело». Уцелели десять рассказов Кинга — коротенькие, наивные и написанные под впечатлением от книг и фильмов. «Отель у конца дороги» — про хозяина гостиницы, набивающего чучела из постояльцев (явный «Психопат» Хичкока). «Тварь на дне колодца» — про мальчика, которого странный голос заманил в колодец («Нездешний цвет» Лавкрафта). «Проклятая экспедиция» — про жителей Венеры, обманувших космонавтов ложным сходством их планеты с Землей («Марс — этой рай» Брэдбери).

В школе Стивена больше не дразнили. Он заметно похудел, вытянулся и подлечил зрение — надевал очки, только когда читал. Но сильнее всего его репутацию упрочила писательская слава, с которой смирилась даже миссис Хислер. В предпоследнем классе его назначили редактором школьной газеты под названием «Барабан». Работать там было скучно, и однажды Кинг для развлечения изготовил пародию — четырехстраничную «Сельскую отрыжку», полную издевок над педагогами. Газета была найдена, автора вызвали на расправу и грозили исключением, но ввиду отсутствия проблем с учебой и поведением он отделался выговором. Правда, через год учительница стенографии миссис Грамизан, особенно обиженная Кингом (в газете он переименовал ее в Грымзу), помешала ему получить медаль, облегчающую право на поступление в колледж. С тех пор Стивен не увлекался сатирой, но всегда любил пошутить — правда, в чисто американском грубоватом стиле.

В выпускном классе Кинг еще раз попробовал себя в

журналистике — на этот раз по приглашению редактора лисбонской газеты Джона Гулда, которому был нужен спортивный репортер. Как известно, в приличных американских школах спортом занимаются чуть ли не все ученики, и Стивен тоже неплохо играл в бейсбол и баскетбол (что было доаольно нетрудно при его росте). Написав несколько заметок, он принес их Гулду, который дал ему один из первых уроков писательского мастерства. «Чтобы сделать статью хорошей, — сказал он, — напиши ее, а потом вычеркни все, что не относится к делу». За этот совет Кинг был благодарен, как и за предложенный гонорар — полцента за слово. Он проработал в газете до весны 1965 года, когда пришла пора готовиться к поступлению.

Тогда же он наконец-то прорвался в «настоящую» прессу — один из постоянно рассылаемых им рассказов вышел в журнале «Комикс ревью» в Алабаме. Правда, издатель Майк Гаррет вычурно назвал рассказ «В полумире ужаса», изменив «крутое» авторское название «Я был юным грабителем могил», содранное с фильма «Я был юным оборотнем». Рассказ повествовал о бедном сироте, которого ученые со зловещими и явно иностранными фамилиями Вейнбаум и Рэнкин наняли для выкапывания мертвых тел. Мертвецами они откармливали гигантских личинок, выращенных ими для непонятной цели. Узнав об этом, храбрый подросток со своей подружкой Вики поджег лабораторию и уничтожил личинок, которые перед тем успели сожрать обеих экспериментаторов. Сюжет до боли напоминал известный рассказ Лавкрафта «Герберт Уэст — реаниматор». Впрочем, Кинг ни тогда, ни потом не боялся обвинений в плагиате.

Естественно, за рассказ Стивену не заплатили, а деньги ему были нужны, как никогда. По совету матери он подал в правительство штата прошение на ссуду в размере 1500 долларов — столько стоил первый год обучения в Мэнском университете. Чтобы оплатить колледж, который был также подготовительным отделением университета, Стивен пошел трудиться на ткацкую фабрику «Варумбо» в Лисбон-Фоллс — «говенный сарай, нависающий над грязной речкой Андроскоггин, как работный дом из романов Диккенса». Утром он бежал в школу, а после уроков нехотя плелся на фабрику, где до вечера запихивал в мешки готовую ткань. Уже через месяц он так устал, что собирался все бросить и добровольцем отправиться во Вьетнам. В том самом 1965 году администрация Джонсона, сменившего убитого Кеннеди, отправила в эту страну полмиллиона солдат для защиты «свободы и демократии». Кинг, который называет доверчивость своим главным недостатком, на первых порах искренне верил в справедливость этой войны. Прочитав

Хемингуэя, он всерьез планировал собрать на фронте впечатления для будущих книг. Его мать мыслила куда трезвее: «С твоими глазами тебя убьют в первом же бою, Стивен. А мертвый ты уже ничего не напишешь».

Ее слово оказалось решающим — оставив мечты о подвигах, Кинг покорно продолжал тянуть лямку на фабрике. Летом его перевели на более квалифицированную работу — красить сукно. В «Как писать книги» он восклицает: «Приятно думать, что до сих пор у кого-нибудь в шкафу висит пиджак, покрашенный вашим покорным слугой!».[11] Правда, его по молодости не взяли в команду, которой предстояло очистить до предела захламленный фабричный подвал. Те, кто там побывал, рассказывали, что видели крыс размером с кошку — да что там, с собаку! Год спустя фантазия Кинга преобразила эти байки в рассказ «Ночная смена», за который мужской журнал «Холостяк» в августе 1970-го заплатил ему 200 долларов — первый в его жизни серьезный гонорар. Тогда же он начал писать более серьезную вещь — роман «Последствия» о жизни американцев, уцелевших после ядерной войны. Роман вырос до сорока страниц, но потом надоел автору и был заброшен. Позже он стал зерном, из которого выросла масштабная эпопея «Противостояние».

Осенью 1965-го Стивен поступил в колледж, а потом и в университет. Главный его кампус находился в Ороно рядом с Бангором — главным городом Восточного Мэна. Тогда, как и сейчас, его население достигало примерно 30 тысяч человек. Если Портленд всегда был крупным портом, то благосостояние Бангора, стоящего на реке Пенобскот, целиком основывалось на переработке и сплаве древесины. Главным местным героем стал знаменитый лесоруб Пол Бэньян, громадная пластиковая статуя которого была воздвигнута перед городским Общественным центром. Эта статуя попала в роман «Оно», как и другие приметы Бангора, который под пером Кинга превратился в зловещий Дерри. Впрочем, город ему понравился — он был не таким шумным и равнолушным, как Портленд, но и не таким захолустным, как городки его детства. Быть может, уже тогда Кинг решил поселиться в Бангоре. Во всяком случае, покидать Мэн он не планировал никогда — удивительная усидчивость для нации, представители которой меняют место жительства легче, чем автомобиль.

Свою университетскую жизнь Кинг подробно описал в романе «Сердца в Атлантиде». Все было именно так — в кампус он приехал на стареньком «бьюике», капот которого украшала наклейка «Я голосовал за Голдуотера». Напомним, что 60-летний сенатор Барри Голдуотер был тогда символом реакции и самым

твердым сторонником вьетнамской войны. Через полгода наклейка сменилась другой: «Ричард Никсон — военный преступник». К этому времени Стивен уже ходил на антивоенные демонстрации, отрастил длинные волосы и бороду и пару раз побывал в полиции. Кроме этого, он попробовал «травку», пережил период увлечения картами (также отраженный в романе) и лишился девственности с одной из мимолетных подружек. То же происходило тогда с большинством студентов — по Америке шагала молодежная революция с ее триединым лозунгом «секс, наркотики, рок-н-ролл».

Надо сказать, что Кинг с его здоровой провинциальной закваской ничем из названного не увлекался сверх меры. Он не примкнул к «детям-цветам», не занялся «расширением сознания» с помощью ЛСД и мухоморов, не вступил в какую-нибудь из групп «революционного действия». Мао и Че Гевара никогда не были его героями. И все же он вел активную общественную жизнь — был избран в студенческий сенат (так назывался орган самоуправления) и вел в газете кампуса еженедельную колонку под поэтичным названием «Мусоровоз». Университет, как и большинство американских вузов, сотрясала антивоенная кампания, в которой слились в экстазе хиппи, рокеры, анархисты и секс-меньшинства. Летом 1967 года по крупным городам прокатилась волна негритянских бунтов. В Мэне негров почти не было, но эмиссары известной организации «Черные пантеры» приезжали в университет вербовать сторонников. На встрече с ними Кинг проявил здравомыслие, спросив: «Неужели вы правда верите, что воротилы большого бизнеса обсуждают с генералами из Пентагона, как бы им сжить со света еще парочку чернокожих?» «Пантеры» растерялись, но соученики Кинга вступились за них, вытолкав оппортуниста с собрания.

Впрочем, Кинг вместе со всеми подписывал петиции, ходил на демонстрации, стоял в пикетах. Возмущаться было чем — во Вьетнаме ежедневно погибали десятки американцев, в апреле 1968-го был застрелен «апостол ненасилия» Мартин Лютер Кинг, а в июне — брат и политический преемник президента Кеннеди Роберт. В мае заполыхал Париж, и появилось ощущение, что молодежная революция охватывает весь мир. Тут как тут подоспели Мао со своими хунвэйбинами и модный философ Маркузе, объявивший студенчество «новой революционной силой». В августе полиция жестоко расправилась со студентами в Чикаго. В апреле 1970-го американские войска вторглись в нейтральную Камбоджу, а 4 мая национальная гвардия открыла огонь по возмущенным этим студентам Кентского университета в Огайо, убив четырех человек. Однако в то время единая волна

протестов уже достигла вершины и рассыпалась миллионами брызг-судеб, замкнувшихся в поисках благополучия или в наркотическом бреду.

Позже Кинг вспоминал: «Сейчас трудно передать манию преследования, охватившую нас тогда вместе с гневом перед лицом того, что принимало масштабы национального безумия. Вы не знаете, каково было заходить в бакалею на Вестгейт-Молл и слышать от покупательниц презрительные вопросы: «Почему ты не подстригаешься? Почему ты не во Вьетнаме? На что ты годен?» Когда я приехал домой из колледжа, у нас гостила одна из моих теток из Массачусетса. Я был в кухне, а моя мать и тетка сидели в гостиной. Я слышал, как тетка сказала: «Почему ты не скажешь ему, чтобы он обрезал свои волосы или убирался? Он выглядит как девчонка и говорит все эти вещи против правительства». Моя мать ответила: «Я не согласна с ним, но он делает то, что считает правильным и он достаточно взрослый, для того чтобы думать самостоятельно». Мои глаза наполнились слезами, и я выбежал вон».

Правда, большинству студентов эти терзания были чужды. В провинциальном Мэнском университете даже в бурном 1968-м было относительно спокойно, и желающие могли ходить на лекции. Кинг достаточно хорошо изучил англо-американскую литературу двух последних веков — об этом говорят разбросанные по его текстам цитаты, явные и скрытые. Кстати, он остается одним из немногих американских писателей с филологическим образованием — у остальных оно простирается в диапазоне от юриста (Джон Гришем) до полицейского (Джозеф Уомбо). Темой его выпускного диплома было творчество Стивена Крейна — сгоревшего от туберкулеза автора «Алого знака доблести», одного из лучших романов о войне. В июне 1970 года Кинг покинул стены кампуса в Ороно, куда вернулся пять лет спустя, уже как лектор.

Все время учебы он продолжал писать и печататься. Конечно, мать посылала ему деньги, но их было мало. Кинг получал стипендию штата, которая покрывала стоимость учебы и отчасти питания. Однако нужно было платить за комнату в пансионе Эда Прайса (он быстро понял, что в общежитии спокойно заниматься невозможно) и за скромные студенческие удовольствия вроде пива и кино. Увы, зарабатывать на жизнь литературой было нелегко. Еще на первом курсе, осенью 1966-го, Кинг написал роман «Длинный путь» (Long Walk, в другом переводе — «Долгая прогулка»). Сюжет был типичным для тех лет — тоталитарная Америка будущего, где любовь к всевозможным шоу выродилась в жестокую забаву. Сотню юных добровольцев заставляют идти по

дороге спортивным шагом, упавших пристреливают («выписывают пропуск»), а единственного победителя награждают по-царски. В узкое пространство небольшого романа — скорее даже повести — автор умудрился втиснуть сотню персонажей, каждый из которых выделялся хотя бы маленькой запоминающейся черточкой. Здесь уже было все, что характерно для Кинга-писателя — яркие характеры, грубоватый простонародный язык и обилие кровавых сцен. Было и еще одно «ноу-хау» — действие романа происходило в Мэне, и там же жил главный герой — Рэй Гэррети, единственный выживший на Длинном пути.

Подростки участвуют в шоу по разным причинам — в основном, чтобы разбогатеть. Гэррети сам не знает, зачем отправился в путь. Быть может, чтобы почти невероятной победой отомстить распорядителю игры, всесильному Майору, как-то связанному с Эскадроном — карательной структурой, убившей отца героя. Сила Гэррети в том, что в смертельной гонке он не отгораживается от товарищей, как многие участники Длинного пути. Он готов делиться последним куском, глотком воды, и под конец им двигает уже не ненависть, а любовь к матери и подруге Джен, которые ждут его дома. Один за другим мальчишки получают «пропуск», и Гэррети остается вдвоем со Стеббинсом — внебрачным сыном Майора, который с улыбкой смотрит на гибель товарищей. Этот бездушный эгоист становится для героя роднее матери — ведь они вместе прошли через ад. Стеббинс умирает от непосильной нагрузки, но Гэррети не слышит ни приветственного рева толпы, ни поздравлений Майора. Он уверен, что идти еще далеко, и похоже, остановиться ему уже не удастся. Любые игры с тоталитарной машиной обречены на проигрыш — такова нехитрая мысль романа, настроением похожего на «1984» Оруэлла.

Кинг отправил «Длинный путь» в крупное издательство «Рэндом Хауз», но в очередной раз получил отказ. Это заставило его прервать работу над другим романом, начатым еще в колледже. Вначале он назывался «Смириться с этим» и рассказывал о школьнике, застрелившем учительницу и взявшем в заложники своих товарищей. Роман, позже дописанный и получивший название «Ярость» (Rage), был куда слабее «Длинного пути» — подростковое бунтарство, приправленное незрелыми философскими рассуждениями в духе Ницше. В те годы подобные произведения писали и читали очень многие, и Кинг отличался от них лишь одним — наличием живого и симпатичного героя.

Да, Чарли Деккер вызывает симпатию, хотя он избил учителя, надерзил директору школы, а потом принес из дома отцовский

пистолет и застрелил еще двоих учителей. Он «прочел слишком много книг» и с детства привык задавать вопросы, на которые взрослые отвечали только запретами и наказаниями. Ответом Деккера становится бунт — яростный, не разбирающий правых и виноватых. В захваченном классе он устраивает коллективный сеанс психоанализа, заставляя соучеников раскрывать свои тайны и каяться в грехах. Даже затевает между ними что-то вроде гладиаторских боев. В этих условиях школьники делятся на группы — одни пытаются договориться с Чарли, другие лебезят перед ним, третьи встают на его сторону, проявляя пресловутый «стокгольмский синдром». В конце концов герой отпустил заложников, был арестован и помещен в психушку — очевидно, на всю жизнь. Там он все еще пытается бороться: «Мне дают заварной крем, я давлюсь им, но ем. Терпеть не могу заварной крем, а они думают, я люблю его. Значит, у меня опять появился секрет, и это здорово».[12]

Роман вышел только в 1977 году, а вскоре американские школы охватила эпидемия стрельбы в классах. Писателя пытались обвинить в том, что стрелявшие подражают его герою. Он возражал: подросткам не обязательно искать в библиотеках его полузабытый роман — достаточно посмотреть телевизор. Однако «Ярость» с тех пор невзлюбил и при издании отдельной книгой отдал своему двойнику Бахману (о нем мы поговорим позже). В 1999 году, после трагедии в Колумбусе, где два школьника расстреляли дюжину своих товарищей, он решил больше никогда ее не издавать.

Но это было еще не все. В одном из интервью Кинг упоминал, что до 1973 года написал целых пять романов — «два плохих, один так себе и два вполне пристойных». «Так себе» был роман «Бегущий человек», в итоге тоже доставшийся Бахману. К плохим относились «Блейз» и «Меч во тьме», которые так и не увидели света. Надо сказать, что ни один из них не относился к «ужастикам» — в ту пору Кинг еще планировал войти в большую литературу и тяготел к социально значимым сюжетам. Начатый весной 1970-го «Меч во тьме» повествовал о банде подростков, которые с целью вволю пограбить магазины пытались устроить расовые беспорядке в городе Гардинге — кинговской версии Детройта. Этот роман был доведен почти до конца, но в итоге заброшен, как и более поздний «Блейз», повествовавший о бандите-толстяке, который похитил ради выкупа маленькую девочку. Кинговский «Вождь краснокожих», естественно, кончился плохо — несчастный Блейз полюбил малышку и был застрелен, когда честно пытался вернуть ее родителям.

В ту пору Кинг предпочитал рассказы — главным образом

потому, что их было легче пристраивать в журналы. Особенно мужские, которые тогда еще разбавляли фото раздетых девиц беллетристикой. Часть рассказов была откровенной халтурой, другие отличались занимательным, но явно надуманным сюжетом. «Приличные» издания печатали Кинга по-прежнему неохотно — только в 1969 году фантастическое обозрение «Стартлинг мистери сториз» опубликовало рассказ «Стеклянный пол», заплатив за него $35. Этот рассказ сам Кинг считает удачей, хотя он тоже подражал готическим романам — его герой Вартон приезжает в зловещий викторианский особняк, чтобы узнать причину смерти своей сестры. Оказалось, что она случайно попала в комнату с зеркальным полом, где человек теряет ощущение пространства. После чего упала с высоты (непонятно откуда взявшейся) и разбилась. То же случилось с ее братом, и ощущения, пережитые им в дьявольской комнате — самое удачное место довольно слабого рассказа.

После удачи со «Стеклянным полом» новых рассказов долго не печатали, хотя Кинг отправлял их в редакции с завидной регулярностью. Путь молодого литератора явно не был усыпан розами, и периодически ему являлась в голову мысль заняться чем-нибудь другим. Но чем? Физический труд не был его стихией, к изобретательству он, в отличие от брата Дэвида, склонности не имел. Кое-как научился играть на гитаре, но этого явно не хватало, чтобы стать рок-звездой. Рисование не давалось ему со школы. Оставалось только писательство — весь вопрос был в том, как обратить его на пользу себе, а заодно и людям.

3. Таланты и поклонник

К концу шестидесятых Кинг накопил почти весь багаж впечатлений, повлиявших на его творчество. Вначале пришли детские страхи, потом — комиксы и книжки о приключениях. С 1958 года их сменили кинофильмы, которые, по признанию самого СК, целых десять лет были для него главным в жизни. Как минимум дважды в неделю он посещал кинотеатры Льюистона, где смотрел все подряд — мюзиклы, боевики, диснеевские мультики. При этом его любимцами оставались малобюджетные ужастики класса «В» наподобие знаменитой «Твари из Черной лагуны» — тварь играл аквалангист, кое-как замаскированный черным резиновым костюмом. В других картинах «блистали» надувные динозавры, злобные пластиковые марсиане и гигантские жуки, которые ни с того ни с сего набрасывались на бедных землян. Убогие сюжеты, тогда еще не скрашенные

компьютерной графикой и спецэффектами, вызывал справедливые насмешки критики. Но Кинг смотрел на экран во все глаза. В «Как писать книги» он вспоминает о своих тогдашних чувствах: «К черту милое, к черту воодушевляющее, к черту Белоснежку с ее семью занюханными гномами! В тринадцать лет мне нужны были чудовища, пожирающие целый город, радиоактивные трупы, выходящие из океана и поедающие серфингистов, девки в черных лифчиках, похожие на шоферских подстилок».[13]

Главным для Кинга в фильме всегда был — и остается — напряженный сюжет. Речь может идти о преступлении, о войне рокерских банд или о нашествии инопланетян. Важно только, чтобы зритель не подозревал, что случится в следующую минуту. Поэтому СК остался в общем-то равнодушным к знаменитому саспенсу — старательному нагнетанию напряжения в фильмах Хичкока («сейчас, вот сейчас случится что-то страшное»). Хотя авторитет мэтра признавал и считал сцену в душе из «Психо» одной из самых страшных в истории кино. Не увлекали его и масштабные эпопеи от «Бен-Гура» до «Звездных войн» — слишком уж там все было расчислено и предсказуемо. Нелюбовь к эпосу сыграла дурную службу, когда писатель сам взялся за эпическую историю Темной Башни.

Пересмотрев практически все ужастики, снятые до начала 70-х годов, Кинг мог смело считать себя экспертом по этой части. Что и доказал, написав позже книгу «Пляска смерти» — подробный разбор книг и фильмов ужаса, много говорящий не только о жанре, но и о самом авторе. В ее начале он описал свой первый подлинный ужас, пережитый в октябре 1957-го в кинотеатре Стратфорда, когда посреди фантастического фильма «Земля против летающих тарелок» погас свет, и детям объявили, что русские запустили в космос первый спутник. Это было страшно, поскольку нарушало убежденность в могуществе США и незыблемости американского образа жизни. Кинг пишет: «Мы, дети войны, оказались плодородной почвой для семян ужаса; мы выросли в странной, почти цирковой атмосфере паранойи, патриотизма и национальной гордости. Нам говорили, что мы величайшая нация на Земле и что любой разбойник изза железного занавеса, который попытается напасть на нас в огромном салуне внешней политики, узнает, у кого самый быстрый револьвер на Западе».[14]

Обстановка холодной войны и шпиономании создавала в общественном сознании парадоксальный сдвиг. Наращивая небывалое в истории благосостояние, американцы в то же время убеждались, что в любой момент могут его лишиться. Жанр

ужасов играл важную роль, замещая реальные опасности вымышленными — или, по крайней мере, маловероятными, как вторжение космических пришельцев. Кинг писал в «Пляске смерти»: «За последние тридцать лет поле ужасного расширилось и теперь включает не только личные страхи. За этот период (а в несколько меньшей степени и в течение семидесяти предшествующих лет) жанр ужаса отыскивал критические точки фобии национального масштаба, и те книги и фильмы, которые пользовались наибольшим успехом, почти всегда выражали страхи очень широких кругов населения и играли на них. Такие страхи — обычно политические, экономические и психологические, а отнюдь не страх перед сверхъестественным — придают лучшим произведениям этого жанра приятный аллегорический оттенок».[15]

В то же время Кинг хорошо понимает, что страх перед внешней угрозой — советскими бомбами или инопланетными «лучами смерти» — скрывает под собой ужас более глубокого уровня, таящийся в душе человека. Фрейд первым нащупал источник этого ужаса, назвав его «подсознанием». Но это лишь часть правды — возможно, ближе к истине были церковники, говорившие о вселении в людей нечистого духа. Иначе трудно объяснить, почему из подсознания вырываются наружу именно разрушительные инстинкты, превращающие обычных граждан в убийц и маньяков. Дьявол в разных обличьях нередко присутствует в романах Кинга, но чаще его заменяет тот же монстр из шкафа — Безымянная Тварь с покатыми плечами и злобно горящими глазами. Это самый древний, архетипический источник страха, отправляющий нас в прошлое, к первобытным временам. «Ужас не интересуется цивилизованной оболочкой нашего существования. Это танец сквозь помещения, где собрано множество предметов мебели, каждый из них символизирует нашу социальную приспособленность, наш просвещенный характер, в поисках иного места, комнаты, которая порой может напоминать камеру пыток испанской инквизиции, но чаще всего — грубую нору пещерного человека».[16]

Сильнее всего нас пугают непонятные явления, скрытые под маской обыденности. Оборотень, вдруг превращающийся в волка, гораздо страшнее, чем настоящий волк. Хорошо понимая это, Кинг — как и многие другие авторы — предпочитает изображать тех же инопланетян не громящими земные города с воздуха, а завладевающими ими изнутри, тихой сапой. Конечно, опасность стать томминокерами из одноименного кинговского романа нам вряд ли грозит, зато более чем реален шанс включиться в массовый психоз и совершить вместе с толпой то, за то потом

будет отчаянно стыдно. «Если все мы безумны, — замечает писатель, — значит, безумие конкретного человека — лишь вопрос степени… Потенциальный линчеватель сидит почти в каждом из нас (я исключаю святых, прошлых и нынешних, но все святые тоже были посвоему безумны), и время от времени его приходится выпускать покричать и покататься по травке».[17]

Давно доказано, что о таких внутренних угрозах — «карманных страхах» — люди начинают думать при отсутствии внешних. Отчасти это объясняет, почему модернизированный жанр horror расцвел именно в США — стране, жители которой большую часть XX века наслаждались миром и процветанием. В России, населению которой постоянно угрожали внешние враги или собственные власти, он был почти неизвестен — несмотря на потребность в нем, которую время от времени порождало индивидуальное сознание. Если у коллектива страхи общие и, как верно подметил Кинг, социальные, то личность наедине с собой боится совсем других вещей. Боится болезни, смерти, безумия, потери близких и даже буки, сидящего в шкафу. Кинг умело препарирует все эти страхи, выступая, по его собственным словам, психоаналитиком наборот. «Этим парням платят за то, что они развеивают людские страхи, а мне — за то, что я их укрепляю». Вероятно, нужно и то, и другое — «мы описываем выдуманные ужасы, чтобы помочь людям справиться с реальными».

Сила Кинга заключается в том, что он четко понимал свою общественную функцию и старается (во всяком случае, старался до начала девяностых) не выходить за ее пределы. «Читая ужастики, — доверительно сообщает он публике, — вы всерьез не верите в написанное. Не верите ни в вампиров, ни в оборотней, ни в грузовики, которые вдруг заводятся сами по себе. Настоящие ужасы, в которые мы верим, — из разряда того, о чем писали Достоевский, Олби и Макдональд. Это ненависть, отчуждение, старение без любви, вступление в непонятный и враждебный мир неуверенной походкой юноши. И мы в своей повседневной реальности часто напоминаем трагедийно-комедийную маску — усмехающуюся снаружи и скорбно опустившую уголки губ внутри. Где-то, безусловно, существует некий центральный пункт переключения, некий трансформатор с проводками, позволяющий соединить эти две маски. И находится он в том самом месте, в том уголке души, куда так хорошо ложатся истории ужасов».[18]

В сочинениях Кинга критики находят все пласты ужаса, последовательно освоенные человечеством. Первый — бессознательный первобытный страх, относящийся ко всему, что находится за пределами круга света от горящего костра. Второй

— ритуальный страх перед духами, мстящими за нарушение принятых правил (на нем основано большинство суеверий и примет). Третий — мифологический страх перед силами Зла, к которым относятся и христианский дьявол, и чуждые нашему пониманию инопланетяне. Четвертый — социальный страх перед карающей властью или, напротив, бунтарской стихией толпы. Пятый — страх перед выходящей из-под контроля цивилизацией с ее техническими, атомными и генетическими игрушками. Вспомните прочитанные вами книги СК — и вы без труда найдете в каждой один, а то и несколько этих пластов.

Ужас № 1 появляется чаще всего и пронизывает всю ткань повествования, безотказно действуя на читателя. Как ни странно, этот древнейший ужас проник в литературу только в XX веке — во многом благодаря старику Фрейду. До этого его можно было распознать только в записях сказок примитивных племен. Сказки и предания других народов (в том числе русские) имели дело с ужасом № 2 — «не пей, козленочком станешь», «не открывай эту дверь, за ней Баба Яга». Со времен античности в словесности возобладал ужас № 3, породивший полчища чертей, ведьм и вурдалаков, а в отраженном виде — властелина колец Саурона с бригадой Черных Всадников. «Век просвещения» погасил веру в метафизическое Зло, но не освободил людей от страха — теперь они боялись гильотины, танков, концлагерей и прочих милых примет народившегося супергосударства. Почти одновременно родился ужас перед наукой, пришедший в литературу с «Франкенштейном» Мэри Шелли. В новом сознании «безумный изобретатель» заменил дьявола, насылающего на людей всевозможные беды. В эпоху романтизма ожили и мифологические страхи прошлого, хотя теперь их пытались порой объяснить рационально.

К середине XIX века все было готово к появлению отдельного жанра литературы ужасов. Его черты находят в творчестве Эдгара По, Гофмана и даже Гоголя, однако здесь чистый horror растворен в романтическом субстрате — оттуда явились и чародеи, и бледные призраки, и разрытые могилы под луной. В сгущенном виде все это предстало в готических романах Энн Рэдклиф и Мэтью Льюиса, ныне прочно забытых — даже Кинг, кажется, знаком с ними весьма плохо. Оказалось, что простого нагромождения ужасов — а в «Монахе» того же Льюиса их больше, чем в любом романе СК — недостаточно, чтобы впечатлить читателя. Как ни странно, более долговечным оказался маленький и довольно неумелый роман 19-летней Мэри Шелли — там присутствовала атмосфера ужаса, действующая сильнее, чем смачные описания окровавленных трупов и

раскрытых гробов. «Эта скромная готическая история, которая в первом варианте едва занимала сто страниц, превратилась в своеобразную эхокамеру культуры».[19]

В «Пляске смерти» Кинг уделяет большое внимание «Истории доктора Джекила и мистера Хайда» Стивенсона, хотя обычно ее не включают в обзоры литературы ужасов. В ней есть новаторская для своего времени и очень важная для самого СК тема двойника. Почтенный лондонский врач Джекил превращается в мистера Хайда из викторианского лицемерия — «он хочет пьянствовать и развлекаться, но при этом ни одна самая грязная уайтчепельская проститутка не должна подозревать, что это доктор, в глазах всех подобный святому». Хайд не просто мерзок на вид — это настоящий монстр, топчущий упавшего ребенка и убивающий беспомощного старика «с обезьяньей злобой». Автор явно намекал на историю Джека-Потрошителя, который, по мнению большинства, тоже был «джентльменом из общества» и более того, врачом (кто еще смог бы так аккуратно освежевать несчастных жертв?) Результат предсказуем — отвратительный двойник берет верх над своим создателем и приводит его к гибели. Романтичный и далекий от науки Стивенсон предвосхищает вывод доктора Фрейда — в каждом из нас сидит Зло, готовое вырваться наружу и натворить бед.

Но истинное рождение жанра произошло в 1897 году, когда 50-летний журналист-ирландец Брэм Стокер издал роман «Граф Дракула». До этого темы вампиров и средневекового злодея Влада Цепеша-Дракула существовали в литературе раздельно и считались отголоском давно забытых суеверий. Объединив и осовременив их, Стокер набрел на золотую жилу — он открыл, что древнее Зло живо и ходит рядом. Более того, он показал привлекательность этого Зла, обаяние Дракулы, которому мало кто способен противостоять. Был использован эффект остранения — вампир появился в начале романа и исчез почти до самого конца, нагнетая нервозность у героев и читателей. «Стокер создает своего страшного бессмертного монстра как ребенок — тень гигантского кролика на стене, шевеля пальцами перед огнем».[20] Роман имел мощную сексуальную подоплеку, шокирующую викторианских читателей — Дракула пользовал в основном молодых женщин, и то же делали с мужчинами его бессмертные сестрички, ставшие в рассказе Кинга «смиренными сестрами Элурии». В дальнейшем Стокер попытался освоить и другие сферы ужасного, по очереди подставляя на роль Дракулы оборотней, мумий и пришельцев из космоса (в чем проявил изрядное новаторство). Однако попаданий в яблочко больше не было.

В эпоху декаданса жанр развивался на стыке реанимации мифологических страхов и обращения к зловещим тайнам подсознания. Первую линию развивали французские и русские символисты, а позже Булгаков в «Мастере и Маргарите», хотя этот напугавший многих роман не имел никакого отношения к ужасам. Вторую — Оскар Уайльд в «Портрете Дориана Грея» и Мопассан в «Орля». Не стоит забывать и Конана Дойля, который мастерски нагнетал ужасы, хоть и объяснял их реалистически (как в «Собаке Баскервилей» или «Номере 249»). В 20-е годы обе линии соединились в творчестве литераторов «пражской школы» — Кафки, Майринка, Лео Перуца с примкнувшим к ним, хотя во многом противоположным Гансом Эвертсом. Впервые за много лет они отказались как от всякого рационального объяснения событий (ну как, скажите, Грегор Замза мог превратиться в жука?), так и от их морального обоснования. Бессмысленное и уродливое Зло правит бал в их мире, и только у оккультиста Майринка оно оправдано тем, что переплавляет человека в иное, высшее существо. В кино ту же идею выразил Фридрих Мурнау — автор первых и во многом непревзойденных фильмов ужаса о вампире Носферату и безумном докторе Калигари.

В англо-американский мир эти веяния еще долго не проникали. В подточенной мировой войной Англии возобладали технологические страхи Уэллса и социальные Оруэлла. Зато в нетронутой и благополучной Америке расцвел странный талант Говарда Филипса Лавкрафта. Родившийся в 1890 году мизантроп и нелюдим создал в своих малотиражных историях целый мир ужаса. Он описал Великих Древних богов — Ктулху, Дагона, Йог-Сотота, Ньярлатхотепа — когда-то заточенных врагами в земных и океанских недрах, но мечтающих вырваться оттуда. Эти кошмарные создания, описанные в выдуманном писателем «Некрономиконе» безумного араба Аль-Хазреда, являются причиной всего зла в мире. Им служат адепты из числа «цветных» (Лавкрафт был отчаянным расистом) и чудовищные расы людей-лягушек, людей-крыс и людей-пауков. Недалек час, когда Великие Древние выйдут на поверхность и уничтожат все живое на Земле, как было уже не раз.

Эта мифология впечатляет — несмотря на картонность героев, нелепые диалоги и неправдоподобные сюжеты, читать Лавкрафта по-настоящему страшно. Он нагоняет ужас не только бесконечным повторением эпитетов «кошмарный» и «омерзительный» (хотя и без этого не обходится), но и каждой черточкой изображенного им пейзажа. Вот, к примеру, отрывок из рассказа «Дагон»: «В воздухе и гнилой почве было что-то зловещее, вселявшее дрожь. Возможно, не стоит пытаться описать

обычными словами предельный ужас, таящийся в полной тишине и беспредельной пустоте. Не было никаких звуков, и глаза не видели ничего, кроме этой черной грязи; эта унылая картина в сочетании с безмолвием породила во мне тошнотворный страх». Кинг не раз подсмеивался над «заплесневелыми ужасами» Лавкрафта, но обязан ему, пожалуй, больше, чем любому другому писателю.

В кризисные 30-е годы Лавкрафт был не слишком популярен — у американцев хватало реальных проблем. Основав журнал «Жуткие истории» (Weird Tales), он сплотил вокруг себя кучку эпигонов во главе с Августом Дерлетом, которые после смерти основателя в 1939 году понесли знамя ужасов дальше. Сам Лавкрафт, отвергавший американскую культуру, находил единомышленников только за океаном. Одним из них был валлийский писатель Артур Мэчен (у нас его часто называют Макен). Он принадлежал к кружку оккультистов «Золотая Заря» вместе с Йетсом и «Великим Зверем» Кроули, но быстро расплевался с ними и занялся писательством. Странные рассказы Мэчена повествовали о вторжении в жизнь людей некоей силы — то ли древних эльфов, то ли фантомов больного воображения. В отличие от Лавкрафта, он не описывал подноготную этой силы, но не хуже его умел изображать слепое Зло, с которым бессмысленно бороться — отруби голову, вырастет другая.

Кроме Мэчена, Лавкрафт считал своими единомышленниками лорда Дансени и Элджернона Блэквуда. Первый, горделивый британский аристократ, писал от скуки фантастические истории с элементами ужасного. Второй тоже родился в Англии, но в поисках приключений отправился в Америку, где был фермером, вышибалой в баре и золотоискателем на Аляске. На заре XX века вернулся на родину и начал печатать рассказы, где британские истории о привидениях удачно сочетались с американским фольклором — кстати, именно Блэквуд первым из литераторов упомянул об «ужасном снежном человеке», якобы живущем в лесах Дикого Запада. У всех этих писателей хватало эпигонов, хотя в целом их творчество считалось маргинальным. При этом, в отличие от Штатов, им наслаждались не массовые читатели, а узкий круг посвященных — чаще всего с оккультной подоплекой. Достаточно сказать, что Мэчен и Блэквуд входили в знаменитый мистический орден «Золотая заря», вместе с магом-сатанистом Алистером Кроули. Нечто подобное происходит и сейчас, когда новоявленные мистики «дописали» книгу выдуманного Аль-Хазреда и даже сочинили заклинания, вызывающие лавкрафтовских демонов. С Кингом ничего подобного не

происходит — прежде всего потому, что он не создал единой мифологии, хотя в последние годы ее контуры отчетливо просматриваются за громадой Темной Башни.

После Первой мировой войны развитие жанра в Европе прекратилось, задавленное мощным американским влиянием. На других континентах оно и не начиналось — в тамошней словесности еще господствовали страхи социального, а то и мифологического уровня. Исключением была Южная Америка, где рафинированные авторы вроде Борхеса и Биоя Касареса усердно подражали европейской психологической прозе. Нечто подобное происходило в Японии, где черты horror stories прослеживаются в произведениях Акутагавы и Эдогавы Рампо (псевдоним последнего — транскрипция имени Эдгара По). В России, как уже говорилось, выдуманные ужасы не привились, поскольку хватало реальных. Робкие попытки реабилитации жанра появились только в конце века и оказались сугубо подражательными, как и все искусство того периода.

Своего расцвета horror достиг в Соединенных Штатах, получив мощную прививку фантастики. Еще до войны бесчисленные рассказы и комиксы изображали героев-космонавтов и мерзких инопланетных чудовищ; даже у Лавкрафта Зло часто приходило из космоса. При этом фантастика изначально была массовым жанром в отличие от ужасов, которые до середины XX века имели довольно узкий круг приверженцев и считались чем-то элитарным и мистическим. Это представление развеяли такие авторы, как родившийся в 1920 году Рэй Брэдбери. До того, как стать всемирно известным фантастом, он публиковался в «жутких» журналах и издательстве «Аркем Хаус», которое основал тот же Август Дерлет. Кинг не раз называл его своим литературным учителем, считая книгу Брэдбери «Что-то страшное грядет» образцовым романом ужаса. А всем известный «Вельд» вдохновил 15-летнего Стивена на написание его первого сохранившегося произведения — рассказа «Здесь тоже водятся тигры». Совсем недавно патриарх фантастики вернулся к истокам, посвятив последнюю книгу «Из праха восставшие» вампирам, привидениям и прочим монстрам. Правда, они не злые, а очень симпатичные, и люди несправедливо их обижают.

У Кинга были и другие фавориты в жанре НФ — например, трижды экранизированный роман Курта Сьодмака «Мозг Донована» (наш Александр Беляев переписал его под названием «Голова профессора Доуэля»). В романе ученый ведет эксперименты по поддержанию жизни мозга вне тела, используя для этого мозг погибшего миллионера. Мозг не только оживает, но и подчиняет себе ученого, совершая его руками всевозможные

преступления. В конце концов герою удается стряхнуть с себя чары и разбить бак с отвратительным мозгом, который умирает на полу лаборатории.

В фантастику дезертировал и Ричард Матесон — один из любимых авторов СК. Герой его романа «Удивительный уменьшающийся человек» (1955) вдруг начал уменьшаться. Повествование заполнено его столкновениями вначале с собственной кошкой, потом с пауками и, наконец, с инфузориями. В Советском Союзе переперли и этот сюжет — Ян Ларри сделал из него любимый многими роман «Необыкновенные приключения Карика и Вали». Там уменьшенных пионеров двое, они помогают друг другу и в конце концов находят выход из положения. У Матесона нет и следа подобного оптимизма — его Скотт Кери бесследно растворяется в дебрях микромира. Безжалостен и роман «Я — легенда», написанный уже после войны. Там описана вселенская катастрофа, превратившая всех людей в вампиров. Герой, случайно избегнувший той же участи, ведет беспощадную войну с живыми мертвецами — ночью прячется, а днем вбивает им колы в сердце. В конце концов он попадает в руки врагов и узнает, что был для вампиров такой же страшной легендой, какой они прежде были для обычных людей. Осознав, что на Земле родилась новая человеческая цивилизация, герой со спокойной душой идет на смерть — дорогу прогрессу!

Другой классик жанра, Роберт Блох, в конце 30-х перешел к триллерам и создал такой шедевр как «Психо» (точнее, «Психопат»), позже экранизированный Хичкоком. Родившийся в 1917 году Блох был учеником Лавкрафта, и его ранние произведения развивали «миф Ктулху». Поздние больше напоминают детективы, но и там мощно звучит «ужасная» тема. Разве Норман Бейтс из «Психо» не оборотень, притворяющийся скромным хозяином пансиона? В рассказе «Преданный вам Джек-Потрошитель» Блох перенес историю знаменитого убийцы на американскую почву. В романе «Шарф» впервые объяснил кровавые наклонности маньяка психическими травмами, полученными в детстве. «К моему удивлению, я обнаружил, особенно, если пишу от первого лица, что могу запросто стать психопатом, — писал Блох. — Я могу думать, как он, и могу разрабатывать способы имитации несчастных случаев. Вероятно, я бы процветал, выбрав карьеру серийного убийцы». При этом он отказывался считать себя автором ужастиков, предпочитая престижную карьеру в жанре детектива. Много лет он был президентом Ассоциации детективных писателей и умер от рака в 1994 году, опубликовав за месяц до этого свой некролог.

Военное и послевоенное время стало для литературы ужасов

мертвым сезоном. Кинг пишет: «Когда американцы сталкивались с реальным ужасом в собственной жизни, интерес к книгам и фильмам о страшном падал».[21] Однако вряд ли война стала потрясением для страны, на которую не упала ни одна вражеская бомба. Просто Америка в этот период была слишком занята — она впервые стала ведущим игроком на мировой арене и пробовала себя в роли сверхдержавы. Упиваясь оптимизмом и самонадеянностью, ее жители не хотели верить в ужасы, придуманные или реальные. Момент поворота наступил, как верно уловил СК, в середине 50-х, с запуском первого спутника, или даже раньше — когда советский атомный арсенал стал представлять реальную угрозу США. Тогда почва под ногами вновь стала зыбкой, и страхи прошлого вернулись.

В то время ужасы прочно отождествлялись с комиксами типа незабвенных «Баек из склепа». Однако в этом жанре работали и талантливые писатели наподобие Ширли Джексон. Эта уроженка Калифорнии, прожившая всего 45 лет до своей внезапной смерти в 1965-м, написала семь романов, почти неизвестных при ее жизни, но потом воспетых критикой. Самый знаменитый — «Призраки Хилл-Хауса», классическая история дома с привидениями, который «одиноко возвышается на холме, заключая в себе темноту; он стоит там уже восемьдесят лет и может простоять еще восемьдесят». Четверо смельчаков приезжают в дом, чтобы исследовать его тайны, но он подчиняет их душу и в конце концов губит. Особенность Хилл-Хауса — странная неправильность его геометрии, «все стены кажутся чуть длиннее, чем может вынести глаз». Это влияние Лавкрафта, который не раз писал о «мучительных для глаза неэвклидовых углах», одни мысли о которых могут свести человека с ума. Кинг позже наделил теми же чертами свои дома-призраки — дом Марстенов в «Жребии» и дьявольский номер отеля в рассказе «1408».

В том же духе написаны и остальные произведения Джексон. Роман «Мы всегда жили в замке» посвящен любви-ненависти двух сестер, чьи родители погибли по вине призраков. Роман «Солнечные часы» — история очередного проклятого дома, где дух погибшего часовщика оживает в одном из его творений и преследует близких, один из которых убил его. Перу писательницы принадлежит и классический рассказ «Лотерея» об Америке, впавшей в дикость после какого-то катаклизма. Там по-прежнему регулярно проходят лотереи, но теперь их победитель получает не круглую сумму, а смерть от рук односельчан. Жертва еще кричит: «Это нечестно!» — но собственные дети уже забрасывают ее камнями.

В шестидесятые написал свои первые романы родившийся в 1929 году Айра Левин. Если все остальные классики ужаса вышли из провинции, то Левин — дитя Нью-Йорка со всеми вытекающими последствиями. В его романах меньше бытовых деталей и экскурсов в прошлое, зато больше злой сатиры и пародии. Кинг, ценящий его весьма высоко, пишет: «Книги Левина сооружены так же искусно, как изящный карточный домик: тронь один поворот сюжета — и вся конструкция развалится. В романе саспенса Левин все равно что швейцарский хронометр; по сравнению с ним мы все — пятидолларовые часы, какие можн купить со скидкой».[22] Вершиной творчества Левина стал «Ребенок Розмари», экранизированный Поланским, но к тому же жанру примыкают и другие романы. К примеру «Степфордские жены», тоже известные недавней экранизацией с Николь Кидмен — трагикомический рассказ о женщинах маленького городка, которых мужья заменили на биороботов (так гораздо удобнее).

Ширли Джексон и Левин давно вписались в большую литературу, как и Брэдбери. Обласкан критиками Харлан Эллисон — автор ужастиков, из которых Кинг особенно ценит «Кроатоан», рассказ о странной цивилизации зародышей, выброшенных в нью-йоркскую канализацию. Тем не менее вплоть до 70-х годов жанр horror считался маргинальным, как дамский детектив в современной России. Конечно, книги читали, но обсуждать их в приличном обществе было не принято. Ни один роман ужасов не вошел в лист бестселлеров «Нью-Йорк таймс», не говоря уже о получении какой-либо премии. Имена Лавкрафта с его учениками Дерлетом и Лонгом были почти забыты, а Блоха знали только по хичкоковской экранизации. Это положение изменил Кинг, хотя вместе с ним или чуть позже в том же амплуа выступили талантливые и плодовитые авторы — Дин Кунц, Питер Страуб, Роберт Маккаммон.

Однако пионером нового расцвета жанра вновь выступила женщина — Анна Райс (в девичестве О'Брайен), родившаяся в 1941 году. После смерти маленькой дочери от лейкемии она заинтересовалась «миром непознанного», в том числе вампиризмом. В 1973 году был написан нашумевший роман «Интервью с вампиром», а потом — еще два десятка книг из жизни кровососов, включая знаменитого «Вампира Лестата». Талантливые, хоть и несколько сентиментальные произведения сделали Райс миллионершей. В отличие от Кинга, чьи знания о вампирах целиком основаны на романе Стокера, Райс изучила предания многих стран и собрала громадную библиотеку, посвященную отродью Дракулы. Благодаря ей вампирская тема, которая прежде казалась высосанной досуха (уж извините за

каламбур), забурлила вновь. В следующем десятилетии в ней отметился Брайен Ламли, придумавший нестандартный ход — в его пухлых романах вампиры стали солдатами холодной войны, сражаясь на стороне КГБ или ЦРУ.

Родившийся в 1945 году Дин Кунц стал писателем не сразу. Как и Кинг, он работал учителем, пока жена не предложила ему плотно заняться литературой, пока она обеспечивает семью. С одним условием — через пять лет Кунц должен стать знаменитым. Как ни странно, условие он выполнил и написал больше двадцати бестселлеров — в основном с «ужасным» уклоном. Зло в романах Кунца знакомо и предсказуемо — это те же вампиры, призраки, зомби, которые исправно пугают и едят почтенных обывателей. Характеры героев бледноваты, зато присутствует юмор, позволяющий прочитывать довольно толстые романы без зевоты. Более молодой (родился в 1952-м) Роберт Маккаммон дебютировал в 1978 году романом «Ваал», но известность пришла к нему пять лет спустя вместе с романом о вампирах «Они жаждут». Это писатель мастеровитый и энергичный, но на длинных дистанциях ему не хватает дыхания. Почти все его романы к середине «провисают», а вот рассказы у Маккаммона есть замечательные, ничуть не уступающие кинговским. Еще он проявил себя способным организатором, сколотив в 1986 году Ассоциацию писателей ужаса (HWA), куда сегодня входят 617 авторов из США и Великобритании.

В Англии жанр horror под американским влиянием достиг если не расцвета, то скромного процветания. Впрочем, влияние было взаимным — Страуб, например, начал писать романы ужасов на берегах Альбиона, а британская готическая проза вообще стояла у истоков всего направления. В 60-е годы там начали творить Роберт Эйкман и Рэмси Кэмпбелл, которые попытались соединить старинные городские легенды с мифологией Лавкрафта и американского кино. По мнению Кинга, их романы «символизируют то мрачное и тусклое место, в которое превратилась Англия во второй половине двадцатого века». К ним примкнул еще более американизированный Грэм Мастертон — автор почти сорока «ужастиков» с широким географическим охватом (действие одного из них происходит в Сибири). Джеймс Херберт, вписавший в историю фантастики свою «Дюну», тоже отметился в жанре ужасов, написав роман «Туман» (1975) — в нем из секретной лаборатории вырывается газ, превращающий людей в кровожадных маньяков. Кинг использовал ту же идею в своем «Тумане», а теперь и в недавнем романе «Мобильник». Что ж, он сам говорил, что запас сюжетов в пределах жанра очень ограничен. Главное — мастерство их

обработки.

В 80-е после долгого застоя на сцену британского «хоррора» вышел новый автор — родившийся в 1952 году Клайв Баркер. С тех пор он успел написать десять романов и три сборника рассказов, прославившись экранизированным опусом «Восставший из ада». Баркер — превосходный рассказчик и большой выдумщик, его эпопея «Имаджика» по фантастичности оставляет далеко позади кинговскую «Темную Башню». Не утруждая себя поиском правдоподобных объяснений, он громоздит друг на друга античных богов и оживших мертвецов, детей-мутантов и мерзких тварей из других измерений. Весь этот хаос распадается, как стеклышки калейдоскопа, и в память читателя врезаются только отвратительные сцены, которых у Баркера очень много (особенно он любит обмазывать героев экскрементами). Его романы лишены всяких моральных установок и сочувствия к героям, которых он походя смахивает с доски. Расхвалив Баркера в начале его карьеры, Кинг впоследствии отзывался о нем более сдержанно. Сегодня у него новый фаворит — Нейл Гейман, тоже англичанин, но давно уже живущий в Америке. Его нашумевшая книга «Американские боги» написана под явным влиянием Кинга, но в ней есть и темная готическая иррациональность, подвластная только англичанину. То же можно сказать о страшной сказке «Коралина», которую критик из «Гардиан» назвал «Алисой в Стране чудес», пропущенной через мясорубку психоанализа.

Какие бы яркие имена не появились на скрижалях horror'а, несомненно одно — именно благодаря Кингу этот жанр обрел широчайшую международную популярность и литературную респектабельность. Недаром его поклонники взяли моду назначать каждой стране «своего Кинга». В Англии на это почетное звание на равных претендуют Баркер и Кэмпбелл, во Франции — «король триллера» Жан-Кристоф Гранже, в Италии — автор мистического «Римского медальона» Джузеппе д'Агата. «Канадским Кингом» сегодня называют Чарльза Де Линта — автора многотомных семейных саг с мистическим уклоном, тонкого лирика, гладкопись которого неожиданно взрывается кровавыми сценами. Есть и «японский Кинг» — Кодзи Судзуки, автор жуткого в своем обнаженном минимализме «Звонка». Только в России положение безрадостное — мастера ужасов как не было, так и нет. На эту роль пытаются определить то сибиряка Юлия Буркина, то талантливого москвича Максима Чертанова, то совсем уж безвестных литературных поденщиков (не хочется называть имен). Все напрасно. Можно списать это на нашу целомудренность, но более вероятно, что российская жизнь пока

слишком полна реальных ужасов, чтобы добавлять к ней еще и вымышленные.

Хотя Кинг перечитал все страшные романы, какие мог найти (и до сих пор продолжает это делать), его восприятие жанра было сформировано не книгами, а комиксами и фильмами. То и другое появилось в конце 20-х и расцвело в условиях Великого кризиса. Кинг отмечает: «Когда преследуемые депрессией люди не могли позволить себе заплатить за радость поглазеть на девушек Басби Беркли, танцующих под мотив «У нас есть деньги», они избавлялись от своих тревог другим способом — смотрели, как в «Франкенштейне» бродит по болотам Борис Карлофф или как ползет в темноте Бела Лугоши в «Дракуле»».[23] Эти первые немые экранизации знаменитых сюжетов стали классикой киноискусства не благодаря своим достоинствам, а потому, что были наиболее явным выражением жанра horror. Не имея ничего из арсенала позднейшего кино — красок, звуков, спецэффектов — они были вынуждены действовать на зрителя «чистым» ужасом.

Потом, как уже говорилось, жанр пришел в упадок и «томился в темнице примерно до 1955 года. Время от времени он гремел цепями, но особого волнения не вызывал. И вот два человека, Сэмюэль Аркофф и Джеймс Николсон, с трудом спустились в эту темницу и обнаружили в ней ржавеющую денежную машину».[24] Эти двое основали компанию «Американ интернешнл пикчерз» (АИП), которая штамповала малобюджетные триллеры, мелодрамы, но главным образом фильмы ужасов. Ключ успеха АИП был в том, что она «она предложила миллионам молодых зрителей то, что те не могли увидеть дома по телевизору». То есть зловещих пришельцев, оборотней, гигантских пиявок и, конечно, Тварь из Черной лагуны. Эта последняя была героиней фильма Роджера Кормена, снятого в 1954 году за $15 тысяч. Хотя из-под резиновой шкуры чудовища отчетливо виднелись контуры человека, зрители в ужасе замирали, когда Тварь хватала очередную жертву. Этот «шедевр» стал первым в жизни семилетнего Кинга и запомнился ему навсегда, как часто бывает с первыми фильмами. Недавно он ожил в последней части «Темной Башни», где одетая в купальник Джулия Адамс, «девушка с потрясающими бу-бу», снова встречает в амазонских джунглях «чешуйчатую земноводную тварь, похожая на дегенератовполукровок Лавкрафта». Позже юный Стивен обмирал от фильмов того же Кормена, снятых (весьма приблизительно) по рассказам Эдгара По — «эдгарпошных», как говорили они с другом Крисом.

Фильмы АИП с их резиновыми монстрами были в основном предназначены для подростков — причем подростков не слишком

благополучных. По мнению небеспристрастного в этом вопросе Кинга, «сытый человек не может испытывать подлинный ужас». Однако уже тогда появились фильмы ужасов «для взрослых», где эффект достигался более тонкими средствами. Один из самых известных — «Люди-кошки» Вэла Льютона, позже довольно бездарно переснятый с Настасьей Кински в главной роли. В основе сюжета — охота «плохой» Симоны Саймон, которая временами превращается в хищного зверя, за «хорошей» любовницей ее мужа Джейн Рэндольф. Фильм полон шорохов, таинственных теней и вопросов «Кто здесь?» — заданных дрожащим от страха голосом. Он снят в 1948 году, еще до того, как Хичкок в совершенстве овладел приемами саспенса. Тем не менее, имя британского маэстро первым приходит на ум при упоминании киноужасов — в его картинах нет ни вампиров, ни неведомых тварей, но смотреть их страшно.

Кинг пишет: «Как правило, фильмы ужасов заглядывают внутрь человека, ищут глубоко укоренившиеся личные страхи — те самые слабые точки, с которыми каждый должен уметь справиться. Это привносит в них элемент универсальности и служит основой для создания подлинного искусства».[25] При этом в 50-е годы, как и позже, многие фильмы выражали социальные страхи. Тогда прославился фильм Дона Сигала «Вторжение похитителей тел» по роману Джека Финнея. Его сюжет потом много раз повторялся — в том числе и Кингом в «Томминокерах» и «Ловце снов». В милый городок Санта-Мира проникают инопланетяне, имеющие форму стручков. Постепенно они выращивают из себя копии горожан и заменяют последних — вероятно, убивая их или даже съедая. В финале последний уцелевший герой выбегает на автостраду и истошно кричит водителям проезжающих машин: «Они уже здесь» Вы слышите, они уже здесь!» Одни видели в романе и фильме аллегорию «красной угрозы», другие — страх перед тотальным контролем со стороны властей.

Конечно, в условиях вездесущей НТР не уменьшалось количество фильмов, спекулирующих на страхе перед наукой. Прежде всего речь шла об атомной энергии. Кинг писал: «Люди подозревали, что на другой стороне монеты — волосатая обезьянья морда, и боялись того, чем может обернуться атом, который по многим технологическим и политическим причинам не во всем поддается контролю».[26] Радиация в фильмах сплошь и рядом становилась причиной появления монстров — гигантских муравьев, жуков, креветок и просто кровожадных сгустков протоплазмы. Позже компьютеры и генетические эксперименты внесли свой вклад в копилку страшилок. На первый план все

более уверенно выходили ожившие механизмы — ужас достиг апогея в «Терминаторе», где роботы спровоцировали атомную войну, чтобы погубить человечество. Все завершилось киберпанковской утопией «Матрицы»: люди-овощи, питаясь компьютерными иллюзиями, снабжают энергией человекоподобные машины. Но это было потом, а в 60-е американцев пугали ожившими автомобилями. Стивен Спилберг в раннем фильме «Дуэль» изображает погоню громадного грузовика, где, похоже, нет водителя, за маленьким «шевроле» героя (из подобных сцен родилась кинговская «Кристина»).

Молодежный бунт 60-х принес обществу новые страхи, в которых фигурировали подростки — жестокие, неуправляемые, отвергающие привычные ценности. Многим они казались порождением Сатаны, что вызвало мгновенную реакцию создателей фильмов ужаса. Как раз тогда Роман Полански экранизировал культовый роман Айры Левина «Ребенок Розмари», а Уильям Фридкин — книгу Уильяма Питера Блэтти «Изгоняющий дьявола», где два священника пытались изгнать нечистого духа из девятилетней девочки. По словам Кинга, «это был фильм для всех родителей, которые с ужасом и болью осознавали, что теряют детей, и не могли понять почему. Если отбросить религиозную оболочку, каждый взрослый американец понимал, о чем говорит мощный подтекст этого фильма; всем было ясно, что демон в Риган Макнейл с энтузиазмом откликнется на приветственные возгласы Вудстока».[27]

В «золотой фонд» ужастиков вошли и другие фильмы конца 60-х, замешанные не на «черной» эстетике, а на отвращении. В первую очередь это «Ночь живых мертвецов» Джорджа Ромеро и ее сиквелы. Ромеро, познакомивший масссовое сознание с феноменом зомби, снял с жанра последние табу — он, например, показывает, как маленькая девочка убивает мать лопатой, а потом начинает пожирать ее. Разлагающиеся трупы были изображены так убедительно, что многие зрители спешно покидали зал, чтобы удержать внутри съеденный попкорн. Даже Кинг говорит: «В заключительных сценах ужас достигает такого масштаба, что аудитории просто трудно его выдержать».[28]

С тех пор ничего нового в жанре киноужасов не изобреталось — режиссеры просто использовали все более навороченные спецэффекты, изображая тех же зомби, вампиров и инопланетян. В середине 60-х ужасы проникли на ТВ — в основном в виде экранизаций старых комиксов и журналов наподобие «Жутких историй». Первым ужасным сериалом стал «Триллер», который показывали на Эн-Би-Си с 1960 по 1962 годы. «С точки зрения поклонников жанра ужасов, самым замечательным в «Триллере»

было то, что он все чаще и чаще брал за основу произведения тех писателей, которые начали выводить жанр из викторианских историй о призраках и поднимать его до уровня современных представлений о том, что такое рассказ ужасов и каким он должен быть».[29]

Почти одновременно появились «Внешние ограничения» на Эй-Би-Си и бесконечная «Сумеречная зона» на Си-Би-Эс, где несмотря на общий уныло-сентиментальный настрой тоже содержались элементы ужаса. После их успеха каждый телеканал обзавелся собственными «ужасными» сериалами. Нечто подобное появилось и в Англии — там в 1980 году был снят знаменитый «Дом ужасов Хаммера», через полтора десятка лет ставший первым ужастиком на российском ТВ. В следующем десятилетии настала очередь «Секретных материалов» продюсера Криса Картера, где под фантастической оболочкой скрывались типичные приемы ужастика (Кинг написал сценарий одной из серий под названием «Чинга»).

За последние три десятилетия литература ужасов (во всяком случае, в лучших своих проявлениях) была реабилитирована и понемногу влилась в мейнстрим. С кино этого не произошло — оно по-прежнему носит клеймо вторсортного, и во многом справедливо. Вампиры и оборотни раздражают уже не только критиков, но и зрителей. Даже такие мастерски сделанные картины, как «Интервью с вампиром» или «Вой», привлекли внимание лишь на короткое время. Ошеломило первое появление мастерски изготовленных инопланетных монстров в «Чужих» и «Хищнике», но потом и к ним привыкли, пока бесконечное копирование не вылилось в обыкновенную пародию («Чужой против Хищника»). В итоге выяснилось, что самым страшным монстром, как и прежде, остается человек. А самыми популярными фильмами ужасов этого периода стали «Молчание ягнят» с демоническим Хопкинсом и бесконечная «Техасская резня бензопилой», кровавые сцены которой сделаны на грани фола, но без всякого участия сверхъестественных сил.

Мощный удар по жанру нанесла, как ни странно, политкорректность. Кинг пишет: «С одной стороны, писатель ужасов есть агент нормы, который хочет, чтобы мы искали и уничтожали мутантов. Но с другой стороны, мы понимаем, что чудовище не виновато». Это чувство жалости к монстру проявилось уже в первых фильмах о Франкенштейне, где гомункулус-убийца спасает из воды маленькую девочку и со слезами на глазах любуется луной. Нам становится ясно, что он совсем не злой — просто в детстве его не выучили хорошим манерам. Как и других знаменитых киномонстров — Кинг-Конга,

Годзиллу, бесчисленных динозавров и мутантов. В 1977 году либерал-шестидесятник Спилберг нанес образу злобного инопланетянина решающий удар, создав симпатичного И-Ти. Даже кровососы из «Интервью с вампиром» не такие плохие — скорее несчастные и одинокие. С началом разрядки из числа монстров в человеческом облике оказались исключены русские и китайцы, и прошло немало времени, прежде чем их место заняли бен Ладен и его коллеги-террористы.

Другим фактором, снизившим популярность ужастиков, стал смех. Давно известно, что смех убивает страх, а в благополучные 90-е годы смеховая культура буквально заполонила Америку. Все явления жизни и культуры осмеивались не только на низовом уровне идиотских телешоу вроде нашего аншлага, но и на высоте постмодернистского дискурса. Посмотрев такие фильмы, как «Очень страшное кино» или «Охотники за привидениями», американцы (кроме, быть может, самых впечатлительных) надолго отучались бояться монстров. Даже «Кошмар на улице Вязов» Уэса Крэйвена, вначале пугавший по-настоящему, быстро превратился в пародию на самого себя. Снова, как после войны, жизнь казалась прекрасной и безопасной — тогда и появилось дурацкое пророчество Фукуямы о «конце истории». Не случайно с этим совпало падение популярности романов Кинга и других мастеров жанра.

Однако исподволь многие ощущали хрупкость этого благополучия. Кинг еще в 1981 году прозорливо писал: «Когда наступит пора нового затягивания поясов и растущего напряжения — а она не за горами, — будущие фильмы ужасов вновь окажутся кстати, чтобы придать смутным страхам людей направление и фокус».[30] В 90-е годы стали популярны новые фильмы ужасов — туманные, рваные, непонятные широкому зрителю. Там не было красочных монстров и рек крови — только липкая жуть, наплывающая неизвестно откуда. Это нашумевший сериал «Твин пикс» (предыдущие хиты Дэвида Линча были ближе к традиционным фильмам ужаса); это и малобюджетный триллер «Ведьма из Блэр», где непонятный кошмар одного за другим поглощает студентов из научной экспедиции. Что все это значит, стало ясно только в 2001 году, когда на Штаты по очереди обрушились теракты 11 сентября, посылки с сибирской язвой и снайперы, убивающие из засады случайных прохожих. Во всех случаях Зло было анонимным и слепым. Чтобы остановить панику, быстро нашли крайнего — Бен Ладена, — но в общественном сознании вновь поселился страх. Означает ли это новый рост популярности жанра horror, покажет будущее.

Помимо «классических» ужасов и фантастики, у прозы Кинга

был еще один источник — литература американского реализма. В интервью 1980 года он признался, что испытал большое влияние Теодора Драйзера и Фрэнка Норриса — «они верили, что один-единственный поступок может повлечь за собой ужасные последствия». Более важно, что эти писатели умели придавать своим книгам достоверность, тщательно прописывая бытовые детали. Другой реалист, Шервуд Андерсон, научил Кинга конструировать характеры героев, обращаясь к нескольким «базовым точкам» — детству, отношениях с родителями и сексуальным проблемам. У Хемингуэя он заимствовал фирменный стиль — короткие (хоть и не совсем телеграфные) предложения и повторение ключевых фраз, которые словно прокручиваются в голове героя и читателя. Другую особенность — выделение этих фраз курсивом — Кинг, похоже, придумал сам. В результате самая невинная сентенция под его пером обретала зловещий характер. Что-то вроде этого: «Писем для вас не было, — сказал почтальон.

Писем не было.

«Не было писем, — он почувствовал, как холодный пот прокладывает дорожку у него на спине. — Плохо дело», — ну, и так далее.

У другого классика — Уильяма Фолкнера, — Кинг, кажется, не взял ничего, да и вообще к «южной» литературе он равнодушен. Как и к новой прозе мегаполисов, густо окрашенной постмодернизмом. Зато он обожает классические детективы, от Конана Дойла до Гарольда Роббинса, к которым не раз обращался в своих произведениях. Повлиял на него и документальный стиль Дос Пассоса, составлявшего романы из фрагментов подлинных и вымышленных документов. Такими фрагментами усеяны страницы «Кэрри», хотя позже Кинг от этой привычки отошел.

Надо сказать, что даже нелюбимых американских авторов, вроде Германа Мелвилла, он хорошо знает и время от времени цитирует. Конечно, его фавориты — те, кто писал о «таинственном». Вашингтон Ирвинг, Натаниэл Готорн, Эдгар По, позже — Амброз Бирс и Генри Джеймс с его гениальным «Поворотом винта». С зарубежной литературой дела обстоят хуже. В университете Кинга познакомили с английскими классиками, и он прочел немало романов Диккенса, Теккерея и Томаса Харди. Их он цитировал в романах, как и викторианских поэтов наподобие Роберта Браунинга — как известно, весь цикл «Темной Башни» вырос из его поэмы «Чайльд-Роланд к Темной Башне пришел». Судя по тем же цитатам, он прочел пару книг Камю, стихи греческого поэта Сефериса и романы Гарсиа Маркеса или еще кого-то из латиноамериканских почвенников (сходство порой

поразительное). Конечно, у нас всех интересует, знаком ли он с русской литературой. На этот вопрос он сам ответил: нет, ничего о ней не знаю. Потом признался, что читал «Анну Каренину». Почему-то он любит преувеличивать свое невежество — часть легенды о «парне из провинции», вдруг ставшем знаменитым.

Давно прошло время, когда Кинг механически воспроизводил чужие влияния в своем творчестве. Теперь он применяет их с разбором, в зависимости от задачи — тут нужен Хемингуэй, а тут хватит и «Баек из склепа». В 1983 году в интервью для «Плейбоя» он разделил ужасы на три уровня по методу воздействия на читателя. «На первом месте — страх или ужас, как самое подходящее чувство, которое способен вызвать автор, пишущий в подобном жанре. Затем — отвращение. И наконец — эффект неожиданности, заставляющий вас зажать рот рукой, чтобы не вскрикнуть. Для начала я попытаюсь испугать вас. Если это не сработает, попытаюсь вызвать у вас отвращение, но если и это не поможет, придется прибегнуть к помощи тяжелой артиллерии». В «Пляске смерти» эта классификация дается немного иначе. Высший уровень — чистый ужас, порожденный произведениями типа «Обезьяньей лапки» Джейкобса. В нем мы не видим ничего ужасного (зомби вовремя исчез), но воображение услужливо подсказывает, что могло стоять на пороге. Второй уровень, страх, соединяет психологию с физической реакцией при виде какого-либо уродства. Наконец, третий уровень — чистое отвращение. Выпущенные кишки, выдавленные глаза, копошащиеся в животе крысы. Примитивно, но действует.

При этом любое произведение жанра неибежно эксплуатирует хотя бы один из популярных страхов. Самые распространенные — боязнь темноты и мертвецов (их идеальное соединение в виде ночи на кладбище сегодня встречается редко, хотя сам Кинг не раз его использовал — к примеру, в рассказе «Верхом на пуле»). А ведь еще страх высоты, боязнь замкнутых пространств, змей… любой справочник предъявит нам десятки фобий. СК в разных интервью уверял, что у него их не меньше десятка: он боится смерти, закрытых пространств, крыс, змей, пауков и вообще ползучих тварей, темноты, физического уродства и незнакомых людей, что уже граничит с паранойей. Потом он добавил к списку еще несколько пунктов — клоуны, цыплята, автомобили, гроза… Не лукавит ли живой классик? Ведь с таким множеством страхов он давно должен отдыхать в какой-нибудь психушке для богатых. Родные и знакомые Кинга упоминают лишь две его серьезных фобии — насекомые вкупе с пауками и электричество (он никогда первым не включит в сеть новый электроприбор). Все остальное имитируется для блага публики —

ведь чтобы правдоподобно изображать чужие кошмары, нужно самому хоть немного верить в них.

Одним словом, все средства хороши, чтобы вызвать у читателя страх. Но зачем? Самый простой ответ «ради денег» неверен — «если бы я садился писать с мыслью: «Отлично, за этот роман я получу столько-то долларов», — то не смог бы выдавить из себя ни строчки». Другой ответ «ему нравится пугать людей» верен лишь отчасти. Да, нравится, но разговоры СК на эту тему всегда выглядят наивно, как детская игра в привидений. Скорее, ему нравится пугаться самому, потому что этот страх предохраняет его от чего-то гораздо более опасного. Об этом мы еще поговорим, а пока ограничимся цитатой из интервью журнальчику «Могила Дракулы» в мае 1980 года: «Страшные истории делают из нас детей, ведь так? Это их главная функция — вышибать всю ту ерунду, за которой мы прячемся. Ужас переносит нас за пределы различных табу, запретов — туда, где мы быть не должны… И дети чувствуют то, что взрослые люди чувствовать не в состоянии из-за того опыта и знаний, которыми они обладают».

Интерлюдия. Король и мы (1)

Оставив Стивена Кинга на пороге взрослой жизни, перенесемся на двадцать лет вперед, в Россию, которая в начале девяностых менялась еще более драматически, чем Америка шестидесятых. Отбушевали газетные бури гласности, бодро полезли из всех щелей первые кооператоры, по улицам слонялись толпы людей под разноцветными флагами. В августе 91-го затеяли и быстро свернули смехотворный путч, одним махом обрушив власть КПСС. Потом как-то разом исчез Советский Союз, унеся с собой в волнах инфляции накопления большинства жителей. После Нового года грянули гайдаровские реформы, и цены в магазинах начали расти не только каждый день, но и по несколько раз на дню. Появились какие-то «новые русские» в малиновых пиджаках и на шестисотых «мерсах». Их мало кто видел, но все знали, что они теперь и есть подлинные хозяева жизни. Все они за редким исключением занимались расхищением и продажей того, что было государственным и мгновенно оказалось ничьим.

Интеллигенция на первых порах всех этих перемен не замечала, продолжая упиваться чтением всего, что прежде запрещалось — от Камасутры до отцов церкви. Все это было вывалено на потребителей почти одновременно, поэтому в

головах у многих образовался весьма странный коктейль, а некоторые и вовсе спятили. Сохранившим более-менее здравый рассудок пришлось столкнуться с оборотной стороной новой реальности: за сидение в конторе денег больше не платили, и их приходилось добывать всеми возможными способами. Те, кто постарше, цеплялись за насиженные места в слабой надежде на лучшее. Кто помоложе, уходили в коммерцию или вообще уезжали из страны. Были и те, кто не желал совсем бросать любимое занятие, подкрепляя его временными заработками. К этой категории принадлежал и я — выпускник Историко-архивного института, отработавший год по распределению и чудом успевший обменять провинциальную квартиру на комнату в Москве за неделю до гайдаровской «либерализации цен».

Ситуация была вполне типичной. Пописывая что-то в свое удовольствие, я одновременно крутился, как мог — торговал газетами, разгружал вагоны, пристраивал статейки в дышащие на ладан научные журналы. Эксплуатируя свое довольно слабое знание английского, взялся за перевод книг по менеджменту, которые были тогда жутко популярны. Потом переключился на худлит. В ноябре 1992-го я столкнулся в гостях с Леней Тохтамышевым. Этот подмосковный татарин очень гордился своей фамилией и, подвыпив, неизменно заводил речь о том, что русские чистили сапоги его предкам-ханам, и неплохо бы вернуть эти золотые ордынские времена. При этом Леня обладал чувствительной душой поэта (когда-то он действительно состоял в поэтической студии при Литинституте). Услышав от меня жалобы на безденежье, ханский потомок неожиданно сказал:

— Пошли к нам в издательство. Переводчики нужны. Главное — работать быстро, чтобы конкуренты не обогнали.

Оказалось, что Ленин друг детства Арсений, заработав на перепродаже чего-то там первоначальный капитал, решил вложить его в книжный бизнес. Дело было очень прибыльное — наш народ по инерции оставался самым читающим и жадно набрасывался на детективы, исторические романы и особенно эротику. Все эти делянки были уже заняты молодыми, но крайне агрессивными флагманами рынка, которые спешно штамповали и выбрасывали в продажу сотни книг. В основном переводных — собственные бестселлеры появились в России лишь через несколько лет. Поразмыслив, хитрый Арсений нашел на книжном поле незастолбленный участок, которым стали романы ужаса. Ничего подобного в родной литературе не было, не считая хрестоматийных «Собаки» Тургенева и «Семьи вурдалаков» Алексея Толстого. Что касается западного «хоррора», то он был однозначно запрещен как низкопробный коммерческий жанр,

вредный советским людям.

Ужасы пробили дорогу в нашу страну через киноэкран. Точнее, через сотни видеосалонов, где можно было посмотреть или взять напрокат великое множество фильмов. Обычно они располагались на трех полках: боевики, эротика и ужастики. Все остальное теснилось сиротливой кучкой где-то сбоку. Киноужасы были самыми разными, от старья семидесятых годов до навороченных голливудских «Чужих». В обязательный ассортимент входили и несколько экранизаций Кинга, имя которого быстро стало известно. Конечно, его знали и до этого, но скорее как нормального мейнстримного романиста. Он вошел в литературу сравнительно недавно и не успел наговорить никаких гадостей про Советский Союз, поэтому в годы перестройки стал одним из приемлемых и даже любимых американских авторов.

В начале 1984 года «Иностранная литература» напечатала перевод «Мертвой зоны», сделанный Олегом Васильевым и Сергеем Таском. Самый социальный из романов Кинга, еще несший на себе отпечаток «бунтующих шестидесятых», был встречен читателями на ура. Крепко написанный и прекрасно переведенный, он содержал все, что нужно — мистику, любовь, детективную интригу и обличение нечестных политиков. Три номера «Иностранки» были моментально раскуплены, и в 1987-м роман вышел отдельной книгой в «Молодой гвардии». В предисловии комсомольский критик Перцев пояснил, что роман правдиво освещает жизнь трудящихся в мире капитала. То же писали о романе «Воспламеняющая взглядом», который вышел годом раньше в армейском журнале «Звезда» в переводе тех же Васильева и Таска. Он был ценен тем, что обличал американские спецслужбы и не содержал ничего страшного — если не считать небольшого аутодафе агентов ФБР, учиненного юной героиней. Ну, этих никому не было жалко.

О том, что Кинг всемирно известен как автор ужастиков, советская пресса до поры не вспоминала. Но уже в следующем 1988 году «Вокруг света» опубликовал чисто «ужасную» повесть «Туман», переведенную Александром Корженевским. Затем, после долгого перерыва, в 1991 году белорусский литературный журнал «Неман» издал роман «Сияющий» в переводе Евгения Александрова. На следующий год в Москве вышел том избранного Кинга с «Мертвой зоной» и «Воспламеняющей взглядом» — кстати, именно благодаря ему раскрутилось замечательное издательство «Вагриус». Почин подхватила питерская фирма «Нева-Лад», которая издала трехтомник с теми же романами (здесь «Воспламеняющую» для разнообразия

перекрестили в «Несущую огонь») с добавлением «Сияющего» и рассказов. Те же рассказы мелкой дробью рассыпались по журналам.

И все же на конец 1992 года в России было издано всего четыре романа Кинга из трех десятков. Арсений с примкнувшим к нему Тохтамышевым решили исправить положение и взялись за дело с решительностью, характерной для того лихорадочного времени. Издательство они решили назвать «Кэдмен», объясняя любопытным, что по-английски это значит «компьютерный человек» — непонятно, но красиво. В самом большом английском словаре я отыскал только устаревшее слово cad, аналогичное по смыслу русскому «хам». Но название было уже утверждено, и «хамское» издательство отважно пустилось по волнам книжного моря. Работало в нем, как в сказке, семь человек — кроме Арсения и Лени, это были жуликоватый экспедитор Сева, компьютерный верстальщик Леша Шубин и трое продавцов и грузчиков в одном лице. Книги печатались в Питере; там же нашли бессменного художника издательства Миронова. Он был вполне беспомощным в текстовой иллюстрации, — все герои у него получались мешковатыми и какими-то старообразными, — но успешно «шлепал» яркие обложки, привлекающие публику. Он же придумал эмблему серии «Мастера остросюжетной мистики» — скелет, слившийся в экстазе с обнаженной дамой.

Для начала в производство были запущены две книги — тот же «Сияющий» и сборник рассказов, набранных с бору по сосенке. Половину из них перевел наш с Леней знакомый, молодой киновед Алексей Медведев — перевел блистательно, хоть и спотыкаясь порой на незнакомых тогда американских реалиях. Пять рассказов для сборника были переведены именитым Сергеем Таском. Отметился и я, дебютировав в роли переводчика Кинга с рассказом «Давилка» (который многие знают по голливудскому переложению). Обе книги вышли баснословным по сегодняшним меркам тиражом 300 тысяч и разошлись в рекордные сроки. Незадолго до этого громадный стадион «Олимпийский» на проспекте Мира был превращен в книжный рынок, куда по выходным, а потом и в будни стекались толпы людей. Туда с подмосковного склада «Кэдмена» направлялись под завязку набитые «газели», которые вечером возвращались пустыми. Торговали не только с лотков, но и прямо с машины; книги расхватывались, как горячие пирожки.

Не раз я спрашивал себя, в чем секрет такого успеха Кинга? Конечно, отчасти он был тем же, что и в Америке. Людям нравилось смаковать чужие страхи и несчастья, сидя в безопасности у себя дома. Нравилось и щекотать нервы

напоминанием о том, насколько эта безопасность относительна — в любой момент из шкафа может вылезти злобный бука. К тому же романы СК были просто хорошо написаны, чем выделялись из массы ремесленных подделок (или просто раскадровок киношных ужастиков). Были и два чисто российских условия. Во-первых, всеобщее подражание Америке начала 90-х, делавшее триумф Кинга прямо-таки неизбежным. Во-вторых, неожиданное любование кинговскими кошмарами: нам бы их проблемы! Подумаешь, палец из раковины вылазит, или призрак дедушки пугает по ночам! Поглядели бы мы на этих неврастеников, если бы с них требовали откат, ставили на счетчик и вызывали на стрелку… Похоже, многие читали СК именно с таким настроением, особенно во время кризисов, которыми так богата новейшая российская история.

Была еще одна причина — дешевизна книг на фоне прочих товаров, цены на которые взлетели до небес. Наша страна с ее лесными богатствами производила огромное количество бумаги, на которой прежде печаталась агитпроповская макулатура и сочинения писателей-«гертруд» (сокращение от «героев труда»). Теперь бумажные запасы оказались невостребованными, и завод были вынуждены распродавать их за гроши — причем внутри страны, поскольку по своему качеству на экспорт наша бумага не годилась. Дешевы были и услуги типографий, которые, разом лишившись госзаказа, были рады любой работе. Появление издательских компьютерных программ позволяло состряпать макет книги всего за несколько дней с минимальными затратами. В результате романы Кинга в нашем издании продавались по цене килограмма самой плохой колбасы. То и другое покупали, поскольку за книгами и колбасой сохранялся престиж дефицитных товаров. К тому же наш народ еще довольно долго оставался самым читающим в мире. Домашние библиотеки гордо выставляли напоказ, и шеренга Кинаг в ярких обложках заняла в них заметное место.

Через пару месяцев Арсений с Леней отбили вложенные в производство деньги. По наивности они пытались работать честно и купили права на несколько романов Кинга у его официального представителя в Восточной Европе — Эндрю Нюрнберга. Получилось довольно дорого и притом абсолютно бессмысленно из-за повального несоблюдения законов. Другие издательства, даже государственные, по советской привычке не платили иностранным авторам ни цента, уповая на то, что те ничего не узнают. Того же Кинга вскоре начали активно издавать фирмы, зарегистрированные в еще недавно братской Украине и не менее братском Азербайджане. На самом деле они располагались в

пределах кольцевой автодороги (как вариант, в Петербурге), а свою продукцию печатали где-нибудь в Костроме или Иванове, не платя ни налогов, ни авторских отчислений. Примерно через год «Кэдмен» был вынужден пойти тем же путем и перевести «скелетную» серию под эгиду липового львовского издательства «Сигма».

Третьей книгой серии стало переведенное мною «Кладбище домашних животных». Был выбран этот вариант названия, поскольку более точное «Кладбище домашних любимцев» по-русски совершенно не звучит. Перевод был сделан за две недели, причем по сделанной неведомо где ксерокопии, в которой отсутствовало несколько страниц. К счастью, я сумел отыскать книгу в Библиотеке иностранной литературы и восполнить пробелы. Та же история повторилась с романом «Жребий Салема» — его я не вполне удачно обозвал «Судьба Иерусалима». Только там недостающих страниц найти не удалось — ни в одной из московских библиотек ее не было, а Интернет делал только первые шаги. В результате сцену убийства вампира Барлоу мне пришлось писать самому. Этого никто не заметил, и книгу не раз переиздавали в том же виде. В таких же диких условиях работали и другие переводчики — от них требовали не столько качества, сколько объемов и скорости. Внешний вид книг был соответствующим — дешевая бумага, плохо пропечатанные буквы и непременные пестрые обложки, видные издалека.

Для серийности требовалось, чтобы книги были примерно одинакового объема, поэтому короткие романы добивали рассказами (по-моему, некоторые даже не принадлежали Кингу). Напротив, когда Медведев взялся за перевод «Противостояния», зачем-то переименованного им в «Армагеддон», оказалось, что гигантский роман не влезает даже в две стандартных книги. Пришлось сократить его на треть, отчего он, по-моему, только выиграл. Другие переводчики, включая и меня, тоже урезали тексты — в основном потому, что не успевали сдать работу в срок. Темпы были адские; только в 1993 году «Кэдмен» выпустил около 30 книг. Кинг заканчивался, и его нужно было «добивать» другими авторами. Осенью был запущен восьмитомник никому тогда у нас не известного Клайва Баркера. Кроме того, пытались издавать убогие романы одной российской поп-звезды под рубрикой «Женская проза». Но звезда из скромности подписалась псевдонимом, что загубило начинание на корню.

К тому времени я перепер на язык родных осин четыре кинговских романа и стал, так сказать, штатным переводчиком «Кэдмена». Посещал и склад издательства, который располагался в обширном бомбоубежище сталинского дома. Пачки с книгами

громоздились среди труб теплоснабжения, которые периодически начинали течь — тогда работники и их гости спешно оттаскивали пачки в безопасное место. Гостей было немало, поскольку на складе трудились те же питомцы поэтической студии, пригретые сердобольным Тохтамышевым. Чуть не каждый вечер происходило чтение своих и чужих стихов с обильными возлияниями дешевого портвейна. На огонек заходили друзья-поэты, часто весьма колоритные — осколки богемы времен социализма. Попутно брали почитать Кинга, проникаясь его настроением. По вечерам, когда немногочисленные лампочки еле освещали темные углы, на складе было по-настоящему жутко. Дурной славой пользовался туалет — до того я не подозревал, что в бомбоубежищах бывают туалеты, хотя как же без них? Туда нужно было долго пробираться в темноте между книжных штабелей, и сотрудники жаловались на подозрительный писк и возню. Кого-то даже укусили за ногу как раз рядом с романом «Томминокеры», после чего было решено, что в районе сортира окопались именно эти монстры.

Несмотря на это, на складе нашей братии было уютно — не то что на улице, где дули злые ветры дикого российского капитализма. Неубранные улицы, скопления ларьков с поддельным «Амаретто» и контрабандным куревом, кучки небритых кавказцев явно бандитского вида. Все напоминало то ли Америку времен «сухого закона», то ли голодную Германию Ремарка. По всей огромной стране, среди разоренных колхозов и остановившихся заводов население отчаянно выживало, продавая друг другу китайское барахло. По телевизору вперемешку с речами гладкорожих политиков крутили американскую третьесортицу, где кровь и сперма лились рекой. Насмотревшись этого, ошалевшие от паленой водки граждане легко и охотно лишали друг друга жизни. Простая статистика: в середине девяностых в кинговском Бангоре ежегодно убивали одного-двух человек, а в сравнимых по размерам подмосковных Химках — полсотни. По окраинам России тлели межплеменные войны, уже разгорался чеченский пожар. В октябре 93-го москвичам довелось увидеть небольшую войнушку в собственном городе — среди бела дня танки штурмовали Белый дом, вокруг которого вповалку лежали трупы. Понятно, что после такого надувные ужасы Кинга мало кого могли напугать.

Но их читали. Голодные — чтобы забыться, сытые и преуспевающие — чтобы приятно пощекотать нервы. Тохтамышев, работавший по совместительству электриком в каком-то правительственном здании, не раз видел известных политиков, оптом скупающих книги «Кэдмена». Издательство богатело, и

рядовые сотрудники накупили себе видеомагнитофонов и китайских кожаных курток. Начальство развлекалось по-своему. Арсений по тогдашней моде выстроил кирпичный загородный дом и купил джип, на котором каждую неделю отправлялся в питерскую типографию с новыми заказами. Леня из принципа продолжал ездить на метро, зато приобрел навороченный по тем временам компьютер (кажется, первый «Пентиум»). Он быстро привык сорить деньгами и успешно пустил пыль в глаза одной эффектной даме из числа «девушек-пылесосов». На беду, она считала, что поклонника обязательно нужно мучить, и страдающий Леня на время совсем забросил дела издательства.

Дела между тем шли не лучшим образом — Кинг и его представители начали возмущаться засильем пиратов на российском книжном рыке. По слухам, где-то летом 1994-го СК донесли, что в России издано уже 12 миллионов его книг («Кэдмен» отвечал примерно за треть этого количества), за которые сам писатель не получил ни цента. Начались жалобы в госструктуры, которые реагировали довольно вяло — их тогда больше занимал увлекательный «распил» собственности. Кинг ужасно сердился и с тех пор привык считать всех русских людьми, мягко говоря, не слишком честными; отсюда его упорное нежелание встречаться с нашими издателями и даже с журналистами. В итоге вопрос был передан в американское посольство в Москве, бывшее в те годы почти что вторым правительством. Под его давлением налоговые органы начали проявлять активность, изрядно запугав издателей-пиратов. Через пару лет Кинг отнял у нерасторопного г-на Нюрнберга право распоряжения своими правами, передав его напрямую своему агенту Ральфу Вичинанце.

Кроме того, «Кэдмен» донимали конкуренты. Псевдоукраинское издательство «Дельта» запустило свою кинговскую серию, опередив нас на несколько романов. Оно нашло типографию где-то в провинции (или в той же Украине), что позволило выпускать книжки быстрее и дешевле. В пику ему кэдменовские боссы запустили свою «Сигму» (тоже греческая буква). Тождество двух издательств было секретом Полишинеля, но для конспирации переводчиков заставили взять псевдонимы. Мой перевод «Глаз дракона» вышел в «Сигме» под именем Э. Вадимова, как и последующие два романа. Я по-прежнему упрямо не покупал компьютер и заполнял тетрадки каракулями, которые бедный Шубин с переменным успехом расшифровывал. В конце концов по настоянию Лени пришлось давать текст на перепечатку одной знакомой, что далось ей нелегко. Работая над «Длинным путем», девушка заливалась слезами и ощущала дикую боль в

ногах. Не скрою, это вызывало у меня некоторую гордость как за автора, так и за себя.

Осенью 1994-го настал роковой момент — Кинг кончился. Все мало-мальски значимое было издано или запущено в производство. Серию начали пополнять менее известными авторами типа Страуба, Маккамона, британского халтурщика Денниса Уитли и небезынтересного канадца Майкла Слейда. От всех них я урвал по книжке-другой, но оплачивалось это хуже Кинга, и между заказами появились большие перерывы — другие переводчики тоже требовали свое. Пометавшись, я устроился в артель книгонош, которую сколотил на станции «Яуза» мой бывший соученик Леша Красильников. Это был почти такой же, как в «Кэдмене», подвал, под завязку загруженный книгами. Каждое утро там затоваривались 10–15 «реализаторов» (звучит прямо как «регуляторы» у Кинга), которые затем с громадными рюкзаками разбегались по электричкам. Вваливаясь в вагон, они хрипло рекламировали свой товар — детективы, сборники анекдотов и пособия для дачников. Мне отдали Курское направление. Пара конфликтов с милицией и мелкими бандитами разрешилась мирно — у Леши или его «крыши» везде были свои люди, — и постепенно я втянулся в работу.

Раннее утро. Переполненная электричка «Москва-Подольск», пахнущая потом и семечками. Голосят продавцы газет, мороженого, шоколадок, китайской чудо-техники. И я тут как тут со своим набитым рюкзаком и самодельной речевкой: «Кинга знают все вокруг, Кинг — он наш ужасный друг!» Кинга действительно все знали и раскупали стремительно. Особенно, когда узнавали, что имеют дело с переводчиком. Пару раз просили автограф, и я расписывался «Stephen King», ощущая в те минуты свое глубинное родство с работником бангорской прачечной. Неплохо расходился и Баркер благодаря мироновским страшным рожам на обложке. Я наладил взаимовыгодную поставку книг «Кэдмена» на Лешин склад и получал с этого свои скромные проценты. Ощущая себя благодетелем, втянул в этот бизнес нескольких друзей. Однако к весне мне надоело таскаться по грязным электричкам и выкрикивать всякую чушь. Захотелось солидности — я подал документы в аспирантуру и начал штудировать латынь, чтобы перевести, наконец, первого английского историка Беду Достопочтенного (такая у меня была странная мечта). К тому же назрела женитьба, и комнатку в Текстильщиках требовалось срочно очистить от книжных штабелей.

К тому времени в «Кэдмене» случились печальные перемены. Во время одной из поездок Арсений на своем джипе на полной

скорости впечатался в грузовик. После похорон основателя издательство пошло вразнос. Кто мог, тащили из него деньги, кто не мог — книги. Влюбленный Леня никак не контролировал этот процесс. Примерно год работа шла по инерции — продолжали издавать Баркера и Страуба, появилась и пара новых романов Кинга вроде «Бессонницы» и «Мареновой розы». К началу 1997-го «Кэдмен» окончательно сдулся, и скопившиеся на складе книги начали распродаваться по бросовым ценам — мелкие их партии можно до сих пор отыскать на том же рынке «Олимпийский». Весной издательство прекратило работу, так и не выпустив последние мои переводы — «Эвервилл» Баркера и «Горящий Эдем» Дэна Симмонса (этот позже вышел в «АСТ»). Тогда же я получил последний заказ, причем очень странный — мне предложили отыскать человека, взявшегося переводить сборник рассказов Страуба «Дома без дверей» и пропавшего вместе с ним. С помощью друга, владевшего пиратской адресной базой, я отыскал беглеца и перевел изъятую у него книжку — впрочем, вялую и неинтересную. На прощание Леня подарил мне неплохой компьютер, а себе купил мини-квартирку в «хрущобе» на Коломенской — когда-то гуманное советское государство строило такие специально для сумасшедших.

Тем временем в гавань кингоиздания вплыл на всех парах лайнер издательства «АСТ», безжалостно расшвыряв суденышки мелких фирм. Третье по величине российское издательство, стремясь стать первым, взялось за амбициозный проект — полное собрание сочинений Кинга. Оно выходит до сих пор вполне по-американски — в дешевых покетах и одновременно в более дорогом, но вполне доступном «твердом» варианте. «АСТ» не только скупил у разорившихся издателей вроде Тохтамышева их переводы, но и начал заказывать новые — плодовитый СК за это время написал еще несколько романов. Призвали и меня, и я храбро взялся за дело по кэдменовской методе, быстро накатав нечто динамичное, но весьма приблизительно похожее на исходный текст. Оказалось, однако, что в книгоиздании наступили новые времена — мне с моим переводом указали на дверь. Ну и ладно. Со мной остались три удивительных года, когда отечественные ужасы за окном причудливо пересекались с импортными ужасами в моей бедной голове. Что, быть может, не позволило ей закружиться окончательным и роковым образом.

Иногда я вспоминаю наш склад на Электрозаводской, откуда в начале знойного лета 1997 года хмурые работники выволокли последние книжные пачки. Потом там хранилась бытовая химия, а еще позже подвал опечатали, боясь террористов. С тех пор он остается пустым и темным, и тишину его нарушает только капель

из прохудившихся труб. Или это плачут осиротевшие томминокеры, не знающие дороги в родной Хэйвен?

Глава 2. Король забавляется

1. Отец семейства

Вернемся к Кингу, который летом 1970-го оказался на распутье. Мечта о писательстве оставалась мечтой, а деньги требовались каждый день. К тому же фактически у него уже имелась семья, хотя юридически это оформилось только через полгода. Все началось предыдущим летом в университетской библиотеке, где Стивен подрабатывал за небольшую сумму. Сдружившись с другими сотрудниками-студентами, он порой ходил с ними на пикники в небольшой дворик за библиотечным корпусом. На одном из таких мероприятий — это было 19 июня — он увидел незнакомую миниатюрную девушку с рыжеватыми волосами и резким голосом. Вначале он принял ее за подружку одного из студентов, Эдди Марша, но оказалось, что она просто любит читать и не чужда поэзии. Ее звали Табита Спрюс, она родилась 24 марта 1949 года и, подобно матери Кинга, принадлежала к одному из старейших семейств Мэна.

Во время первой встречи Стивен отметил, что новая знакомая одета в соблазнительную мини-юбку и ругается, как ткачиха (после работы на фабрике он знал в этом толк). У нее есть своя версия: однажды знакомые показали ей издалека местную знаменитость — редактора колонки «Мусоровоз». «У меня была лохматая черная борода, — вспоминал потом Кинг, — я не стригся два года и был похож на Чарли Мэнсона. Моя будущая жена скрестила руки на груди и сказала донельзя саркастическим тоном: «Ох, кажется, я влюбилась». Подружки прыснули, отя некоторые из них ыли ко мне вполне благосклонны».

Скорее всего, на этом бы все и закончилось, если бы осенью Стивен и Табби не встретились на поэтическом семинаре в университете. Студенты собирались раз в неделю в кабинете преподавателя литературы Джона Бишопа, читали свои стихи и обсуждали их. Написанные «шедевры» размножались на мимеографе и раздавались всем участникам. Большинство юных поэтов в духе того времени считали, что стихи должны рождаться внезапно, по наитию, и чем они непонятнее — тем лучше. Кинг с его любовью к четкости и вниманием к мелочам думал иначе. Ему было приятно заиметь союзника в лице Табби, которая поразила его своим стихотворением о медведе и блаженном Августине — кроме вдохновения, в нем присутствовала мысль, спрятанная за кругом символов. В этом «торжественном гимне»

Кинг увидел подтверждение собственной мысли — что писатель может «рехнуться и одновременно остаться в здравом уме». Именно это он пытался сделать в своих стихах, откровенно плохих и большей частью уничтоженных автором (уцелели лишь несколько). Творения Табиты оказались более долговечными и через много лет были изданы отдельной книжкой — впрочем, бестселлером она не стала.

На том семинаре он горячо защищал Табби — не только из-за общности взглядов, но и потому, что на ней были открытое черное платье и шелковые чулки. Сидя рядом, он мог касаться ее теплого бедра, и она не отодвигалась. Их чувство росло медленно, подпитываясь беседами о литературе и совместными походами в кино — хотя Табита не любила фильмы ужасов, а Стивен терпеть не мог ее любимые «проблемные» картины. Через пару месяцев она впервые переступила порог его съемной квартиры, хотя при строгих родителях не могла и подумать о том, чтобы остаться на ночь. Ее отец Рэймонд владел магазином в Олдтауне (пригороде Бангора), а мать Сара Джейн сидела с детьми — у Табби было семеро братьев и сестер.

Спрюсы были католиками и придерживались строгих взглядов на нравственность дочери и профессию будущего зятя. Где-то через полгода Табита, набравшись смелости, познакомила их со Стивеном, но отношения не сложились. Родители потратили немало времени, убеждая дочь порвать с «никчемным писакой». Позже Кинг отомстил им, выведя в образе тестя и тещи главного героя «Кладбища домашних животных» Луиса Крида — персонажей довольно отталкивающих. Впрочем, внешние приличия всегда сохранялись: Кинги регулярно навещали родителей и на уикенды привозили им детей. Принимали подарки, а вот денег не просили даже в самые тяжелые времена. Табби в этом вопросе была полностью на стороне мужа, в полной мере проявив твердость характера. Позже эта твердость спасла Кингу не только литературный талант, но, пожалуй, и жизнь, и теперь он с полным правом называет жену своим ангелом-хранителем.

Близость родных Табиты стала одной из причин, побудивших Стивена обосноваться в Бангоре. Возвращаться в Дарем, где осталась мать, он не собирался — не признаваясь в этом даже самому себе, он желал вырваться из-под требовательной опеки Рут, мешавшей ему чувствовать себя взрослым. Поэтому еще до окончания университета он начал обзванивать окрестные школы в поисках места учителя. Однако в преддверии учебного года все вакансии были заполнены. Кое-где говорили о будущей зиме, в других местах не обещали и этого. После месяца беготни Стивен

махнул рукой и пошел работать в прачечную на окраине Бангора, в Нью-Франклине. Ему пришлось подтаскивать тяжеленные тюки с выстиранным бельем к чудовищному гладильному прессу, который плевался паром и ежеминутно грозил оторвать руку кому-нибудь из хлопотавших вокруг женщин. Во всяком случае, так казалось Кингу, и свое впечатления он позже воплотил в упомянутом уже рассказе «Давилка».

Прачечная стала купелью и для других кинговских ужасов. Стирали там в основном белье из отелей и ресторанные скатерти, которые «были исключительно мерзкими. Обычно туристы, заказывая обед в штате Мэн, просят устриц и омаров. Чаще — омаров. Когда скатерти изпод этих деликатесов доходили до меня, воняли они до небес и часто кишели червями, которые во время стирки пытались залезть на руки».[31] Были и простыни из больниц, пропитанные засохшим гноем и кровью, которые стирали в так называемых «чумных мешках». Работники в прачечной подобрались соответствующие — один инвалид, которому какой-то механизм (уж не та ли «давилка»?) оторвал обе кисти, обожал подкрадываться к сослуживцам и прижимать им к шее свой протез, раскаленный под струей горячей воды.

На зарплату $25 в день Стивен и Табита сумели снять недалеко от прачечной однокомнатную квартирку. Там с трудом умещались кровать и письменный стол, за обладание которым разыгрывались постоянные баталии. Табби дописывала выпускную работу по истории, а Кинг продолжал писать рассказы. Время от времени их печатали в мужских журналах, что было серьезным подспорьем для молодой семьи. Да, именно семьи — в январе 1971-го они обвенчались в католической церкви Олдтауна, чтобы сделать приятное родителям Табби. Впрочем, церемония была не особенно пышной, а со стороны жениха присутствовали только двое подвыпивших приятелей. Кинг и сам был не очень-то трезв, что не прибавило любви к нему Спрюсов-старших. Но они еще не знали главной тайны — их дочь была беременна. Летом на свет появился первенец Кингов, дочь Наоми Рэчел. Через год родился Джо (Джозеф Хилл), потом Оуэн, после чего прирост семейства прекратился. Каждый ребенок доставался Табите трудно, но все росли почти здоровыми, не считая обычных детских хворей. Однако хлопот приносили немало. Для начала Кингов попросили освободить снятую ими квартиру — другим жильцам мешал детский плач, к тому же малышка Наоми аккуратно ободрала вокруг своей кроватки хозяйские обои.

К счастью, осенью 1971-го Стивену предложили место учителя английского в публичной школе города Хэмпден в 15 километрах от Бангора. Ему обещали $6400 в год, но без жилья, и

Кингам из экономии пришлось поселиться в снятом с колес трейлере в соседнем микроскопическом городке Хермон. Между стиральной машиной и гладильной доской с трудом втиснули колченогий стол, на котором глава семьи мог писать свои произведения. Его старая машинка к тому времени совсем развалилась — из нее по очереди вылетали буквы, и их приходилось вписывать в текст от руки (этот прием был потом использован в романе «Мизери»). К счастью, у Табби была портативная «Оливетти» с автоматическим возвратом каретки — по тем временам настоящее чудо техники. Позже Кинг вспоминал: «Она до сих пор уверяет, что я женился на ней из-за этой машинки, но это верно лишь отчасти. Я женился потому, что любил ее, и нам было хорошо как в постели, так и за ее пределами. Хотя машинка тоже сыграла свою роль».

В Хэмпдене жило четыре тысячи человек — типичных янки, недоверчиво относящихся к пришельцам и ревниво прячущих свои маленькие тайны. Стивен, так и не ставший там своим, не раз обзывал город «задницей Америки». Проходя по главной улице под прицелом настороженных взглядов из-за заборов и ухоженных палисадников, он фантазировал: что будет, если на этот тихий городок нагрянут вампиры? Пожалуй, его недружных, занятых только собой жителей переловят по одному и превратят в кровососов. Так рождался замысел романа «Жребий Салема», первые наброски которого легли на бумагу весной следующего года. Странное название — Salem’s Lot — Кинг увидел на дорожном указателе во время одной из поездок к матери и вставил в роман. Оно напоминало о печальной судьбе настоящего Иерусалима, стертого с лица земли римлянами, а потом расколотого пополам арабско-израильской враждой. Отразились в романе и детские воспоминания о Дареме — тамошняя заброшенная церковь Шайло стала прообразом зловещего дома Марстенов. Позже Хэмпден, иронически переименованный в Хэйвен (то есть «небеса»), был уничтожен Кингом еще раз, в романе «Томминокеры». На этот раз на бедных жителей обрушились уже не вампиры, а космические пришельцы.

Работа в школе вдохновила Кинга на создание других произведений. В Хэмпдене, как и во всем Мэне, почти не было негров и латиносов, но белые подростки из рабочих семей не уступали им по наглости и нежеланию учиться. Молодой учитель быстро понял, что вбить в их головы любовь к литературе — задача непосильная, и теперь только защищал свой авторитет. Чуть не каждый день его испытывали на твердость в лучших школьных традициях — писали на доске гадости, подбрасывали в стол дохлых крыс, прокалывали шины. Доходило и до прямых

угроз. Кингу хэмпденские хулиганы казались кошмарами, вернувшимися из его школьного детства. Через пять лет эта ситуация отразилась в одном из лучших его рассказов — «Иногда они возвращаются». А в тот период из-под пера измученного писателя выходили куда более слабые вещи, которые с трудом удавалось пристроить даже в мужские журналы. К тому же в выходные, а иногда и в будни Кинг «расслаблялся», уговаривая в одиночку или с приятелями по пять-шесть бутылок пива. Табби терпела, хотя нет-нет и вспоминала зловещие пророчества родителей: «Из этого пьяницы никогда ничего не выйдет!»

Денег по-прежнему не хватало. Табите пришлось устроиться официанткой в соседнюю пончиковую «Данкин Донатс» — она работала по вечерам, когда Кинг возвращался из школы и мог посидеть с Наоми. Он справлялся с ребенком не очень хорошо, поскольку все время обдумывал сюжеты будущих романов. В итоге перед сном ему приходилось вместе с вернувшейся женой приводить в порядок дом, разгромленный чересчур активной дочкой. Во время каникул Кинг снова устроился в бангорскую прачечную, чтобы немного подзаработать. Заработков Табиты семья на время лишилась — она была беременна вторым ребенком, родившимся 3 июня 1972 года.

Лето 1973 года семейство Кингов встретило в самом мрачном настроении. Предыдущие полгода были особенно мрачными — Стивену удалось напечатать лишь пару рассказов. Мужские журналы заелись и требовали произведений, написанных исключительно в эротическом жанре. Кинг честно пытался сочинить нечто подобное. Получился рассказ о любовниках-близнецах, которые пытаются заняться сексом в курятнике, все время за что-то цепляясь и распугивая птиц. Дописав до середины, он понял, что сейчас лопнет от смеха, и прекратил попытки. Естественно, рассказ не сохранился.

Надо сказать, что эротика в романах СК так и осталась наивно-подростковой, в стиле незабвенной «Истории любви». «Про это» он пишет разухабисто и в то же время стыдливо — прямо как наши деревенщики. Этот стыд напрямую связан с его интересом к ужасному, что признается в предисловии к «Ночной смене»: «Между сексом и страхом явно прослеживается весьма любопытная параллель. С наступлением половозрелости и возможности вступать в сексуальные взаимоотношения у нас просыпается и интерес к этим взаимоотношениям. Интерес, если он не связан с половым извращением, обычно направлен на спаривание и продолжение вида. По мере того как мы осознаем конечность всего живого, неизбежность смерти, мы познаем и страх. И в то время как спаривание направлено на

самосохранение, все наши страхи происходят из осознания неизбежности конца».[32] О связи между сексом и смертью говорил еще Фрейд, и можно плодотворно порассуждать о том, что кинговский макабр вызван его подавленной сексуальностью. А можно просто принять это как должное.

Личная жизнь Кинга никогда не давала пищи любителям сплетен. Как ни странно, за высоким, вполне привлекательным, а потом и сказочно богатым писателем никогда не бегали толпы поклонниц. Отчасти виной тому была «ужасная» репутация чернокнижника и чуть ли не маньяка (хотя какому-нибудь Алистеру Кроули она, напротив, помогала в амурных делах). Отчасти — бдительность Табиты, которой муж боялся, как огня. Нельзя забывать и о том, что Кинг — однолюб, сам себя называющий «стихийным моногамом». А при его замкнутом образе жизни заводить какие-то романы на стороне просто нереально. Так что те, кто надеется найти в этой книжке что-нибудь «клубничное», могут закрыть ее и больше не открывать.

Впрочем… в молодости Стивен был не так уж идеален. Семейная жизнь с вечным безденежьем и попреками жены тяготила его, и он вполне мог засматриваться на аппетитных официанток или томных учениц старших классов. Но дальше этого вряд ли заходил — в деревне, какой по сути был Хэмпден, о романе заезжего учителя мигом узнали бы все, кому не лень. Что говорить, если почтальон, отсылавший издателям рукописи Кинга, рассказал об этом соседям, и они с тех пор звали его не иначе как «мистер писатель»! Жизнь положительно была беспросветна. Стивен уже представлял себя пожилым педагогом, посылающим порой рассказы в журналы без всякой надежды, что их напечатают. Таким он изобразил потом Мэтта Берка из «Жребия Салема» — «он измерил свой предмет вдоль и поперек, как Старый Мореход Кольриджа: Стэйнбек на первом уроке, Чосер на втором и функции герундия после ланча. Ученики не особенно его любили, но многие относились с уважением, а некоторые учились у него любви к своему делу, даже такой эксцентричной и смиренной». В 25 лет ему уже мерещились старость, болезни, одиночество. Однако все еще могло измениться — и изменилось.

2. Роман из мусорной корзины

Мы подступаем к поворотному моменту в писательской судьбе Кинга, вдохновившему с тех пор десятки, а то и сотни начинающих авторов. Легенда о Мусорной Корзине вошла в анналы мировой литературы, но, как и все легенды, сильно

удалилась от реальности. Возможно, писатель вообще выдумал задним числом всю историю, хорошо зная, что читатели будут от нее в восторге. Во всяком случае, и он, и Табита продолжают доказывать, что все было именно так. Покидая школу после уроков, Кинг якобы увидел во дворе кучку подростков, которые издевались над какой-то невзрачной девчонкой в дешевой заношенной одежде. Похоже, жертва давно привыкла к такому отношению, поскольку покорно молчала, втянув голову в плечи. В детстве такое видел любой из нас, и у Кинга в даремской школе тоже были две девочки — мишени для издевательств и дурацких шуток. Вспомнив об этом, он по привычке задумался: а что, если бы кто-то из этих обиженных обладал невероятными способностями — например, мог передвигать предметы усилием воли?

О явлении телекинеза тогда много писали, как и о телепатии, снежном человеке и летающих тарелках. Известно, что за поражением революции следует расцвет всяческой мистики. Так было в России после 1905-го, и в Америке-Европе после 1968-го, когда ушедшая в песок «молодежная революция» породила волну интереса к необычным явлениям. В ход шло все — предсказания доморощенных Нострадамусов, истории о сексе с инопланетянами и страшилки о секретных опытах спецслужб. Кинг со студенческих лет был усердным читателем этих историй, которые питают его творчество до сих пор. Правда, научное правдоподобие, которого усердно добивались их авторы, писателя совершенно не интересует. Его романы о тарелках и телекинезе — не сайнс-фикшн, а просто сказки, хотя и страшные.

Именно такой стала история о шестнадцатилетней дурнушке Кэрри Уайт из городка Чемберлен, как две капли воды похожего на Хэмпден. В январе 1973 года Кинг написал несколько начальных страниц, где у Кэрри в душе после урока физкультуры начинается первая, необычайно поздняя менструация. Ее мать, помешанная на религии, никогда не посвящала ее в тайны физиологии, и теперь девушка в ужасе думает, что вот-вот умрет от потери крови. Одноклассницы всячески издеваются над ней и забрасывают тампонами, скандируя: «Заткни течь!» Кое-как Кэрри добирается до дома, где мать, помешанная на религии, встречает ее побоями — ведь на ее дочь-грешницу пало «проклятие крови». Добравшись наконец до своей комнаты и глядя в окно на чистенький и ненавистный городок, Кэрри мечтает о Страшном суде: «Вот бы этот день настал прямо сейчас, и Христос явился не с агнцем и пастушьим посохом, а с булыжником в каждой руке, чтобы крушить насмешников и мучителей, чтобы с корнем вырывать и уничтожать визжащее от страха зло — ужасный

Христос, кровавый и праведный. И вот бы стать ей Его мечом и Его правой рукой!»[33]

Написав этот кусок, где уже скрывался сюжет будущей трагедии, Кинг задумался. История явно получалась длиннее, чем все его предыдущие вещи, а шанс ее напечатать был невелик. Не лучше ли сочинить за то же время несколько рассказов, которые можно будет запродать мужским журналам? Да, так будет лучше. Со вздохом он смял три отпечатанных страницы и сунул их в корзину. Утром Табби отправилась выносить мусор, увидела начало романа и прочла его. А вечером сказала мужу: «По-моему, это здорово. Ты обязательно должен дописать эту книгу». И тогда, и сейчас она позже хвалила написанное Кингом, потому ее слова стали решающим фактором. Отложив пару задуманных рассказов, он сел за роман и закончил его в течение трех недель.

Получившаяся книга, без затей названная «Кэрри», уже содержала то, за что Кинга полюбили читатели — холодящее душу сочетание ужаса и сентиментальности. На первых порах это типичная история Золушки — героиня восстала против тирании матери, вырвалась на школьный бал и оказалась там самой красивой, заслужив любовь прекрасного принца. Но неожиданно сказка превратилась в кошмар: двое злобных шутников вылили на Кэрри ведро свиной крови на глазах у смеющихся школьников и их родителей. Это разбудило дремлющую в девушке силу разрушения, которая библейской карой обрушилась сначала на собравшихся в школьном актовом зале насмешников, а потом и на весь город. Под треск огня и крики гибнущих людей Кэрри заходит в церковь и долго молится — а потом идет домой и убивает мать, сгубившую ей жизнь. И сама умирает от ран и шока на руках одноклассницы Сью — единственной, кто относился к ней по-человечески. От Чемберлена остались обгорелые развалины и надпись на одном из уцелевших домов: «Кэрри Уайт горит в аду». Но всякий читающий мог понять простую мысль: вся жизнь героини сделалась адом из-за жестокости одних и равнодушия других. И нет ничего удивительного, что этот ад в конце концов обрушился на окружающих.

Роман писался не слишком гладко. «Мне не нравился центральный персонаж, — вспоминал Кинг. — Кэрри Уайт казалась тупой и пассивной — готовая жертва. К тому же мне был непривычен чисто девичий кордебалет второстепенных персонажей. Я приземлился на Планете Женщин, и одна экскурсия в женскую душевую в школе не слишком помогала на ней ориентироваться. Для меня писательство всегда было дедом интимным, сексуальным, как касание кожей кожи. При работе с «Кэрри» я был будто в резиновом гидрокостюме, который никак

не удается стянуть».[34] Трудности он преодолевал двумя способами. Первый — выпивать за работой три-четыре бутылки пива, — закрепился надолго и принес в будущем немало проблем. Вторым стало трудолюбивое освоение романного пространства. Образ Кэрри так и остался не слишком убедительным — трудно поверить в ее мгновенное превращение из дурнушки в принцессу. Зато вокруг нее Кинг разместил множество проходных, но запоминающихся героев, черты которых срисовал со своих знакомых и родственников. Этот прием стал для него фирменным и спасал в будущем даже те романы, где главные герои выглядели бледными тенями (а таких было немало).

В «Кэрри» писатель применил и другой свой коронный прием — актуальность. Если в ранних произведениях действие происходило в неопределенном будущем или таком же неопределенном настоящем, то теперь оно четко маркируется хронологически. Обычно его время отстоит от времени издания романа на 2–3 года, чтобы читатели успели вволю испугаться — а что, если написанное осуществится на самом деле? Например, в «Противостоянии», изданном в 1978 году, вселенская катастрофа отнесена к году 1986-му. Для американской литературы, помешанной на хроникальности, такой метод далеко не нов. К тому же он позволяет автору не утруждаться реконструкцией далеких времен, описывая то, что он хорошо знает. В далекое (по американским меркам) прошлое отнесены лишь несколько рассказов Кинга, включая «Жребий Иерусалима», и к творческим удачам их причислить трудно. По той же причине СК, в отличие, к примеру, от своего коллеги Роберта Маккамона, никогда не отправляет своих героев в дальние страны, о которых имеет весьма слабое представление. Почти всегда ему достаточно штата Мэн — уж там-то он знает все. Точнее сказать — все, что может нагнать на читателей страх.

Мэн был выбран еще и потому, что это классическая глубинка, край маленьких идиллических городков. Кажется, что там не может произойти ничего страшного, и как раз поэтому изображенные Кингом ужасы так шокируют и горожан, и читателей. С тех пор действие практически всех романов писателя происходит в таких вот маленьких городках, и 80 % из них находятся в Мэне. Актуальность здесь не только временная, но и географическая — вымышленные города причудливо перемешаны с реальными, через них проходят настоящие шоссе, а их жители свободно попадают в Нью-Йорк или Бостон. Чемберлен из «Кэрри» стал первым наброском будущей «Кингландии»; позже его сменили Касл-Рок и Дерри — два основных кандидата на роль кинговской Йокнапатофы. В этих городках за внешней идиллией

стоят глубоко скрытые мрачные тайны, готовые в любой миг прорваться насилием. И крушащие их монстры — всего лишь воплощение Зла, скрытого в душах их жителей, своего рода расплата за грехи.

Завершенный роман Кинг отправил в нью-йоркское издательство «Даблдэй». Оно было основано за полвека до этого и выпускало главным образом детективы и фантастику в старомодной твердой обложке. Один из изданных им романов понравился Стивену, и осенью 1972 года он послал в «Даблдэй» «Длинный путь» с необычным адресом — «редактору «Параллельного зрения»». Тот сотрудник был в отпуске, и рукопись передали другому редактору — 35-летнему Уильяму Томпсону. Роман не вписывался в формат издательства, о чем Томпсон честно написал автору. Однако заканчивалось письмо обнадеживающе: «Ждем от вас новых работ». Неясно, было ли это обычной вежливостью или искренним интересом к способному провинциалу, но Кинг получил стимул. Поэтому «Кэрри» была отослан им в «Даблдэй» вполне сознательно, а, скорее всего, и задумана с расчетом на публикацию в этом издательстве. Расчет оказался верным — Томпсону было некуда деться от своего обещания, и он сумел пробить издание книги.

В марте 1973-го роман включили в план и выплатили автору аванс в $2500. Всего ему было обещано примерно семь тысяч, что позволяло заткнуть дыры в бюджете, но не более того. Правда, «Даблдэй», как многие издательства, не только сам издавал книги, но и перепродавал права на них другим фирмам. Томпсон сообщил Кингу, что его книга выставлена на аукцион, и за нее можно дополнительно получить пять или даже десять тысяч. Стивен с женой уже поделили эти деньги: на новую машину, оплату счетов, лечение детей (у Наоми было затяжное воспаление среднего уха). Остатка аванса хватило, чтобы перебраться из трейлера в четырехкомнатную квартиру в Бангоре — диву даешься, как дешева была тогда жизнь в сельской Америке! Там были горячая вода и телефон — на прежнем месте его отключили за неуплату, и приходилось бегать к соседям. Писательская карьера все еще казалась далекой мечтой, поэтому Кинг подписал со школой контракт на следующий год.

И тут случилось такое, что мы привыкли видеть только в голливудских фильмах. На состоявшемся 12 мая аукционе издательство «Нью Американ Лайбрэри» неожиданно приобрело права на «Кэрри» за 400 тысяч, из которых половина причитались автору. НАЛ издавал большими тиражами дешевые покеты, и его боссам почему-то понравилась история о девочке, спалившей целый город. Возможно, они решили, что эту книги охотно

раскупят бунтующие подростки. А может, просто приняли ее за удачный ужастик — интерес к этому жанру как раз начал возрождаться после упадка шестидесятых. Вечером того же дня — это было воскресенье, и американцы отмечали День матери — Билл Томпсон по телефону сообщил Кингу радостную новость. «Как вы думаете, Стив, сколько они заплатили?» — осведомился он. «Неужели двадцать тысяч?» — с замиранием сердца спросил будущий миллионер. «Нет, немного больше» — и Билл назвал сумму. Табиты еще не было, и Стивен в некотором обалдении вышел прогуляться. Сначала он забрел в бар, а потом, придя в приятное состояние духа, решил купить жене в подарок что-нибудь экстравагантное. Все магазины были закрыты по случаю праздника, и только в аптеке «Вердьер» нашелся фен за $150. Без сомнения, сегодня фанаты бы уплатили за этот памятный агрегат не один десяток тысяч, но увы — верно прослужив семье лет шесть, фен оказался на помойке.

Жизнь быстро становилась другой. Стивен почувствовал это, когда через несколько дней положил на стол директору школы заявление об уходе. Отныне он был свободен и мог заняться любимым делом. В голове уже зрел сюжет романа о вампирах, который поначалу носил название «Второе пришествие». Но тут возникла новая проблема — здоровье матери. Весной Рут Кинг, одиноко жившая в Дареме, перенесла операцию по удалению варикозных вен на ногах. После этого боли, мучившие ее, не утихли, и обследование выявило неоперабельный рак матки. Вновь, как двадцать лет назад, собрался семейный совет — Стивен, две его оставшихся тетки с домочадцами и приехавший из Нью-Хэмпшира Дэвид. Было решено, что ухаживать за матерью должен Стивен, как единственный здоровый и не связанный работой член семьи. В августе 1973-го он арендовал летний домик в Норз-Уиндеме, на берегу романтического озера Себаго в Западном Мэне. До Дарема оттуда было 20 километров по шоссе, и хозяин уверял, что в домике, оснащенном газовым отоплением, вполне можно жить всю зиму.

Осенью Стивен с некоторым сожалением покинул Бангор и перевез семью на новое место. Рут становилось все хуже, и в феврале она тихо угасла на руках Стивена, Дэвида и их жен. На похоронах Кинг произнес взволнованную речь, из которой присутствующие не поняли ни слова — настолько он был пьян. Детские обиды давно забылись, и Стивен винил себя за то, что забросил мать и плохо заботился о ней. Эти чувства отразились в одном из самых пронзительных его рассказов «Баллада о блуждающей пуле», написанном четверть века спустя. Через какое-то время он начал вносить пожертвования в Американский

центр борьбы с раком, где до сих пор остается одним из крупнейших донаторов.

В апреле вышла из печати «Кэрри». «Даблдэй», ободренный успехом книги на аукционе, издал ее необычно большим для начинающего автора тиражом 30 тысяч. Кроме того, была выпущена тысяча рекламных экземпляров, разосланных в крупные газеты и библиотеки. Бестселлером роман не стал, но расходился неплохо. Теперь можно было поискать жилье получше — при наличии двух громкоголосых детей работать в домике с фанерными стенами стало невозможно. Писатель даже поставил себе стол в полутемном гараже, где кое-как настукивал на машинке главы «Второго пришествия». К тому же хозяин слукавил — зимой в доме по соседству с озером было довольно прохладно, особенно для маленького Джо. Была и еще одна причина уехать: Стивену с Табитой дом напоминал о тяжелых месяцах у постели умирающей Рут.

В это время кто-то из друзей предложил Кингу задешево купить большой и удобный дом в Боулдере, штат Колорадо. Трудно понять, что заставило Кинга единственный раз в жизни обосноваться за пределами Мэна, на совершенно незнакомом ему Среднем Западе. Быть может, он решил, что писателю полезна смена впечатлений. Чуть ли не все американские классики в поисках «второго дыхания» уезжали куда-то далеко — Хемингуэй на Кубу, Джек Лондон на Аляску, Марк Твен вообще в кругосветное плавание. Стивен заменил экзотические дали городком у отрогов Скалистых гор, известным своими лыжными курортами. Первое время Кинги всем семейством ездили по окрестностям, любуясь непривычными пейзажами. А однажды Стивен и Табита решили отдохнуть от детей и уехали на уикенд в отель «Стэнли», одиноко стоящий на горном перевале.

По случаю поздней осени отель был почти пуст, и портье любезно объяснил, что зимой снегопады часто совершенно отрезают его от внешнего мира. Это разбудило воображение Кинга, и он по-новому смотрел и на массивные двери, гасящие любые звуки, и на кроваво-красные ковровые дорожки, и на живую изгородь, остриженную в виде звериных фигур. Все эти детали вошли в роман «Сияние», герой которого — писатель-неудачник — оказался заперт вместе с семьей в мрачном отеле «Оверлук», очень похожем на «Стэнли». Как и Кинги, они жили в номере 217, но Стивен с женой провели там всего одну ночь, а Джек Торранс и его семейство — целый месяц. Этого хватило, чтобы злобный дух, поселившийся в отеле, завладел душой писателя и натравил его на жену и маленького сына. Кинг прибегнул к обычному приему — сделал героя алкоголиком,

чтобы в его поступках можно было обвинить не духа, а банальную белую горячку. На первых порах подобные «кости, брошенные здравому смыслу» нередко встречались в его романах.

«Сияние» в романе — это сила ясновидения, которой наделены сын героя Дэнни и сдружившийся с ним чернокожий повар Дик Холлоранн. Ей противостоит злобная энергия, которую много лет копил отель «Оверлук», питаясь кровавыми происшествиями в его стенах — разборкой ганстеров, самоубийством богатой матроны, гибелью построившего его сумасбродного миллионера Гораса Дервента (очень похожего на реального Говарда Хьюза). Теперь отель может околдовывать постояльцев, превращать пожарные шланги в змей, а подстриженные в форме зверей кусты у входа — в кровожадных хищников. Откуда взялось засевшее в нем Зло, Кинг не объясняет — возможно, оно жило в горах Колорадо с незапамятных времен и было разбужено строительством отеля. Его единственная цель — доводить людей до безумия и гибели, пожирая их души. И особенно сильно оно жаждет «сияющей» души Дэнни, которая может сделать его намного сильнее.

Между Добром и Злом застрял Джек Торранс — человек неплохой и небесталанный, любящий жену и сына, но совершенно безвольный. Он не может противиться ни зову алкоголя, ни тем более влиянию дьявольского отеля. Невинное изучение истории здания быстро превращается в служение «Оверлуку», который требует от него уничтожить своих близких. В конце концов потерявшее разум существо, когда-то бывшее Торрансом, набрасывается на Венди и Дэнни с крокетным молотком. Защищая сына, Венди смертельно ранит монстра, а потом котел отопления взрывается и превращает отель в пылающий факел. Подоспевший на выручку Холлоранн успевает увидеть финал: «Ему показалось, что через окно президентского люкса вылетел какойто громадный темный силуэт, заслонивший собой снежную целину. Он на миг обрел форму гигантской грязной мантильи, и ветер подхватил ее, разодрал, разорвал в клочки, как старую темную бумагу. Потом та штука в небе пропала, и остался лишь «Оверлук», который погребальным костром пылал в ревущей глотке ночи».[35]

Сам писатель в отеле не пил, однако в Боулдере долгой и тоскливой зимой начал основательно прикладываться к бутылке, заменив пиво жидкостями покрепче. Друзей на новом месте он не завел и пил в одиночку, а это, как справедливо утверждают, верный путь к алкоголизму. О чем Табита ему не раз заявляла, получая в ответ обычные оправдания. Ему нужно расслабиться, он слишком много работает. В конце концов, разве он не

обеспечивает семью? Так что плохого в паре бокалов виски? На самом деле их было пять-шесть, но работал Кинг действительно много. Весной он завершил «Сияние» и отослал его в издательство. Почти закончил отложенное на время «Второе пришествие». Написал и несколько рассказов, которые журналы брали теперь гораздо охотнее — ведь автор стал уже «настоящим» писателем.

В июне 1975 года случилось неминуемое — семейство Кингов устало от Колорадо и собралось обратно в Мэн. Они купили дом на окраине Бриджтона, недалеко от прежнего места жительства и тоже на берегу озера, только не Себаго, а Длинного — Лонг-Лейк. Там у Кинга впервые появился собственный кабинет, где он с комфортом разместил стол с пишущей машинкой, стеллажи с книгами и коллекцию пластинок. В этой комнате было доведено до победного конца «Второе пришествие». Вдали от Хэмпдена злоба Кинга на его жителей пропала, и в романе они предстали людьми симпатичными, но слабыми, неспособными противиться могущественному древнему злу. Пропал и заложенный в названии сатирический смысл — вначале Кинг хотел представить появление в городе вампира Барлоу как пришествие истинного божества горожан, которого они всегда ждали. Того, кто заменит одолевающие их мелкие страсти одной-единственной — жаждой крови. Одной из зачарованных им жертв вампир доверительно сообщает: «Люди здесь все еще полнокровны, они наполнены агрессивностью и тьмой… Они не заковали жизненную силу, полученную от матери-земли, в оболочку из стекла и бетона. Их руки глубоко погружены в воды жизни, и они весьма энергично пьют друг у друга кровь».

В процессе работы замысел изменился, и Кинг назвал роман именем своего выдуманного городка — Салемс-Лот или «Жребий Салема». Старое название многим могло показаться кощунством, а ссориться с церковью ему не хотелось. В романе католический патер отец Каллаген стал одним из самых симпатичных героев, но и ему не хватило сил схватиться с вампиром. Такие силы нашлись только у двоих — писателя Бена Мирса и одиннадцатилетнего мальчика Генри Петри. У второго кровососы убили родителей, у первого похитили любимую девушку Сьюзен и превратили ее в вампиршу, вынудив писателя вбить ей в грудь осиновый кол. Гнев дает им силы бороться и помогает убить Барлоу, но он уже успел овампирить большую часть горожан. В конце концов им приходится сжечь зачумленный город вместе с его обитателями. А струсивший отец Каллаген пустился бродить по дорогам Америки, чтобы позже появиться в совсем неожиданном месте — Срединном мире, где его находят герои эпопеи «Темная Башня».

Пришествие вампира в «Жребии» становится естественным финалом истории маленького городка, сотканной из больших и малых тайн, страхов и предательств. Это такая же деревенская сага, как «Кануны» Белова или «Прощание с Матерой» Распутина, где роль Барлоу играет железная поступь прогресса. Кинг, плоть от плоти такого же городка, любит его жителей и ненавидит их, но никогда не осуждает. «Жизнь в городе проходит на виду у всех, и все знают даже то, о чем вы с женой говорите по вечерам в своей скрипучей кровати. И в темноте вы тоже принадлежите городу, и город вам, и вы спите вместе, как мертвецы, как камни на вашем поле. Это нельзя назвать жизнью; это медленное умирание дней, и когда в город приходит смерть, она кажется такой же обыденной, сонной и сладкой, как жизнь. Как будто город предчувствует приход смерти и знает, в каком обличье она явится. Город имеет свои тайны и хранит их».

Уже в этом романе проявилось любопытное свойство творческого метода Кинга. Населяя свои романы десятками персонажей, он одним-двумя штрихами характеризовал каждого. Часто коротко сообщал их биографию — «Майку Райерсону было только двадцать семь, и он успел отучиться три года в колледже. Он был не женат; многих отпугивала его работа могильщика. Этого он не мог понять, ему самому работа казалась прекрасной». Уже на десятой странице его городок наполнялся знакомыми лицами и тем становился близок читателю — а также главному герою, который часто оказывался приезжим, как Бен Мирс.

По контрасту, зло в романах является ниоткуда — о Барлоу из «Жребия» мы не знаем почти ничего. Вскользь сообщается, что он приехал из Германии (там у него была фамилия Бройхен), а своего подручного Стрэйкера убил «по старому македонскому обычаю». Своим врагам он говорит: «Католическая церковь — далеко не самый старый мой противник. Я уже был стар, когда ее приверженцы таились в римских катакомбах и малевали на стенах рыб… Мои ритуалы были древними, когда ритуалов вашей церкви еще не было и в помине. Я знаю пути добра, как и пути зла. И я еще не пресытился». Остается только гадать, сколько прожил на свете этот кровосос — воплощение древнего Зла. И от этой неясности становится еще страшнее.

Кинг упорно избегает «осовременивания» вампиров, настойчиво применяемого его коллегой Анной Райс. Его Барлоу абсолютно чужд цивилизации, как и граф Дракула. Брэм Стокер впервые использовал мотив пришествия древнего монстра в современный город, жители которого не верят в вампира и именно поэтому легко становятся его жертвой. Чтобы спастись, им приходится обращаться к «примитивной» вере балканских

крестьян в талисманы, чеснок и осиновые колы. «Хозяйка сняла со своей шеи крест и предложила мне надеть его. Я не знал как поступить, так как будучи членом англиканской церкви, привык смотреть на такие вещи как на своего рода идолопоклонство».

В итоге герой Стокера сделал выбор в пользу суеверий и только поэтому выжил. Тот же выбор совершают герои «Жребия», «Оно», «Давилки» и множества других кинговских историй. Им приходится поверить в то, что современному американцу кажется куда более непостижимым, чем средневековому крестьянину самолет или мобильный телефон. «Оно должно было только ждать до тех пор пока акт веры не станет невозможным, — размышляет Майк Хэнлон из «Оно». — Наши перспективы сузились, наша вера в колдовство износилась, как пара новых ботинок после многодневного хождения… И теперь, когда мы не верим больше в Санта-Клауса, в Золотой Зуб, в Тролля под мостом, Оно готово к встрече с нами».

Кинг подводит читателя к мысли, что от монстра может спасти только вера в чудо: «Оно не знало, что вера имеет вторую грань. Если есть десять тысяч средневековых крестьян, которые создают вампиров верой в их реальность, может быть один — возможно ребенок, — который будет в состоянии поверить в кол, чтобы его убить. Но кол — это только глупая деревяшка, воображение — вот молот, который вгоняет его в тело вампира». Потому и отец Каллаген, утративший веру, не смог противостоять Барлоу, который наставительно говорит ему: «Ты что, забыл доктрины собственной церкви? Без веры крест — простое дерево, хлеб — испеченное зерно, а вино — сок винограда». Результат ясен: «Барлоу выступил из темноту и вырвал у него бесполезный крест. Каллаген жалобно вскрикнул. Следующие звуки преследовали его до конца жизни: два сухих щелчка, когда Барлоу обломал кончики креста, и стук обломков, упавших на пол». Только когда Каллаген уверовал вновь — это случилось через много лет и в другом мире, — он сумел вступить в бой с вампирами, выстоять и погибнуть героем.

Любопытно, что овампиренный и сгоревший дотла Салемс-Лот воскрес три года спустя в двух рассказах из сборника «Ночная смена». В первом рассказе «Один на дороге» (другой и более правильный перевод — «На посошок», For the Road) уцелевшие вампиры из города подстерегают на шоссе проезжих туристов. Во втором, «Джерусалемс-Лот», в духе Лавкрафта описывается посещение любознательным туристом городка, где в XVIII веке находилось поселение некоей сатанинской секты. Там Чарльз Бун обнаружил не только живых мертвецов, хранящих древние тайны, но и чудовищного червя, который ждет своего часа в пещере под

фундаментом старой церкви. Если этот город — будущий Салемс-Лот (а, скорее всего, так и есть), то семена Зла здесь были посеяны задолго до постройки дома Марстенов. Так в творчестве Кинга укоренялась пришедшая из готической мистики тема проклятых городов, население которых веками расплачивается за грехи отцов-основателей.

Вампиры и впредь оставались «любимцами» Кинга, хотя он больше нигде не описывал их так подробно, как в «Жребии». Их можно встретить в рассказах «Деда» и «Ночной летун», в последних томах «Темной Башни» — и выделить им почетное третье место в кинговском каталоге монстров. Второе занимают коварные инопланетяне — память о фантастических журналах, прочитанных в детстве. На первом утвердилась Безымянная Тварь, в сознании писателя прочно соединенная с букой из шкафа. Эпизодически встречаются ожившие механизмы, привидения и зомби. Еще реже — оборотни, любимые герои массовой культуры (можно вспомнить разве что «Цикл оборотня» и «Талисман»). В отличие от более продвинутых коллег, Кинг полностью игнорирует сказочную нечисть — драконов, великанов, джиннов и так далее. Должно быть, подозревает, что в Америке они не водятся, а его интересуют только страхи американцев.

В романах (особенно ранних) Кинг старательно воспроизводит киношный ассортимент не только монстров, но и героев. В том же «Жребии» имеются Супермен, его Подруга, Храбрый Мальчик, Мудрый Советчик, Трусливый Представитель Власти, Ученый Скептик и целая толпа Недоверчивых Старожилов. Позже Кинг довел количество действующих лиц до невероятных масштабов — в «Противостоянии» и «Оно» их около сотни. Похоже, это делалось специально, чтобы читатель мог отыскать в многообразии возрастов и характеров кого-то подходящего и отождествить себя с ним. Правда, были и минусы — к концу книги лишние персонажи начинали путаться под ногами, и их приходилось убирать с дороги каким-нибудь притянутым за уши трюком, вроде атомного взрыва в том же «Противостоянии». И все же «обойма» из 5 — 10 непременных персонажей продолжала кочевать из романа в роман.

Не исчезли и писатель с мальчиком, учитель и ученик, ставшие любимыми героями Кинга. Иногда в его романах действовал только писатель (врач, музыкант и так далее — в общем, оторванный от народа интеллигент), иногда — только мальчик, но чаще они появлялись вдвоем. Писатель вначале был молод (Бену в «Жребии» едва за тридцать), потом он старел вместе с автором, или даже обгоняя его. В «Сердцах в Атлантиде»

юного Бобби наставляет совсем пожилой Тед Бротигэн, тоже ставший одним из героев «Темной Башни».

Но пока еще Кинг молод и одержим новыми замыслами. Едва окончив «Жребий», он берется за роман о вселенской катастрофе. Эта тема владела умами людей искусства весь XX век. На роль истребителей человечества последовательно предлагались марсиане, астероиды, атомная бомба, глобальная эпидемия и даже разумные подсолнухи из «Дня триффидов» Джона Уиндема. В разное время Кинг отдал дань все этим бедствиям, но для романа выбрал эпидемию. Естественно, она возникла не просто так, а случайно вырвалась из секретных лабораторий армии США. Это отвечало тогдашним настроениям: в 1975-м началось расследование незаконной деятельности ЦРУ, совсем недавно случился Уотергейт, и многие были готовы обвинять власть в самых страшных грехах.

Идея романа родилась у Кинга еще в Бриджтоне, когда он пытался написать книгу о Патриции Херст — примкнувшей к террористам дочери миллиардера. Он собрал множество материалов, но книга (ее планировалось назвать «Дом на улице Вэлью») так и не сложилась. В процессе изысканий на глаза писателю попалась газетная статья о случайном выбросе бактериологического оружия в штате Юта. Погибло стадо коров, а если бы ветер подул в другую сторону, то не поздоровилось бы и мормонской столице Солт-Лейк-Сити. Кинг сразу представил городские улицы, заваленные трупами жертв неведомой болезни. Эти образы являлись снова и снова, пока не превратились в единый сюжет. Супергрипп «Капитан Шустрик» истребляет почти все население Штатов. Немногие выжившие сходятся в Боулдере, штат Колорадо, пытаясь как-то наладить мирную жизнь. Но теперь им противостоит не слепая стихия болезни, а могучая воля «Темного человека» — воплощения зла по имени Рэндалл Флегг. Он собирает своих приверженцев в Лас-Вегасе (воплощении греха, дружно проклинаемом всеми церквями Америки) и ведет их войной на последний бастион демократии.

Здесь Кинг впервые подступился к идее сознательного, воплощенного Зла. Монстры из его рассказов не злы — они просто хотят кушать. Даже вампиры и оборотни губят людей лишь потому, что такова их природа. Они даже могут быть добрыми, как Волк из будущего «Талисмана». Флегг же, хоть и притворяется добрым и справедливым, получает удовольствие от лжи, разрушения и убийства. Он служит Злу и этим весьма напоминает Антихриста, хотя Кинг в первое время отвергал эту аналогию. Позже он создал разветвленную демонологию, где у Антихриста-Флегга появился свой хозяин, Сатана кинговского

мира — Алый Король. Но об этом позже. Пока что эти сложные вопросы не занимают писателя — он увлеченно описывает хаос, врывающийся вместе с супергриппом в американские города.

Тем временем «Жребий» в июне 1975 года вышел в «Даблдэе». Еще недавно Кинг считал это издательство своим благодетелем, но понемногу у него копилось недовольство. Новый роман издали скромным тиражом 20 тысяч и заплатили за него куда меньше, чем другим писателям его возраста и статуса. «Стандартный контракт «Даблдей» тех времен, — вспоминал он, — был ненамного лучше долгового рабства». К тому же его тексты активно правили — не только исправляли ошибки, но и вычеркивали абзацы и даже целые страницы. Из «Жребия» пришлось убрать сцену, в которой доктора Коди живьем съели крысы — союзники вампиров. Ее сочли слишком отталкивающей, и в итоге несчастный погиб, упав с высоты на острые колья — ловушку тех же вампиров. «Сияние» вообще признали затянутым и предложили сократить. Кингу не нравилось, что с ним по-прежнему обращаются как с новичком. Особенно после того, как известный режиссер Брайен Де Пальма осенью 1975-го купил у него права на экранизацию «Кэрри». Малобюджетный фильм оказался весьма успешным — прежде всего благодаря главной героине, которую блестяще сыграла будущая звезда Сисси Спейсек. Вышедшую на широкий экран в мае 1976-го «Кэрри» посмотрело в десять раз больше людей, чем прочитало книгу. Только после этого большинство американцев узнали имя Кинга.

В семидесятые годы писатель в сознании общества еще не превратился в общественную фигуру, обязанную таскаться по светским тусовкам. Поэтому Кингу пришлось всего несколько раз появиться на презентациях фильма и встречах с читателями (к премьере «Даблдэй» приурочил допечатку тиража «Кэрри»). Остальное время он по-прежнему проводил в Бриджтоне с семьей, которой предстояло снова подрасти — Табита была беременна третьим ребенком. Они гуляли по берегу озера, катались на катере (в городке почти у всех были свои плавсредства), раз в неделю ходили в кино. Однажды Кинг поехал в супермаркет и задержался там из-за сильной грозы вместе с толпой покупателей. Ему пришло в голову: что, если бы снаружи людям угрожало не прозаическое ненастье, а какие-нибудь страшные монстры? Как бы повели себя люди? Наверняка среди них нашлись бы и храбрецы, и трусы, и эгоисты, готовые пожертвовать другими ради собственного спасения.

Следующим утром он начал повесть «Туман» о нашествии на Бриджтон гигантских насекомых, то ли выведенных в ходе какого-то секретного эксперимента, то ли проникших из паралелльного

мира. Их описания впечатляли: «Паук был величиной с крупную собаку, черный с желтыми полосками. «Как гоночная автомашина», — пронеслась у меня в голове сумасшедшая мысль. Глаза его блестели красно-фиолетовым, гранатовым огнем. Он приближался к нам, выпуская паутину из отверстия вверху живота. Веревки плыли к нам почти правильным веером. Одна веревка обмоталась вокруг левой руки Майка Хатлена. Вторая перехлестнула его шею и затянулась после нескольких рывков. Вена на шее прорвалась, выбросив фонтан крови, и Майка с безвольно повисшей головой уволокло в туман».[36]

Вся Америка потонула в кишащем чудовищами тумане, и лишь горстка храбрецов пробивается в большой город, где их, возможно, ждет спасение. Им приходится бороться не только с монстрами, но и с товарищами по несчастью, которые впали в панику или просто обезумели, как самозваная пророчица миссис Кармоди — чтобы спастись от «Божьего гнева», она предлагала принести в жертву маленького сына героя. Кроме Джо, Кинг вставил в повесть и своих соседей, и жену (которой дал имя ее сестры Стефф), и реальную географию Бриджтона. «Туман» был написан всего за четыре дня — правда, потом автор переписал его, слегка сократив, чтобы избежать, как он говорил, «литературной слоновости». При этом он удачно поймал нужный ритм повествования, начавшийся с первой фразы — «Вот как это произошло». Правда, честно признался, что украл ее из детектива Дугласа Фэйрберна «Выстрелы».

Повесть, вошедшая позже в сборник «Команда скелетов», стала одним из классических «ужастиков» Кинга. Но в то время его занимал более сложный проект — роман о ясновидящем, начатый еще весной. Первичный замысел родился еще во времена уотергейтского скандала — показать, как простой человек разоблачает бессовестного политика. Постепенно возник сюжет: долгая кома после автокатастрофы пробудила у героя, Джонни Смита, способность к ясновидению. Потеряв невесту, Сару Брэкнелл (в одном из русских переводов она звалась Сайрой), которая за время его болезни вышла за другого, он теперь видит смысл жизни в служении справедливости. Вначале в городке Касл-Рок, во многом списанном с Бриджтона, он разоблачает маньяка Фрэнка Додда — убийцу восьми девочек и женщин. Потом пытается противостоять рвущемуся к власти политику Грегу Стилсону. Пожав ему однажды руку, Смит отчетливо видит его будущее: этому человеку суждено стать президентом США и втянуть мир в ядерную катастрофу.

Смит находит только один способ остановить Стилсона — на встрече с избирателями он наугад стреляет в политика и тут же

гибнет, изрешеченный пулями охраны. Однако Грег показал свое истинное лицо, когда при звуке выстрела выхватил у сидящей рядом женщины ребенка и заслонился им. Итог его карьере подводит заснявший весь эпизод репортер Клоусон: «Теперь НьюХэмпшир не выберет его даже в бригаду по отлову собак».[37] Похоже, Смит предвидел такой исход и умер успокоенным, достигнув своей цели. Нечто подобное реально случилось в 1935 году, когда близорукий 29-летний врач Карл Вайс застрелил кандидата в президенты Хью Лонга — популиста и демагога, который многим напоминал Гитлера.

В Советском Союзе «Мертвую зону» заметили довольно быстро и расхвалили за обличение американской действительности. В романе в самом деле досталось всем: и политикам, и бульварным журналистам, и полиции (ведь маньяк из Касл-Рока оказался полисменом). Однако обличительского пафоса у Кинга не было. В конфликте между положительным, почти святым Смитом и Грегом Стилсоном он увидел еще одно воплощение вековечной борьбы Добра и Зла. Ведь Грег обречен взорвать мир не из-за политических соображений (да и какие это могут быть соображения?), а из-за своей несомненной приверженности Злу. Еще в начале романа мы видим как он, будучи молодым коммивояжером, является на ферму и в отсутствие хозяев забивает насмерть их дворового пса. Это жестоко, нелепо, иррационально — точно так же, как тот злобный дух, что вселяется в полицейского Фрэнка Додда, заставляя его убивать школьниц.

В конце 1976 года «Мертвая зона» была дописана, но в издательстве «Даблдэй» опять потребовали ее сократить, и Кинг забрал роман обратно. Зато в феврале следующего года вышло в свет «Сияние», хоть и в усеченном виде. Полный вариант сохранился и был издан в 2002 году. Тогда и стало ясно, что большинство издательских правок было вполне оправданно — убирали длинноты и красивости, которые автор вставлял в текст, чтобы доказать свое мастерство. В итоге «Сияние» застряло где-то посередине между психологическим романом и ужастиком, и издатели вполне резонно решили приблизить его к последнему жанру, с которым стойко ассоциировалось имя Кинга. Но в то время писатель не желал это видеть и начал потихоньку подыскивать новое издательство. Этот процесс на время прервался важным событием — 21 февраля 1977 года появился на свет его третий и последний отпрыск, Оуэн Филипп. Интересно, что в прессе и даже в литературе часто называется другая дата — 1979 год. Такой же разнобой с датами рождения Наоми и Джо порожден самим Кингом, который, как уже говорилось, обожает

мистифицировать читателей по мелочам. Хотя есть и другой вариант — он просто не помнит даты рождения отпрысков, как и своих персонажей (их возраст он путает чуть не в каждом романе).

«Сияние» разошлось тиражом 25 тысяч и вошло в престижный список бестселлеров «Нью-Йорк таймс». Это был явный успех, и писатель потребовал уплатить ему за три следующих романа аванс в $3,5 млн., но боссы «Даблдэя» отказались. Тогда Кинг объявил, что впредь будет печататься только в НАЛ. Права на его издания в твердой обложке осталис у «Даблдэя», но через полгода фирма перепродала их крупному издательству «Викинг пресс», которое «присвоило» Кинга на целых 18 лет (кстати, впоследствии НАЛ и «Викинг» объединились в структуре англо-американского издательского гиганта «Пингвин букс»). В процессе ухода из «Даблдэя» писатель завел, наконец, литературного агента — 38-летнего Кирби Макколи из Миннесоты. Он работал с Кингом почти двадцать лет, став его консультантом, собутыльником и другом семьи.

В марте 1977 года в НАЛ вышла первая «мягкая» книга Кинга — старая повесть «Смириться с этим», получившая теперь название «Ярость». Вместо подлинной фамилии автора на обложке стоял псевдоним «Ричард Бахман». Кинг сам еще не знал, что этот выдуманный персонаж останется с ним на долгие годы и всерьез осложнит ему жизнь.

3. Зарыть двойника

Те, кто зачитывался триллерами Кинга, не подозревали, какой ценой они даются автору. Написание каждой книги было для него, по сути дела, сеансом психоанализма — оживлением множества страхов, таящихся в его душе. Такая реанимация не проходила бесследно. Чтобы прийти в себя, ему все чаще требовался алкоголь, к которому скоро добавились наркотики. Где-то с лета 1980-го он уже плотно «сидел» на кокаине. «Одна доза, — вспоминает писатель, — и он завладел моими душой и телом, словно организму только это и требовалось». Не брезговал Стивен и «колесами», а заодно пил зубной эликсир. «Видя, как быстро исчезают из ванной флаконы «листерина», Табби спросила, уж не пью ли я эту дрянь. Я с благородным негодованием ответил, что даже и не думаю. Так оно и было. Я пил «скоуп». Он вкуснее, тем более с привкусом мяты».[38] Без сомнения, если бы в Америке выпускали огуречный лосьон, всемирно известный писатель с удовольствием употреблял бы и его.

В свое оправдание он приводил так называемую «защиту Хемингуэя»: «Как писатель, я очень чувствителен, но я еще и мужчина, а настоящие мужчины не дают волю чувствам. Вот я и пью, чтобы раскрепоститься». В «Как писать книги» Кинг вспоминал: «У нас в семье все решали свои проблемы сами. Но та часть моего существа, которая пишет, глубинная часть, которая знала, что я алкоголик, еще в семьдесят пятом, этого не принимала. Молчание — это не для нее. И я начал вопить о помощи единственным способом, который был мне доступен, — своей прозой и своими чудовищами».[39]

Позже ему стоило немалого труда признать: «В «Сиянии» я, сам того не сознавая, описал себя». Конечно, Кинг не гонялся за близкими с крокетным молотком, но в душе его шла та же борьба Добра и Зла, которую он описывал в своих книгах. После очередного «расслабления» он изводил Табби и детей пьяными придирками, ударялся в амбицию или вдруг разражался слезами. Наутро он ничего не помнил. Много раз он обещал жене завязать — результат известен каждому алкоголику. Дошло до того, что он не мог заснуть, пока в холодильнике оставалась хотя бы одна бутылка пива. Если здравый рассудок еще сохранялся, он выливал остатки пива в унитаз, если нет — допивал все до капли.

По воспоминаниям Табиты, он похмелялся с утра до обеда, а к пяти уже был пьян — и так каждый день. Обычно все

происходило на глазах семьи; Кинг стыдился своего пьянства и только изредка брал в компанию кого-нибудь из друзей. «В бары я ходил редко, — каялся он в интервью, — поскольку мог вытерпеть только одного пьяного засранца — самого себя, притом большую часть дня писал. Поэтому я пил дома. Дети воспринимали мое пьянство как нечто привычное, пускай и не самое веселое в жизни». Порой ему казалось, что внутри него живет другой человек, которому пьянство доставляет удовольствие. Этот человек радовался, заставляя страдать себя и других. Он был Злом, и Стивен боялся, что рано или поздно он завладеет им и заставит совершить ужасные поступки.

Как говорится, мастерство не пропьешь. Писательская фантазия не могла пройти мимо подобной ситуации, и у Кинга родился старый, как мир, замысел романа о двойнике, ожившей тени, восставшей против своего хозяина. Но в жизнь этот замысел воплотился нескоро. Пока что он решил дать двойнику собственное имя — так сказать, отделить его от себя. Так родился Ричард Бахман. В аннотации к его первой книге говорилось, что автор много лет плавал на кораблях торгового флота, потом поселился на ферме в Нью-Хэмпшире и стал по ночам писать романы, поскольку страдал хронической бессонницей. У него была жена, мексиканка Клаудия Инес, и сын, который в возрасте шести лет упал в колодец и утонул. Вероятно, Бахман сам доил коров, чинил прохудившуюся крышу и при необходимости мог зарезать курицу, на что у самого Кинга никогда не хватало духа.

Кинг решил подарить двойнику свои ранние книги, где с избытком хватало агрессии и молодежного экстремизма. Позже Кинг писал: «Хорошие это романы? Не знаю. Достойные? Думаю, что да. Под достойными я понимаю одно: написаны они не халтурно, а с полной самоотдачей. Причем нынче я могу только позавидовать той энергии, которую в прошлом воспринимал как нечто само собой разумеющееся». Первой книгой Бахмана стала «Ярость», за ней с двухгодичными интервалами последовали «Длинный путь» и «Дорожные работы». Последняя книга была написана в 1974 году после «Жребия», когда Кинга по молодости лет еще смушал ненароком заданный на вечеринке вопрос: «Когда же вы напишете что-нибудь серьезное?» Там говорилось о человеке, с оружием в руках защищающем свой дом, который решили снести для строительства дороги. По настроению книга очень напоминала «Ярость», но ее героем был не бунтующий подросток, а вполне зрелый Бартон Доуз. Поэтому он выглядел откровенным психопатом, а сама повесть стала самым слабым из пяти выделенных Бахману произведений.

В мае 1982-го появился очередной том «бахманиады» —

«Бегущий человек». Эта книга объемом 304 страницы была написана весной 1971 года всего за десять дней. Как и «Длинный путь», она рассказывала о жестоком шоу тоталитарной Америки будущего. Безработный Бен Ричардс, чтобы спасти умирающих с голоду жену и дочь, вынужден участвовать в игре на выживание, где за ним гоняются не только профессиональные охотники, но и добровольцы. Впрочем, сюжет можно не пересказывать — все смотрели голливудский фильм 1987 года с зубодробительным Шварценеггером. Однако в фильме герой всех побеждает и остается жить, а в книге погибает, врезаясь на самолете в небоскреб ненавистной Федерации Игр (каково предвидение за тридцать лет до 11 сентября!) Естественно, фильм Кингу не понравился, и он поначалу даже отказался ставить в титры свое имя. Но и в тексте есть слабые места — там, например, где герой братается с угнетенными неграми и строит вместе с ними планы революции. Эх, не заметил книжку советский агитпроп!

Если Кинг писал такое лишь в молодые годы, то для Бахмана подобные настроения были вполне органичны. Он явно был решительней и жестче своего творца. Стивен отчетливо представлял себе, как он выглядит: высокий мужчина в старомодном костюме и соломенной «федоре», будто сошедший с картины Гранта Вуда «Американская готика». Натруженные руки, сурово сжатые губы, холодные серые глаза. Он даже раздобыл где-то похожее фото и поместил в одну из книг Бахмана. Иногда ему казалось, что он видит двойника, и Табита рассказывала, что, выпивая в одиночестве, он вдруг начинал с кем-то горячо спорить. Как ни странно, Бахман становился популярным. Его сборник «Книги Бахмана», куда вошли все четыре повести, продавался даже лучше, чем вышедший в том же 1985 году сборник Кинга «Команда скелетов».

Десятилетие, проведенное рядом с двойником, было для Кинга еще и пиком алкогольно-наркотического забвения. Позже он признавался, что абсолютно не помнит, как писал роман «Куджо», изданный в 1981 году. То же относилось и к другим произведениям. Спасло его то, что перед началом работы он составлял и вешал на стенку подробный синопсис с указанием сюжетных линий, героев и их характеров. Оставалось нанизывать на этот сюжет «шашлык» описаний и образов, что можно было делать и во хмелю. Однако это не избавляло от ошибок, по количеству которых Кинг, вероятно, превосходит всех современных ему писателей. Он то и дело называл одних и тех же персонажей разными именами, забывал о них или, напротив, возвращал в сюжет, когда они должны были давно погибнуть. Эти ошибки давно подсчитаны дотошными кинговедами — в одной

«Мертвой зоне» их больше тридцати. Но странно не то, что они были, а то, что Стивен вообще мог писать, постоянно находясь «под мухой».

Табита была в панике — ее брак разваливался, а место любимого мужа все чаще занимал какой-то чужой и неприятный человек. Когда она перепробовала все — скандалы, уговоры, угрозы — лекарством стала перемена мест. Осенью 1977 года она горячо поддержала предложение английских издателей, которые в рекламных целях пригласили Кинга пожить в Лондоне. Он поселился в том же номере отеля «Браунс», где когда-то жил Киплинг, и писал за тем же столом. Потом оказалось, что именно там автора «Маугли» сразил роковой сердечный приступ, и суеверный Стивен перебрался в другую квартиру на окраине столицы. Британские интеллектуалы, неравнодушные к жанру «хоррор», быстро разочаровались в госте — на пресс-конференциях он не говорил ничего умного, пытаясь по американской привычке развлекать публику. Можно сказать, что Кинг и Англия за три месяца ничего не дали друг другу. В Лондоне происходит действие только двух его рассказов — «Крауч-Энд» и «Дом на Кленовой улице», причем в обоих британцы выведены не слишком привлекательно. Поездка имела только одно следствие — во время нее Кинг познакомился со своим будущим соавтором Питером Страубом.

В конце 1977 года семья вернулась в родной Мэн и обосновалась в десятке километров от Бриджтона, в крошечном городке Сентер-Ловелл. Там Кинг вернулся к своей «катастрофической» эпопее, получившей название «Противостояние», которая в итоге выросла в «кирпич» объемом 1600 страниц. Алкоголь внес свой сомнительный вклад и в это творение — под конец автор откровенно запутался в множестве героев и сюжетных линий. Пришлось разрубить этот гордиев узел при помощи ядерного взрыва, который уничтожил всех плохих персонажей вместе с «антихристом» Флеггом, а заодно и половину хороших. Теперь оставшиеся могли спокойно восстанавливать ту самую технологическую цивилизацию, которая погубила их привычный мир. Кинг признавался: «Временами я искренне ненавидел «Противостояние», но ни разу и не подумал бросить его на полдороге. Я не мог дождаться утра, чтобы снова сесть за машинку и окунуться в мир, где Рэнди Флэгг может превратиться то в ворону, то в волка и где идет отчаянный бой не за распределение бензина, а за человеческие души».[40] «Вопреки апокалиптической теме, — заключает он, — это книга, полная надежды».

«Противостояние» по условиям договора должно было выйти

в издательстве «Даблдэй», которое воспользовалось случаем, чтобы излить на Кинга обиду. Всячески защищавший его Билл Томпсон был уволен, а новый редактор настаивал на сокращении книги почти в полтора раза. После долгих споров Кинг сумел вернуть часть выброшенных эпизодов, но роман все же «похудел» до 823 страниц. Его полное издание объемом 1153 страницы вышло только в 1990 году — по иронии судьбы, именно в издательстве «Даблдэй». «Противостояние» было выпущено в марте 1978 года, а в октябре Кинг издал свою последнюю «даблдэевскую» книгу — сборник рассказов «Ночная смена». Он составил его еще в феврале 1977-го, но издатели до последнего колебались, по опыту зная, что рассказы продаются хуже, чем романы. В итоге они определили сборнику в твердой обложке смехотворный тираж 12 тысяч, однако книга разошлась за месяц с небольшим, и пришлось выпускать допечатки.

Многие из рассказов «Ночной смены» уже были опубликованы в «Кавалере» и других мужских изданиях. В них кинговская фантазия предстает в чистом виде, свободном от позднейшего кокетства и заигрывания с читателем. Каждый рассказ так или иначе относится к одному из шести не слишком оригинальных сюжетов, к которым можно свести все творчество СК. Первый — «проклятое место». О покинутом городе, одержимом злом, повествует уже упомянутый рассказ «Жребий Иерусалима». Тот же сюжет разрабатывается в известном по множеству экранизаций рассказе «Дети кукурузы». Молодожены Берт и Вики Робсон сбиваются с дороги в бескрайних кукурузных полях Небраски и попадают в городок Гатлин, где живут одни дети. Все жители старше девятнадцати исчезли — есть подозрения, что кровожадные детишки принесли их в жертву загадочному кумиру, «Тому, кто обходит ряды». Его изображение в виде Христа супруги находят в городской церкви: «Спаситель улыбался, раздвинув губы в волчьем оскале. В больших черных зрачках, окаймленных огненной радужницей, не то тонули, не то горели два грешника. Но сильнее всего поражали зеленые волосы — они были сделаны из множества спутанных кукурузных метелок».[41] Очередной жертвой сектантов стала Вики, распятая на кресте. Это страшно, но обыденно — мало ли в наши дни изуверских культов! Однако «Тот, кто обходит ряды» — не вымысел. Монстр, которому поклоняются «дети кукурузы», существует реально — «красные глаза-плошки, зеленый силуэт в полнеба», — и Берт Робсон видит его в последние секунды жизни.

Явление кукурузного демона выводит нас ко второму из кинговских сюжетов — «безымянной твари». В рассказе «Нечто серое» (другой перевод — «Серая дрянь», Gray Matter) это серая

плесень, превращающая людей в подобие громадных амеб-каннибалов. В «Ночной смене» — чудовищный «крысиный король», который управляет полчищами грызунов-мутантов, обитающих в подвале ткацкой фабрики. Из невинной байки, услышанной писателем на фабрике Варумбо, выросла впечатляющая история о бригаде рабочих-чистильщиков, съеденных крысами размером с поросенка. Присутствует тут и конфликт характеров — герой Холл, как обычно, списанный с автора, и зловредный мастер Уорвик, не желая уступать друг другу, лезут в крысиное логово и, конечно же, погибают.

К той же категории относится очень типичный для Кинга рассказ «Бука» (The Boogeyman). Клерк Лестер Биллингс приходит к психиатру после смерти трех своих маленьких детей. Каждый из них жаловался родителям на страшного буку, который сидит в шкафу, а потом умирал от удушья или еще от какой-нибудь внезапной хвори. Тупица Биллингс до последнего не верил им и не позволял оставлять на ночь свет или спать в комнате родителей — пусть вырабатывают смелость. Только под конец он увидел буку, но было уже поздно: «Когда я ворвался в спальню, оно трясло моего мальчика, словно терьер какую-нибудь тряпку… трясло, пока у Энди не хрустнули шейные позвонки».[42] На первый взгляд, герой просто непроходимый тупица, но потом в разговоре с психиатром он сознается, что сам боялся буку и отдал ему младшего сына из эгоизма: «ведь Энди слабейший». Но быть может, он просто не хотел спасти детей? Может, в его душе жил монстр, который наслаждался смертью малюток, или даже сам убил их? Это остается неясным — в конце Биллингс, на прощание заглянув в кабинет, видит вместо врача того самого злого буку.

В экранизации рассказа бука настоящий — классическая «безымянная тварь». Но по тексту больше похоже, что бука со всеми его безобразиями существует только в больной голове Х. Поэтому рассказ плавно переводит нас к третьему сюжету — неизбежному для Кинга зловещему двойнику. В рассказе «Человек, который любил цветы» прохожие умиляются, видя молодого красавца с букетом роз. Но скоро открывается зловещая реальность — вручая букет очередной избраннице, юноша тут же зверски убивает ее. Оказывается, он в своем помешательстве принял ее за другую — свою давно умершую возлюбленную, — и теперь мстит ей за свою ошибку. Причем делает это уже не в первый раз: «это была не Норма. Ни одна из них не была Нормой… Но он знал свое имя. Его имя было Любовь». Что ж, это вполне по-кинговски (и по-фрейдистски) — Любовь с окровавленным орудием убийства. То же происходит в «Земляничной весне», где рассказчик с ужасом описывает

«подвиги» маньяка, убивающего девушек, и лишь в конце понимает, что этот маньяк — он сам.

Герой рассказа «Я — дверь» (I am the Doorway) — астронавт, побывавший на Венере, где в его тело тайно проник чужой могущественный разум. По возвращении домой на его пальцах открылись глаза, которыми инопланетяне изучают Землю. А при случае и убивают — пальцы-глаза испепелили юношу, случайно узнавшего об их существовании. Все попытки героя избавиться от непрошеных гостей оказались напрасными, и финал застает его на пороге самоубийства. Этот рассказ напоминает произведения Лавкрафта, но обращается к важной для Кинга теме инопланетного вторжения. Впрочем, его можно рассматривать и шире — как противоборство «маленького человека» с мощной и безжалостной силой. Это могут быть ожившие зомби из рассказа «Иногда они возвращаются». Или босс мафии Кресснер, заставивший любовника своей жены пройти по карнизу небоскреба в рассказе «Карниз». В лучших традициях Хичкока герой несколько раз готов сорваться вниз, но добирается до цели и даже припирает к стенке гнусного мафиозо. Правда, хэппи-энда не получилось. Кресснер успел приказать своим громилам убить жену, и победа героя становится пирровой — «Марсия была моей жизнью, а этот мясник разделал ее, как какую-нибудь тушу».

И все же оба рассказа утверждают, что зло можно побороть. Иное дело — история о корпорации «Бросайте курить». Ее боссы дают стопроцентную гарантию избавления от вредной привычки — тому, кто потянется к сигарете, они отрубают пальцы. Если это не помогает, делают то же самое с его женой или ребенком. Просить о пощаде бесполезно — в контракте указано, что корпорация может добиваться цели любыми способами. Нам, привыкшим к финансовым пирамидам и прочим «разводкам», в этом сюжете чудится что-то до боли родное. Герою даже можно позавидовать — в конце концов, он все-таки бросил курить. А вот Гарольду Паркету из «Газонокосильщика» не позавидуешь — он не мог знать, что нанимает косить свою лужайку самого настоящего древнегреческого сатира. И тем более, что тот, скосив (а потом и съев) всю траву на участке, швырнет под нож самого хозяина. У Кинга после было немало рассказов о людях, случайно столкнувшихся с чем-то необъяснимым и чаще всего роковым. Почти всегда они терялись, метались и легко становились жертвами Зла. Было видно, что автор их жалеет.

Кого ему не жалко — так это наемного убийцу Джона Реншоу из рассказа «Поле боя». Этот получил по почте детскую игру с маленькими, но до ужаса реальными солдатами, у которых есть и пушки, и вертолеты, и даже атомная бомба (уменьшенная до

масштабов игры). Причем все это действует, в чем герою на свою беду придется убедиться. В этом случае его гибель от рук таинственной силы представляется актом возмездия — особенно когда мы выясняем, что игрушку киллеру по странному наитию послал гениальный изобретатель, сразу после этого убитый им по заказу конкурентов. Рассказ навевает мысли и о вьетнамской войне — он написан в 1972-м, когда Америка только начала выбираться из джунглей Индокитая. Ситуация, в которой мстительные малыши одолевали хорошо вооруженного, но неповоротливого Гулливера, была знакома любому читателю. А для самых непонятливых Кинг окрестил роковую игру «Вьетнамским сундучком».

В «Поле боя» уже просматривается переход к очередному, пятому кинговскому сюжету — «взбесившейся технике». В сборнике он представлен двумя рассказами. Первый — упомянутая уже «Давилка», второй — «Грузовики», где горстка людей оказывается осажденной на заправке восставшими автомобилями, которые под угрозой смерти заставляют заправлять их бензином. Советский литературовед Николай Пальцев увидел в этом метафору фетишизма: «подразумевается, что в обществе потребления люди и так уже порабощены вещами». С другой стороны, бунт машин — аллегория социальной революции. «Трудящиеся» машины — бульдозеры, фургоны, трейлеры — беспощадны не только к людям, но и к «классовым врагам» — навороченным лимузинам. Сетевой публицист Андрей Чемоданов (http://chemodanov.narod.ru/king.htm) увидел в этом любопытную параллель с фильмом Хичкока «Птицы» — явной аллегорией революции. Правда, у Хичкока бешенство птиц вызвано странным вирусом, а Кинг оставляет свой бунт грузовиков без объяснений. В снятом по рассказу фильме «На предельной скорости» эта «ошибка» исправлена — один из героев объясняет происходящее тем, что Земля прошла через хвост кометы Галлея. Многие помнят, сколько в 1986 году было волнений по этому поводу.

В простеньких «Грузовиках» уже скрыт замысел будущего романа «Кристина» и одновременно зерно шестого сюжета — «вселенской катастрофы». О ней идет речь в рассказе «Ночной прибой», который можно считать наброском к «Противостоянию». Несколько молодых людей бесцельно странствуют по берегу Мэна, опустошенному эпидемией супергриппа А-6. Они ночуют в пустых домах, ссорятся и мирятся, занимаются любовью. Время от времени один из них заболевает, и тогда остальные убивают его и идут дальше. Вероятно, они — последние люди на Земле.

Особняком стоит рассказ «Я знаю, что тебе нужно» — история

Эда Хэмнера, умеющего колдовать. В отличие от Кэрри и Джонни Смита из «Мертвой зоны», он использует свои необычные способности расчетливо и эгоистично — чтобы успешно сдавать экзамены, получить наследство «внезапно» погибших родителей, а потом влюбить в себя красотку Элизабет. Эд покорил ее тем, что угадывал все ее желания, а от ее жениха Тони избавился, подстроив его гибель в катастрофе. При помощи подруги Элизабет смогла докопаться до истины и отобрать у Эда его колдовской инвентарь. «Ей было немного жаль этого маленького мальчика, которому, несмотря на его духовное убожество, была подвластна столь огромная сила. Мальчика, который относился к людям как к игрушечным солдатикам и передвигал их так же просто, как можно передвинуть солдатиков, который безжалостно расправлялся с ними, если они по каким-либо причинам не могли или не хотели исполнять его волю».[43] В этом рассказе присутствует еще один сюжет, который появлялся у Кинга не раз, но нигде не стал главным. Речь идет о «соблазне власти», о том, как возможность распоряжаться чужими жизнями портит людей и делает из них монстров. Пожалуй, целиком этому посвящена только «Ярость», хотя ее герой — не монстр, а запутавшийся и обозленный подросток. Такой же, как и Эд Хэмнер.

«Ночная смена» не избежала редактуры — издатели исключили из нее один рассказ, сочтя его слишком шокирующими. Этот рассказ, «Не выношу маленьких детей», вошел позже в сборник «Кошмары и сновидения». В нем пожилая учительница мисс Сидли с ужасом узнает в учениках из своего класса замаскированных космических пришельцев. «Во что же оно превратилось? Что-то луковицеобразное. Оно мерцало. Уставилось на меня и ухмыляется, и это было вовсе не детское лицо. Оно было старое и злое».[44] Не в силах разоблачить монстров, она в итоге берет пистолет и по очереди расстреливает детей. «Она перебила двенадцать и уничтожила бы всех, если бы миссис Кроссен не явилась за пачкой бланков. У миссис Кроссен от ужаса расширились глаза. Она заорала и продолжала орать, пока мисс Сидли не подошла к ней не положила ей руку на плечо. «Это нужно было сделать, Маргарет, — сказала она плачущей миссис Кроссен. — Ужасно, но надо. Они все чудовища»».[45]

Обезоруженную убийцу отправили в сумасшедший дом и там пытались примирить с детьми. Какое-то время все шло нормально, но потом ей опять померещились пришельцы: «В их широко раскрытых глазах за видимой пустотой просматривалось что-то глубоко скрытое. Один улыбался, другой хитро сунул палец в рот. Две маленькие девочки, хихикая, толкали друг друга… Той же ночью мисс Сидли перерезала себе горло

осколком разбитого зеркала».[46] Кинг позже назвал рассказ «страшилкой без всякой социальной подоплеки». Однако чувства бывшего учителя, готового порой поубивать учеников, прослеживаются здесь без труда. С другой стороны, из текста неясно, видела ли мисс Сидли этих монстров, или страшный финал — результат ее помешательства. На такую мысль наводит сам автор: дети перед смертью плачут, ничего не понимая. Да и сама мисс Сидли изображена довольно отталкивающе — «маленькая болезненная женщина с глазами-буравчиками», «в школе ее боялись». Читателю предоставляется выбирать, кто в рассказе настоящий монстр — она или убитые ей школьники. Такие «перевертыши» нет-нет да и встречаются среди кинговских сюжетов.

К началу 80-х Кинг стал одним из самых богатых и знаменитых американских литераторов, хотя критики при его упоминании продолжали презрительно кривиться. Его первые переводы на другие языки появились еще раньше («Сияние» вышло по-немецки, «Кэрри» — по-французски). Теперь все, что выходило из-под пера Кинга, оперативно переводилось на основные языки Европы. Его личная жизнь стала предметом напряженного внимания репортеров, которые начали дежурить у дома в Сентер-Ловелле. Появились там и первые робкие фанаты, число которых постоянно росло. Одни просто смотрели, другие пытались побеседовать с кумиром или всучить ему свои рукописи. Самые настойчивые разбивали палатки в соседнем парке — в Мэне это не запрещалось законом. Дом стоял почти вплотную к улице, укрыться от назойливых глаз было негде, и Стивен с Табитой поняли, что пора переезжать.

Осенью 1978 года Мэнский университет пригласил своего выпускника Кинга прочитать студентам спецкурс о писательском мастерстве. Чтобы не ездить трижды в неделю через весь штат, было решено поселиться где-нибудь рядом с университетом. После долгих поисков Кинг нашел вместительный и достаточно уединенный дом на окраине города Оррингтон в пяти километрах от Бангора. Выбор оказался не слишком удачным — в Оррингтоне находился завод минеральных удобрений «Сианбро», и тяжелые грузовики днем и ночью ездили по шоссе, проходившему недалеко от дома. Слушая их грохот, Кинг думал, что будет, если на дорогу случайно выбежит их кот — к тому времени семья обзавелась черно-белым красавцем Смэки. А ведь это может быть и Оуэн, который обожает бегать и не очень-то слушает папу. Позже эти мысли воплотились в роман «Кладбище домашних животных». Когда он вышел, газеты писали, что Оуэн (или, как вариант, Джо) действительно выскочил на дорогу, и Стивен едва

успел схватить сына и утянуть его прочь от рычащего грузовика. Ничего такого, слава Богу, не было, но жилось им в Оррингтоне неуютно.

А вот читать лекции Кингу понравилось. Естественно, он говорил о своем любимом «ужасном» жанре, превратив курс в его подробнейший обзор. Пришлось немало времени провести в университетской библиотеке и даже съездить в Нью-Йорк, чтобы воскресить в памяти позабытые книги и фильмы. Подготовительные материалы к спецкурсу было жалко выбрасывать, и Кинг превратил их в свою первую книгу в жанре non-fiction — «Пляска смерти». Она вышла в начале 1981 года в маленьком издательстве «Эверест Хаус», которое основал его старый приятель Билл Томпсон. А пока что писатель издал свою первую книгу в «Викинге» — слегка переделанную «Мертвую зону». Она вышла в августе 1979 года немалым для твердой обложки тиражом 50 тысяч, но скоро его пришлось допечатывать (всего было продано 440 тысяч экземпляров). «Зона» упрочила славу Кинга — именно тогда многие критики впервые оценили его как писателя. Не случайно сам СК и многие его поклонники до сих пор считают этот роман лучшим в его творчестве.

Правда, в тексте, несмотря на редактуру, сохранилось немало ошибок. Например, мальчика, которым негодяй Стилсон заслонился от пули Смита, на нескольких соседних страницах зовут то Мэтт, то Томми, то Шон. Кинг не обращал внимания на такие «мелочи», и то, что в его следующих книгах ляпсусов стало меньше — заслуга не его, а Чака Веррила, который с 1980 года стал его редактором в «Викинге». Выходец из почтенной семьи научных работников, Чак (по-официальному Чарльз) до сих пор остается близким другом Кинга, к советам которого он почти всегда прислушивается. Он уже давно ушел из «Викинга» и возглавляет литературное агентство, выведшее в люди многих известных авторов. Веррилл — один из четырех непременных читателей всех (или, во всяком случае, самых важных) произведений Кинга; остальные трое — Табита, нынешний агент писателя Ральф Вичинанца и редактор издательства «Саймон энд Шустер» Сьюзен Малдоу.

Весной 1979 года спецкурс завершился, и семейство вернулось из неуютного Оррингтона в Сентер-Ловелл — на этот раз в более уединенный дом на берегу илисто-темного озера Кезер, со всех сторон окруженный лесом. Дом, который в произведениях СК носит имя «Сары-Хохотушки», был построен еще до войны для продажи богатым дачникам и сменил уже двух владельцев. Кингам он понравился, однако они успели привыкнуть к более оживленной бангорской жизни, к тамошним

магазинам и ресторанам. На семейном совете было решено вернуться в Бангор, оставив сельский дом для летнего отдыха. В мае 1980 года семья переехала в купленный по этому случаю двухэтажный особняк по адресу Уэст-Бродвей, 47. Он был возведен в начале XX века в милом сердцу писателя викторианском стиле, однако Кинг почему-то скрывает информацию о его прежних владельцах — по его просьбе некие материалы на эту тему в городской библиотеке были изъяты из открытого доступа. Можно предположить две причины этого — либо в доме когда-то произошло нечто страшное, либо писатель хочет внушить своим поклонникам именно такую мысль.

Стивен и Табита увлеченно обустраивали новое жилье. По заказу писателя особняк окружили массивной чугунной решеткой, украшенной фигурами пауков и летучих мышей самого вампирского вида. В 27 комнатах общей площадью 500 квадратных метров разместились гостиные, спальни для членов семьи и гостей, детские и гардеробные. Для своего кабинета Кинг выбрал просторную светлую комнату на втором этаже. Табите, кроме кабинета, досталась темная комната для проявки фотографий, а в пристройке к дому соорудили тренажерный зал и бассейн.

Хлопоты по обустройству на время отвлекли Кинга от алкоголя, но потом все вернулось, и неугомонный двойник появился снова. Как ни странно, писатель был ему благодарен — Бахман привнес в его книги жестокость и отчаяние, делавшие их по-настоящему страшными. Читая впоследствии некоторые кровавые сцены из романов, Кинг не мог поверить, что их написал он. Зло торжествовало, и почти все его произведения этого периода заканчивались гибелью главных героев. Порой погибали даже дети — например, маленький Тед из «Куджо», — смерть которых для американского масслита, включая Кинга, была одним из главных табу. Автор даже оправдывался: «Я не хотел убивать Теда, это получилось как-то само собой. Я только на минуту перестал за ним следить, а он взял и ушел». К удивлению автора, оказалось, что читателям это нравится — они упивались кровью, как настоящие вампиры, оставляя без внимания тонкий саспенс романов, подобных «Кристине». Фанаты, с которыми Кинг встречался во время нечастых «выездов в народ», вызывали у него раздражение, а многие выглядели откровенно чокнутыми. Он видел, что его книги будят в людях не самые лучшие инстинкты, и ему становилось страшно.

В конце 1980-го в одном из интервью он впервые объявил о намерении бросить писать — «я уже сказал читателям все, что мог». Конечно, это намерение было благополучно забыто. Стивен

Кинг давно уже стал брэндом, обязанным присутствовать на полках магазинов. Он горько шутил, что, если он внезапно умрет, его агенты еще много лет будут писать романы за него, и никто этого не заметит. Поэтому он продолжал писать, наливаясь от страха алкоголем, и все чаще видел в воображении — а может, и наяву, — своего двойника. Весной 1985 года Бахман выпустил сразу две книги — сборник ранних повестей и новый роман «Худеющий», написанный Кингом предыдущим летом. Его герой Билли Халлек случайно сбил автомобилем старую цыганку и был проклят ее сородичами, из-за чего начал стремительно терять вес. Прежде он мечтал похудеть, но теперь жизнь преуспевающего адвоката, любящего мужа и отца превратилась в кошмар. В панике Халлек нанял мафозо Ричарда Джинелли (позже он мимоходом появится в «Темной Башне»), который запугал цыган и заставил их снять проклятие. Но счастливого конца читатели не дождались — на другой день злосчастный юрист обнаружил, что цыганский сглаз не исчез, а всего лишь перенесся на его любимую дочь. Цыгане в романе выглядят не слишком убедительно, к тому же почему-то изъясняются на ломаном шведском языке. Это быстро заметили — цыган в Штатах мало, зато шведов много, в том числе в Мэне.

Если «Худеющий» чем-то знаменателен, то лишь тем, что благодаря ему СК сумел избавиться от своего двойника. Это произошло случайно из-за чрезмерного любопытства клерка вашингтонского книжного магазина по имени Стив Браун. Читая только что вышедший роман Бахмана, он заметил его подозрительное сходство с сочинениями Кинга. После этого он отправился в Библиотеку Конгресса, где хранились копии всех документов о копирайте. Почти на всех романах Бахмана рядом с издательским стоял копирайт Кирби Макколи. Браун знал, что Кирби был агентом Кинга, но у него было много других клиентов. Он не поленился просмотреть копирайты всех произведений Бахмана, и обнаружил, что правообладателем «Ярости» в документах значился Стивен Кинг из Бангора, штат Мэн. Отксерив улику, находчивый клерк послал ее писателю с почтительным вопросом: не станет ли Кинг возражать, если он, Браун, раскроет его инкогнито какой-нибудь газете? Две недели спустя в магазине, где работал детектив-любитель, раздался звонок. «Привет, это Стив Кинг. Ладно, вы знаете, что я Бахман, я тоже это знаю. И что же мы теперь будем делать?»

Они договорились довольно быстро. СК дал Брауну свой телефон (естественно, скрытый от посторонних), и тот три вечера расспрашивал его об истории с Бахманом и о многом другом, не забывая записывать ответы на магнитофон. Позже Браун

вспоминал: «Кинг держался спокойно и постоянно шутил. Он вовсе не казался расстроенным тем, что я раскрыл его тайну». Кое-как «причесав» получившееся интервью, Браун поспешил продать его газете «Вашингтон пост». С публикацией вышел конфуз: и вопросы Брауна, и ответы Кинга получились довольно грубыми и циничными по отношению к читателям. Пытаясь сохранить лицо, клерк обвинял во всем газетчиков, якобы исказивших его материал. Но все, кто знал Брауна, верили, что этот не слишком разборчивый в средствах человек вполне мог «подправить» интервью. Пленка не могла внести ясность, поскольку Браун якобы случайно стер ее. Кинг не стал ввязываться в конфликт, но отомстил своему обидчику привычным способом, зверски умертвив его в романе «Темная половина».

Историю своего разоблачения Кинг завершил статьей «Как я был Бахманом», которая была включена в переиздание всех пяти «бахмановских» романов, вышедшее в марте 1985 года. Вскоре пресс-секретарь Кинга объявил, что Ричард Бахман скончался от «рака псевдонима — редкой формы шизономии»». В июне писатель и его друзья устроили двойнику шутовские похороны на центральном кладбище Бангора, опустив в могилу картонный гроб. Надгробная речь Кинга была краткой: «Наконец-то я избавился от этого сукиного сына». Вскоре он отчетливо представил себе кошмар — развороченную могилу и идущую прочь от нее цепочку следов. Если бы Бахман воскрес из мертвых, он наверняка отомстил бы всем виновникам своей смерти, начиная с нахального Стива Брауна и кончая своим создателем.

Так родился замысел одного из лучших романов Кинга «Темная половина» — к сожалению, у нас он испорчен кошмарным переводом. Книга о писателе и его темном двойнике была дописана весной 1989 года и вышла в ноябре все в том же «Викинге». В утробе матери Тад Бьюмонт вобрал в себя брата-близнеца, который много лет спустя воскрес в образе его писательского «альтер эго» Джорджа Старка. Это не случайно — Кинг придумал имя Бахману, читая детектив Дональда Уэстлейка, который был написан от лица агента ФБР Ричарда Старка. Фамилия двойника, в свою очередь, произошла от рок-дуэта «Бахман и Тернер», исполнявшего песню «На предельной скорости» — она, в свою очередь, дала название фильму, снятому Кингом.

Старк, как и его герой Мэшин (то есть «машина»), куда страшнее Бахмана — это настоящие чудовища, одержимые жаждой убийства. Похороненный Бьюмонтом двойник чудесным образом воскресает и начинает методично истреблять тех, кого

считает своими врагами, а заодно и случайных свидетелей. Его жертвами становятся разоблачивший обман клерк, агентесса писателя, его редактор. «Старк прогремел: «Почему бы тебе не остановиться и не вести себя, как следует?» Крики Дональдсона о помощи превратились в истошный визг. Он пытался оглядеться, поворачивая свое окровавленное лицо в поисках преследователя. Старк нанес ногой нокаутирующий удар по носу Дональдсона. Любой поклонник футбола наверняка бы оценил силу и точность этого удара. «В конце концов, я вытащил твои батарейки, так ведь?» — пробормотал Старк… Он наклонился, схватил Дональдсона за его редеющие и коегде уже поседевшие волосы, отвернул его голову назад и полоснул глотку».[47]

Наслаждаясь своей кровавой работой, Старк вдруг замечает, что начинает развоплощаться и таять, как снег на солнце. Тогда он берет в заложники жену и детей писателя, вынуждая его взяться за новый роман о Мэшине — только так Старк может продлить свое иллюзорное существование. Только чудом Бьюмонту удается спасти семью и отправить двойника назад в небытие, натравив на него полчища воробьев — проводников души в царство мертвых. Но свидание со Старком не прошло для него бесследно — из позднего романа «Мешок с костями» мы узнаем, что Тад Бьюмонт покончил с собой. Очевидно, он не вынес мысли, что никакого Старка не было — просто он сам заболел раздвоением сознания и убил множество невинных людей. Не случайно убийца обладал всеми приметами Бьюмонта, включая отпечатки пальцев.

Именно так произошло в повести «Потаенное окно, потаенный сад», написанной почти одновременно с «Темной половиной» и включенной в сборник «Четыре после полуночи». Там писательский двойник гораздо больше напоминает Бахмана — это неуклюжий провинциал Джон Шутер (чья фамилия означает «стрелок»). От героя он требует только одного — признать, что преуспевающий писатель Морт Рейни украл у него сюжет какого-то старого рассказа. К своему ужасу Рейни выясняет, что никак не может доказать свое авторство — все экземпляры рассказа исчезли, а его рукопись сгорела вместе с домом писателя, явно не без участия Шутера. В конце концов полицейские убивают героя при попытке расправиться с собственной семьей, и выясняется, что двойник существовал только в его больном воображении, толкая его на убийства и прочие преступления. Причиной его появления стала больная совесть — когда-то в юности Рейни в самом деле украл рассказ своего более талантливого приятеля, чем и открыл себе путь в литературу. Моральные терзания в конце концов привели его к

раздвоению личности, а потом и к полному ее распаду. Боялся ли Кинг подобного исхода? Возможно. Потому-то, по своему излюбленному методу, и вытеснял его в литературу.

Во всяком случае, двойник не исчез окончательно. В 1996 году Кинг доверил ему новый роман «Регуляторы», якобы извлеченный из бумаг покойного Бахмана его вдовой Инес. На этот раз мистификация не могла никого обмануть, тем более что «Регуляторы» сами по себе были двойником предыдущего кинговского романа «Безнадега». Роман получился довольно слабым и стал, очевидно, последним явлением Бахмана в мир живых. К тому времени его в роли кинговского двойника прочно вытеснил Стрелок из «Темной Башни» — тоже непреклонный и порой жестокий, но твердо стоящий на стороне Добра.

Далеко не случайно расставание с Бахманом совпало для Кинга с избавлением от другого демона — алкоголя. Это случилось летом 1987-го вскоре после завершения большого романа «Томминокеры», тоже написанного под алкогольным допингом. На этот раз Табита, резонно решив, что ее одиноких сил не хватит, привлекла к делу друзей семьи. В один прекрасный день они вместе вошли в кабинет Кинга и устроили там генеральную уборку, вытащив из всех углов пустые пивные банки, бутылки, упаковки лекарств и пакетики с «травкой». Все это сложили во внушительную кучу во дворе, подвели к ней Кинга и заставили его поклясться, что отныне он не станет пить ничего крепче «пепси».

На самом деле это лишь очередная легенда. Борьба с алкоголем оказалась куда более долгой. Понадобился курс реабилитации в некоей клинике, о чем Стивен с Табитой до сих пор помалкивают. Не говорят они и о его срывах, когда он выпрашивал у жены пиво — одну бутылочку, всего одну! — и во время любой поездки пытался вырваться в буфет. Целый год Табби пришлось буквально не отходить от него. Без привычных таблеток он не мог спать, не мог работать. Порой даже прикосновение к клавишам машинки вызывало тошноту — тот самый «писательский барьер», который пережил позже герой «Мешка с костями» Майк Нунэн. До осени 1988 года, почти полтора года, Кинг не написал ничего, кроме нескольких рассказов. Незадолго до этого, в июне, он вступил в Общество анонимных алкоголиков. Как известно, члены этой основанной в 1935 году многолюдной организации на собраниях исповедуются друг другу в нехороших поступках, совершенных под действием алкоголя. Лечение стыдом помогает не всегда, но часто оказывается эффективнее медикаментов. На Кинга оно подействовало прежде всего потому, что он твердо решил

«завязать». Его пример — другим наука. Во всяком случае, с тех пор он и впрямь пьет только «пепси» и прочую шипучку, по торжественным случаям позволяя себе безалкогольное пиво. Попутно он покончил с наркотиками, а лекарства теперь пьет только по назначению врача.

Бросить курить, Кинг, однако, так и не смог — раз за разом вредная привычка возвращалась. Все, чего смогла добиться Табита (она сама не курит с рождения первого ребенка) — это перехода мужа на сорта с пониженным содержанием никотина. Зато с начала 90-х он, как многие американцы средних лет, занялся лечебной физкультурой. Привычный другим джоггинг для него исключался — следом неминуемо помчались бы репортеры и толпы фанатов. Оставались тренажеры, плавание в бассейне и модная в те годы китайская дыхательная гимнастика. В общем, делалось все, чтобы механизм по выдаче на-гора новых произведений не давал ни малейших сбоев.

4. King size

Писательская судьба Кинга — хороший аргумент для тех, кто верит в пользу «пограничных состояний» для творчества. Как ни крути, а лучшие его книги написаны именно в «алкогольное десятилетие» с 1977-го по 1987-й. После этого интенсивность его работы осталась прежней, а вот творческий накал как-то ослаб. Появились повторы, длинноты, бесконечные отступления от главной линии, порой вовсе «съедавшие» ее (как случилось, например, с «Игрой Джеральда»). Тогда не только критики, но и верные поклонники писателя заговорили о его творческом кризисе.

Но это было потом, а в конце 70-х, накануне переезда в Бангор, Кинг явно находился на подъеме. Ежегодно он выпускал один, а то и два романа, которые неизменно становились бестселлерами. Восьмидесятые годы стали «десятилетием Кинга» — из 25 самых продаваемых романов этого периода ему принадлежали восемь. Уже к 1987 году общий тираж его книг достиг 150 миллионов, они были переведены на 33 языка мира. Росли и гонорары — если за «Противостояние» в 1977-м Кинг получил полтора миллиона, то через десять лет за меньших по объему «Томминокеров» ему было уплачено целых семь. К тому времени он стал вторым по богатству американским писателем после неутомимого Сидни Шелдона. В 1989 году Кинг даже вырвался на первое место, но уже через четыре года был потеснен не только Шелдоном, но и новыми соперниками — Гришемом и

Даниэлой Стил.

Как ни странно, богатство мало изменило быт писателя. Он однажды высказался об этом более откровенно, чем обычно: «После третьего миллиона вам уже все равно, сколько их». Вначале его охватила потребительская лихорадка — он грудами скупал книги, компакт-диски и даже безделушки вроде напольных ковриков и шкатулок с сюрпризом. Как ни странно, Табиту эта болезнь затронула меньше — она в основном приобретала нужные в хозяйстве вещи. Для Кинга такой вещью оказался компьютер — одна из первых моделей «макинтоша», купленная в 1987 году. СК долго сохранял мистическое отношение к этому предмету — вспомним рассказ «Компьютер богов». Еще года три после покупки писатель отстукивал тексты — по крайней мере, часть их — на старой машинке и только потом переносил их в компьютер. Потом привык к новинке, пережив краткий период увлечения играми и более длительное пристрастие к Интернету. Он оказался одним из пионеров электронной коммерции, но подолгу в сети не сидит — просто некогда.

Жители Бангора не сразу привыкли к чужаку, но Кинг держался по-свойски и скоро расположил к себе соседей. К тому же в город начали приезжать толпы фанатов, приносящих немалый доход местным мотелям и ресторанам. О Бангоре начала писать пресса не только Штатов, но и всего мира, в него потянулись инвесторы, и он впервые после сокращения лесозаготовок в 50-е испытал некое подобие бума. Поэтому бангорцы тепло относились не только к самому писателю, но и к его поклонникам, для которых у каждого старожила находилась пара-тройка местных легенд или сплетней о жизни Кинга. Сам СК воспринимал фанатов с куда меньшей радостью — с первых дней решетка особняка украсилась надписями: «Частное владение. Вход строго воспрещен». На самых упорных это не действовало — примерно раз в две недели дежурившие неподалеку полицейские ловили какого-нибудь смельчака, лезущего через забор. Самый серьезный инцидент произошел в апреле 1991-го, когда в семь утра лохматый и явно невменяемый субъект ворвался в гостиную дома, сжимая в руке некий сверток. Он объяснил, что Кинг украл у его тети сюжет романа «Мизери» и должен в этом признаться, иначе он взорвет его гранатой. Все еще спали, и в комнате была одна Табита, которая сумела выскочить в соседнюю комнату и вызвать полицию. Граната злоумышленника оказалась тряпичным свертком, а сам он — душевнобольным Эриком Кином из Техаса. После этого случая дом Кинга временно поставили под круглосуточную охрану.

Другие поклонники выражали свои чувства на расстоянии, что порой было не легче. Кто-то из них одарил любимого автора посылкой с мертвыми котятами, другие присылали отрезанные пальцы и целые руки — резиновые, но очень похожие на настоящие. Не меньше хлопот доставляли и настоящие письма, которые не влезали даже в самый большой почтовый ящик. В конце концов Кинг попросил фанатов присылать письма и посылки не домой, а в бангорский офис, где с ними разбирались помощники. Самому писателю передавались только самые важные или любопытные послания, но и их было 15–20 в день, что отрывало не меньше часа от предельно плотного рабочего графика.

Еще в Оррингтоне Кинг взялся за роман «Воспламеняющая взглядом», который в одном из русских переводов был точнее назван «Несущая огонь» (Firestarter). По сюжету это гибрид «Кэрри» и «Мертвой зоны» — двое молодых людей, подвергнутых воздействию препарата «лот шесть» в ходе секретного эксперимента, женятся и производят на свет девочку, способную взглядом поджигать предметы. Когда об этом узнают власти, огнеопасная Чарлина Макги и ее родители становятся объектом слежки громил из могущественной Конторы. Энди и Вики пытаются подавить разрушительные инстинкты дочки, но это не входит в планы властей — они рассчитывают использовать Чарли в роли живого оружия и, быть может, вывести целую расу подобных ей. Агенты убили мать девочки, а ее с отцом отвезли на базу Конторы в Вирджинии. При новой попытке сбежать Энди Макги был убит. Заодно агенты зачем-то перестреляли лошадей, которых завели для развлечения девочки. Именно это стало последней каплей — в гневе Чарли сметает с лица земли базу со всеми, кто там находится. ««Вы убили лошадей, бандиты», — подумала она, и, вторя ее мыслям, прозвучал эхом голос отца: «Будут мешать — убивай. Война так война. Пусть знают!» Да, решила она, сейчас они у меня узнают. Коекто не выдержал и побежал. Едва заметным поворотом головы она сместила линию огня правее и накрыла трех человек, превращая их одежду в горящие тряпки».[48] Примерно наказав мерзавцев, Чарли явилась в газету и рассказала там обо всех безобразиях спецслужб. В то время Кинг еще питал иллюзии по поводу добрых намерений СМИ.

Вышедший в июне 1980-го роман продавался очень хорошо. Это побудило элитное издательство «Фантазия пресс» выпустить 725 нумерованных экземпляров «Воспламеняющей» в оформлении 26-летнего художника Майкла Уилана. Так состоялось накомство Кинга с этим прекрасным иллюстратором,

который позже сыграл немалую роль в успехе «Темной башни». Было изготовлено также 26 экземпляров романа в несгораемой асбестовой обложке, подражающей редкому изданию другого «огнеопасного» романа — «451* по Фаренгейту» Рэя Брэдбери. «Воспламеняющая» стала последним проявлением бунтарского пафоса шестидесятых в творчестве Кинга. В его следующих романах врагами героев становятся не политики или спецслужбы, а зловещие темные силы, грозящие человеку не только извне, но и изнутри. Отныне писатель обратился к глубинным, беспричинным страхам и не прогадал — почти каждый читатель находил в его богатом списке ужасов то, чего боялся именно он. Те же фобии Кингу пришлось взрастить в себе, что не прошло бесследно для его психики

Одержимость страхами может объяснить мрачное настроение романа «Куджо», написанного первой бангорской зимой 1980 года. Его герой — громадный сенбернар (его имя на каком-то из индейском языков означает «неукротимая сила»), который взбесился от укуса летучей мыши и загрыз своего хозяина и еще двух человек. Его последней жертвой стал маленький Тед Трентон, умерший от удушья в машине, где просидел два дня вместе с матерью, спасаясь от пса-убийцы. Идея романа родилась у Кинга, когда он в Бриджтоне забирал из мастерской свой мотоцикл. Сенбернар хозяина Джо Кэмбера, попавшего в книгу под своим подлинным именем, зарычал на него, и механик, отпихнув пса ногой, проворчал: «Странно, Гонзо никогда не вел себя так. Наверное, ему не понравилась твоя физиономия». Кинг тут же представил, что на самом деле собака бешеная… остальное было делом техники.

В «Куджо» Кинг опять сыграл на контрасте между рутинной размеренной жизнью американской семьи — на этот раз Трентонов — и иррациональным ужасом, который внезапно врывается в ее жизнь. Стоит заехать на пять минут в автомастерскую по пути из супермаркета домой, и вы можете оказаться в плену у бешеного пса — нет, у настоящего монстра, хитрого и злобного, — и беспомощно наблюдать, как рядом умирает от жажды ваш ребенок. В конце концов Донна Трентон убила зверюгу, и пришла помощь, но было поздно. Зло каждый раз карают слишком поздно — разве нас не убедили в этом Беслан и «Норд-Ост», после которых «Куджо» читается совсем по-другому? Жалко мальчика, жалко его убитых горем родителей. Жалко и сенбернара Куджо — ведь он ни в чем не виноват. Виноват бука, который злобно смотрел на Теда из шкафа, как до этого на маленького Стива, а потом вселился в пса и заставил его напасть на людей. Куджо убили, но буку убить нельзя, и рано или

поздно он явится снова.

Этот неутешительный вывод Кинг повторял раз за разом. Безысходностью проникнуты написанные в начале 80-х рассказы, сценарии и даже повесть «Стрелок» (о ней мы поговорим позже, когда зайдет речь о цикле Темной Башни). Совсем другое настроение сквозит в вышедшем летом 1982-го в «Викинге» тиражом 200 тысяч сборнике «Времена года» (в другом переводе «Четыре сезона», Different Seasons). Часть вошедших в него вещей была уже издана, другие писатель извлек из стола. К последним относилась повесть «Тело», написанная еще в 1975 году. Вопреки мрачному названию, мертвое тело появляется в ней лишь на несколько минут (хотя его описания вполне хватит, чтобы отбить аппетит). Повесть не о мертвецах, а о четырех мальчиках, которые идут в лес искать труп их сбитого поездом ровесника. Этот «длинный путь» в миниатюре дает автору возможность рассказать все и о самих мальчишках, и об их дружбе, которая, конечно же, не вынесла испытания временем. «Тело» — реквием Кинга по друзьям детства, из которых в люди выбрался только он один.

Повесть задает ностальгический тон всему сборнику. Одно время года сменяется другим, и вместе с ними проходит жизнь. Прошла она и у старого нью-йоркского хирурга — героя замечательной повести «Метод дыхания». Как все стильные вещи у Кинга, она слегка подражает то ли детективам Реймонда Чандлера, то ли старинным историям с привидениями. Сюжет прост: пожилой доктор Макэррон в клубе рассказывает автору историю о том, как давным-давно он консультировал молодую беременную женщину Сандру Стэнсфилд, обучая ее правильно дышать при родах. По пути в родильный дом она попала в автокатастрофу и погибла, но доктор смог спасти ее ребенка. Он не говорит ни слова о том, что они с Сандрой полюбили друг друга, но читатель сам видит это и оплакивает несбывшееся счастье героев.

«Несбывшийся» — ключевое слово для повестей из «Времен года». У героя повести «Способный ученик», написанной в 1977 году, не сбылась вся жизнь. Слишком уж увлекся нормальный калифорнийский школьник Тодд Боуден рассказами старого эсэсовца Дюссандера, который много лет скрывается в Штатах под чужим именем. Сообразительный Тодд вычислил его, но не выдал правосудию, а превратил в живую игрушку, заставляя снова и снова рассказывать о расстрелах и концлагерях. Даже бывшему штандартенфюреру не по себе от такого увлечения шустрого подростка, но постепенно они привыкают друг к другу, как родные. И когда Дюссандер умирает, Тодд берет отцовскую винтовку и идет продолжать дело своего учителя —

расстреливать прохожих на шоссе. «Снайперам удалось снять его лишь пять часов спустя, когда почти стемнело», — так заканчивается эта история. Она написана всего через шесть лет после «Ярости», но за это время Кинг повзрослел, и настроение у него изменилось. Если Чарли Деккеру он сочувствовал, то делающего то же самое Тодда справедливо считает чудовищем.

Особняком стоит только последняя повесть «Рита Хейворт и побег из Шоушенка». Молодой преуспевающий банкир Энди Дюфресн приговаривается к пожизненному заключению за убийство жены и ее любовника, которого он не совершал. В тюрьме Шоушенк его ждут издевательства охранников и избиения заключенных, которым не терпится вывалять этого чистюлю в грязи, унизить, превратить в педераста. Но Энди не согнулся — медленно, шаг за шагом он завоевал себе безопасность, помогая тюремному начальству обходить закон. Купив у местного подпольного торговца Реда геологический молоток, он десятки лет пробивал в стене камеры лаз, который занавесил портретом кинозвезды Риты Хейворд. А потом пробрался в трубу канализации и выбрался на свободу. При этом он позаботился и о своем единственном друге Реде, которому оставил в надежном месте часть спрятанных им перед самым арестом денег. Остальные он взял с собой, чтобы открыть отель в Мексике на берегу океана — об этом он мечтал все долгие годы заключения, а не о Рите Хейворд, как думали тупицы-охранники. И неважно, что лучшие годы Энди и Реда сожрала тюрьма — у них осталась надежда, «хорошая вещь, возможно, даже лучшая из всех».[49] С этим не поспоришь, хотя охватывает белая зависть к американским зэкам, которые могут брать в библиотеке планы тюрьмы и разрабатывать по ним маршрут побега.

В феврале 1982 года Кинг опубликовал в маленьком издательстве «Дональд Грант» первую часть «Темной Башни» — роман «Стрелок» с превосходными иллюстрациями Майкла Уилана. А потом дописал самый, пожалуй, мрачный свой роман — «Кладбище домашних животных». Его идея родилась после прогулки с семьей по окрестностям Оррингтона, где Кинг наткнулся на трогательное маленькое кладбище, устроенное детьми для своих питомцев — собак, кошек, птичек. Писателя поразило, что могилы стихийно располагались в виде спирали — древнего символа бесконечности. У входа на кладбище висела вывеска, на которой с ошибками было выведено «Pet Sematary» — так и был назван роман, который писался почти три года. Кстати, pet по-английски — не просто одомашненное животное, лошадь или корову так не назовут. Это ручной зверь, живущий в доме на правах члена семьи. В семье врача Луиса Крида, героя романа,

таким был Черч — черно-белый кот его дочки Элли. Когда Криды переехали в город Ладлоу (списанный с Бангора), они тоже обнаружили рядом с домом звериное кладбище. В тот вечер Элли горько плакала, узнав, что ее любимец Черч может умереть.

А потом один из тяжелых грузовиков компании «Оринко», постоянно курсирующих по дороге рядом с домом, задавил Черча. Луис был дома один, и сосед, старый Джуд Крэндалл, повел его в глубину леса, на древнее кладбище индейцев-микмаков. Звери, которых хоронили там, возвращались домой живыми, хотя и очень странными. Вернулся и Черч, но Элли больше не хотела с ним играть — от него пахло мертвечиной, а глаза стали пустыми и тусклыми. В него вселился индейский демон Вендиго, «опекающий» заброшенное кладбище. Он же потом толкнул Гэджа, маленького сына Луиса Крида, под колеса грузовика. Он же надоумил Луиса выкопать тело Гэджа из могилы и отнести его на Кладбище домашних животных. И он же, вселившись в Гэджа, заставил его убить мать и старого Джуда. Уничтожив сына-зомби, Луис повреждается рассудком и уносит на Кладбище труп жены, уже зная, что она сделает, когда вернется.

«Той ночью он раскладывал пасьянс. Он как раз перетасовал карты по новой, когда открылась входная дверь. «То, что ты купил, твое, и рано или поздно оно вернется к тебе», — вспомнил Луис Крид. Он не оборачивался, продолжая глядеть в карты, пока медленные тяжелые шаги приближались. Он увидел даму пик и прикрыл ее рукой. Шаги затихли за его спиной. Тишина. Холодная рука легла на плечо Луиса. Голос Рэчел был глухим, будто в рот набилась земля. «Дорогой», — сказала она».

Гибнет вся семья Кридов, но и это не финал. Автор вместе с героем представляет, как в опустевшем доме поселится другая семья, молодая и счастливая. «Они будут гордиться тем, что не обращают внимания на старые предрассудки и живут в доме, несмотря на его мрачное прошлое — и, собрав друзей, будут шутить вместе с ними над привидением, живущим на чердаке. А потом они заведут собаку». И так будет раз за разом — ведь наивные жители современной Америки беззащитны против древнего Зла. Роман повторяет главную мысль «Куджо» — ужас может в любую минуту вторгнуться в жизнь человека. И неважно, какой облик он примет — бешеной собаки, странной плесени на стене (как в рассказе «Нечто серое») или вашего собственного сына с ножом в руке.

Кинг написал роман не только и не столько о страхе перед ожившими зомби и древними духами, но и об обычном, повседневном страхе, который несет с собой смерть. Его Вендиго — еще и «Оз Веикий и Узасный», детский страх Зельды,

парализованной сестры Рэчел Крид. Это он преследует героя, нашептывая ему на ухо: «Не бойся, это я. Привет! Я принес вам рак, не угодно ли? Заражение крови! Лейкемию! Атеросклероз! Подонок с ножом в двери. Телефон, звонящий среди ночи. Кровавая каша в разбитой машине. Полная пригоршня, ешь на здоровье. Посиневшие ногти, следом асфиксия и вот уже умирающий мозг безуспешно борется с агонией. Привет, ребята, меня зовут Оз Веикий и Узасный, но вы можете звать меня просто Оззи — мы же старые друзья… Потому что вся жизнь с ее войнами и сексом — это только бесконечная и безнадежная битва с Озом Веиким и Узасным». Этот ужас — самый глубокий, поскольку он, в отличие от придуманных зомби и вампиров, не минует никого.

Позже Кинг вспоминал, что «Кладбище» вогнало его в довольно долгую депрессию. Закончив роман, он долго не решался публиковать его, пока не случился новый конфликт с издательством «Даблдэй». Еще в начале сотрудничества писатель договорился о вложении в него определенного процента от своих доходов, с тем, чтобы ежегодно получать $50 тысяч. За это время доходы Кинга выросли в десятки раз, и на счету скопилось целых 35 миллионов, которые издательство отказывалось отдавать. Разъяренный СК грозил подать в суд, но его агент Кирби Макколи договорился о компромиссе — издатели возвращали Кингу деньги в обмен на новый роман. В то время в столе у писателя осталось только «Кладбище», и издательство с радостью ухватилось за него. Был придуман ловкий рекламный трюк — летом 1983-го газеты написали, что «Даблдэй» отверг роман как «слишком страшный даже для Стивена Кинга». Поэтому, когда «Кладбище» все-таки вышло (это случилось в ноябре, ближе к Рождеству), оно разошлось невиданным для «твердой» книги тиражом 500 тысяч.

В конце того же 1982 года Кинг взялся за необычный эксперимент. Устав надписывать и рассылать друзьям рождественские открытки, он решил вместо них ежегодно отправлять им по куску специально написанного романа. Для этого он, вспомнив школьный опыт, основал собственное издательство «Филтрум пресс». Скоро друзьям и деловым знакомым было отправлено 226 нумерованных книжек в элегантной зеленой обложке. В романе (или повести, это до сих пор не ясно) под названием «Растение» говорилось о зловещей флоре, которая дает своему владельцу писательский талант, но за это требует человеческой плоти и крови. Позже друзья Кинга получили вторую и третью части романа, но на этом дело застопорилось. После злосчастной аварии писатель вернулся в

проекту, решив по частям продавать «Растение» в Интернете. Однако этот проект заглох, и СК опять забросил бедное «Растение», которое успело дорасти только до шестой части.

В очередном романе «Кристина» Кинг продолжил составление каталога ужасов, перейдя от доисторических, природных кошмаров к технологическим. Одержимые злобными духами механизмы уже не раз встречались в его произведениях — достаточно вспомнить рассказы «Давилка» или «Грузовики». На сей раз в этой роли выступил обычный автомобиль «плимут-фьюри» (напомним, что второе слово означает «ярость»), купленный 17-летним Эрни Каннингемом у престарелого ветерана Роланда Лебея. Прежде Эрни был тихим шахматистом, который ужасно стеснялся своих прыщей и не решался заговорить ни с одной девушкой. Теперь все изменилось — он возмужал, обре уверенность в себе и завел роман с первой красавицей школы Ли Кэйбот. Его друг Деннис заметил и еще одну странность: машина Эрни, дышавшая на ладан, с каждым днем становилась новее, причем безо всяких усилий ее хозяина. Продав ее, Лебей тут же умер, и на его похоронах Деннис узнал, что когда-то в машине по очереди умерли маленькая дочка и жена ветерана, причем тот даже не пытался им помочь. Но Энди не желал этого слышать — автомобиль, получивший имя «Кристина», стал для него всем.

Когда шайка хулиганов разнесла «Кристину» вдребезги, машина очень быстро восстановилась. А потом начала охотиться за своими обидчиками, а заодно и за Ли, к которой ревновала чисто по-женски. Ее жертвами стали отец и мать Эрни, а потом и он сам, полностью поглощенный механическим чудовищем. Деннис и Ли сумели одолеть Кристину, раздавив ее механическим прессом. Но много лет спустя герой узнал, что последний уцелевший хулиган из тех, что изуродовали «Кристину», при странных обстоятельствах задавлен машиной в Лос-Анджелесе. И начал гадать: «Что, если сейчас она мчится на восток, чтобы завершить свое дело? Что, если она оставила меня напоследок? Такая неотступная в достижении своих простых целей. С ее неиссякающей яростью».[50]

«Кристина» была закончена весной 1983 года, а летом Кинг взялся за новый роман, который впервые написал в соавторстве. Его партнером выступил Питер Страуб — давний знакомый по Англии, который теперь жил в Уэстпорте, штат Коннектикут. Страуб родился в марте 1943 года в Милуоки, в детстве был сбит машиной и несколько лет провел в постели, став за это время заядлым читателем фантастики. Он получил филологическое образование, защитил диссертацию по творчеству малоизвестных

британских поэтов и постепенно перешел к писательству. Его первый роман «Браки» (1973) был твердым мейнстримом, но после написанной в 1975 г. «Джулии» он ступил на зыбкую почву жанра horror, с которой уже не сошел. В интервью он сам описал себя как «человека с заурядной внешностью, который мог с одинаковой вероятностью оказаться как бухгалтером, так и наемным убийцей». На фотографиях мешковатый лысый Страуб в самом деле напоминает бухгалтера, а на убийцу намекает только зловещая усмешечка, не сходящая с его губ.

Уединенная жизнь Страуба и его нелюбовь к писательским тусовкам в свое время породили версию, что он является такой же подставной фигурой, как Бахман, а все его романы — добрых два десятка, — написаны Кингом (меня самого на полном серьезе убеждал в этом один известный киновед). Однако СК все эти годы был достаточно загружен собственной работой и физически не мог писать еще и за своего соавтора. К тому же манера письма у них совершенно разная. Страуб пишет меланхолические, проникнутые рефлексией и довольно занудные романы. Его постоянный мотив — демоническая женщина-призрак, которая стремится погубить героя. По стилю он гораздо ближе к традиционному готическому роману, чем к Кингу. Сходство можно найти только в одной книге — «Истории с привидениями» (пожалуй, лучшей у Страуба), но его можно объяснить простым подражанием. Роман Страуба «Летящий дракон» тоже имеет параллели с кинговским «Оно», но недоразумений по этому поводу не возникло. Кинг сам не раз заимствовал сюжеты других авторов и не видел в этом ничего страшного.

В «Талисмане», однако, помощь Страуба оказалась очень кстати. До сих пор Кинг не имел опыта создания фэнтезийных сказок в духе Толкина, а этот жанр в 80-е годы оказался весьма востребованным благодаря кино. Правда, он уже разработал в «Стрелке» идею волшебного мира, параллельного нашему, но что с ней делать, толком не знал. Когда-то ему пришла в голову идея отправить мальчика своего любимого возраста — одиннадцати лет, — на поиски волшебного предмета, чтобы спасти мать, умирающую от рака. Страуб подсказал ему мысль перенести этот предмет в иной мир — Долины (в оригинале Территории). Ему же принадлежит догадка, что каждый житель нашего мира имеет в Долинах своего двойника — каждый, кроме главного героя Джека Сойера. Потому он и обладает волшебными силами, позволяющими добыть Талисман. Мальчику противостоят его злобный дядя Морган Слоут и садист-воспитатель Гардинер, заключающий Джека в свою «Солнечную школу», больше похожую на тюрьму. Их двойникам в мире Долин служат волки-оборотни и

прочие монстры, с помощью которых Морган надеется захватить власть в обоих мирах. Но Джек срывает его планы, добывает Талисман и спасает свою мать, отставную актрису Лили Кевинью — она же королева Долин Лаура де Луизиан.

Эта несложная по сюжету сказка стала, тем не менее, настоящим бестселлером. Свой вклад в это внесли оба соавтора, хотя что конкретно писал каждый из них, так и осталось тайной. Похоже, что Кинг насытил историю Талисмана яркими героями и придал ей динамику, а Страуб внес необходимый сказочный колорит в описание Долин. В одном из интервью он сказал, что каждый из них пытался имитировать стиль другого, чтобы получился некий собирательный автор. Замысел совместной книги родился у них уже при первой встрече в Лондоне и возродился летом 1982-го, когда Страуб с женой вернулись из Англии. Оба писателя приехали в дом Страуба в Уэстпорте, где написали первые сорок страниц романа и наметили план оставшейся части. После этого они разъехались и каждый месяц высылали друг другу куски текста, продолжая с того места, где закончил другой. Оставшиеся полсотни страниц были написаны в феврале 1984-го в Бангоре, после чего книгу отдали редакторам и иллюстраторам.

«Талисман» вышел в октябре того же года тиражом 400 тысяч. Это был не слишком «ужасный», но захватывающий квест, по ходу которого выяснялось, что подлинный Талисман — сам Джек Сойер, законный наследник трона Долин. Силы его по мере приближения к цели растут, и хлипкий вначале мальчуган одной левой раскидывает целые армии врагов. Ну, сказка она и есть сказка. Верный себе, Кинг населил «Талисман» множеством запоминающихся персонажей, которые потом переселились в другие произведения. Это чернокожий трубач Спиди Паркер, в Долинах превращавшийся в волшебника Паркуса; это добрый Волк, оборотень из Долин, ставший преданным другом Джека и погибший за него; это рассудительный Ричард Слоут, сын дяди Моргана, который вместе с Джеком идет к цели и едва не сходит с ума при виде чудес Долин. Конец у книги безупречно счастливый — зло наказано, добро торжествует. Едва Джек добыл Талисман, как все злодеи во главе с дядей Морганом мгновенно окочурились. Книга завершается ремаркой: «Большинство героев этой книги здравствуют и поныне; они преуспевают и счастливы. Может быть, когданибудь после я сочту небесполезным снова заняться историей изображенных в этой книге детей и погляжу, какие вышли из них люди». Продолжение «Талисмана» и правда появилось много лет спустя под названием «Черный дом», но оказалось куда более мрачным.

«Талисман» утвердил в творчестве Кинга идею параллельного волшебного мира, которая с тех пор все больше завладевала им. Но тогда, в 1984 году, он предпочел вернуться к перелистыванию каталога ужасов. После отданного Бахману романа «Худеющий» были написаны несколько рассказов для сборника «Команда скелетов» (он вышел следующим летом) и повесть «Цикл оборотня», состоящая из двенадцати мини-рассказов. На этот раз оборотень злой — он терроризирует маленький городок, убивая по одному человеку каждое полнолуние. Жители скованы страхом и бездействием, и только мальчик-инвалид Марти сумел вычислить вурдалака, которым оказался местный баптистский пастор Лоу — он заразился оборотничеством, набрав на кладбище каких-то странных цветов. Характерны его самооправдания: «Я Божий человек и не стану кончать жизнь самоубийством. Я творю здесь добро, а если иногда и творю зло — что ж, люди творили зло задолго до меня. Зло также служит воле Господа, как учит нас Библия».[51] Его следующей жертвой должен стать Марти, но не тут-то было — храбрый мальчуган встречает монстра серебряной пулей из дядиного «магнума».

Как обычно, после завершения работы над «Талисманом» у Кинга накопилось много неиспользованных образов и сюжетных ходов. Часть из них он вставил в сказку «Глаза дракона», написанную за два последних месяца 1984 года для дочери Наоми. Она не желала читать папины ужастики, и СК пришлось сочинить для нее историю из тех, что нравятся девочкам (во всяком случае, так он считал). Наоми взяла рукопись без энтузиазма, но потом прониклась и уже не могла оторваться. «Замечательная сказка, папа! — воскликнула она, захлопнув папку. — Жаль только, что так быстро кончилась».

Вопреки названию, главный злодей в сказке — вовсе не дракон, а придворный чародей Флегг, воплощение извечного Зла, в котором нетрудно опознать «черного человека» из «Стрелка» и «Противостояния». Веками он кочует по разным странам сказочного мира, везде принося хаос и разрушение. Теперь он нацелился на Дилейн, где правит старый король Роланд. Чародей смог не только отравить этого довольно никчемного монарха, но и свалить вину за это на его сына, благородного принца Питера. Тот был посажен в высокую башню и только благодаря своей (и авторской) изобретательности сумел спастись и разрушить замыслы своего врага. Все пять лет заключения он аккуратно распускал салфетки, которые подавали ему за обедом, и плел из них веревку, по которой и спустился с Башни. В это время страной правил его безвольный и трусливый брат Томас, но и у него в конце концов хватило храбрости восстать против Флегга.

Бессмертный чародей бежал, и Томас со своим дворецким Деннисом отправился на его поиски, чтобы много лет спустя мимоходом мелькнуть на страницах «Темной Башни».

Кинг отнесся к «Глазам дракона» не слишком серьезно. Вначале он вообще не собирался выпускать сказку «в народ» — в его издательстве «Филтрум пресс» были изданы всего 250 нумерованных экземпляров для рассылки друзьям по образцу «Растения» и еще тысяча для благотворительной распродажи. Книга была оформлена тем же Уиланом и двумя другими художниками — кстати, до этого они же иллюстрировали двухтомный подарочный «Талисман», вышедший у Дональда Гранта. Однако позже Кинг поддался на уговоры своих партнеров из «Викинга» и разрешил им издать «Глаза дракона» массовым тиражом, который в итоге дошел до 400 тысяч.

Разделавшись с Бахманом, Кинг явно почувствовал некоторое облегчение. Как раз тогда он провел генеральную уборку в своей творческой лаборатории. Незаконченные и неудачные произведения вместе с другими бумагами были сложены в четыре больших коробки и отосланы на хранение в Мэнский университет. Четыре ранних романа «бахманиады» в марте 1985-го были изданы «Викингом» под названием «Книги Бахмана». А лучшие из накопившихся рассказов (22 штуки плюс повесть «Туман») вошли в объемистый сборник «Команда скелетов», вышедший в июне в том же «Викинге». Сборник, как и «Ночную смену», предваряло авторское введение — на этот раз Кинг уже не оправдывался перед читателями за то, что пишет в таком «легкомысленном» жанре, а лишь объяснял, откуда взялись сюжеты отдельных рассказов. Кстати, почти половина историй сборника не имела отношения к ужасам — это были мелодрамы, юморески или просто истории из жизни. Тем самым писатель доказывал, что не связывает себя рамками одного жанра и может так же успешно работать в других направлениях.

У некоторых рассказов, что необычно для СК, имеется даже хэппи-энд. Это, например, «Компьютер богов», написанный в 1983 году и возвращающий нас к баснословным временам, когда компьютер был всего лишь продвинутой пишущей машинкой, стоил при этом не меньше трех тысяч долларов и назывался «текстовым процессором». Такой процессор тайваньской фирмы «Ванг» достался герою рассказа Ричарду Хагстрому в наследство от его брата Роджера, который со всей семьей разбился на машине. Скоро выяснилось, что 14-летний сын Роджера Джон, гениальный изобретатель, внес в компьютер некоторые изменения. Все, что было набрано на нем, воплощалось в жизнь, а стертое немедленно исчезало. Недолго думая, Ричард

воспользовался этим, чтобы избавиться от супруги, злобной и неопрятной толстухи, и эгоиста-сына. Вместо них он воскресил для себя жену брата и его сына, и они жили долго и счастливо.

Герой рассказа — писатель, как и Рег Торп из «Баллады о блуждающей пуле». Этому талантливому безумцу пришло в голову, что рассказы за него сочиняет живущий в пишущей машинке форнит — существо вроде эльфа. С тех пор он начал подозревать знакомых, соседей и, естественно, ЦРУ в том, что они хотят украсть форнита, а его самого заразить смертельной болезнью. Чтобы регулярно получать от Торпа новые произведения, его редактор Генри подыгрывает ему, отчего мучается угрызениями совести, постепенно спиваясь (этот процесс описан Кингом со знанием дела). При этом он постепенно заражался манией писателя и под конец почти поверил в эльфов. Правда, в отличие от ненормального Торпа, отдает себе отчет, что его форнит — этакий «муз», двойник его самого (опять эти двойники!). «Беллис был мной, и я был Беллисом».

Однако безумие, как блуждающая пуля, может явиться с самой неожиданной стороны. Торпу показалось — или это случилось на самом деле? — что сын домработницы убил его драгоценного форнита из игрушечного пистолета. В ярости он открыл стрельбу по ребенку, ранил его и свою жену, а потом застрелился. В тот же день пьяный редактор едва не утонул в реке со своей машиной. Через несколько лет он рассказал эту историю другому писателю — тот был здоров и ни в каких форнитов не верил, хотя «часто задумывался над тем, кто подсказывает ему слова, возникающие у него в голове». В рассказе 1984 года Кинг нарисовал для себя три пути — безумие, алкоголизм и нормальная, хоть и скучноватая жизнь. И решительно сделал выбор в пользу третьего варианта.

Рассказ «Короткий путь миссис Тодд» (1981) посвящен хорошо знакомому СК маршруту между Бангором и Западным Мэном. По этому отрезку постоянно ездит Фелия Тодд, одержимая манией укорачивать путь. Ее знакомый, фермер Хомер Бакленд, замечает, что маршрут Фелии пролегает по странным местам — к колесам ее машины прилипают то странные растения, то необычные зубастые твари. Да и сама она меняется и молодеет, становясь похожей на античную богиню. В своих поездках из Касл-Рока в Бангор Фелия находит отдых от скучной домашней жизни с занудой-мужем. В конце концов она пропадает без вести, но через много лет появляется вновь, сияя своей «ужасающей красотой», и увозит постаревшего Хомера, продолжавшего тайно любить ее, в свой таинственный мир.

Рассказ лиричный и сказочный, в духе британских легенд о феях, уводящих смертных в иную реальность, где время останавливается или течет вспять. Нечто подобное Кинг мог найти у Йитса, которому, кстати, и принадлежит выражение «ужасающая красота».

Один из лучших рассказов — «Последняя ступенька», в Штатах уже вошедший в школьные хрестоматии. Его герой вспоминает о детстве, когда на отцовской ферме они с младшей сестрой Китти прыгали с высоты в стог сена. Однажды ступенька лестницы сломалась, и сестра повисла на высоте четырехэтажного дома. В считанные минуты Ларри успел перетащить весь стог под лестницу, и Китти не разбилась. А потом наступила взрослая жизнь, брат с сестрой забыли друг о друге, и лишь через много лет он прочитал о ней в газете: «Самоубийство молодой проститутки». С тех пор Ларри лишился сна — он вообразил, что своим детским подвигом внушил сестре обманчивое чувство безопасности и в конечном счете сломал ей жизнь. «Закрывая глаза и впадая в дрему, я снова и снова вижу, как моя Китти с широко раскрытыми темно-синими глазами, прогнувшись и раскинув руки, летит вниз с третьего яруса амбара — Китти, которая всегда верила в то, что внизу окажется стог сена».[52]

В сборнике есть место и фантастике. Рассказ «Долгий джонт» описывает будущее, где люди путешествуют на другие планеты, разлагаясь на атомы. При этом они обязательно должны спать, но герой, непоседливый тинэйджер Рикки, нарушил это условие и в результате очнулся дряхлым полубезумным стариком и тут же попытался выцарапать себе глаза, «которые видели немыслимое на протяжении вечности». Рассказ написан в подражание журналам, которыми Кинг зачитывался в детстве, и не особенно интересен, хотя его научную (точнее, антинаучную) идею писатель воспроизвел потом в повести «Лангольеры». Рассказ «Пляж» описывает высадку космонавтов на пустынной планете и превращение одного из них в «песочного человека».

Два рассказа про молочника можно отнести к жанру черного юмора. В первом молочник Спайк в чудесный летний день развозит клиентам упаковки с молоком и сливками, в которые подмешан яд — такие уж у него шутки. Во втором двое работников прачечной, упившись в стельку, едут мстить тому самому Спайку, который увел у одного из них жену. Но он опережает их, раздавливая их ветхую машину своим грузовиком. Персонажи — типичные «реднеки» из глубинки, с которыми Кинг рос и работал (отсюда и упоминание прачечной). Если в других произведениях они изображаются обычными и, в общем, неплохими людьми, то здесь это человекоподобные создания,

живущие по-скотски и так же умирающие. Для Кинга, которому несвойственно осуждать представителей низших классов, такая позиция не слишком обычна. Но для нее есть объяснение — по мнению ряда кинговедов, оба отрывка являются заготовками для ненаписанного романа, в котором молочник должен был стать не просто хулиганом, а очередным вместилищем инфернальных сил Зла.

«Ужасных» историй в сборнике относительно немного. В рассказе «Грузовик дяди Отто» речь снова идет о дьявольской машине, поработившей старого фермера, а потом и убившей его. Его племянник Квентин, он же рассказчик, обнаружил дядю Отто в постели со свечой зажигания во рту и пятью галлонами солярки в желудке. До этого Отто жаловался, что давно сломанный грузовик по ночам подъезжает к дому и вот-вот доберется до него. Племянник-скептик в это не верит, но вспоминает, как в детстве заглянул в кабину грузовика, и ему «показалось, что грузовик сожрет меня заживо. А потом выплюнет в траву нечто изжеванное, с переломанными костями, раздавленное, как тыква, угодившая под колеса».[53] Отчасти грузовик можно считать и орудием справедливой мести — когда-то дядя Отто с его помощью убил своего компаньона Мак-Катчена. Не исключено даже, что больная совесть заставляет фермера видеть в обычной сломанной машине демона, пришедшего по его душу.

Тот же мотив роковой вещи, убивающей своих владельцев, воспроизведен в рассказе «Обезьяна». Как-то в Нью-Йорке Кинг увидел у уличного торговца целую стаю плюшевых обезьян, бьющих в тарелки. Их обманчиво-веселый вид показался писателю зловещим — так родился сюжет о спрятанной на чердаке игрушке, каждый удар тарелок которой означает чью-то смерть. Еще в детстве обезьяна погубила мать Хэла Шелберна и его лучшего друга. Он утопил монстра в колодце, но через много лет тот снова явился в дом и едва не убил сына Хэла — отец еле-еле успел удержать тарелки руками. Наутро вместе с сыном он садится в лодку и топит обезьяну в озере. «На этот раз обезьяна исчезла навсегда. Каким-то образом он знал это наверняка… Но Хэл подумал об отдыхающих, которых он даже не знает. Возможно, мужчина со своим сыном, ловящие большую рыбину. «Попалась, папочка!» — вскрикивает мальчик. «Давай-ка вытащим ее и посмотрим», — говорит отец, и вот из глубины, со свисающими с тарелок водорослями, усмехаясь своей жуткой улыбкой, появляется обезьяна».[54]

Рассказ «Отражение Смерти» — явное подражание готическим историям о проклятых предметах. Его герой Спенглер приходит в антикварную лавку, чтобы купить зловещее зеркало

Де Ивера — по преданию, заглянувший в него видит отражение Смерти в виде темного силуэта, а затем исчезает. Естественно, маловера постигла та же судьба. Читать такое в сотый раз слегка неловко, особенно после блестящей пародии Честертона «Проклятая книга». Зато маленький рассказ «Здесь тоже водятся тигры» — чисто кинговский, хоть и напоминает «Вельд» Брэдбери. Маленький Чарли боится идти в школьный туалет, потому что там сидит тигр. Зато с легким сердцем отправляет туда хвастливого одноклассника, а потом и нелюбимую учительницу. Кинг вспоминал, что писал рассказ в память о своей первой стратфордской учительнице, мисс Ван Бьюрен: «Мы ее жутко боялись. Полагаю, если бы пришел тигр и съел ее, я бы пожал ему лапу. Сами знаете, какие они, эти дети».

В «Плоте» четверо тинэйджеров, решивших прокатиться на плотике по осеннему озеру, подвергаются нападению странного черного пятна, которое пожирает живьем всех, кто оказывается в воде. Как водится, у каждого из персонажей — Глупый Задавака, Безвольная Жертва, Осторожный Аутсайдер. По раз и навсегда заведенному Кингом порядку Задавака гибнет первым, оставляя свою девушку Аутсайдеру, который давно втайне желал ее. Происходит волнующая любовная сцена на плоту. Совсем по Фрейду, секс влечет за собой смерть — волосы Лаверн попадают в воду, и чудовище добирается до нее. Что ж, Рэнди не герой — он ногой спихивает несостоявшуюся подругу в воду. В финале он остается на плоту один, в тоске ожидая помощи. Окрестности озера безлюдны, туристы давно разъехались, и спасти мальчика может только чудо.

В лавкрафтовской по духу «Ноне» герой совершает одно убийство за другим под влиянием явившейся к нему невесть откуда девушки-крысы, которую не видит никто, кроме него. Герой рассказа «Восставший Каин» Гэриш — близнец Чарли Декера из «Ярости». Провалив экзамен, он садится с «магнумом» у окна кампуса и методично расстреливает всех подряд. Оправданием ему служит то же убогое ницшеанство: «Бог сляпал мир по образу и подобию своему, и если ты не жрешь мир, то мир жрет тебя». Рассказ «Человек, который никому не подавал руки» — еще одна готическая история о проклятии. Его герой Брауэр, проезжая на машине по Бомбею, случайно задавил сына жреца, и тот проклял его — всякий, кому Брауэр пожмет руку, обречен на смерть. В конце концов, устав от такой жизни, он пожал руку сам себе. Явная стилизация, как и рассказ «Свадебный джаз» из жизни мафиози времен «сухого закона».

«Оставшийся в живых» не имеет никаких признаков «ужастика», но при этом по-настоящему кошмарен. Речь в нем

идет о хирурге, оказавшемся после кораблекрушения на крошечном островке без пищи и воды. Чтобы выжить, он вынужден в буквальном смысле заняться самоедством — съедает собственную ногу, а потом и вторую. «Я был очень осторожен, — гордо сообщает герой в своих записках. — Я помыл ее тщательно, перед тем как съесть». Попутно он рассказывает о своей жизни, и становится понятно, почему человек, сменивший благородное ремесло врача на торговлю наркотиками, так отчаянно цепляется за жизнь. С нарастающей жутью мы следим, как герой, одурманивая себя героином, по кусочку поедает собственное тело. Вплоть до конца: «У пальцев вкус пальцев ничего особенного». Здесь Кинг вызывает у читателя самый примитивный страх, основанный на отвращении. Он вспоминает, что перед написанием рассказа консультировался с приятелем-врачом, чтобы выяснить, способен ли человек преодолеть болевой шок, ампутируя собственные конечности. Как ни странно, в маленьком рассказе достоверность важнее, чем в романе — здесь любые «ляпы» гораздо легче заметить.

Летом 1985-го писатель взялся за новую большую работу — роман о детской дружбе, которая побеждает чудовищ. Роман, названный «Оно», писался почти год и вышел в свет в сентябре 1986-го, сразу став одной из популярнейших книг Кинга. И самых кровавых — в нем многоликий монстр лишает жизни десятки людей, в основном детей, а под конец разрушает большую часть города Дерри, срисованного с Бангора. Оно (It) — невероятно могучее и древнее создание, прилетевшее из космоса в незапамятные времена. Существует оно сразу в трех ипостасях: бесформенной протоплазмы из другого измерения, мерзкого паука, живущего в подземельях под городом, и оборотня, способного воплощаться в любую форму. Его любимая оболочка — веселый клоун Пеннивайз, «копеечный мудрец», чьи оранжевые помпоны и воздушные шарики помогают заманивать детей в уединенные места. Там Оно съедает их, подпитавшись предварительно их страхом. Монстр может подчинять себе людей и время от времени устраивает ради развлечения масштабные побоища. Фактически под его контролем оказался весь город, и один из героев мрачно говорит: «Дерри — это и есть Оно».

Одной из жертв чудовища стал шестилетний Джек Денбро. Его брат, Заика Билл, вместе с друзьями из «Клуба Неудачников» ведет обычную мальчишескую жизнь — исследует зеленые джунгли Пустоши и прячется там от врагов-хулиганов из шайки Генри Бауэрса. В этом вполне политкорректном клубе есть Золушка из бедной семьи (Беверли Марш), толстяк, очкарик, еврей и даже негритенок Майк Хэнлон, что для Мэна 50-х

достаточно экзотично. В общем, все дети чем-то выделяются из массы и к тому же обладают развитой фантазией, поэтому догадываются о существовании Оно и начинают борьбу с ним. Монстр изводит их своими иллюзиями (которые при этом достаточно реальны, чтобы убить), но в результате отступает. Для этого ребятам приходится провести старинный тибетский ритуал «чёд», о котором всезнайка Билл Денбро прочитал в какой-то книжке. Когда речь заходит о других странах, эрудиция часто подводит Кинга. Так случилось и в этот раз — обряд, о котором идет речь, на самом деле называется «ро-ланг». Это единоборство с демоном посредством языкового (в буквальном смысле) контакта. Чёд еще страшнее — он заключается в скармливании духам собственного тела для очищения от плотских желаний. Похоже, до такого бы не додумался даже Кинг.

В общем, монстра чувствительно ухватили за язык, и он отступает в свою нору под городом. Для закрепления победы мальчишки зачем-то проводят там же, в канализации, еще один ритуал — коллективное совокупление с Беверли. Рановато для одиннадцати лет, хотя подростки этого возраста у Кинга всегда выглядят чересчур взрослыми. Но спустя отмеренный срок чудовище возвращается и снова начинает убивать детей. Оно знает, что это привлечет в город давно уехавших оттуда членов «Клуба Неудачников», и тогда оно сможет отомстить им. Так и случается, но гибель ждет только астматика Эдди. Майк Хэнлон, ставший к тому времени городским библиотекарем Дерри, ранен сбежавшим из сумасшедшего дома Генри Бауэрсом, сознанием которого завладело Оно. Но смелый негр выжил — позже он появится в романе «Ловец снов». А Оно окончательно повержено четырьмя оставшимися «неудачниками» — на этот раз без тибетских обрядов, просто силой дружбы, прямо как в пионерских сказках Крапивина. Правда, в последних судорогах чудовище разрушает почти весь Дерри, но этот проклятый город заслужил свою участь. Выполнив свою миссию, друзья разъезжаются по домам и стремительно забывают друг друга и всю историю Оно. Как ни печально, это самая реалистичная часть книги.

Как обычно, герои «Оно» очень разноплановые, и любой читатель может отождествить себя с одним из них (если, конечно, не выберет клоуна Пеннивайза). Сам Кинг явно выбрал Билла Денбро, который вырос и поступил в Мэнский университет. Там его литературные опыты высмеивали как халтуру. Тогда он написал роман, наугад отослал его в известное издательство — естественно, оно называлось «Викинг», — и вмиг стал знаменит. Остальные «неудачники» тоже преуспели в жизни, и, конечно, никакое Оно не могло теперь с ними справиться. Вместе с

мерзким пауком они добили свои и авторские детские комплексы, а в конечном счете — мир взрослых, которые в решающий момент всегда оказывались на стороне Оно. Весь ужас в другом — паук сгинул, но его яд проник в души всех жителей Дерри, не исключая и семи друзей. А значит, Зло, как обычно у Кинга, неизбежно вернется и нанесет новый удар.

В «Оно» СК впервые после «Противостояния» сделал заявку на многоплановый роман-эпопею. И проиграл: многие эпизоды кажутся лишними, а нагромождение ужасов в конце концов перестает пугать и начинает раздражать. При обилии мастерски выписанных сцен и характеров книга напоминает не стройное здание, а рыхлый снежный ком. Кроме того, к концу Кинг явно поспешил свернуть затянувшееся действие, разом поубивав всех лишних героев и разрушив сам город, ставший прибежищем Зла. Потом его пришлось восстановить — Дерри занял важное место в фантастическом мире Кинга. Многое в нем списано с реального Бангора — например, громадная статуя лесоруба Пола Бэньяна, которую Оно заставило ожить и наброситься на одного из героев. Ресторан «Нефрит Востока», где встречаются друзья — это популярный в Бангоре китайский ресторан «Восточный нефрит». В том же городе реально произошли некоторые из описанных в романе событий — например, расстрел банды Брэди в начале XX века или убийство молодого гея, сброшенного хулиганами с моста. Конечно, в романе ответственным за все эти преступления оказался злобный Пеннивайз.

«Оно» примечательно тем, что в нем Кинг впервые попытался создать собственную мифологию. На этот раз его монстр пришел не из ниоткуда, а «из-за стены Вселенной, где он существует, как громадное светящееся ядро». Правда, на вселенское Зло Оно явно не тянет — слишком легко с ним справляется кучка детей. Но автор находит ответ, представляя паука лишь одной из ипостасей Зла — так сказать, его полпредом в штате Мэн. Пускаясь в изыскания в сфере мирового фольклора, он пишет: «Существо, терроризировавшее Дерри, гэлы называли Гламор, индейцы — Маниту, жители Гималаев — Таллус или Телус. В Центральной Европе Оно звалось Эялик, во Франции — «ле Лу-гару»». Эрудиция автора сомнительна: если часть этих слов относится к злым духам, то «эялик» — просто турецкий вампир, a loup garou — волк-оборотень по-французски. Смысл в том, что все они, как и Оно — посланцы некоего Макро-Оно, живущего «за стеной Вселенной». Ему противостоит Черепаха — важный для Кинга персонаж, воплощение пассивного Добра, способного только давать советы героям. Черепаха появляется во многих кинговских романах, но везде описывается только намеками. Может быть, это

Бог, который, по Кингу, не вмешивается в дела сотворенного Им мира? Но в другом месте романа говорится: «Кто-то создал и Черепаху, которая только наблюдает, и Оно, которое только пожирает». Но о сути этого Кого-то мы ничего не узнаем — мифологические параллели уводят в темноту.

В романе немало говорится о природе страха. Для каждого из героев Оно находит вещи, пугающие конкретно его. Бена Хэнскома испугал фильм про мумию, и он видит отвратительную мумию с желтыми размотанными бинтами. Майк Хэнлон в детстве боялся птиц, поэтому на него напустили громадную птицу размером с аэроплан. Любителю ужастиков Ричи предстает оборотень, который прямо на его глазах превращается в волка. Чистюле Эдди привиделся мерзкий прокаженный, сочащийся гноем и сыпящий ругательствами. Беверли изнемогает от домашней работы, поэтому ей приходится раз за разом отмывать ванну от хлещущей из труб крови. При этом взрослые ничего этого не видят. Когда индивидуальные страхи перестают действовать, в дело вступают более глубокие, пугающие почти всех. Например, призраки убитых Оно детей, говорящие с героями из труб канализации. Или подземелья, куда герои вынуждены спуститься, чтобы сразиться со Злом. Кинг отдал дань и собственным фобиям — например, боязни пауков. Воспроизвел он и приснившийся ему когда-то сон о странных летающих пиявках, живущих в выброшенном на свалку холодильнике — в романе они съели одного из героев.

Накопленный в «Оно» эпический опыт пригодился той же весной 1986-го, когда Кинг быстро написал продолжение «Стрелка» — роман «Извлечение троих». Сразу после этого он вернулся к начатому еще в Лондоне роману под названием «Мизери». Это слово переводится как «страдание», и одно из русских изданий так и называлось. Но это также имя Мизери Честейн, героини «розовых» романов, прославивших писателя Пола Шелтона (прозрачный намек на кинговского конкурента Сидни Шелдона). Шелтон умеет писать настоящую прозу, но вынужден ради денег строчить идиотские книжки о Мизери. Попав в автокатастрофу где-то в Колорадо, он оказывается в плену у медсестры-маньячки Энни Уилкс. Эта громадная женщина, уже убившая десятки людей (в основном раздражающих ее «бесполезных» стариков — пациентов больницы), оказывается фанатичной поклонницей сериала о Мизери. Она даже назвала именем его героини свою любимую хрюшку. История, у другого писателя ставшая бы фарсом, быстро превращается в кошмар. Отрубив писателю ноги, чтобы не сбежал, Энни заставляет его писать новый роман о своей любимице. В конце концов Шелдон

сумел убить ее и выбраться из плена, но от Мизери так и не избавился — написанная в плену книга о ней стала бестселлером.

Давно замечено, что талант Кинга лучше раскрывается на узком пространстве. В «Мизери», где героев всего двое, он с незаурядной силой изобразил безумие Энни и страдания ее пленника — не только физические, но и душевные, когда он вынужден переписывать текст по указке полуграмотной медсестры (советские литераторы увидели бы в этом нечто до боли знакомое). Энни для Кинга — это читатели, требующие от него кровавых страшилок вместо добротного психологического мейнстрима, к которому он всегда стремился. Но это еще и алкоголь с наркотиками, на которых он прочно «сидел» в момент написания книги. Не случайно там подробно описана ломка несчастного писателя, когда Энни лишает его привычных болеутоляющих средств. Похоже, в это время Кинг уже твердо решил покончить с унизительной зависимостью, и расставание с Энни Уилкс должно было магически приблизить прощание с алкоголем.

Несмотря на эту зависимость — или благодаря ей, — 1986 год для Кинга оказался самым плодотворным. Он завершил четыре больших романа и начал пятый, «Томминокеры». Это слово в фольклоре британского Корнуолла означало подземных духов, живущих в заброшенных шахтах и губящих горняков. Кинг почему-то решил, что эти духи могут вселяться в людей и подчинять их своей воле. Так случилось и в романе, только томминокерами здесь оказались инопланетяне с отрытого в лесу возле городка Хейвен космического корабля. Пока их тела находятся в анабиозе, сознание проникает в тела обитателей Хейвена и дает им удивительные знания и способности. Постепенно горожане утрачивают все человеческие качества и даже внешне становятся похожими на пришельцев, обретая прозрачную кожу и беззубые рты, похожие на собачьи пасти. В чем смысл этого, толком не ясно — космические агрессоры хотят то ли захватить Землю, то ли просто оживить свои собственные тела и убраться подобру-поздорову. Однако их план срывает поэт-неудачник Джон Гарденер, случайно оказавшийся в Хэйвене.

Гарденер — очередной «альтер эго» Кинга, который не случайно сделал героя хроническим алкоголиком. Он несет в себе все черты «бунтующего поколения» — вечно борется против чего-то (например, строительства АЭС), презирает благонамеренных буржуа и ненавидит власть. Именно на этом его ловит бывшая подруга Бобби Андерсон, первой ставшая в ряды мутантов — «ты ведь не хочешь привести сюда полицию?» Джон даже помогает Бобби в ее труде по расчистке корабля, но прозревает, найдя в ее

сарае людей (включая ее родную сестру), которых она использовала в качестве живых источников энергии — «в дальнем левом углу сарая на стальных крюках висели Ив Хиллмен, Анна Андерсон и старый добрый пес Бобби Питер. Они висели, как туши в лавке мясника. Но они все еще были живы. Толстый черный провод, из тех, которые используются на высоковольтных линиях, проходил через центр затылка Анны Андерсон. Такой же провод был выведен из правого глаза старика. А с собакой было нечто особенное: пучок проводов пронизывал мозг Питера».

Тут Гарденер понял, что его возлюбленная превратилась в нелюдь, и нашел в себе силы убить ее. После этого он, жертвуя собой, пробирается на борт корабля и уводит его в космос, лишив мутантов-томминокеров защитного купола и обрекая их на мучительную смерть. «Оставшиеся Томминокеры, выглядевшие очень изможденными, как сифилитичные остатки племени апачей, были перевезены на правительственную базу в Вирджинии (Кинг не преминул указать, что это та самая база из «Воспламеняющей», которую некогда спалила Чарлина Макги)… Здесь их изучали, и здесь они умерли, один за одним». Позже сюжет романа раздвоился — идея подземных духов, вселяющихся в людей, была использована в «Безнадеге», а злобные космические пришельцы появились в «Ловце снов». Читатели восприняли его как обычную фантастику, очередную «Войну миров». Но это еще и донельзя актуальная аллегория о судьбе интеллектуала, который от неприязни к власти готов сотрудничать с кем угодно, включая бесчеловечных пришельцев… или террористов.

После завершения «Томминокеров» у Кинга наступил период избавления от алкоголя, связанный с долгим творческим застоем. За два года он выпустил только два произведения, но и их трудно назвать полновесными. Первым стал вышедший в августе 1988-го фотоальбом «Кошмары в небе» с четырьмя десятками работ нью-йоркского фотографа со странным псевдонимом «Ф-Стоп Фицджеральд». Все они изображали горгулий — как известно, на Западе этими милыми зверушками любят украшать водосточные трубы. Кинг постарался снабдить фото соответствующими подписями. Понадевшись на его славу, издательство выпустило альбом без особой рекламы довольно большим тиражом и прогадало — экземпляры «Кошмаров» еще лет десять пылились на полках магазинов.

Более удачным оказался сборник рассказов «Темные видения», вышедший в ноябре того же года. Кроме СК, в нем приняли участие два автора ужастиков — Дэн Симмонс (ставший позже знаменитым фантастом) и Джордж Мартин. Кинг написал для сборника три рассказа. Первый, «Посвящение» —

сентиментальная история чернокожей служанки, которая в молодости с помощью колдуньи заимела от белого писателя сына, чтобы он унаследовал отцовский талант. Естественно, так и случилось. Второй рассказ, «Реплоиды», просто пересказывает популярную в желтой прессе историю о человеке из «альтернативной реальности». Ее герой, внезапно появившийся в телестудии Эн-Би-Си, как две капли похож на популярного ведущего, но не знает его имени. Вдобавок в кармане у него доллар, на котором вместо Вашингтона изображен один из его преемников Мэдисон. Предполагается, что американцы должны прийти в ужас, но нам, привыкшим к постоянной смене дензнаков и телеведущих, это не грозит.

Только третий рассказ «Кроссовки» можно отнести к кинговским шедеврам. В нем сотрудник студии звукозаписи Джон Телл, заходя в офисный туалет, постоянно видит под дверью одной из кабин мужские ноги в кроссовках. Естественно, одних и тех же, причем вокруг кроссовок валяются дохлые мухи — в конце уже целая куча. Джона охватывают ужасные подозрения: «К черту логику, он мертв, и мертв уже бог знает сколько времени, и если вы откроете дверцу кабины, то увидите съежившуюся, покрытую язвами массу с руками, свесившимися меж ног». Однако он стеснялся или просто боялся заглянуть в кабинку, пока ему не рассказали, что в туалете окопался призрак наркоторговца, убитого там лет десять назад — кто-то воткнул ему в глаз карандаш, когда он сидел на унитазе. В конце концов убийцей дилера оказался лучший друг Джона, директор его фирмы, задолжавший парню за кокаин. Однако вся соль не в вымученной детективной интриге, а в описании душевных терзаний героя с неизбежными воспоминаниями о детстве

В марте 1989-го был закончен роман «Темная половина», с которого началась новая серия произведений, которые можно назвать оптимистическими. Безысходность «Куджо» и «Кладбища» ушла — теперь героям позволялось победить Зло, как их создатель победил алкогольного демона. Так Тад Бьюмонт избавился от своего кошмарного двойника — только потом выяснилось, что он сделал это ценой собственной жизни. Так избежали гибели герои трех из четырех повестей, вошедших в сборник «Четыре после полуночи» — он вышел осенью 1990 года. Часть этих произведений была написана еще в «алкогольный» период, часть после, поэтому настроение у них разное. Динамичнее всего повесть «Лангольеры» — ее летящие в самолете герои попадают в «петлю времени», где за ними гонятся лангольеры, непонятные шарообразные существа, пожирающие прошлое.

Как часто бывает у Кинга, пассажиры самолета образуют мини-коллектив с четким распределением ролей. Есть здесь и негодяй — клерк Крейг Туми, одержимый комплексами по вине деспотичного отца. В свое время тот учил мальчика не терять время попусту — иначе за ним придут чудовища-лангольеры. Теперь, увидев их воочию, Туми сходит с ума и пытается погубить своих товарищей. Причем делает это по внушению голосов, которые явно принадлежат не лангольерам (те просто не замечают людей), а тому же буке из шкафа — вездесущему Злу. В результате он все же попадает в пасть к монстрам, давая остальным время уйти от погони. Пассажирам удается уцелеть, но при этом гибнет слепая девочка Дайна, которая оказывается ясновидящей и указывает остальным путь к спасению. Гибнет и агент-диверсант Ник Хоупвелл, который садится за штурвал самолета при повторном пересечении временной границы и обречен при этом исчезнуть.

Повесть «Потаенное окно, потаенный сад», о которой мы уже говорили — вариант сюжета о двойнике, но ее герой-писатель, в отличие от Бьюмонта, поддается роковому раздвоению и гибнет. В повести «Солнечный пес» за мальчиком охотится демонический пес, живущий в подаренном на день рождения фотоаппарате «Полароид». Этот пес появляется на каждом снимке, постепенно приближаясь и превращаясь из обычной дворняги в чудовище. «Полароидный пес занимал уже весь квадрат фотографии. Огромная голова, черные пещеры глаз, дымящаяся зубастая пасть. Череп напоминал по форме пулю или каплю. В кадр попадали только вершины штакетин, все остальное закрывали мощные плечи этой твари».[55] Когда чудовищу почти удается выбраться в наш мир, мальчик с помощью отца загоняет его обратно и уничтожает опасную игрушку. Но конец не утешает. Когда Кевину подарили компьютер, он сам собой напечатал фразу: «Пес опять сорвался с цепи. Он не спит. Он ищет тебя, Кевин».

Сложнее всего сюжет повести «Полицейский из библиотеки». В начале ее клерк Сэм Пиблс, переехавший в городок Джанкшен-Сити, штат Айова, приходит в местную библиотеку за материалом для выступления на юбилее корпорации (в Америке к таким делам относятся серьезно). Седая библиотекарша Арделия Лорц очень строга с ним, а на стенах развешаны плакаты, пугающие неаккуратных читателей вымышленным «библиотечным полицейским». Это оживляет в душе Сэма детские страхи — когда-то его прямо у входа в библиотеку изнасиловал маньяк, выдававший себя за такого полицейского. Как на грех, взятые книги куда-то исчезают, и героя начинает преследовать роботообразный монстр, явно посланный библиотекаршей. Когда

Сэм приходит в библиотеку, выясняется, что миссис Лорц работала там давным-давно и была уволена, когда по ее вине погибли двое детей. После долгих поисков он узнал, что библиотекарша — не человек, а нелюдь, которая питается человеческим страхом. При помощи своей подруги Сары ему удается подстеречь Арделию Лорц и увидеть ее истинный облик: «Это было белое, невообразимо уродливое создание… Его конечности заканчивались когтями. Под шеей, будто зоб, из которого выкачали воздух, свисал сморщенный мешок плоти».[56] Сэм уничтожил монстра довольно остроумным способом — залепил ее сосущий хобот куском лакрицы, отчего мнимая Арделия лопнула, как мыльный пузырь.

Зло не всесильно и в следующем романе Кинга «Необходимые вещи» (в другом переводе «Нужные вещи», Needful Things), написанном осенью-зимой 1990 года. Это последнее произведение того периода, когда Кинга интересовало зло, приходящее извне — позже он займется злом внутренним и по-своему более интересным. Сюжет романа приводит читателя в давно знакомый ему городок Касл-Рок, где некий мистер Лиленд Гаунт открывает новый магазин «Необходимые вещи». Этот безупречный джентльмен (в экранизации его играет блистательный швед Макс фон Сюдов) легко завоевывает симпатии горожан и продает им вещи, о которых они давно мечтали. Цена смешная — всего лишь сыграть маленькую и обязательно злую шутку со своим соседом. В результате в жителях Касл-Рока просыпается ненависть друг к другу, и они снова приходят к мистеру Гаунту, чему тот очень рад. Теперь его товар — новенькие автоматические винтовки. «Товары, которые так привлекали жителей Касл-Рока — черные жемчужины, святые реликвии, подзорные трубы, старые журналы комиксов, бейсбольные карточки, изделия цветного стекла, трубки, старинные калейдоскопы — все исчезло. Мистер Гаунт приступил к своему главному делу, а дело это, в конце концов, всегда сводилось к одному и тому же. Менялась внешняя оболочка, но сущность оставалась та же: разная начинка в одном и том же отравленном пироге. В конце концов мистер Гаунт всегда продавал оружие… и его всегда покупали».[57]

Остановить побоище удается только местному шерифу Алану Пэнгборну, который первым раскусил обходительного торговца. На руинах горящего города он настигает Гаунта, который пытается скрыться с черным саквояжем, унося в нем души, похищенные у жителей Касл-Рока. Из ладони шерифа бьет яркий луч, и служитель Зла в страхе роняет чемодан, освобождая плененные души. Конечно, такой финал слабоват — что это за

дьявол, если он не может справиться с обычным полицейским? И все же Зло, как всегда у Кинга, не истребляется до конца. Исчезнув в Касл-Роке, монстр тут же появляется в айовском Джанкшен-Сити, где происходило действие «Полицейского из библиотеки», и открывает там свой магазин. Вывод прост: пока люди таковы, как они есть, в их душах всегда найдется место для мистера Гаунта и ему подобных.

Роман стал не только американской версией «Крысолова», но и памятником восьмидесятым годам — эпохе «рейганомики», вновь воздвигшей на пъедестал безудержное потребление. В статье на своем сайте Кинг вспоминал: «Это было десятилетие, когда люди на время решили, что жадность — это хорошо, а лицемерие является непременным дополнением жизни. Это было последнее «ура» сигаретам, небезопасному сексу и всем видам наркоты, время окончательного распада Поколения Любви и Мира… Возвращаясь как-то с баскетбольного матча, я подумал о том, что в восьмидесятые на все была навешена своя бирка с ценой, что это время было настоящей распродажей столетия, где на прилавок выставлялись и такие вещи, как честь, чувство собственного достоинства и скромность».

В «Необходимых вещах» Зло вновь приходит в Касл-Рок извне. Но оно слишком легко находит отклик в душах горожан, изъеденных жадностью и эгоизмом. Поэтому огненная гибель города, как и в «Кэрри», выглядит наказанием за грехи. Похоже, Кинг к тому времени окончательно решил: самый страшный враг человека — не вампир, оборотень или бука из шкафа, а сам человек. Это приводит писателя к желанию внимательнее вглядеться в глубины людской психики, чему и будет посвящено следующее десятилетие его творческой биографии.

Интерлюдия. Король и мы (2)

Любого писателя, книги которого приходят в другую страну, встречают «по одежке», то есть по качеству переводов. Если эти переводы плохи, то лишь у немногих упрямцев хватит сил продраться сквозь них, чтобы вникнуть в суть произведений злополучного автора и воспринять его «по уму». Стивену Кингу в этом смысле одновременно повезло и не повезло. Он появился в России в рыночную эпоху, когда перевод, как и литература вообще, превратился из искусства в поденщину. Никто не контролировал точность переводчиков, которых издатели вынуждали «гнать строкаж», растягивая авторский текст или сокращая его сообразно объему будущей книги. Еще меньше

требований предъявлялось к художественной стороне перевода. Доходило до того, что переводчиками становились люди, буквально не знавшие русского языка. Например, интересный труд политолога Пола Дэвиса «История современности» был непоправимо загублен усилиями двух болгарских студентов, которым издательство «Анубис» по неведомой причине доверило перевод книги.

С другой стороны, переводчиками Кинга часто выступали люди неравнодушные, увлеченные его творчеством. Порой это спасало их труд, позволяя даже при нехватке навыков и знаний донести до читателя настроение кинговских книг. Порой не спасало — если переводчики чересчур увлекались и начинали «поправлять» любимого автора. Результат получился промежуточным: примерно две трети книг СК переведены прилично, остальные читать просто невозможно. Особенно обидно, что в числе последних оказались такие важные для самого писателя и его поклонников вещи, как «Оно» и «Темная половина». Обидно и то, что небедное издательство АСТ, владеющее сейчас монополией на «русского» Кинга, не желает потратить небольшую сумму на новые переводы или хотя бы исправить ошибки старых, продолжая издавать их все в том же уродливом виде.

Есть переводы просто блестящие. В первую очередь к ним принадлежат ранние, сделанные еще до наступления рыночного беспредела. Переводчики «Мертвой зоны» и «Воспламеняющей взглядом» Сергей Таск и Олег Васильев, ни словом не отступив от оригинала, в то же время сумели сделать его вполне русским. Это фирменный знак советской школы перевода, прославленной множеством громких имен. К той же старой школе принадлежат и Васильев с Таском: оба закончили филфак МГУ, писали собственные стихи и прозу. Родившийся в 1952 году Таск, кроме того, сочинял пьесы — уже лет десять назад он переехал в Штаты, хотя с Кингом, говорят, так и не встретился.

Кроме двух романов, Таск перевел несколько классических рассказов Кинга — «Дети кукурузы», «Бука», «Иногда они возвращаются». По его стопам пошел родившийся в 1957 году Александр Корженевский — потомок дворянского рода и выпускник МВТУ, позже основавший первое в России литературное агентство. В числе многих англоязычных авторов он замечательно перевел и Кинга — «Туман», «Кэрри» и несколько рассказов. Да и «Сияние» в переводе Евгения Александрова, хоть и не отличается той же выразительностью, следует почтенной традиции советского перевода. К тому же эти книги успели издаться нормально — то есть с тщательной редакционной

правкой, корректурой и прочими «условностями», после отмененными за ненадобностью. Поэтому их продолжают переиздавать и читать, даже не пытаясь перевести заново.

Вслед за «отцами-основателями» переводов Кинга явилось новое поколение, в спешке набранное издателями буквально с улицы. К нему принадлежали работавшие на «Кэдмен» Алексей Медведев, Ольга Лежнина, Александр Филиппенко, Михаил Мастур и другие, не исключая и меня. Все мы были молоды, имели определенную гуманитарную подготовку и большие амбиции. Перевод рассматривался нами не как профессия на всю жизнь, а как средство временного заработка. Отсюда проистекала изрядная небрежность, к которой добавлялось незнание американских реалий. Интернет, из которого сегодня вольготно черпают любые сведения, тогда делал лишь первые шаги. Не было и страноведческих словарей типа вышедшей позже «Американы». О значении многих слов приходилось просто догадываться. Кинг, тексты которого полны сленговых выражений, упоминаний торговых марок и цитат из репертуара позабытых рок-групп, в этом смысле был особенно труден. До сих пор со стыдом вспоминаю, как в «Кладбище домашних животных» перепутал спортивные тапочки (sneakers) с одноименными шоколадками, которые как раз тогда наводнили московские ларьки. В итоге в трагической сцене гибели Гэджа Крида с него от удара грузовика не слетали тапочки, а вылетали из кармана батончики «Сникерс».

Но это были цветочки по сравнению с халтурными переводами, заполонившими книжный рынок (к чести «Кэдмена», здесь их было сравнительно немного). Порой роман делили между собой 10–12 человек и переводили, кто во что горазд, иногда даже не сверяя после имена персонажей. Уровень знаний и добросовестности у них был очень разный, и вполне приличный текст буквально на полуслове сменялся полным бредом. Таким был «Талисман», которому мне путем титанических усилий удалось придать (хочется верить) удобочитаемый вид. С еще худшим по качеству «Оно» этого не получилось. Там в первых же строках по разлившейся реке поплыли «оранжевые козлы для пилки дров» — на самом деле имелись в виду деревянные турникеты, которыми отгораживали опасные зоны. Отсюда и до самого конца перевод периодически тонул в волнах бессмыслицы, не говоря уже о неверной и никак не поясненной передаче массы имен и названий.

Еще чаще перевод представлял собой вполне аккуратный подстрочник, какой лет на пять позже мог бы сделать компьютерный переводчик Promt. Его авторы не только не знали материала, но и не озабочивались элементарной логикой

повествования. Корявость их языка была невероятной. В неизвестно кем сделанном переводе «Кэрри», вышедшем в «Кэдмене», школьницы, увидев пятна крови на ногах Кэрри, начинают скандировать «Срок! Срок!» Оказывается, они вовсе не предлагают отправить ее за решетку — английское period означает, как легко догадаться, «месячные». Дальше переводчик уныло мямлит: «Она была нескладной приземистой девушкой с прыщами на шее, спине и ягодицах. Она стояла неподвижно, тупо позволяя воде стекать по своему телу. Кэрри выглядела как мишень для издевательств, типичный козел отпущения, посмешище всего класса, вечно обманываемая и унижаемая — на самом деле такой и была». Немудрено, что после таких переводов многие считают Кинга ремесленником от литературы. Стоит отметить, что по ходу дела переводчик-аноним более-менее овладел текстом. Но в конце не удержался и передал надпись на развалинах города следующим образом: «Кэрри Уайт поджаривается за свои грехи» (по-английски честно сказано «burning»). Похоже, гомерическим зрелищем барбекю из героини добряк хотел скрасить тягостное ощущение от романа.

Переводчик Игорь Багров «затемнил» для читателей один из лучших кинговских романов — «Кладбище домашних животных» (в его варианте ставшее «Кошачьим кладбищем»). Вот с какой нудятины начинается текст: «Луис Крид, потерявший отца в три года и никогда не знавший своего деда, не ожидал найти «отца», став взрослым, хотя произошло именно так… он называл этого человека другом, как должен делать любой взрослый, когда, сравнительно поздно в жизни, встречает того, кто становится ему «отцом»».[58] Персонажи романа говорят языком, немыслимым для нормальных людей. Вот как изъясняется Джуд Крэндалл, речь которого Кинг называет «образцом новоанглийского юмора»: «Я не хотел пугать вас, Речел… ни вас, ни вашу дочь. Не нужно бояться лесов. Тут есть хорошая тропа: она становится слегка болотистой весной, и всегда немного грязна… но, черт возьми, тут нет ни ядовитого плюща, ни одного ядовитого вяза из тех, что вызывают аллергию и растут на заднем дворе школы… а ты, Элли, должна держаться подальше от тех деревьев, если не хочешь недели три провести, принимая разнообразные ванны».[59] Под занавес переводчик каким-то непостижимым образом перепутал карточную масть «пики» (spades) с пауками (spiders), заставив Луиса Крида перед смертью мелодраматически воскликнуть: «Вот она, Королева Пауков!» Другие переводы — мой и Александра Тишпнина («Кладбище домашних любимцев») тоже не идеальны, но их хотя бы можно читать, не спотыкаясь на каждом абзаце.

В «Темной половине», переведенной для «Кэдмена» Виктором Сухоруковым, известное выражение bullshit (лучше всего передаваемое по-русски словом «фигня») везде переводится дословно. В результате текст был усеян фразами наподобие такой: «Между нами нет никакого бычьего дерьма». Или: «Осталось еще одно бычье дерьмо». Дело усугублялось отсутствием в новых издательствах корректоров и редакторов. В «Кэдмене» обе эти функции совмещал многострадальный Леша Шубин, которому к тому же приходилось набивать наши тексты, написанные на машинке, а то и вручную — компьютеры в ту пору были далеко не у всех. Разбирая мой не самый лучший почерк, он то и дело выдавал шедевры наподобие этого: «Нам придется оборонять этот торт вчетвером» (правда, это уже не Кинг, а Баркер). Исправить неуместный комизм могла бы всего одна корректура, но на нее никогда не хватало времени. Большие романы печатались порциями, и я одну за другой отвозил свои тетрадки в заставленную руинами компьютеров каморку Шубина, тоскливо думая, что на его месте давно бы меня задушил.

Особо следует сказать о переводе ненормативной лексики, которой у Кинга хватает — именно за это в пяти штатах его романы были изъяты из школьных библиотек. В пуританскую советскую эпоху все «этакие» слова тщательно вымарывались, и с наступлением новых времен многие решили, что нужно делать наоборот. Переводчики, включая и меня, аккуратно воспроизводили все авторские fuck, suck и cock, не заботясь, что в английском их обсценный смысл давно приглушен (именно поэтому в «Заводном апельсине» Берджеса герои ругались по-русски). Там подобные словечки просто служат для речевой характеристики персонажей, зато в мозгу неподготовленного (во всяком случае, в ту пору) русскоязычного читателя они вспыхивали красным фонарем, застя смысл. Где-то на «Длинном пути» я это понял и перестал аккуратничать. Хотя и сейчас не понимаю, когда чересчур целомудренные переводчики украшают текст «экскрементами» вместо «дерьма» и «совокуплением» вместо «траха». Во всяком случае, кинговским текстам подобные кружавчики точно не идут на пользу.

Переводили Кинга тогда не только в Москве, но и в Питере, Смоленске, Новгороде, но главным образом на «неньке Украине», еще не вполне привыкшей к своей незалежности. Большая часть тамошних переводов была откровенно ремесленной — ляпали как попало, лишь бы успеть поскорее. Тираж в основном продавался на российском рынке, где украинские книжки можно было отличить по кричаще-ярким обложкам. Особенно запомнилась серия со страшной красной (иногда зеленой) мордой на черном

фоне, выходившая в Киеве под названием «Темный город». Ее издатели лихо меняли названия романов Кинга, делая их «страшнее» — «Сияние», к примеру, переименовали в «Странствующего дьявола». Врезалась в память аннотация к этому изданию: «Дух мцистивости и внищувания витае над готелем, преследуя родину маленького хлопчика. Зростае жах. Гынуть люди!» Да, тут уж ни убавить, ни прибавить!

В середине 90-х к переводческой деятельности начали возвращаться профессионалы, привыкшие работать медленно (что отвергалось предыдущей эпохой), но качественно. Тогда Татьяна Покидаева перевела первые тома «Темной Башни», Ирина Гурова — «Долорес Клэйборн», Наталья Рейн — рассказы из «Команды скелетов». Одновременно происходило укрупнение издательского дела — «Кэдмена» и его маломощных коллег начали вытеснять издательства-гиганты, тяготеющие к монополизму. Одним из них стало АСТ, которое с 1997 года сделалось фактически единственным издателем русского Кинга (в этом году разорился его последний конкурент на этом поприще — издательство «Мир»). АСТ аккуратно покупала права на издание, что было приятным сюрпризом для американцев. Задавшись целью издать полное собрание СК, оно привлекло для этого опытного переводчика Виктора Вебера, родившегося в 1950 году. Он к тому времени перевел многое из англо-американской классики, в том числе альтернативного заходеровскому «Винни Пуха». Первым его обращением к Кингу стала «Зеленая миля», за которую он взялся вместе с сыном Дмитрием. Сын вскоре отпал, а Виктор Анатольевич уже десять лет остается главным русским переводчиком «короля ужаса» (вот и пробралось в текст это жуткое определение! Вычеркнуть немедленно… нет, ладно, пускай остается. Надо же хоть раз его вспомнить).

Вебер открыл читателям много нового. Из переведенного им текста не исчезали абзацы и целые страницы, герои не меняли имена, а романы — названия. Появились даже — невиданное дело! — сноски, где разъяснялись непонятные термины. Все ценители единогласно считают его переводы самыми точными. Но в то же время, так сказать, не совсем «кинговскими». Слишком уж не похож переводчик на писателя — такой он трезвый, рациональный, здравомыслящий. В сносках, а порой и в тексте проглядывает его снисходительное отношение к кинговским страхам — «да ладно, все он выдумывает!» И к рок-музыке Вебер равнодушен, хотя к поэзии не глух. Прочтите хотя бы историю любви Роланда и Сьюзен из «Колдуна и кристалла» («птички и рыбки, медведи и зайки…»). Сентиментальные эпизоды удаются ему лучше саспенса, но для поздних романов СК это как раз

неплохо. Нет, определенно, Вебер — лучший выбор, который способна предоставить Кингу наша оскудевшая переводческая элита.

Правда, не без ложки дегтя — забронзовев, Виктор Анатольевич стал допускать порой досадные ошибки (хоть и не мне, грешному, об этом говорить). В «Мешке с костями» Майк Нунэн вспоминает, как они с женой повесили на стену загородного дома голову мыши с колокольчиком на шее, дав ей имя Бантер. Этот колокольчик потом звякал, когда в доме появлялись призраки. Одни читатели возмущались извращенной фантазией писательской семейки, другие удивлялись, как колокольчик мог удержаться на «волосатой мышкиной шее» (бедный грызун!) А третьи сразу догададались, что переводчик просто спутал английские слова mouse и moose — в лесном Мэне гостиные часто украшают головой лося. Странно выглядит и взятый наугад из словаря перевод известнейшей испанской фразы Vaya con Dios (иди с Богом) как «подтрунивая над Богом» (это в последней «Темной Башне»). Примеры можно приводить и дальше, однако суть не в них. Самый лучший переводчик может ошибиться, но для этого существуют редакторы. А в АСТ на них, похоже, экономят не меньше, чем в покойном «Кэдмене».

На последних томах «Темной Башни» Вебер опробовал интересную новинку — «народный перевод». Он заключается в выкладывании оригинального текста в Интернет, где фанаты пытаются его перевести — с большим энтузиазмом и, конечно, бесплатно. После чего переводчик правит результат рукой мастера и ставит под ним свою фамилию. Это полезно и ему — экономятся усилия, — и людям, которые учатся читать любимого автора в оригинале, да и Кингу, романы которого в результате расцветают новыми красками. В общем, похоже, что будущие читатели еще долго будут говорить «Кинг», подразумевая «Вебер».

Отдельное «спасибо» Виктору Анатольевичу стоит сказать за титаническую работу — перевод четырех последних томов «Темной Башни». Три первых переводились целых четыре раза — некоей ремесленной бригадой, Феликсом Сарновым, Татьяной Покидаевой и загадочными Риной Ружже и Натальей Ачеркан. Их имена подозрительно похожи на вымышленные — например, фамилия «Ачеркан» будто специальтно придумана для редактора. Два последних перевода давно уже разделили поклонников эпопеи на враждующие лагеря, продолжив вечный спор приверженцев духа и буквы. При этом никто не назовет любой из них плохими. Вот знаменитое начало «Стрелка» в варианте Ружже-Ачеркан: «Человек в черном спасался бегством через пустыню, а стрелок преследовал его. Пустыня была апофеозом

всех пустынь: бескрайняя, она тянулась во все стороны, должно быть, на целые парсеки, смыкаясь с небом. Слепящая безводная белизна, ровная, если не считать гор, которые туманной дымкой вырисовывались на горизонте, да бес-травы, приносящей сладостные грезы, кошмары, смерть. Дорогу указывали редкие надгробия дорожных знаков — некогда этот прорезающий толстую корку солончака тракт был большаком, по которому следовали дилижансы. Но мир сдвинулся с места и обезлюдел». [60]

А вот тот же абзац в переводе Покидаевой, вышедшем годом позже в харьковской «Дельте»: «Человек в черном пытался укрыться в пустыне, а стрелок преследовал его. Пустыня эта, — апофеоз всех пустынь, — громадная, растянулась до самого неба на долгие парсеки по всем направлениям. Белая, слепящая, обезвоженная и безликая; только мутное марево горной гряды — размытый набросок на горизонте — да сухие пучки бестравы, что приносит и сладкие сны, и кошмары, и смерть. Редкий надгробный камень был указателем на пути, а узенькая тропа, петляющая по щелочному насту — вот и все, что осталось от столбовой дороги, где когдато давнымдавно ходили дилижансы. С тех пор мир сдвинулся с места. Мир стал пустым». [61]

Для желающих приведу оригинальный текст: «The man in black fled across the desert, and the gunslinger followed. The desert was the apotheosis of all deserts, huge, standing to the sky for what might have been parsecs in all directions. White; blinding; waterless; without feature save for the faint, cloudy haze of the mountains which sketched themselves on the horizon and the devil-grass which brought sweet dreams, nightmares, death. An occasional tombstone sign pointed the way, for once the drifted track that cut its way through the thick crust of alkali had been a highway and coaches had followed it. The world had moved on since then. The world had emptied».

Легко убедиться, что Покидаева точнее передает суховатый речитатив кинговского повествования, зато ее соперницы увереннее чувствуют себя в русском языке. «Сладостные грезы, кошмары, смерть» в этом контексте звучит куда лучше альтернативного варианта — да и к оригиналу ближе, если на то пошло. Точно так же противостоят друг другу переводчики «Властелина колец» — буквалисты Григорьева и Грушецкий против «фантазеров» Муравьева и Кистяковского. И большинство поклонников почему-то предпочитает вторых. Ружже-Ачеркан «прокололись» только в одном — они назвали четвероногого участника ка-тета Роланда Чиком (от «маль-чик»). Это, конечно, хуже, чем покидаевский ушастик-путаник Ыш («мал-ыш»), и не случайно Вебер, продолжая эпопею, выбрал именно второй

вариант. Говорят, сейчас он лелеет мечту перевести заново первые три романа «Темной Башни». И это хорошо — переводы СК, как и все сущее, способны развиваться лишь в борьбе противоположностей.

Я, как и большинство коллег из «второй волны» переводчиков, давно забросил это любимое когда-то дело. При нынешней суматошной жизни перевод худлита может быть профессией, но не хобби, поскольку требует времени и погружения в текст. К тому же авторов, подобных Кингу, мне больше не встретилось — а ведь были и Баркер, и Страуб, и Маккаммон, и Симмонс, не говоря уже о безвестных халтурщиках. Говорят, переводчик вкладывает душу в каждого из своих авторов, но верно и обратное. Частица души СК оставалась со мной много лет, не покидает и сейчас — потому и появилась эта книга.

Глава 3. Король алый и король белый

1. Как он пишет

«Каждый пишет, как он дышит» — утверждал когда-то поэт. Остается понять, чем дышит Стивен Кинг, когда сочиняет свои романы. Уже больше четверти века он делает это исключительно в двух местах: в бангорском особняке и на даче в Сентер-Ловелле. И там, и тут все сделано по вкусу писателя — для него устроены почти одинаковые кабинеты-студии на втором этаже. По стенам — полки с книгами и компакт-дисками. У окна большой письменный стол с верным «Макинтошем». Еще в комнате присутствуют мощная стереосистема, столик с парой кресел для гостей и большой чайник. После аварии Кинг по требованию врачей и жены надолго бросил курить и восполнял недостаток допинга литрами холодного чая. Потом, правда, закурил снова.

Встает он без будильника, между семью и восемью часами. Выпивает стакан свежевыжатого апельсинового сока и сразу садится работать. По утрам ему, как «жаворонку», пишется лучше всего. Посреди работы обычно перехватывает пару бутербродов с тем же чаем, пьет лекарства и витамины, прописанные врачами. В «Как писать книги» он наставляет начинающих авторов: «Если можно, у вас в кабинете не должно быть телефона, и уж точно не должно быть ни телевизора, ни дурацких отвлекающих видеоигр. Если есть окно, завесьте его шторой или спустите жалюзи, разве что это окно выходит на пустую сторону. Для любого писателя, особенно для начинающего, мудро будет убрать все отвлекающие моменты».[62]

Заканчивает труд Кинг не в определенное время, а когда написано заданное число страниц. По каким-то причинам — возможно, самым суеверным, — оно разное для каждой книги: «Темная половина», писалась со скоростью 20 страниц в день, «Мешок с костями» — 11. Авария свела этот результат до минимума, но потом Кинг снова разогнался до 10–12 страниц. Легко подсчитать, что он прекращает работу в два или три часа дня. За этим следует обед или, говоря по-американски, ланч — если Кинг один, то прямо на кухне, если собралась вся семья, то в столовой. СК неприхотлив, ест все подряд, налегая на макароны и жареную картошку. Обычно супруги ужинают в одном из пяти-шести любимых ресторанов Бангора и окрестностей — всегда в

отдельном зале, чтобы не мешали зеваки. Если писатель занят или болен, ресторанную еду привозят ему домой. Он любит пиццу и китайскую кухню, но без морепродуктов, которые слишком похожи на ненавистных ему насекомых. Пьет любые прохладительные напитки — коку, тоник, безалкогольное пиво, — но особенно любит пепси.

После ленча наступает время досуга, когда писатель читает беллетристику и между делом обдумывает будущие сюжеты. На это же время приходятся деловые звонки и визиты. Вечером, после поездки в ресторан или прогулки, Кинг смотрит телевизор или снова читает до отбоя в половине двенадцатого. Если за это время ему в голову приходит удачная идея, он наскоро фиксирует ее на бумаге черным маркером — такие лежат на видном месте во всех комнатах особняка. Писать он начинает не раньше утра — идея должна отстояться. В «Как писать книги» Кинг признается: «Когда я начинаю работу над новой книгой, я не останавливаюсь и не замедляюсь, покуда есть силы. Если я не буду писать каждый день, персонажи у меня в мозгу прокисают — они начинают выглядеть как персонажи, а не реальные личности. Острие повествования ржавеет, я теряю ощущение хода и темпа сюжета. Хуже всего, что теряется ощущение развертывания чегото нового. Работа начинает ощущаться как работа, а для большинства писателей это первый поцелуй смерти».[63]

В молодости Кинг, подобно другим писателям, составлял планы будущих произведений и делал синопсис романов с перечислением героев. Тогда он еще шел от идеи — последним «идейным» романом стала «Воспламеняющая взглядом». После этого исходным пунктом его творчества стал образ, на который накладывалась коллизия. Ход мыслей был примерно такой: «Какое у этого человека мерзкое лицо! Он вполне может оказаться похителем детей. А интересно, что было бы, если бы он однажды похитил не обычного ребенка, а сына вампира? Ведь у вампиров могут быть сыновья… или даже внуки». Вот как сам Кинг описывает творческий процесс («Как писать книги»): «Сначала возникает ситуация. Потом персонажи — всегда вначале плоские и не прописанные. Когда у меня в мозгу все это утрясется, я начинаю рассказывать. Часто у меня есть представление о том, чем все должно кончиться, но я никогда не требовал от своих героев, чтобы они поступали помоему. Наоборот, я хочу, чтобы они действовали посвоему. Иногда развязка бывает такой, как мне виделось. Но чаще получается такое, чего я и не ждал».[64]

Как к Кингу приходят его сюжеты? Этот вопрос он постарался максимально затемнить. В одном из интервью говорилось: «Иногда я просто не могу вспомнить, как набрел на тот или иной

роман или рассказ. В этом случае зерном вещи оказывается скорее образ, нежели идея, ментальная фотография настолько сильная, что она в конце концов вызывает к жизни характеры и события — как ультразвуковой свисток, говорят, заставляет отозваться всех псов округи. И для меня вот что еще является истинной загадкой творчества: истории, которые появляются без предшественников, приходят сами по себе». Как уже говорилось, примерно до 1980 года романы Кинга исходили главных образом из идей, и только потом он стал доверяться зрительным образам. По его признанию, «Зеленая миля» началась с образа огромного негра, запертого в маленькой тюремной камере. «Буря столетия» тоже родилась из образа, связанного с тюрьмой, но на этот раз в камере был заперт белый человек, и не добрый, а очень злой. В интересной книжке Наоми Ипель «Сны писателей» Кинг вспоминал: «Каждый раз, когда моя мысль к нему возвращалась (за рулем машины, в кабинете окулиста, или хуже того — ночью во время бессонницы при выключенном свете), он оказывался все более страшным. Все так же сидел на нарах и не шевелился, но был каждый раз чуть страшнее. Чуть меньше похож на человека и чуть больше на… скажем, на то, что было под этой оболочкой».

Постепенно демонический образ человека в камере — Андре Линожа — окружался антуражем. Камера была в тюрьме, тюрьма — в крошечном поселке, поселок — на острове у берегов Мэна. Этот остров Кинг уже описал в романе «Долорес Клэйборн» и хорошо представлял быт и нравы его жителей. Он всегда старается писать о том, что ему известно, но это не всегда получается. Ведь он не служил в полиции, не грабил банки и даже ни разу не встречался с привидением или вампиром (о чем поклонники не перестают жалеть). Для американской литературы, помешанной на достоверности, это серьезная проблема. Поэтому СК старается изучать нужную литературу или расспрашивать знающих людей. Не забывая при этом оправдываться: «Говорят, что писать нужно, прежде всего, о том, что тебе хорошо известно. Если бы я поступал именно так, то никто бы не стал читать мои книги, поскольку все, что я знаю — довольно обыденно… Однако я могу писать об обычных вещах, наполняя их элементами выдумки».

А как же Кинг отдыхает? В общем-то, как любой средний американец — смотрит телевизор, посещает бейсбольные матчи или ходит в кино, стараясь не пропустить ни одного, даже третьесортного фильма ужасов. Единственное отличие от сограждан в том, что он много читает. «Как писать книги» содержит список прочитанного им за год — больше ста названий. В основном это новейшая беллетристика, но попадаются и

классические вещи (естественно, англо-американские). Еще Кинг слушает музыку — не только старый рок-н-ролл, но и новинки. Свою коллекцию пластинок он давно сменил на лазерные диски, а сейчас вместе со всеми покупает DVD. Под музыку он не только отдыхает, но и работает. В ранний «кровавый» период из его кабинета доносилось громыхание хард-рока, а психологические романы принесли с собой тягучий соул. В последние годы он увлекся электронной музыкой, но на дух не переносит ни диско, ни новомодный рэп.

Все фанаты СК знают про его увлечение мотоциклом. Автомобили он не слишком любит — немудрено, если вспомнить, что он про них понаписал. В середине 80-х, когда у него ухудшилось зрение, он почти перестал садиться за руль, пользуясь услугами Табиты или наемного шофера. Но к верному «Харлею» это не относится — на нем Кинг готов наматывать милю за милей. Мотоцикл он приобрел лет тридцать назад вместе с полным байкерским облачением. Правда, ездить было некогда, но раз в неделю или две он торжественно выводил «Харлей» из гаража и совершал на нем поездки в центр Бангора или просто вокруг дома. Осенью 1994 года он отправился в мотопробег по всей Америке, рекламируя роман «Бессонница». Конечно, он не ехал до самой Калифорнии — просто выходил из самолета вместе с мотоциклом, садился на него и эффектно подъезжал к месту встречи с поклонниками. Но по Новой Англии колесил немало, пережив в пути настоящие приключения. Один раз он свалился в кювет, в другой попал под проливной дождь, но был спасен жившим поблизости фанатом. Увы, все это в прошлом — после аварии о «Харлее» пришлось забыть. С 2002 года Кинг пытается садиться на мотоцикл, но долго ездить не может — увечья напоминают о себе.

Сейчас год Кинга делится на три неравных части. С марта по май и с сентября по ноябрь он живет в Бангоре, плотно контактируя с окружающим миром в лице его помощников, издателей, журналистов, киношников. С декабря по февраль выезжает во Флориду, избавляя себя от промозглой мэнской зимы (кстати, его бангорский офис расположен на Флорида-стрит). Там общение сводится к минимуму, но не прекращается — ведь в тропическом штате зимуют многие интересные люди, включая давнего знакомца Страуба. Самую уединенную жизнь Кинг ведет в летние месяцы в мэнском «Озерном краю», который считает своей подлинной малой родиной. Его дом стоит на краю крошечного Сентер-Ловелла (население 300 человек), на улице Тертлбек-лейн. Turtleback означает «спина черепахи», и не случайно это животное играет такую роль в вымышленном мире

Кинга.

Конечно, Бангор ближе к цивилизации, но в Западном Мэне Кинг чувствует себя более вольготно. Здесь он надежно укрыт от назойливых фанатов, но может общаться с обычными людьми, которых привык чувствовать героями своих романов. Он не раз говорил, что ему близок характер жителей Мэна — закрытый, неуступчивый, полный скрытого достоинства. Только такой и мог выработаться у жителей далекой северной окраины, зажатой между морем и канадской границей. Пока вся Америка стремилась на запад, они оставались на востоке, крепко держась за свои лесопилки и устричные отмели. После десятилетий бедности им принес относительное благополучие туристский бум пятидесятых, а потом штату привалила еще одна удача — Стивен Кинг. Уже много лет его считают самым знаменитым уроженцем Мэна, а запад штата все чаще называют не «Отпускландией», а «Кингландией». Здесь, среди невысоких холмов и сотен озер (говорят, их две с половиной тысячи), раскинулись городки, с которых списаны кинговские Касл-Рок и Чемберлен. Их координаты подробно описаны в романах, но это очередная «обманка» Кинга — он нарочно запутал географию, чтобы желающие его найти затерялись в озерном лабиринте и сгинули без следа. Хе-хе.

Впрочем, иногда кажется, что писатель скрывается не столько от приезжих, сколько от своих земляков. Им есть, за что обижаться — кроме главных героев (обычно детей, женщин или стариков), прочие жители Мэна выведены в книгах писателя не слишком приглядно — эгоисты, мещане, тупые потребители, скрывающие за прочно запертыми дверями своих домов маленькие и большие грехи. В крайнем случае, безнадежно ограниченные недоумки, не видящие подступающего вплотную Зла и всегда готовые ему поддаться. Но не злодеи — таких у Кинга мало, и чаще всего они приезжают в Мэн издалека. Просто люди, слабые и страдающие, которым писатель сочувствует, хоть и вынужден по очереди скармливать их монстрам. Мэнцы чувствуют это и не держат зла на своего соседа-писателя, а многие и гордятся им.

К востоку от «Озерного края» стоят промышленные Портленд и Льюистон, и несет свои воды своенравная река Пенобскот, за которой начинается совсем другой Мэн. Если на западе от былых лесов остались только островки, ставшие национальными парками, то восток и север штата сплошь покрыты необозримым сосновым бором, доходящим до Полярного круга. Это край охотников и лесорубов, известный всей стране своим суровым климатом. Хотя «суровый» — понятие относительное. Мэн лежит

на широте Сочи, и зима здесь не столько холодная, сколько влажная. Но бывают и снежные бураны, и морозы под двадцать градусов, а летом донимают комары — «главные мэнские птицы». Городов здесь мало, и они, как в Сибири, нанизаны на ниточки рек или прижаты к Атлантике, вернее — к путанице бухточек и островов, образующей местное побережье. Где-то здесь приютились и Маленький Высокий остров — Литтл-Толл из «Долорес Клейборн» и «Бури столетия», — и Лосиный остров, где происходит действие недавнего романа «Парень из Колорадо».

Центр Восточного Мэна — Бангор, он же Дерри. Вокруг него теснятся вперемешку настоящие и выдуманные городки — Хэмпден и Хэвен, Оррингтон и Ладлоу, Ороно и Олдтаун. На полпути к Портленду находится аккуратная Огаста — столица штата, город чиновников и адвокатов, где фантазии Кинга делать нечего. В каждом из этих населенных пунктов проживает по несколько тысяч человек, а всего в Мэне живут миллион триста тысяч — плотность населения здесь самая низкая на востоке США. Здесь шутят, что стараниями знаменитого земляка вымышленное население скоро превзойдет по численности реальное. Конечно, это преувеличение, но составленный трудолюбивыми кинговедами каталог персонажей СК состоит уже из двух тысяч человек — не считая вампиров, томминокеров и клоуна Пеннивайза. Любители-экскурсоводы уже не раз пытались наладить туристические маршруты по местам действия романов Кинга. Но писатель неизменно пресекал такие попытки, зная, что это надолго отберет покой и у него самого, и у его земляков. Не сбылась и идея устроить в Бангоре музей кинговских монстров, с которой носился прежний мэр города. На страницах городской газеты СК высказался вполне определенно: место такого музея не в Бангоре, а в Дерри — в вымышленном Мэне, который ни в коем случае не следует путать с настоящим. Мэра прокатили на выборах, зато у ворот писательского дома не слоняются толпы туристов, что дает ему возможность спокойно работать.

Все, кто писал о Кинге, отмечали его фантастическую работоспособность. Он якобы трудится по шесть часов в сутки ежедневно кроме двух дней в году — собственного дня рождения и Четвертого июля, когда вместе с семейством ходит смотреть на фейерверк. На самом деле это еще один из кинговских мифов — ведь у писателя случаются деловые поездки, встречи с читателями или просто приступы головной боли (особенно после злосчастной аварии 1999 года). К тому же по воскресеньям он всегда проводит время с близкими — ездит в кино, в ресторан или просто гуляет по городу. И все же Кинг в самом деле очень плодовит — за тридцать лет им написано 45 романов, две книги

non-fiction и 116 рассказов. Общий их тираж только в Штатах достиг 300 миллионов, к которым можно смело добавить еще 100–150 миллионов по всему миру. В одной России издано не меньше 30 миллионов, хотя точную цифру не назовет никто — тиражи-то пиратские…

Все это вывело СК на одно из первых мест по тиражам среди худлита: впереди него только Агата Кристи (650 млн.) и Шекспир (520 млн.). Соответствует и доход — считается, что в год наш «передовик капиталистического труда» зарабатывает $20–30 млн. с вычетом налогов. Этого с лихвой хватает на содержание трех домов, включая недавно купленный особняк во Флориде. В бангорском гараже стоят пять машин, включая «линкольн» и «ягуар» главы семьи, 12-цилиндровый «мерседес» Табиты и «порше» для мелких разъездов. У Кингов есть офис в центре Бангора, маленькая типография и конюшня. Правда, ездить верхом никто из членов семьи так и не выучился, и после инцидента 1999 года конюшню решили продать. Еще писатель владеет местными радиостанциями WZON и WKIT. Первая 90 % эфира уделяет спорту — в основном любимому Кингом бейсболу (кстати, руководит ей шурин писателя Кристофер Спрюс). Вторая, музыкальная, когда-то выводила писателя из себя тем, что постоянно передавала сладенькое диско. Кинг нашел радикальное решение — купил ее (сумма осталась неизвестной), и теперь не только он, но и весь Восточный Мэн слушают «современное и классическое кантри и старую классику — Раш Лимбо, Пол Харви и Кэйси Казем».

Любому писателю в работе помогает (или мешает) его семья. Кингу здесь пожаловаться не на что — домашние всегда относились к его работе со священным трепетом. К тому же уже лет восемь назад выросшие дети стали жить отдельно, и в бангорском особняке остались только сам писатель и его жена. Наоми в 1988 году поступила в колледж при Мэнском университете, а потом и в сам университет, но жила по-прежнему дома. Сор из семьи Кингов обычно не выносят, но известно, что девушка отчаянно комплексовала по поводу своей внешности — от матери ей досталась склонность к полноте, а от отца близорукость и астигматизм. Правда, она унаследовала и их таланты: сочиняла стихи, писала в студенческую газету и даже устроила в кампусе кафе, где, как когда-то Табита, сама жарила пончики. Но кавалеры все равно обходили ее стороной, из-за чего Наоми нервничала и конфликтовала с родителями — отзвуки этого можно найти в рассказах Кинга. На выпускном курсе она связалась с местной общиной Унитарианской универсальной церкви — одной из многочисленных сект в стиле «нью эйдж»,

основанной в 1961 году. Сегодня эта церковь, не признающая божественности Христа, имеет более 200 тысяч приверженцев, включая писателя Курта Воннегута и основателя Интернета Тима Бернерса-Ли.

Скоро Кинги узнали, что их дочь отправляется в Чикаго, чтобы учиться в теологической академии секты. Летом 1997-го Наоми приехала домой, да не одна, а с подругой — немолодой худощавой негритянкой, которая просила называть себя странным именем Тандека. 50-летняя Сью Букер приняла его в 1986 году по благословению южноафриканского епископа Десмонда Туту — на языке зулу это означает «любящая». Сама она была известным социологом, публицистом и сторонницей той же секты. В 60-е Тандека-Сью участвовала в движении протеста, и у Кинга с ней нашлось немало общих тем для разговора. При этом она была ярой феминисткой, и беседа неизменно сводилась к угнетению женщин. Чете Кингов сразу бросились в глаза чересчур нежные отношения между их дочерью и гостьей. Похоже, их обмен взглядами сделался слишком красноречивым, поскольку уже на другой день Наоми вызывающе объявила: да, она лесбиянка, и выбрала Тандеку в свои спутники жизни. Родители вряд ли мечтали о такой перспективе, но им оставалось смириться — разве Кинг в своих романах не защищал всячески права детей?

В июле 2000 года в отеле «Оприленд» в Нэшвилле члены секты отпраздновали бракосочетание «сестры Наоми» и «сестры Тандеки». Стивен и Табита посетили торжество, но их улыбки на фото выглядели довольно вымученными. Когда репортеры отловили Кинга, он ограничился кратким комментарием: «Если моя дочь счастлива, счастлив и я». После этого Наоми с головой окунулась в работу внутри секты (в чем она заключается, никто толком не знает), и дома почти не появляется. В июне 2005-го ее посвятили в сан священника Унитарианской церкви. Не балует новых родственников визитами и Тандека — особенно после того, как узнала себя в образе чернокожей ведьмы Сары-Хохотушки в «Мешке с костями», написанном вскоре после памятной первой встречи.

Сыновья доставляет Кингам куда меньше хлопот. В школе они, конечно же, играли в бейсбол и, как принято в Штатах, на каникулах подрабатывали, разнося почту или подстригая газоны у соседей (и как только те им доверились после зловещего «Газонокосильщика»?) Оба пошли по стопам отца, печатаясь в школьной газете. Старший, Джо, в 1996 году поступил в Мэнский университет, где учился на юриста. Годом позже он женился на своей ровеснице и сокурснице Линоре, дочери бостонского

бизнесмена. Два года спустя эта милая шатенка произвела на свет первого внука СК Итана, а потом и его брата Дональда. Сейчас их семья живет в Бостоне и часто в полном составе приезжает в Бангор. Еще в детстве Джо придумывал разные истории, но потом твердо решил посвятить себя юридической карьере. Однако отцовские гены взяли свое — Джо написал несколько рассказов, а сейчас сочиняет вместе с братом детективную пьесу о загадочной смерти звезды баскетбола.

Оуэн окончил престижный колледж Вассар — когда-то он был женским, но с 1990-го принимает и мужчин. Недавно он получил степень магистра искусств в Колумбийском университете и живет в Нью-Йорке с гражданской женой — молодой, но уже довольно известной романисткой Келли Браффет. Весной 2005 года он тоже выпустил книгу — сборник рассказов «Мы все замешаны в этом». Это не ужасы, а злая политическая сатира на нынешних хозяев Белого дома. Оуэн унаследовал либеральные взгляды отца, но, по его словам, «не хочет стать вторым ухудшенным изданием Стивена Кинга». Он хотел даже взять псевдоним, но передумал — пусть лучше его отличают по стилю. Успехи уже есть: его детективный рассказ «Чудеса» получил премию Джона Гарднера. Если вспомнить, что Наоми успела выпустить малотиражную книжечку стихов, Кингов следует признать самой пишущей семьей в Штатах. Отпрыски СК всячески открещиваются от отцовского покровительства. Но надо признать — если они и добьются какого-то успеха, он все равно останется лишь отраженным светом славы их родителя.

В начале 2006 года брак Кинга перешагнул 35-летнюю отметку. Сейчас его вполне можно назвать идеальным — они с Табитой понимают друг друга с полуслова и на все имеют общие взгляды. Миссис Кинг тоже писательница, издавшая восемь романов и два сборника рассказов. Часть ее произведений входят в многотомную семейную сагу, начатую в 1983 году романом «Могильщики». Несмотря на мрачные названия, ничего общего с творчеством мужа книги Табиты не имеют — это типичная женская проза, в которую, правда, подпускаются порой элементы мистики. Помимо литературы, Табби увлечена благотворительностью, к которой периодически склоняет и мужа. В 1989 году Кинги пожертвовали городской библиотеке Олдтауна (напомним, что это родной город Табиты) пять тысяч книг, после чего это заведение из благодарности приняло имя «Библиотека Табиты Кинг». В 1996 году они за свой счет выстроили в Бангоре новую библиотеку стоимостью 8 млн. Кроме того, супруги делают постоянные взносы в фонды помощи бездомным и раковым больным и участвуют в других благотворительных проектах в

Мэне и по всей стране. Сейчас они заняты сбором средств для пострадавших от урагана «Катрина».

Энергичной Табите пришлось смириться с тем, что она всю жизнь провела в тени мужа. Компенсацией для нее стали похвалы, которые Кинг расточает ей устно и письменно. После былых алкогольных эскапад он старается ничем не расстраивать супругу. Стареющим парам хороша знакома зыбкость границы между понятиями «боится огорчить» и просто «боится». Уклад их жизни отработан годами: пока муж работает, жена пишет в своем кабинете, а потом уезжает на заседания всевозможных обществ или в университет, где она входит в попечительский совет. Вечером — совместный обед, чтение или прослушивание музыки в гостиной, а иногда прогулка по окрестностям. По утрам они по очереди (Табита просыпается раньше) занимаются в тренажерном зале и плавают в бассейне. Раньше по выходным супруги отправлялись в кино, теперь смотрят широкоэкранное видео в особом зале — для таких случаев готовится домашний попкорн.

У Табиты есть свои увлечения: раньше она с друзьями плавала на каноэ по лесным рекам и увлеченно собирала грибы. Теперь это в прошлом, зато занятия фотографией переросли в настоящее хобби. В 2004 году в публичной библиотеке Бангора, где Кингов принимают как родных, состоялась первая выставка работ Табиты. В поисках сенсации на нее явилось множество столичных репортеров. Но, к их великому разочарованию, на выставке не было фото из личной жизни Кингов — только пейзажи, опавшие листья, узорные ограды и другие красивости. Супруга писателя решила не нарушать неписаное табу на вынесение из семейной избы любого, даже самого невинного сора.

То же табу в сочетании с крайней занятостью мешает Кингу поддерживать тесные отношения с родственниками, которых у него довольно много. 60-летний сводный брат Дэвид Виктор Кинг уже много лет живет в городке Рочестер, штат Нью-Хэмпшир, где владеет небольшим заведением по ремонту и продаже старой техники. Как известно, американцы обожают хранить дома старинные фотоаппараты, кофемолки и утюги, и подержание их в рабочем состоянии — дело довольно выгодное. Кинг несколько раз навещал мастерскую брата, отразив впечатления о ней в романе «Оно» и повести «Солнечный пес». У Дэвида есть жена еврейско-русского происхождения и трое детей, а теперь уже и внуки. Братья периодически общаются, но особой душевной близости между ними нет. К чести Дэвида надо сказать, что он много лет стойко отказывается от предложений журналистов и издателей, предлагающих любые деньги за информацию о его

знаменитом родиче. Общение Кинга с родней по материнской линии свелось почти к нулю, а вот братья и сестры жены (напомним, что их восемь человек) навещают его нередко.

Особая статья — домашние животные. В семье много лет жил корги Марлоу, которого Табита подарила мужу на сорокалетие. Он умер в 2002 году, что вызвало искреннюю скорбь всех домочадцев (на похороны даже прилетел из Бостона ужасно занятый Джо Кинг). Пять лет с ними прожила сиамская кошка Перл, и Кинг даже написал рассказ об их сложных отношениях с Марло — «пожалуй, их следовало охарактеризовать как настороженное уважение». Написанный в 1997 году рассказ «Теория домашних животных Л.Т.» стал одним из любимых у Кинга, и он часто выбирает его для публичных чтений. У его героя Л.Т. Девитта распался брак из-за того, что собака предпочитала жену, а кошка — мужа. К другой половине семьи оба относились с ненавистью — пес блевал мужу в тапки, кошка при любом удобном случае запускала когти жене в ногу. В итоге Красотка Лулу сбежала вместе с собакой.

Верный себе автор, он же рассказчик, тут же сообщает, что ее пустая машина была найдена за городом с сиденьем, залитым кровью. Причем не человечьей, а собачьей — кто-то оттащил злосчастного пса в сторону и расчленил его. Не был ли это Л.Т., возненавидевший любимца жены? И не он ли заодно был страшным Человеком-Топором, который в том же районе изнасиловал и разделал на куски пятерых женщин? Это остается за кадром, и читателю предлагается лишь простой вывод: «Если ваши кошка и собака ладят лучше, чем вы и ваша жена, не удивляйтесь, что как-то вечером, вернувшись с работы, вы найдете дома не жену, а записку на дверце холодильника, начинающуюся словами: «Дорогой Джон…»».[65]

Помимо домашних, в окружении Кинга постоянно находится немало людей. Во-первых, это слуги, которые на эзоповом языке современной Америки именуются «помощниками по хозяйству». В бангорском доме работают садовник и женщина, раз в неделю наводящая чистоту. В Сентер-Ловелле есть человек, охраняющий дом и выполняющий в нем мелкий ремонт. Вот и все — гораздо меньше, чем у других звезд с их толпой охранников и визажистов. Роль охраны у Кинга выполняет электронная сигнализация, при вторжении на территорию особняка мгновенно передающая сигнал в полицию. В разгар популярности его дом охраняли служащие одной из частных фирм, но эти времена прошли. Какая-то бульварная газета распустила слухи, что по ночам особняк охраняют доберманы, у которых вырезаны языки, чтобы жертва не узнала об их приближении. Узнав об этом, писатель с обычным

юмором добавил: «Ага, и еще я напускаю на гостей своих вампиров». Количество прислуги в доме сведено к минимуму, поскольку Кинг с юности не может работать в присутствии посторонних.

Правда, есть люди, без которых он не в силах обойтись. Ежедневно в Бангор приходят десятки писем и сотни электронных сообщений, а после выхода очередной книги это число вырастает десятикратно. Нужно отвечать на них, а также составлять для Кинга график текущих дел, готовить для него дайджесты прессы и «болванки» ответов на вопросы журналистов. Всем этим занимается штат секретарей, которых с 1989 года возглавляет Марша Де Филиппо. Она познакомилась с Кингом за три года до этого, набив для него на компьютере роман «Глаза дракона» (напомним, что писатель приобрел свой верный «мак» только через год). Вскоре Кинг расстался со своей прежней помощницей Стефани Леонард, и ее место досталось Марше. С тех пор она организует работу маленького секретарского штаба с меняющимся составом. Они отвечают на письма и звонки, обустраивают сайт www.stephenking.com и тщательно готовят редкие выезды Кинга «в народ» — покупают билеты, бронируют места в отелях и так далее. Сама Марша решает более важные вопросы — например, кого из беспрерывно звонящих журналистов и киношников допустить к телу хозяина.

Следующая ступенька, связывающая Кинга с внешним миром — агент. Без него, как известно, американский писатель шагу не сделает. В ведении агента находятся все юридические отношения с издательствами, СМИ, кинокомпаниями, интернет-сайтами. В общем, со всеми, кто использует самого автора или его произведения для получения прибыли или в рекламных целях. Уже много лет агентом Кинга является многоопытный Ральф Вичинанца, сменивший в этой должности Кирби Макколи. Этот лысый, как колено, потомок итальянских иммигрантов с энергичностью истинного мафиозо навел порядок в делах своего подопечного. Торговля правами на издание Кинга за рубежом перешла от пяти отдельных фирм в руки агентства «Ральф Вичинанца». Внутри страны делами писателя занимается другой агент — Артур Грин, много лет проработавший его бухгалтером. Как и Макколи, Вичинанца давно стал из агента Кинга его другом, но тем не менее держится очень деликатно, никогда не влезая в творческие дела. Кроме СК, он занимается делами еще трех десятков писателей и, по неофициальным данным, входит в первую десятку самых богатых литагентов США — а значит, и всего мира.

В конце цепочки, ведущей от письменного стола Кинга к

читателю, стоит издательство. До последних лет это был «Викинг» — говорят, суеверный Кинг работал с ним потому, что в его название входили четыре буквы его собственной фамилии. Была и более веская причина: тамошние художники и дизайнеры обложек обеспечивали его романам немалую долю успеха. В первую очередь это относится к обильно иллюстрированным «Глазам дракона» и первым томам «Темной Башни». К тому же «викинги» не дешевились — осенью 1989 года они пообещали писателю $35 млн. за четыре следующих романа. Первыми двумя стали третья часть «Темной Башни» и «Необходимые вещи». Сразу после этого Кинг взялся за роман «Игра Джеральда», законченный в ноябре 1991 года. Эта вещь открыла новый период творчества писателя, отмеченный дюжиной довольно однотипных и, прямо скачать, не блестящих романов.

Сюжет «Игры» предельно прост. Преуспевающий сорокалетний юрист Джеральд Барлингейм привозит свою жену в летний домик на дальнем озере Кашвакамак в Западном Мэне. Это место они используют для сексуальных игрищ, изобретая все новые способы поддержать угасающую тягу друг к другу. В этот раз Джеральд приковывает руки и ноги супруги к кровати, но в решающий момент умирает от сердечного приступа. Джейн остается совершенно беспомощной. За те несколько дней, что она проводит в бездействии, в избушку наведываются вначале одичавший пес, решивший закусить трупом Джеральда, а потом кое-кто пострашнее — все тот же кинговский бука из шкафа. За это время Джейн прокручивает внутри себя всю жизнь, заново переживая свои проблемы. В итоге выясняется, что все ее комплексы восходят к насилию, которое в одиннадцать лет во время памятного жителям Мэна солнечного затмения совершил над ней родной отец.

Эта тема в то время была больной — вся Америка только о ней и говорила. Как раз тогда бум публикаций о подлинных и мнимых случаях семейного насилия привел к принятию сразу нескольких законов об охране женщин. Кинг включился в эту кампанию — жестокость по отношению к слабым всегда была ему ненавистна. К тому же насилие в семье было благодатным материалом, позволявшим четче обрисовать психологию героев и объяснить их нестандартные поступки. Поэтому почти во всех его «психологических» романах (будем называть их так) фигурируют несчастные обиженные женщины. В крайнем случае их заменяют негры, евреи или азиаты. К концу 90-х любовь Кинга к «угнетенным меньшинствам» немного поубавилась — стало очевидно, что они не более гуманны и терпимы, чем их бывшие «угнетатели».

Но в «Игре Джеральда» увлечение либерализмом отразилось в полную силу. Героиня здесь весьма симпатична, хоть и слабовольна, зато окружающие ее мужчины — редкие мерзавцы. Так и хочется вздохнуть: «Доля ты американская, долюшка женская!» Деспота-отца сменил тупой эгоист Джеральд, и даже букой в конце концов оказался обычный маньяк Реймонд Джуберт — это он, хихикая, демонстрировал скованной Джесси выкопанные им из могил драгоценности и гниющие кости. Героиня уже начала сходить с ума, в голове у нее постоянно спорили голоса — отдельные составляющие ее личности. Одной была несокрушимо здравая конформистка по кличке Хорошая Женушка, другая приняла имя ее давнишней подруги — отчаянной феминистки Рут. Приходила к ней и Тыковка — та девочка, которой когда-то она была сама. Именно она дала Джесси ценный совет — разрезать руку, чтобы кровь сделала ее скользкой и позволила освободиться от наручников. Так героиня смогла спастись, но столкнулась с новой напастью — полиция не нашла в избушке на озере никаких следов маньяка и сочла ее сумасшедшей. «Было чтото странное и пугающее в том, что свои умозаключения копы сделали не на основании того, что я сказала им, а просто на основании того, что я женщина».[66] Ей осталось одно — заняться писательством, чтобы, как когда-то сам Кинг, избавиться от терзающих ее страхов.

Роман разочаровал многих поклонников — он был вялым, многословным, перегруженным психологией. Сразу после «Игры» Кинг засел за новую книгу о нелегкой женской участи. На сей раз ее героиней стала Долорес Клэйборн, пожилая жительница Маленького Высокого острова на востоке Мэна. Названный ее именем роман был закончен в феврале 1992 года и издан той же осенью. Он напоминал «Игру Джеральда» даже в деталях — ее персонаж, звероподобный фермер Джо Сент-Джордж, тоже изнасиловал свою 15-летнюю дочь Селену и сделал это тем же летом 1963-го. По счастью, за Селену вступилась мать, которой давно осточертели пьянство и побои мужа. Кинг еще раз доказал свою обучаемость — если в «Игре Джеральда» женская психология изображена не слишком правдоподобна, то читатель «Долорес Клэйборн» словно воочию видит перед собой эту суровую островитянку, которую до срока состарила тяжелая жизнь. Она не жестока, но ради спасения дочери хладнокровно строит план убийства мужа. Через много лет она говорила полицейским: «Джо вовсе и не был мужчиной, он был мельничным жерновом, висевшим на моей шее. Даже хуже, потому что жернов не напивается вдрызг, а потом не приходит домой, пропитанный запахом пива, да еще горя желанием кинуть

пару палок поутру. Конечно, все это еще не могло стать причиной его убийства, но для начала было вполне достаточно».[67] М-да, сколько российских женщин могли бы повторить эти слова героини — а заодно и ее поступок!

Во время того же солнечного затмения, когда глаза всех соседей были прикованы к небу, Долорес заманила мужа к старому высохшему колодцу и столкнула в него. А когда он пытался вылезти, шарахнула по голове здоровенным камнем — «я услышала, как щелкнула его нижняя челюсть — как будто фарфоровая тарелка разбилась о цементный пол. А затем он исчез, падая обратно в глубь колодца, и камень последовал за ним». Так она обеспечила дочке безопасность, а сыновьям — деньги для поступления в колледж, которые Джо едва не растратил. В итоге Селена стала знаменитой писательницей, Джо-младший — сенатором. Дети покинули остров, оставив мать одну. Она много лет проработала служанкой у богатой вдовы Веры Донован, которая измывалась над ней, как могла. Потом Веру парализовало, и Долорес мыла ее губкой и отстирывала ее заляпанные дерьмом простыни. Они ненавидели друг друга, одновременно испытывая глубокое внутреннее родство. Вера тоже была одинока — ее дети, сын и дочь, давно покинули дом. Роднило их и убеждение, высказанное однажды Верой: «Иногда приходится быть сукой, чтобы выжить, — сказала она. — Иногда это единственное, что еще держит женщину в этой жизни».[68]

Только через много лет Долорес узнала, что ее хозяйка тоже убила мужа, подстроив ему автокатастрофу. Через год, тоже в автокатастрофе, погибли ее дети, которых она тридцать лет упорно считала живыми. Несправедливая судьба наказывает детей за грехи родителей — и отпрыски Долорес, несмотря на внешний успех, расплатились за преступление матери одиночеством. Сама она много лет мучилась угрызениями совести и тащила на себе Веру Донован как небесную кару. Когда старуха умерла, она оставила верной служанке все свое состояние — тридцать миллионов долларов. Это вызвало у полиции подозрения, и Долорес попытались обвинить в убийстве (при этом о ее подлинном преступлении никто так и не узнал). Но потом оправдали, а все полученные по завещанию деньги героиня пожертвовала детскому дому — ей они были ни к чему. Настоящей наградой для нее стало примирение с детьми, которые впервые за много лет навестили мать на Рождество.

Хотя Кинг давно двигался в направлении мейнстрима, именно «Долорес Клэйборн» стала откровением для многих его читателей. Это была добротная, безо всяких ужасов, психологическая проза с глубоко прочерченными характерами не

только самой Долорес, но и других персонажей. Героиня с говорящей фамилией («рожденная из праха») была совершенно земной женщиной — хотя, пожалуй, чересчур благородной. Как и прежде, Кинг передал ей некоторые черты своей матери, в том числе ее любимые словечки, отдавая дань непреходящему чувству вины, которое с годами становилось только крепче.

В марте 1993 года писатель издал третий по счету сборник рассказов «Кошмары и сновидения». Он получился больше предыдущих — целых 22 расказа, в основном написанных с 1985 года (когда вышел сборник «Команда скелетов») по 1992 годы. Вошли сюда и три ранних рассказа — например, «Пятая четверть» была написана еще в 1972 года и опубликована в одном из мужских журналов под псевдонимом «Джонни Свитен». Это детективная история о поиске карты с указанием клада, кусок которой герою завещал погибший друг. Карта разделена на четыре части, и для добычи остальных Джерри должен убить троих владеющих ими бандитов. Что он и делает — никаких проблем. В 1975 году написан рассказ «Дом, который растет на вас» — еще одна история из жизни Касл-Рока, где дряхлые старожилы собираются в магазине Брауни и рассказывают о делах давно минувших дней. В том числе и о проклятом доме Джо Ньюолла, всех жильцов которого преследовали несчастья. Дом словно питался своими хозяевами — каждый раз после завершения очередной пристройки кто-то из них умирал.

Познакомившись во время поездки в Лондон с Питером Страубом, Кинг заходил к нему в гости на улочку Крауч-Энд (Ползучий тупик). Это название восхитило писателя, и позже он сочинил историю о страшном квартале, где без следа пропадают люди. Герои-американцы Лонни и Дорис, заехав в Крауч-Энд, видят там много странного — зловеще скорченные дома, изуродованные дети, дымящие ямы на газонах. Лонни бесследно исчез в лабиринте улиц, исписанных именами демонов Лавкрафта — Ктулху и Шуб-Ниггурата. Его жена еле вырвалась из лап кота-оборотня — интересно, не слышал ли Кинг случайно про нашего кота Бегемота? «Фигура скрылась в тени двух бетонных колон, поэтому она не могла различить ничего, кроме очертаний и двух светящихся зеленых глаз. «Сигаретка найдется, малышка?» — спросил ее сиплый грубый голос, и на нее пахнуло сырым мясом, пережаренными чипсами и чем-то сладким и мерзким, как с самого дна баков с помоями».[69] Потом Дорис опять встретились дети-монстры, натравившие на нее чудовищного подземного осьминога — Того, Кто ждет. Ей едва удалось выбраться на людную улицу, которая, как выяснилось, находилась всего в сотне метров от проклятого района.

«Крауч-Энд» кажется чересчур болезненным и абсурдным даже для Кинга. Недаром его действие перенесено в Европу — предполагается, что в этом диком месте может произойти все, что угодно. В «американских» произведениях хаос охватывает лишь один проклятый дом. В худшем случае, город, но лишь на недолгое время — упорядоченное мышление автора не может справиться с идеей тотального бардака. Тут-то и выясняется, что у Кинга, как ни странно, довольно бедная фантазия. Он лишь дополняет знакомую ему реальность парой-тройкой необычных и пугающих деталей, но не в силах радикально изменить ее. В этом смысле Клайв Баркер или Нейл Гейман (что характерно, англичане) куда радикальнее. Даже выдуманные миры «Темной Башни» и «Талисмана» пестрят знакомыми именами и деталями. По части персонажей выдумок тоже немного. Чаще и правдоподобнее всего СК изображает своих «клонов» — тинэйджера из глубинки, правдоискателя-студента и известного писателя с алкогольными проблемами. Из других героев живыми выглядят писательская жена, трудовая женщина с суровым характером (мать) и мудрый старик (вероятно, дедушка до впадения в маразм). Всех остальных Кинг тщательно прорисовывает только в романах. В рассказах они лишь намечены парой штрихов — к чему стараться, если через пару страниц персонажам предстоит погибнуть в пасти очередного монстра?

Как обычно, «Ночные кошмары» предваряло предисловие. На этот раз Кинг — новый Кинг девяностых — не извинялся и не объяснял, а, скорее, проповедовал. «Я пишу не ради денег, — в который раз провозглашал он, — и не для увеличения тиража, как искренне считают более образованные критики. Основные ценности с течением времени сохраняются, и для меня задача остается неизменной — угодить тебе, Постоянный Читатель, так, чтобы у тебя волосы встали дыбом, а если повезет, напугать так сильно, чтобы ты, ложась спать, оставил включенным свет в ванной. Дело в том, чтобы заставить тебя поверить в то, во что верю я, хотя бы на короткое время… Итак, повторяйте за мной: Я верю, что монетка может пустить под откос товарный поезд. Я верю, что в нью-йоркской канализации водятся крокодилы, не говоря уже о крысах размером с лошадь. Я верю, что Санта-Клаус есть, и эти ребята в красных шубах, которых мы видим на Рождество, — действительно его помощники. Я верю, что всюду вокруг нас существуют невидимые миры. Я верю, что теннисные мячики начинены смертоносным газом, и если вы их разрежете и вдохнете содержимое, то умрете. И самое главное: я верю в привидения, я верю в привидения, я верю в привидения».[70]

Как и в предыдущем сборнике, рассказы «Кошмаров и

сновидений» делились на три группы — мелодрамы, стилизации и ужасы. Особняком стоит самый длинный рассказ «Кадиллак Долана». Его герой, учитель Робинсон, много лет следит за могущественным боссом мафии, который когда-то приказал убить его жену — опасную свидетельницу. К его ненависти примешивается классовый оттенок: «Для него — великолепный пентхаус в Лас-Вегасе, для меня — пустой деревянный дом. Его сопровождала вереница прекрасных женщин в мехах и вечерних платьях, тогда как моим уделом стало одиночество. Серебристо-серые «кадиллаки» для него — он сменил их четыре на протяжении этих лет — и старый «бьюик-ривьера» для меня. Его волосы приобрели цвет благородного серебра, тогда как моих вовсе не стало».[71] По воле Кинга его герой совершает чудеса — он накачивает мускулы, устраивается в бригаду дорожных рабочих и точно рассчитывает день и час, когда Долан проедет по пустыне штата Юта и попадет в вырытую для него яму. Сначала писатель хотел, чтобы учитель вырыл яму вручную, но брат Дэвид объяснил ему, что это невозможно — пришлось усадить героя в экскаватор и сочинить всю историю с дорожной бригадой. В итоге «Кадиллак» бандита угодил в ловушку, и Робинсон засыпал его землей, предварительно сказав все, что в таких случаях говорят благородные герои вестернов.

«Ужасную» часть сборника открывает рассказ «Ночной летун». Его герой, бульварный репортер Ричард Диз из «Мертвой зоны», охотится за таинственным пилотом, убивающим людей в аэропортах Мэриленда. Пилот в итоге оказывается вампиром, ради комфорта сменившим крылья летучей мыши на собственный аэроплан. Он поймал репортера, но не убил, поскольку перед этим плотно поужинал, устроив бойню в маленьком зале ожидания. Только отнял отснятую пленку и приказал не следить больше за ним «голосом, в котором Дизу почудились древние склепы и запечатанные гробницы». Довольно банальный сюжет Кинг использовал, чтобы излить ненависть к желтой прессе. Его герой «всегда помнил, на чем зиждется успех «Биде ньюс» (одно название чего стоит!): ведра крови и километры кишок. Кроме того, там были еще снимки упитанных малышей, масса гороскопов и волшебных диет, но основной курс не ставился под сомнение. О мягких реформах, политической корректности и «языке чувств» могут говорить высоколобые интеллектуалы, а простой человек по-прежнему гораздо больше интересуется массовыми убийствами и скандальными похождениями звезд».[72]

Про вампиров и рассказ «Деда», герой которого Шеридан похищает детей для продажи их в сексуальное рабство. Одним из похищенных оказался мальчик с очень острыми зубами, который

постоянно угрожает бандиту своим «дедой». Шеридан не верил ему, пока на крышу его пикапа не спланировал натуральный вампир, разорвавший ему горло одним движением большого пальца. Здесь потустороннее Зло карает малое зло этого мира, как и в рассказе «Кусачие зубы». Его герой Хоган купил в придорожной лавке сувенир для сына — механические челюсти на ножках. Вечером, когда подобранный им на шоссе подросток попытался ограбить его, зубы внезапно ожили и обработали невезучего грабителя так, что его тело не могла опознать даже родная мать. Герой рассказа «Движущийся палец», нью-йоркский бухгалтер Говард Митла, вдруг обнаружил, что из раковины в его ванной торчит человеческий палец. Никто другой, включая его жену, пальца не видит, но Митлу он буквально сводит с ума. Он пытается справиться с пальцем при помощи растворителя, потом садовых ножниц, но ничего не помогает. Явившемуся на его крики полицейскому вконец обезумевший бухгалтер задает ключевой для Кинга вопрос: «Почему с хорошими людьми иногда происходят ужасные вещи?» И сам отвечает на него: «Потому, что они могут произойти».

Действие рассказа «Знаете, они классно играют» против обыкновения происходит не в Мэне, а на другом краю Америки — в Орегоне. Супруги Кларк и Мэри Уиллингем в туристской поездке попали в не обозначенный на карте городок под названием Царство рок-н-ролла. Он поражал своим благолепием: «Все было настолько аккуратно и чисто, что казалось даже противным». Многие жители городка показались гостям смутно знакомыми, и настал момент, когда они поняли — все это давно умершие нехорошей смертью рок-кумиры прошлых лет. Кларк и Мэри попытались сбежать, но музыкальные зомби во главе с мэром Элвисом поймали их и заставили слушать нескончаемый концерт в городском парке. Этим им предстоит заниматься вечно… или до самой смерти, потому что из Ада рок-н-ролла нет выхода. Рассказ о страшной судьбе Уиллингемов Кинг завершает тем же выводом: «Это произошло не потому, что они были плохими людьми, и не потому, что старые боги наказали их; просто они заблудились в лесу, вот и все, а заблудиться в лесу может каждый».[73]

Еще более кошмарный рассказ «Роды на дому» переносит читателей на Маленький Высокий остров, где происходило действие Долорес Клэйборн. У героини Мэдди Пейс в море погиб муж-рыбак, а ей как раз подоспело время рожать. Как на грех, Землю именно в это время облучил таинственный космический объект, и от этого излучения мертвецы полезли из могил, всячески стараясь сожрать живых людей. Президента США с

супругой и гостями съели прямо в Восточной гостиной Белого дома. Нечто подобное произошло и на острове, но его жители сумели дать отпор незваным гостям. Мэдди пришлось выдержать собственную битву с мужем, явившимся со дна моря. Она изрубила Джека Пейса топором ради будущего ребенка и осталась ждать родов в уверенности, что все будет хорошо. Это рассказ был написан Кингом для сборника, задуманного его коллегами и объединенного общей темой — что было бы, если бы зомби из «Ночи живых мертвецов» захватили мир?

В рассказе «Сезон дождей» супруги Джон и Элиза Грэм (положительно, эти вечные кинговские супруги уже начинают надоедать) заехали в городок Уиллоу в штате Мэн. Местные жители сдают им дом, но предупреждают, что на эту ночь им лучше уехать — раз в семь лет в Уиллоу идет дождь из жаб. Высокомерные гости думают, что над ними смеются, и остаются в городе, который выглядит совершенно пустым. А ночью на их дом обрушивается с неба поток черных жаб с острыми зубами. С первыми лучами солнца жабы дохнут, а потом исчезают… и от Грэмов тоже не остается ничего. «Мы предупредили их, — печально говорят местные жители. — Они сами решили остаться. Такие, как они, всегда решают остаться. Это тоже часть ритуала». [74] Выясняется, что заклание пары туристов на съедение жабам каким-то чудесным образом обеспечивает жителям города процветание на следующие семь лет. Мотив не новый: о такой же круговой поруке горожан писали Айра Левин в «Степфордских женах» и Роберт Маккаммон в рассказе «Он постучится в вашу дверь».

Рассказ «Люди десятого часа» был написан после того, как в Штатах запретили курить в офисных зданиях. Во время визита в Бостон Кинг увидел у небоскребов служащих, которые вышли на перекур в десять утра. Возникло какое-то странное сообщество — топ-менеджер дружески беседовал с уборщиком, а лифтер с секретаршей. Как будто все они составляли какое-то тайное общество. Дальнейшее было делом техники — родилась мысль, что курильщики могут видеть монстров, которые в большом количестве заполняют офисы госслужб и крупных корпораций. Герой рассказа Пирсон тоже увидел тварь с головой летучей мыши и пастью, усыпанной треугольными зубами; по костюму он узнал своего начальника. Пять минут спустя еще одной тварью оказалась старший менеджер Сюзанна Холдинг, которую он еще недавно считал красавицей. Потом на экране телевизора он увидел еще одного монстра — вице-президента США.

Случившиеся рядом «люди десятого часа» объяснили ему, что таких тварей все больше, и они собираются захватить Землю. По

какой-то случайности их видят только те, кто тщетно пытался бросить курить — то есть добропорядочные американцы. «Потому что мы единственная страна, объявившая крестовый поход против сигарет… видимо, единственная страна, где люди искренне верят, что если они будут есть правильную пищу, принимать витамины в правильном сочетании, думать в правильном направлении и подтирать задницу правильным сортом туалетной бумаги, то они будут жить вечно и вечно сохранят половую потенцию».[75] У пораженного ужасом Пирсона все же хватает решимости влиться в подпольную группу борцов с чудовищами. Среди них, как водится, оказывается провокатор, и партизан уничтожают. Герой с несколькими уцелевшими спасается в товарном вагоне и основывает где-то на Среднем Западе новое подполье, которое беспощадно уничтожает оккупантов. Фантастическая сага на этом бы только началась, но у Кинга иная цель, и он заканчивает рассказ на самом интересном месте, решив, что читатель достаточно напуган.

К жанру мелодрамы относится рассказ «Мой милый пони». В нем дедушка на склоне лет учит своего внука Клайви жизни — и прежде всего правилам обращения с норовистым пони по имени Время. Сюжета в рассказе нет — только ностальгия, так близкая американцам и не вполне понятная нам, поэтичная у Брэдбери и горько-ироническая у Кинга. Стоит сказать, что по авторскому замыслу малыш Клайви должен был вырасти в отпетого гангстера и стать героем романа Бахмана, который так и не был написан. В послесловии к сборнику Кинг писал: «Это был роман об убийце-одиночке но имени Клайв Баннинг, которого нанимают, чтобы он собрал группу мыслящих, как и он, психопатов и убил во время свадьбы несколько видных представителей преступного мира. Баннинг со своей группой выполняет задание, превращая свадьбу в кровавую бойню. Но затем его обманывают те, кто нанял, и начинают истреблять членов группы одного за другим».[76] Отрывок с детскими воспоминаниями Клайва был извлечен автором из начала романа — он должен был предварять историю о нападении на свадебную церемонию. В 1999 году издательство «Альфред Кнопф» выпустило «Моего милого пони» отдельной книжкой тиражом 1100 экземпляров с изысканными иллюстрациями.

Рассказ «Извините, номер верный» написан Кингом в 1993 году на основе старого сценария для Эн-Би-Си, не принятого к производству. Действительно, для телефильма он слишком печален — вечером в большой семье писателя Билла Уайдермана звонит телефон, и кто-то явно знакомый рыдающим голосом говорит «Помогите!». Уайдерманы в панике начинают

обзванивать и объезжать родных, но выясняют, что все в порядке. Пережитые волнения не проходят даром, и глава семьи умирает от сердечного приступа. Пять лет спустя его жена, снова вышедшая замуж, случайно набирает прежний номер, слышит голос мужа и кричит: «Помогите ему!» Только тут она понимает, что пять лет назад слышала собственный голос. Рассказ «Опусти голову» — это, собственно говоря, репортаж с серии бейсбольных матчей, в которых в составе школьной команды играл младший сын Кинга Оуэн. Тем, кто не любит бейсбол, сказать о нем нечего. Как и о рассказе «Нищий и алмаз» — адаптации индийской притчи для американского ума.

Два рассказа сборника относятся к стилизациям. «Расследование доктора Уотсона» копирует Конана Дойля, а «Последнее расследование Амни» — калифорнийские детективы Рэймонда Чандлера. Эта история повествует о детективе Клайде Амни, который неожиданно был вырван из Лос-Анджелеса 30-х годов и заброшен в Нью-Йорк 90-х. Это сделал его создатель, писатель Сэмюел Ландри, чтобы облегчить свои страдания. Его сын умер от случайного заражения СПИДом, жена покончила с собой, сам он от потрясения заболел опоясывающим лишаем и утратил способность писать. Тогда он решил влезть в шкуру созданного им детектива — вести опасную, но веселую жизнь, вволю есть и пить, заводить романы. На долю героя остались солидный банковский счет и чудеса техники, которые не слишком его порадовали. «Я выключил этот ужасный телевизор меньше чем через два часа после того, как научился им пользоваться. Меня ничуть не удивило, что Ландри захотел покинуть этот стонущий мир, перегруженный болезнями и бессмысленным насилием — мир, в котором обнаженные женщины танцуют в витринах ночных клубов и ночь, проведенная с ними, может убить тебя».[77] Но Клайд привык к новой жизни и даже начал учиться писательству, чтобы однажды нагрянуть к своему создателю и отомстить ему.

С фантастикой Кинг явно расставался — в сборнике есть только один рассказ этого жанра, «Конец всей этой мерзости». Он вроде бы написан в 1988 году, но по ощущениям относится к более раннему периоду, когда мир снова сполз в «холодную войну» из-за советского похода в Афганистан. Герой рассказа Говард Форной помогает своему гениальному брату Бобби, наделенному чертами Дэвида Кинга. Страдая от количества насилия в мире, Бобби создал лекарство, делающее людей миролюбивыми, и при помощи извержения вулкана распылил его над планетой. Оказалось, однако, что лекарство имеет побочный эффект — от него люди впадают в детство. Осознав, что они с

братом погубили цивилизацию, герой убивает Бобби и записывает их историю для будущих поколений, пока не разучается писать. Этот комический вариант «Противостояния» напоминает об опасности новых изобретений — тема настолько избитая, что даже самый изобретательный ее поворот наводит скуку.

К фантастическим можно отнести и рассказ «Дом на Кленовой улице». Обычный лондонский дом, где живут четверо детей с говорящей фамилией Брэдбери, их мать и зануда-отчим, вдруг начинает на глазах превращаться в космический корабль. Дети нашли таймер, отсчитывающий минуты до старта, и сумели заманить отчима в дом именно в это время. А потом с чувством выполненного долга смотрели, как он улетает в космическую даль. Американским детям отчима совершенно не жалко — он тиранил их маму, был англичанином и вдобавок профессором древней истории. То есть занимался тем, что самому Кингу и большинству его сограждан, чья история насчитывает не более пятисот лет, представляется ненужным и как бы даже несуществующим. При этом история недавняя у СК предстает во всем блеске живых примет двадцатых-тридцатых-сороковых и так далее. Это вообще характерно для американских романов и фильмов, которые до мелочей восстанавливают быт последних поколений, а дальше лепят ошибку на ошибке — «к черту подробности!» Такая неукорененность в истории присуща вечно юной (быть может, ее лучше назвать впавшей в детство) нации, перелившей в пресловутом «плавильном котле» собственное население, а теперь рвущейся сделать то же с остальным миром.

Та же неукорененность присуща и американскому фольклору, которого, в сущности, нет. «Как же так? — воскликнут знающие люди. — А легенды техасских ковбоев и аппалачских горняков, мэнские предания о Поле Бэньяне, Братец Лис с Братцем Кроликом?» Но все это принадлежало еще не переплавленным осколкам нации и давно исчезло из обихода. Если у нас народные сказки читают дети, то в Штатах — филологи. В детстве того же Кинга, выросшего в самой что ни на есть глубинке, не было никаких Братцев Кроликов — только герои комиксов, которых будущие поколения поменяли на дебильных Симпсонов и Рональда Макдональда (он же Пеннивайз). Понятно, что его творчество выросло не на плодородной почве народной мудрости, а на гидропонике масскультуры. В этом его слабость — лишь вслепую, наудачу ему удается пробиться к глубинным пластам страха, которых легко достигает простенькая сказка (скырлы-скырлы, на липовой ноге, на березовой клюке — страшнее этому ничего не знаю). Но в этом и его сила. Взрослые посмеются над детскими сказками, а вот кошмары Кинга, поверившие алгеброй

психоанализа гармонию готического романа, поразят их в самое сердце.

Весь 1993 год СК работал над большим романом «Бессонница», посвященный проблемам еще одного «меньшинства» — стариков. Он и прежде включал пожилых людей в свои книги, но глядел на них со стороны, нередко идеализируя. Теперь ему было сорок пять, и он понимал стариков гораздо лучше, хотя идеализация не исчезла. Его герой, 78-летний житель Дерри Ральф Робертс потерял жену, умершую от рака, и с тех пор страдает мучительной бессонницей. А тут еще милый молодой сосед Эд Дипно вдруг стал воинственным борцом против абортов и до полусмерти избил жену, посмевшую с ним не согласиться. В довершение всего в городе появились трое странных лысых коротышек в белых халатах, которых видят только Ральф и его пожилая подруга Луиза. Они носят имена древнегреческих парок (хотя те женского рода), и если Клото и Лахесис прядут нить человеческой судьбы, то мерзкий Атропос ее обрывает — вернее, обрезает большими ржавыми ножницами.

Странности возникли и с самим Ральфом — он начал видеть человеческие ауры, потом научился проходить сквозь стены. А потом двое «добрых» докторов рассказали ему, что они — посланцы Предопределения. Таким же был и «злой» Атропос, носитель случайной смерти. Теперь он взбунтовался и в союзе с загадочным Алым Королем (the Crimson King) побуждает Эда Дипно совершить в городе страшный теракт, способный нарушить космическое равновесие. От его рук может погибнуть в числе прочих маленький Патрик Дэнвилл, который должен сыграть важную роль в судьбе мира. Ясновидящим Ральфу и Луизе предстоит помешать этому, «потому что лишь Шоттаймеры (то есть «короткоживущие) могут противостоять воле Атропоса».[78]

Двое стариков отважно вступили в борьбу со злом. Сначала они разоружили фанатиков Дипно, которые захватили приют для женщин, подвершихся насилию — там окопались сторонники абортов. Потом проникли в логово монстра, где нашли целый склад вещей — перед смертью каждого человека Атропос брал на память что-то принадлежавшее ему. «Каждый предмет издавал свой собственный крик боли и отчаяния… Здесь валялись искореженные детские саночки с привязанной к ним веревкой. Ребенок которому они принадлежали, скончался от конвульсий в морозный январский день 1953 года. Был здесь и шест мажоретки обернутый по спирали краснобелыми тентами — девушку изнасиловали и забили до смерти камнем осенью 1967 года… Тапочек маленького мальчика по имени Гейдж Крид, которого переехал бензовоз, мчавшийся с превышением скорости по шоссе

N15 в Ладлоу. Кольца и журналы, брелки от ключей и зонтики, шляпы и очки, погремушки и радиоприемники. Они различались лишь видом, но суть их была одна и та же: тихие, печальные голоса людей, единственным преступлением которых было то, что они родились во владениях Слепого Случая».[79]

В гневе Ральф и Луиза отняли у Атропоса вещи людей, которые тем вечером собрались в Общественном центре Дерри — на него безумный Дипно должен был обрушить самолет, чтобы помешать выступлению сторонницы абортов Сьюзен Дэй. Потом герой перенесся в самолет, выдержал схватку с самим Алым Королем, принявшим облик чудовищной рыбы, и отвел Дипно в сторону от обреченного здания. Потом Ральф с Луизой поженились и жили счастливо, пока у старика снова не началась бессонница. Явившиеся «добрые доктора» открыли, что ему предстоит совершить еще один героический поступок — спасти от Атропоса юную дочь Эда Дипно, уже дважды спасенную им от родного отца. Что Ральф и сделал ценой собственной жизни, попав под колеса машины, которой предстояло сбить Натали Дипно. Он умер на руках у жены и невидимых Клото с Лахесисом, которые вынесли свой итог: «Он был замечательным человеком».

После абсолютно реалистической «Долорес Клейборн» Кинг попытался написать совершенно фантастический роман с прыжками через пространство, мифологическими параллелями и существами из иных миров. Не сказать, что у него это получилось, однако «Бессонница» стала важным звеном в формировании мифологии Кинга. Ее действие снова происходит в Дерри, где по-прежнему витает дух Оно. Монстр готовится к новому пришествию, но для этого ему нужно массовое убийство. В образе Алого Короля Оно вселяется в Эдда Дипно, причем ему помогает некое существо, стоящее гораздо выше в иерархии Зла. Это существо обитает в Темной Башне (здесь она символизирует всю Вселенную, Макрокосм) и пытается остановить идущих к ней Стрелка и его друзей. Их помощником может стать мальчик по имени Патрик Дэнвилл, находящийся в зале, и безымянный злодей обещает Оно помощь, если тот убьет Патрика руками Дипно. О дальнейших событиях говорится в цикле «Темной Башни», но там главным носителем зла выступает именно Алый Король. Похоже, в «Бессоннице» насмешник Пеннивайз просто присвоил имя этого персонажа — или Кинг передумал и поменял их местами, что с ним случается нередко.

Алый Король снова появляется в «Сердцах в Атлантиде», где ему служат «низкие люди», похитившие Теда Бротигана. Вообще-то Алым он стал с легкой руки переводчика Вебера — ведь английское crimson означает совсем не «алый», а «багровый».

Алый в обоих языках — цвет страсти и благородства. Багровый имеет совсем другое значение — это зловещий цвет, связанный с убийством и безумием. Достаточно вспомнить группу «King Crimson», в творчестве которой были сильны сатанинские мотивы. Ее название взято из эзопова языка церковных публицистов 18 века, которые, не желая поминать имя дьявола, именовали его «Багровым Королем». Так что «алый» — досадная переводческая ошибка (есть еще более странный перевод «малиновый»), но ее лучше не исправлять во избежание путаницы.

Развязка «Бессонницы» повторяла финал «Мертвой зоны» — герой-экстрасенс жертвовал собой, чтобы предотвратить несчастье. Но если Джонни Смит остался один, брошенный даже любимой женщиной, то у Ральфа была верная подруга Луиза и сочувствующие ему старики. Этот оптимизм охватил многих либералов в начале срока Клинтона — им казалось, что настала пора сообща, совместно с властью, решать проблемы страны. Тем же пафосом проникнут и следующий кинговский роман «Мареновая роза», законченный в ноябре 1994-го. В нем речь снова идет о безвольной женщине, годами терпящей побои мужа — садиста-полицейского Нормана Дэниелса, который потом оказался еще и убийцей. «Четырнадцать лет разговоров начистоту, — вспоминала героиня. — Выкидыш. Теннисная ракетка. Три зуба, один из которых проглочен. Удары. Щипки. И укусы. Да-да, не забывай про укусы. В широком ассортименте».[80]

В конце концов Рози бежала в другой город (судя по всему, Дерри), в тот самый приют для женщин, что был описан в «Бессоннице». Сегодня эти приюты широко известны как центры феминистического промывания мозгов, но у Кинга представление о них самое радужное. Но и там, среди сестер-единомышленниц, Рози не находит спасения — муж преследует ее, чтобы убить. Через случайно купленную картину Рози входит в сказочный мир, где получает от невидимой женщины на холме приказ войти в лабиринт и победить чудовищного быка, который символизирует ее мужа Нортона.

Постепенно Рози узнает, что женщина с холма — Роза Марена — страшное чудовище и в то же время копия ее самой. В который раз у Кинга герой (на этот раз — героиня) должен отобрать собственное «я» у злобного двойника, и Рози это удается. Когда Нортон, попав в иную реальность, гибнет от рук Марены, Рози заглядывает ей в лицо и тем самым вбирает двойника в себя. Теперь она может жить среди людей, любить встреченного ей мужчину, но знает, что внутри нее живет чудовище, стремящееся мучить и убивать. «Пожалуйста, — говорит она, не осознавая, молится ли, а если молится, то к кому

обращены ее мольбы. — Пожалуйста, не дай мне превратиться в то, чего я так боюсь. Пожалуйста… прошу тебя, помоги мне сдержать гнев».[81] Остается надеяться, что Рози удастся при помощи «сестер» из приюта не дать Марене вырваться наружу. Кстати, в оригинале роман называется Rose Madder, где последнее слово — название красящего растения марены. По-английски оно напоминает слово mad (безумный), а русское «марена» созвучно имени славянской богини смерти Морены. Вряд ли зная о таких тонкостях, Кинг интуитивно проник в лабиринты мифа. Но роман все равно получился слабым и затянутым, что отметили все критики.

1995 год для Кинга начался под знаком Темной Башни — после долгого перерыва он приступил к четвертому роману серии под названием «Колдун и кристалл». Осенью наступила очередь романа «Безнадега» — в оригинале Desperation, то есть «отчаяние». Так назывался городок в штате Невада, подвергшийся нападению подземных духов. На сей раз это не «томминокеры» из звездных далей, а слуги древнего демона Тэка, замурованного когда-то в шахте. Вырвавшись из своей ловушки, он поочередно вселяется в местных жителей, включая полицейского Колли Энтрегьяна, который убивает почти все население городка, а потом выходит на шоссе и захватывает проезжающих мимо людей. Среди его пленников — модный писатель Джонни Маринвилл, супружеская пара и семья Карверов, у которых Энтрегьян сразу же убивает маленькую дочку. Это почти запретное для американской литературы убийство ребенка вводит читателей в мир абсолютного, немотивированного Зла, отгороженный от мира указателем «Безнадега», на котором тем же Энтрегьяном-Тэком прибита мертвая кошка.

Как обычно, идея романа выросла из одного образа — пустынных среди бела дня улиц невадского городка Рут, через который Кинг проезжал в 1991 году, возвращаясь домой из Калифорнии. Он спросил себя, куда все подевались, и тихий голос подсознания ответил ему: «Они мертвы. Шериф сошел с ума и всех поубивал». Прихотливая фантазия писателя сразу же начала играть с этим сюжетом, породив мрачную Китайскую шахту, где испокон веков ждет своего часа демон. Ему подчиняются змеи, пауки, стервятники; он изготовил тысячи фигурок этих животных — кан-тахов, маленьких демонов. Взяв их в руки, любой человек испытывает неотвратимое желание убивать себе подобных. И когда случайный взрыв вскрыл шахту, Тэк вселился в первого заглянувшего туда инженера. Тела людей быстро изнашивались, поэтому демон спешил насладиться убийствами и разрушениями. Но нашлись те, кто встал на его

пути — горстка местных жителей и захваченных Энтрегьяном туристов. Их ведет мальчик Дэвид Карвер, твердо верящий в Христа.

Для Кинга это в новинку — до сих пор юношеский скепсис сдерживал его от прямого отождествления Добра с христианским Богом. В «Жребии» Божье имя в устах отца Каллагэна не смогло остановить вампиров. Теперь это чудо произошло — всесильный Тэк отступил перед Питером. Видя это, вокруг мальчика сплотились потерявшая мужа Мэри Карвер, старый пьяница-ветеринар Биллингсли, хиппушка Синди — до этого она появлялась в «Мареновой Розе». Даже закоренелый эгоист и агностик Джонни Маринвилл нашел в себе силы отдать жизнь «за други своя» и взорвать вместе с собой шахту, вновь похоронив в ней демона. На прощание он оставил Дэвиду, опустошенному утратой родителей и сестренки, строку из послания апостола Иоанна «Бог есть Любовь». Эта истина дает мальчику, который готов обвинить Всевышнего в гибели родных, силы жить, оставив город Отчаяния в прошлом.

В «Безнадеге» проявилась еще одна любопытная черта — отождествление полицейского с силами Зла. Известно, что американцы (во всяком случае, белые из среднего класса) доверяют своей полиции, поэтому у Кинга в этом романе, как и в «Полицейском из библиотеки», Зло просто рядится в полицейскую одежду. Но где-то глубоко в душе писателя со студенческих лет живет страх перед служителями закона. Он может повторить слова Тада Бьюмонта из «Темной половины»: «Я уверен, что полиция действует согласно принимаемой присяге. Но меня преследует ощущение, что я в любой момент могу случайно попасть в лапы бездушной бюрократической машины, которая методично сделает свое дело, разжевав меня до мелких кусочков, потому, что именно разжевывание людей является главным занятием машины».[82]

Соответственно ведет себя и герой «Безнадеги»: «Питер понимал, что не говорит, а тараторит, но ничего не мог с собой поделать. Такое повторялось при каждой встрече с копом: у него буквально начинался словесный понос, словно и вправду в багажнике лежал труп или похищенный ребенок».[83] И это не очередная фобия Кинга, а естественный для мыслящего человека страх перед непонятным и по сути негуманоидным институтом, каким давно уже стало современное государство. И если над другими ужасами Кинга россияне могу недоверчиво хихикать, то этот знаком им слишком хорошо. Если в Америке полицейский, убивающий и грабящий своих сограждан, может привидеться только в страшном сне, то у нас это повседневная реальность —

«оборотень в погонах», важная деталь отечественного «ужасного» зоопарка.

Кстати, любопытно прикинуть, какими потенциальными ресурсами располагает российский horror. Вампиры у нас появились совсем недавно, но неплохо прижились — в «Дозорах» Лукьяненко они уже совсем родные. Оборотни тоже неплохо известны (кстати, многие ли помнят, что пушкинский вурдалак — не вампир, а оборотень?) Традиционная сказочная нечисть — Кощеи, лешие, змеи-горынычи — полностью девальвирована советскими мультиками. Большой потенциал имеют ведьмы, хотя с легкой руки наших новоявленных феминисток их часто записывают в положительные героини. Аналог кинговской «безымянной твари» процветал в недавние годы в виде школьных страшилок о Черной руке, Зеленых пальцах и так далее — похоже, этот древнейший страх изживается труднее всего. Все остальное — зомби, привидения и тэдэ — даже самые пугливые игнорируют как заграничную экзотику. Наши страхи в основном социальны: прежде это были война и тюрьма, а теперь террор, бунт и бандитский беспредел. Это пострашней, чем у Кинга, тем более что у него ужас локален, и от него всегда можно сбежать в другой город. Если успеешь, конечно.

После завершения «Безнадеги» в голову Кингу почему-то пришла мысль переписать ее. Взяв тех же героев, он поместил их в другое место — городок Уэнтворт, штат Огайо. В его тихую жизнь неожиданно вторгаются четыре нелепых фургона с пассажирами, похожими на героев комиксов, и начинают расстреливать всех подряд. Этот сюжет родился задолго до «Безнадеги» — он вырос из сценария, который СК в 1984 году начал писать для режиссера Сэма Пекинпы, голливудского «анфан террибля», который умер перед самым началом съемок. Именно там появились «регуляторы» — крутые парни, которые вначале стреляют, а потом задают вопросы. Но в романе, получившем то же название, это не люди, а призраки, каким-то образом воплощенные в реальность мальчиком-дауном Сетом, в которого вселился уже знакомый нам демон Тэк. Как и в «Безнадеге», ему удается чужими руками перебить множество людей, пока уцелевшие герои не поняли, в чем дело. Но покончил с демоном сам Сет, у которого хватило ума застрелиться. Но читателям было не очень жалко юного дебила, как и остальных персонажей, которые гибли примерно по одному на пять страниц. Все они получились ходульными, и имена, взятые из другого произведения, только подчеркивали это.

В «Регуляторах», как и в «Безнадеге», была интересная деталь, которую мало кто заметил. Если в предыдущих романах герои

находили — или не находили — силу для противостояния Злу в себе самих, то здесь на сцену выходит внешний источник Добра, прямо названный Богом. Это он пробивается в сознание Сета и внушает мальчику мысль избавить мир от Тэка единственно доступным способом. Он же объединяет разрозненных и напуганных жертв демона, поднимая их на борьбу. После выхода книги многие спрашивали Кинга, не стал ли он верующим в христианском смысле слова. Те, кто знает, как подозрителен такой вопрос для американских интеллектуалов, поймут, почему писатель стал отнекиваться: «Да нет, просто я подумал, что написал много книг о Зле, и это Зло всем знакомо. Все знают, например, что от вампиров спасает чеснок. Вот я и подумал, что будет интересно написать о Боге и его проявлениях так же живо и подробно, как обычно пишут о Зле». Это довольно невнятное объяснение не могло скрыть очевидного — у Кинга появился новый герой, который все более активно выходил на сцену.

Тем не менее, многие критики сочли «Регуляторов» самым слабым романом Кинга. Он и сам понял, что потерпел неудачу, и предпочел отдать книгу давно похороненному Бахману — его вдова якобы нашла на чердаке черновики и передала их Кингу для публикации. Отношение СК к роману было довольно странным. Когда «Викинг» договорился о выпуске нумерованных экземпляров, автор наотрез отказался их подписывать: «Делать это должен Бахман, а он умер. И не надо его оживлять». Впрочем, популярность автора сделала свое дело — только первые тиражи обоих «клонов», «Безнадеги» и «Регуляторов» зашкалили за полтора миллиона.

Еще в конце 1995 года Кинг задумал роман-сериал, который продавался бы отдельными выпусками. Когда-то это делал Чарльз Диккенс, присылавший в Америку главы своих романов почтовым пароходом. Шесть выпусков кинговского романа «Зеленая миля», выходившие в издательстве НАЛ с марта по август 1996-го, ожидались почти с таким же нетерпением. Каждый из этих выпусков, а потом и вся книга целиком вошли в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс». Действие романа происходит в кризисные тридцатые годы в тюрьме штата Джорджия, где приводятся в исполнение смертные приговоры. «Зеленой милей» называется крытый зеленым линолеумом отрезок коридора, ведущий к электрическому стулу — «Старой Замыкалке». В предисловии к роману Кинг пишет, что его всегда интересовало: «Как себя чувствует тот, кто привязывает осуждённого или включает рубильник? Что такая работа отнимает у человека? И ещё ужаснее — что она может добавить?»

На глазах читателей узники блока «Г» один за другим

проходят «Зеленую милю». Среди них есть и воплощение Зла — полубезумный садист Уильям Уортон. Есть и Добро во плоти — чернокожий гигант Джон Коффи, осужденный за убийство двух девочек, которых он на самом деле пытался спасти. Он наделен целительной силой, которую использует при любом случае — даже в блоке смертников он лечит главного героя Пола Эджкома, а потом жену начальника тюрьмы Мурса, умирающую от рака. Охранники, видя его невиновность, готовы спасти его, но Коффи сам не хочет жить: «Я устал от ненависти людей друг к другу. Она похожа на осколки стекла в мозгу. Я устал от того, что столько раз хотел помочь и не мог. Я устал от темноты. Но больше всего от боли. Её слишком много, и так каждый день… по всему миру». [84] Навязчивое уподобление Коффи Христу подчеркивается совпадением их английских инициалов — J.C.

На узком пространстве «Зеленой мили» Кинг сознательно воспроизводит евангельскую историю, где всем — тюремщикам и зэкам — отведено свое место. Одни, как кровожадный недоумок Перси Уэтмор, кричат «распни его» и караются за это помрачением ума и неприятностями по службе. Другие, подобно Эджкому, внимают проповеди Коффи, за что награждаются железным здоровьем и долголетием (в конце выясняется, что герою-рассказчику 104 года). Такая по-американски прямолинейная мораль не может не раздражать, как и сахарно-медовый портрет Коффи — и надо же было обязательно сделать его чернокожим как в «Хижине дяди Тома»… Но сентиментальность Кинга, бьющая из крупного калибра, делает свое дело — мало кто из читателей «Зеленой мили» смог дойти до финиша без покрасневших глаз и шмыгания носом.

Покончив с историей «Старой Замыкалки», Кинг начал писать новый сериал, на этот раз телевизионный — заказанную Эй-Би-Си «Бурю столетия». В апреле 1997-го он выпустил ограниченным тиражом сборник новых рассказов «Шесть историй». Пять из них перекочевали потом в сборник «Все предельно», а один — «Слепой Уилли» — вошел главой в роман «Сердца в Атлантиде». Тогда же писатель начал новый роман под вполне подходящим для него названием «Мешок с костями». Из-за него произошла ссора с «родным» для писателя издательством «Викинг» — Кинг потребовал за будущий роман целых $17 млн., из них четверть авансом. Сын Джо собирался жениться, и молодым нужны были деньги для покупки дома. Издатели отвергли его претензии, упирая на неуспех последних книг. Но Кинг быстро доказал, что не пропадет без «викингов» — его представители встретились с руководством крупного издательства «Саймон энд Шустер», которые охотно взяли писателя под свое крыло. Ему предложили

8 млн. аванса плюс 50 % дохода от продаж будущего романа. Сразу скажем, что общая сумма составила примерно 14 млн., так что своего Кинг не добился. Зато он заключил с издательством договор сразу на три будущих произведения, независимо от их содержания (и качества, как молча подразумевалось).

«Мешок с костями» был написан за восемь месяцев и вышел в октябре 1998-го в издательстве «Скрибнер» — подразделении «Саймона энд Шустера». Действие этого объемного произведения развивается на берегу вымышленного озера Темный След (иначе — Темное Пятно, Dark Score) в Западном Мэне. Его реальный прототип — непроницаемо-темное озеро Кезер рядом с кинговским летним домом в Сентер-Ловелле. Этот дом в романе превращается в «Сару-Хохотушку», усадьбу преуспевающего писателя Майка Нунэна, куда он приезжает после внезапной смерти жены. Нунэн пытается вновь обрести утраченное вдохновение, но его обступают призраки из прошлого старого дома, с которым связано немало мрачных тайн. Когда-то здесь местные расисты убили негритянскую певицу Сару и ее маленького сына, и она перед смертью прокляла городок. Отныне они обречены рождать близнецов и приносить одного из них (как правило, его имя начинается на «К») в жертву мстительному духу Сары-Хохотушки.

Встреча с молодой вдовой Мэтти и ее маленькой дочкой Кирой дает писателю шанс вновь обрести счастье, но этот хрупкий шанс обречен — на влюбленных обрушиваются и живущие в доме призраки, и бывший свекор Мэтти, парализованный миллионер Макс Дивоур (вот где неприязнь Кинга к богачам разыгралась в полную силу!) Он организует убийство Мэтти, и безутешный писатель остается с чудом спасенной девочкой, о которой ему теперь предстоит заботиться. Роман сильно затянут, поскольку автор решил попутно высказать свои взгляды на творчество ряда известных писателей, включая Мелвилла и Томаса Харди. Заглавие взято из фразы последнего: «Самый живой персонаж романа — это всего лишь мешок с костями». Не хотел ли Кинг сказать: «Не бойтесь, дорогие читатели, мои страдающие и погибающие герои на самом деле неживые, а с вами и со мною ничего такого случиться не может»? Вряд ли — он хорошо знал, что с человеком может случиться все. Что и доказал инцидент, происшедший с ним самим в следующем году.

Ко времени завершения «Мешка» Кингом уже владел новый замысел — написать о своей студенческой юности, борьбе за мир и войне во Вьетнаме. В начале 1998 года он приступил к роману «Сердца в Атлантиде»; это поэтическое название относилось к

молодости, которая канула в прошлое, как затонувший континент на дно Атлантики. Постепенно к сюжету примешалась новая тема — история очередного юного героя Бобби Гарфилда, соединенная краешком с эпопеей Темной Башни. Потом появилась и третья — судьба вьетнамского ветерана, который, буудчи благополучным (и вполне зрячим) бизнесменом, периодически изображает нищего слепца Уилли, чтобы отогнать память о войне. На первый взгляд, эти части почти не связаны друг с другом, но на самом деле они складываются в четкую панораму жизни Америки. Вначале идут идиллические воспоминания о детстве, знакомые по произведениям Брэдбери да и самого Кинга. Но и в них вторгаются «низкие люди в желтых плащах», которые похищают Тэда Бротигана, ставшего другом мальчика Бобби. Они воплощают тупую и злобную силу — ту самую, что бросила героев романа во Вьетнам и там научила убивать.

От этой точки и пошел, согласно Кингу, надлом истории, превративший одних американцев в бездумных потребителей, а других заставивший взорваться в жестоком и бессмысленном бунте. Первую дорогу выбрал Бобби, вторую — его детская любовь Кэрол Гербер. И единственный путь к их спасению писатель видит в возвращении в светлый мир детства. Вернувшись в родной город после сорока лет отсутствия, Бобби вопреки реальности находит там давно погибшую Кэрол. Им удается найти выход из давящей реальности (быть может, это смерть, как в «Бессоннице»), в то время как Слепому Уилли приходится снова и снова возвращаться на бродвейский тротуар в замкнутом пространстве мифа. Потом та же участь ждала другого, куда более известного героя Кинга, но об этом позже.

Во второй части романа кинговский двойник Пит Рили встречает Кэрол Гербер в Мэнском университете и заводит с ней роман. Бурные события шестидесятых разлучают их, и только потом Пит узнает, что Кэрол примкнула к одной из радикальных студенческих групп и была убита. Их с Бобби друг детства Салл-Джон прошел Вьетнам и много лет мучился, вспоминая «старенькую мамасан» — старуху, убитую его взводом вместе с другими жителями лесной деревушки. Он умирает от сердечного приступа посреди шоссе, вообразив перед этим, что с неба на поток машин начали падать вещи — рояли и автомобили, магнитофоны и тостеры. Все те вещи, на которые его поколение променяло идеалы юности. Ностальгически-горький итог всему повествованию подвел Пит, он же автор: «Когда я пытаюсь говорить о шестидесятых, когда я хотя бы пытаюсь думать о них, меня одолевают ужас и смех. Я вижу брюки клеш и башмаки на платформе. Я ощущаю запах травки, пачули, ладана и мятной

жвачки. И я слышу, как Донован Лич поет свою чарующую и глупую песню о континенте Атлантида… Чем старше я становлюсь, тем труднее отбрасывать глупость и сберегать чары. Мне приходится напоминать себе, что тогда мы были меньше — такими маленькими, что могли вести наши многоцветные жизни под шляпками грибов, твердо веруя, будто это — деревья, укрытие от укрывающего неба. Я знаю, что, в сущности, тут нет смысла, но это все, на что я способен: да славится Атлантида!»[85]

«Сердца в Атлантиде» были встречены критикой тепло, но многие отмечали, что роман недоделан. Кинг позже оправдывался, что как раз в это время участвовал в съемках «Бури столетия» и разрывался между письменным столом и съемочной площадкой. Только после окончания работы летом 1998 года он смог взяться за новый роман, вернувший его к теме страдающих женщин. На этот раз женщина оказалась совсем юная — девятилетняя Триша Макфарленд, которая отбилась от семьи в мэнском лесу. Девять дней она шла к людям, больная, голодная и преследуемая страшным Зверем, не имеющим ничего общего с обычными лесными зверями. Триша спаслась только потому, что любила знаменитого бейсболиста Тома Гордона, который, конечно, даже не подозревал о существовании маленькой поклонницы. А еще потому, что сумела не враждовать с лесом, а учиться у него, что вряд ли могут сделать взрослые с их зашоренными мозгами.

В небольшой, несложный по сюжету роман «Девочка, которая любила Тома Гордона» Кинг умудрился вместить свои довольно сложные представления о мироздании, во всей красе развернутые в цикле Темной Башни. Рядом с Тришей присутствует «Неслышимый» — некая сила, порой охраняющая ее от бед, но не способная ни говорить, ни слышать ее. Именно таков Бог в представлении отца девочки, да и самого Кинга — мудрая, но бессильная Черепаха из «Оно». Гораздо сильнее Зверь, громадный и страшный, играющий с Тришей, как кошка с мышью, чтобы под конец сожрать ее. Но и он, будущий Алый Король, отступает перед силой любви, заключенной в сердце девочки. Увы, эти аллегории смогло оценить лишь малое число читателей. К тому же по сравнению с другими кинговскими романами «Девочка» оказалась совсем не страшной. Недаром в октябре 2004 года она была переиздана в виде красочной детской книжки с поднимающимися картинками (по-американски pop-up), которые нарисовал Алан Дингмен.

С марта 1999 года Кинга захватил новый проект — книга о писательском ремесле. Уже потом она превратилась в автобиографию и обрела название On Writing, не вполне

переданное в русском варианте «Как писать книги». Это не сборник рецептов литературного успеха, а именно книга «о писательстве», которое неотделимо от судьбы автора. В ней Кинг рассказывает о своем детстве, юности, не обходит больной темы пьянства, подробно повествует о том, как едва не погиб на шоссе № 5. И только потом переходит к наставлению начинающим авторам. Его первую мудрость полтора века назад высказал тургеневский Базаров: «Друг Аркадий, не говори красиво». «Помните главное правило, — вторит Кинг, — берите первое пришедшее на ум слово, если оно подходящее и яркое. Если колебаться и рефлектировать, найдется другое слово, но вряд ли оно будет так же близко к тому, что вы хотели сказать».[86]

Мудрость вторая: избегать пассивного залога. «Положим, что некто помер на кухне, но оказался в другом месте. «Тело было перенесено из кухни и положено на диван в гостиной» — так вполне можно написать, хотя от слов «было перенесено» и «положено» у меня просто отрыжка. Мне бы больше понравилось: «Майра и Фредди перенесли тело из кухни и положили на диван». Почему вообще тело должно быть подлежащим? Оно же, черт его дери, мертвое!».[87] Еще рекомендуется избегать наречий и атрибутивных глаголов: всякие там «проскрежетал» и «прошипел» вполне можно заменить скромным «сказал». Русский язык не похож на английский, но, ей-Богу, советы Кинга неплохо было бы повесить перед носом у большинства наших литераторов. Со всем жаром бывшего учителя хэмпденской школы он заявляет, что грамматика писателю необходима. «Если хотите быть писателем, вам прежде всего нужно делать две вещи: много читать и много писать».

Стоит упомянуть еще один кинговский рецепт, о котором не сказано в «Как писать книги». СК щедро наполняет свои романы перекрестными ссылками друг на друга, превращая их в увлекательные кроссворды. Это интригует поклонников и заставляет их читать одну книгу за другой. Приведем в пример «Оно». Его действие, как уже говорилось, происходит в Дерри, и уже поэтому оно связано с остальными романами об этом городе — «Бессонницей» и «Ловцом снов». Кроме того, в «Оно» упоминаются персонажи «Мертвой зоны» (полицейский-маньяк Фрэнк Додд), «Сияния» (повар Дик Халлоран), «Мареновой розы» (священник О'Брайен). Герои смотрят давно забытый японский фильм «Родан» о демоне, вырвавшемся из шахты, что напоминает сюжет «Безнадеги» и «Регуляторов». Генри Бауэрсу является его мертвый приятель Белч Хаггинс в красном «Плимут-фьюри», приехавшем прямиком из «Кристины». Другой приятель Генри, Патрик Хокстеттер, носит имя персонажа «Воспламеняющей

взглядом». В «Мешке с костями» есть упоминание о Билле Денбро, а в «Девочке, которая любила Тома Гордона» — о другом члене «Клуба неудачников» Ричи Тозьере. Наконец, «Дорожные работы» посвящены загадочной Шарлотте Литтлфилд, которая тоже присутствует в «Оно» как один из проходных персонажей.

Закон сериала давно известен — встречая героя в нескольких книгах подряд, вы улыбаетесь ему как старому знакомому, даже если он всего лишь мешок с костями (хе-хе). Но герои Кинга, как мы знаем, не таковы — они яркие, иногда даже чересчур. Особенно отрицательные персонажи: уж если такой попадется, будьте уверены, что он и пьяница, и садист, и педофил. Или вообще патентованный прислужник Зла со склонностью к массовым убийствам. С хорошими людьми сложнее — им приходится преодолевать скептицизм, инертность, а часто и трусость. Но уж если они выбрали сторону добра, то будут стоять до последнего, удивляя своими голливудскими подвигами (особенно впечатляют «мощные потоки света», бьющие из их рук прямо в морду злыдням). Часто герои обретают паранормальные способности — читают мысли, видят вещие сны или вообще проходят сквозь стены как Ральф из «Бессонницы».

Особенно импонирует читателю то, что Кинг переносит всю эту захватывающую борьбу Добра и Зла в повседневное американское «здесь и сейчас». У такого приема есть как минимум три плюса. Во-первых, делая героями средних обывателей, он возвышает любого Джонни Смита над собой, заставляя поверить в его смитовскую значимость. Во-вторых, усыпает текст знакомыми деталями, «цепляющими» глаз и привлекающими публику так же, как сериальные герои. В-третьих, обращает внимание на реальные проблемы современного общества, где под оболочкой спокойствия (впрочем, весьма относительного) бурлят флюиды страха и ненависти, вырываясь наружу безумными поступками маньяков, убийц и террористов. Когда это происходит, писателя называют провидцем — и кто скажет, что незаслуженно?

2. С бумаги на экран

«Как писать книги» — пожалуй, единственное из кинговских произведений, которое в принципе не может быть экранизировано (впрочем, кто знает?) Все остальные не обижены вниманием киношников — Кинг лидирует среди пишущей братии не только по тиражам, но и по числу перенесенных на экран книг. На сегодняшний день их уже 92, от эпопей вроде «Противостояния» до коротеньких рассказов, и чуть ли не каждый месяц выходят новые кино- и телеверсии. И все же СК недоволен — большинство режиссеров, по его мнению, безбожно искажают его сюжеты и характеры героев. Особенно часто это происходило на заре его карьеры, когда с начинающим автором особо не церемонились. Поэтому ему повезло, что первую его экранизацию в 1976 году сделал такой мастер, как Брайен Де Пальма.

Этот 36-летний режиссер был уже хорошо известен работами в жанре horror. Роман «Кэрри» сразу привлек его, и он постарался воплотить его на экране как можно точнее. Единственное исключение — финал, который Кинг, увлекшись описанием огненной гибели Чемберлена, сделал довольно смазанным. Де Пальма сосредоточил внимание на самой Кэрри, которую блестяще сыграла 25-летняя Сисси Спейсек. Прежде она работала арт-директором в нескольких фильмах того же режиссера и согласилась на роль только после долгих уговоров. Некрасивая веснушчатая Сисси полностью соответствовала образу «гадкого утенка» и играла самоотверженно, сумев передать все отчаяние и страх своей героини. Развязкой картины стала ее расправа с фанатичкой-матерью (Пайпер Лори) и смерть на руках белокурой Сью Снелл (Эми Ирвинг). Главную врагиню Кэрри сыграла еще одна будущая звезда Нэнси Аллен (кстати, ставшая вскоре женой режиссера), а ее кавалера Билли — юный Джон Траволта, для которого это была первая серьезная роль в кино. Фильм сопровождали развеселые молодежные мелодии, прибавлявшие трагизма тому, что случилось в конце. «Кэрри», снятая всего за 1,8 млн., принесла в прокате 30 млн., а Сисси и Пайпер получили «Оскара» за лучшие женские роли.

После этого Кинг многого ожидал от экранизации «Сияния», за которую в 1979 году взялся сам Стэнли Кубрик. Маэстро приступил к работе со своей обычной скрупулезностью: для съемок подыскали старомодный пансион «Тимберлайн» в Орегоне, крыльцо отеля снимали в Калифорнии, а его парк — в Англии. Маленького Дэнни Торранса отбирали из пяти тысяч

кандидатов по всей Америке. Фильм снимался почти год, однако результат разочаровал автора — киноклассик переписал сценарий, убрав оттуда всякую мистику вроде оживших кустов. Исчез и демонический характер отеля «Оверлук», на котором был сосредоточен авторский замысел. Остался только писатель Джек Торранс, сходящий с ума то ли просто так, то ли от неумеренного пьянства. Конечно, Джек Николсон превосходно сыграл сумасшедшего, обеспечив «Сиянию» славу и кассовый успех. При этом он полностью затмил не менее важных для сюжета Венди (Шелли Дюваль) и Дэнни (Дэнни Ллойд), который выглядел слегка заторможенным и явно не тянул на звание «сияющего».

Сам Кинг в интервью 1983 года отозвался о фильме так: «Кубрик просто не смог понять чистое бесчеловечное зло отеля «Оверлук». Вместо воплощения на экране Зла у него получилась домашняя трагедия со смутно сверхъестественными мотивами. Это было основным недостатком: поскольку он не мог верить, он не мог сделать фильм другим». Автор был не совсем справедлив — режиссер прекрасно выразил атмосферу напряженности и страха, применив для этого музыку, спецэффекты и необычный «рваный» монтаж. Просто он решил, что воплощение всех сюжетных линий романа сделает фильм сырым и аморфным, потому и выбрал только одну — безумие Джека. Чем и обидел автора, для которого «проклятый дом» был любимой темой. В 1997 году с благословения СК «Сияние» было переснято в виде телесериала, но без особого успеха — все так привыкли к брутальному Николсону, что чересчур интеллигентный Стивен Вебер в главной роли не убедил никого.

Почти два года расстроенный Кинг отказывался от любых режиссерских предложений, но сдался на уговоры Джорджа Ромеро. 42-летний «анфан террибль», нашумевший своей «Ночью живых мертвецов», соблазнил СК экранизировать страшные комиксы 50-х годов наподобие знаменитых «Баек из склепа». Обожавший их писатель с энтузиазмом согласился. В результате в 1982 году был произведен на свет фильм «Калейдоскоп ужасов» (в оригинале Creepshow), состоящий из пяти новелл. Три из них были сделаны по комиксам, а два — по оригинальным сценариям Кинга, позже опубликованным в виде рассказов.

Первый, «Сорняки», рассказывал о метеорите, упавшем на ферму и зарастившем ее вместе с ее владельцем буйной зеленью. Второй, «Ящик» — о найденном в научном институте ящике, таинственный обитатель которого пожирал всех, кто к нему приближался. Узнав об этом, находчивый руководитель института скормил чудовищу свою мегеру-жену, а ящик утопил в озере. Ученого мужа сыграл Хэл Холбрук, а в других новеллах

засветились известные комики Лесли Нильсен и Джон Лормер. Последний сыграл мстительного отца, явившегося с того света, чтобы потребовать от дочки пирог на День родителей, которого так и не дождался при жизни. Присутствие комиков придало фильму оттенок черного юмора, так ценимый самим Кингом и всеми любителями жанра. В этой картине СК впервые появился в эпизоде — «камее» — как часто делал с тех пор. Отметился здесь и его девятилетний сын Джо, сыгравший несложную роль спящего ребенка.

В 1987 году был снят сиквел «Калейдоскоп ужасов-2». Его сделал другой режиссер — Майкл Горник, — а Ромеро с Кингом написали сценарий. Одна из новелл была экранизацией известного кинговского рассказа «Плот». Другая, «Старый вождь Вуденхед», то есть «деревянная башка», повествовала о деревянном индейце (в Штатах их традиционно ставят у входа в мелочные лавки), который ожил, чтобы отомстить убийцам хозяина магазина. В третьей богатая дама, возвращаясь с любовного свидания, сбивает голосующего на дороге мужчину, но он оживает и преследует ее до победного конца. Похоже, на этом фантазия авторов истощилась, поскольку «Калейдоскоп-3» уже не вышел.

В 1983 году настал черед экранизации еще одного бестселлера — «Куджо». Режиссер Льюис Тиг использовал на съемках пять живых сенбернаров, одного механического и человека, одетого в собачью шкуру. Добродушных собак долго не удавалось заставить набрасываться на автомобиль, поэтому дрессировщики клали внутрь их любимые игрушки и аппетитные куски мяса. Чтобы четвероногие актеры выглядели бешеными, их тщательно гримировали, а в глаза впрыскивали атропин. Эти усилия дали результат — экранизация «Куджо» стала одной из самых удачных. Хорошо сыграли и Донна Трентон (Ди Уоллес-Стоун), и ее сын (Дэнни Пинтауро), хотя самым убедительным получился все-таки сенбернар.

Та же история повторилась в «Кристине» — хотя актеры были неплохи, главное внимание зрителей приковала машина. Для фильма пришлось специально изготовить четырехдверную модель «плимута-фьюри», не существующую в природе. Да не одну, а целых пять, поскольку машины по ходу съемок беспощадно разбивались. Чтобы показать самовосстановление демонического автомобиля, режиссеру Джону Карпентеру пришлось поставить внутрь гидравлическую помпу, а иногда просто пускать пленку задом наперед. Будучи классиком жанра, Карпентер смог создать необходимую атмосферу ужаса, хотя для этого сценарий пришлось сильно сократить. «Кристина» вышла на экран в июле

1983 года, еще до издания романа — случай уникальный для Кинга. Позже он жаловался, что режиссер обещал ему придержать фильм, но поторопился «собрать кассу». Другим поводом для охлаждения их отношений стало то, что после завершения съемок единственная уцелевшая машина была продана какому-то фанату, хотя Кинг возражал против этого — что немудрено при его боязни автомобилей. В результате Карпентер фильмов по Кингу больше не снимал.

Эстафету быстро подхватил другой мастер ужасов — Дэвид Кроненберг, который в том же 1983 году экранизировал «Мертвую зону». Фильм был задуман как мистический триллер, но постепенно, как и сам роман, сбился на мелодраму. Вспомнив о своих скандинавских корнях, Кроненберг сочинил в духе Бергмана ностальгически-печальную симфонию жизни Джонни Смита, которого превосходно сыграл молодой Кристофер Уокен. Так же печальны в фильме и Сара (Брук Адамс), и шериф Баннерман (Том Скеррит), да и Грегу Стилсону в исполнении Мартина Шина явно не хватает злобной веселости своего прототипа. Однако в целом картина получилась вполне адекватной — если не самой лучшей из экранизаций Кинга, то наверняка самой лирической.

Совсем другими оказались разухабистые «Дети кукурузы», которые в 1984 году снял на студии «Нью Уорлд пикчерз» режиссер Фриц Кирш. Чтобы сделать из маленького рассказа полнометражный фильм, он дополнил сюжет массой кровавых подробностей из жизни подростков, поклоняющихся чудовищному «богу кукурузы» — Тому, кто обходит ряды. Супругов, попавших в лапы фанатиков, сыграли известные актеры — Питер Хортон и будущая звезда «Терминатора» Линда Хэмилтон. Фильм оказался таким популярным, что за 12 лет было снято шесть его продолжений — как водится, все хуже и хуже по качеству. Кинг не имел к сиквелам никакого отношения, да и первых «Детей кукурузы» воспринял без восторга.

В 1984 году кинокомпания «Дино Де Лаурентис» предложила молодому режиссеру Марку Лестеру экранизировать «Воспламеняющую взглядом». В расходах он был не ограничен, и в фильме оказалось множество трюков и визуальных эффектов в сочетании с изумительной для того времени пиротехникой. Главную героиню, Чарлину Макги, очень убедительно сыграла десятилетняя Дрю Бэрримор, начавшая с этой картины свое восхождение на голливудский Олимп. Роль ее отца исполнил Дэвид Кейт, а Мартин Шин снова, как в «Мертвой зоне», сыграл отрицательную роль — капитана Холлистера из загадочной Конторы, охотящейся за Чарли. Успех фильма вдохновил

компанию в следующем году снять кино под названием «Кошачий глаз». На этот раз сценарий написал сам Кинг, дополнив свой рассказ «Адова кошка» еще двумя историями, в которых бездомный кот спасает маленькую девочку от всевозможных опасностей — в том числе от злобных гномов. Девочку сыграла та же Дрю Бэрримор, а снял картину постановщик «Куджо» Льюис Тиг.

В том же 1985 году «Дино Де Лаурентис» предложил Кингу написать сценарий по его «Циклу оборотня». Его оперативно экранизировал режиссер Дэниел Эттайес, но результат оказался хуже, чем в предыдущих случаях. Сыгравший главного героя — 13-летнего Марти, — Кори Хейм слишком явно наслаждался своей ролью борца с оборотнями. Становилось даже жалко бедного монстра, которого изображал Эверетт Макгилл. Правда, его превращение в зверя было показано на всей высоте тогдашних спецэффектов, что позволило филтму сделать хорошие сборы.

Написав несколько сценариев, Кинг решил попробовать свои силы в режиссуре и экранизировать свой рассказ «Грузовики» о машинах, восставших против людей. Деньги на фильм «На предельной скорости» (Maximum Overdrive, в другом переводе «Максимальное ускорение») дал тот же Де Лаурентис, а главную роль сыграл молодой, но уже «звездный» Эмилио Эстевес — сын Мартина Шина. Съемки шли в штате Пенсильвания с августа по октябрь 1985 года. Кинг поселился в трейлере и проводил на съемочной площадке дни напролет, явно наслаждаясь ролью начальника. Потом он так же усердно занимался монтажом. Фильм вышел в июле 1986 года, но хитом так и не стал, хотя был снят достаточно профессионально и динамично. Вероятно, проигрышной оказалась сама тема — автомобили, пусть и ожившие, выглядели слишком обыденно, а их способность убивать и так была хорошо известна каждому. От Кинга ждали чего-то более сверхъестественного, более страшного. Осознав это, он решил больше не связываться с режиссурой, хотя сценарии продолжал писать.

По иронии судьбы, роль суперхита в следующем году досталась фильму, который немилосердно исказил кинговский оригинал. Это был «Бегущий человек», снятый Майклом Глейзером по заказу кинокомпании «Тристар». В нем в роли замученного жизнью работяги Бена Ричардса выступил зубодробительный Шварценеггер, а его истощенную жену сыграла сексуальная Мария Кончита Алонсо, блещущая калифорнийским загаром. Конечно же, такой герой не мог погибнуть, как у Кинга, путаясь в кровавом месиве собственных кишок — он с легкостью раскидал всех врагов, которых для пущего эффекта сделали

настоящими богатырями. Социальные мотивы остались за кадром, и все превратилось в обычный, хоть и мастеровито сделанный боевичок.

В том же году режиссер Роб Райнер, давний поклонник Кинга, решил экранизировать повесть «Тело». Его фильм «Останься со мной» (Stand by Me) стал волнующим повествованием о детской дружбе, которую разрушает неизбежное взросление. Сценарист Брюс Эванс чрезвычайно бережно обошелся с сюжетом, а в числе молодых актеров были будущие звезды — Кифер Сазерленд и трагически погибший Ривер Феникс. Композитор фильма со знаменательной фамилией Ницше вплел в музыкальный ряд мелодии 50-х годов, усилив ощущение ностальгии.

Стоит сказать, что 1986 год стал свидетелем появления первого и пока единственного мультфильма по произведению Кинга, причем в Советском Союзе. Режиссер Михаил Титов воплотил в рисованном виде рассказ СК «Поле битвы», назвав свой 10-минутный мультик «Сражение». Особых лавров он не стяжал, но был показан по ТВ, и именно в его титрах большинство наших сограждан впервые увидели имя писателя. В следующем году режиссер Джим Коул экранизировал любимый многими рассказ «Последняя ступенька», где два юных актера трогательно воплотили взиамную привязанность брата и сестры. К сожалению, в те годы фильм не имел шансов на сколько-нибудь широкий прокат, и теперь его уже не увидеть.

В 1988 году СК написал сценарий одной из самых известных своих экранизаций — «Кладбища домашних животных», поставленного на киностудии «Парамаунт» режиссером Мэри Ламберт. За роман Кинга впервые взялась женщина, и в результате появилась добротная иллюстрация, не передающая, однако, и десятой доли «ужасности» оригинала. Доктор Крид в исполнении Дейла Мидкиффа выглядел довольно деревянно, а маленький Гэдж (Фред Гвинн) оказался куда старше, чем в книге, что существенно смазало эффект. Конечно, были опущены шокирующие детали, касающиеся похорон и обработки трупов. Тем не менее фильм имел успех, и три года спустя появилось его продолжение, снятое другим режиссером, но тоже по сценарию Кинга. На этот раз в проклятом доме Кридов поселились любимые герои писателя — подростки, которым позарез понадобилось похоронить на индейском кладбище погибшего пса. Со всеми вытекающими последствиями.

В 1990 году тот же Роб Райнер экранизировал на независимой студии «Нельсон энтертейнмент» один из лучших романов Кинга — «Мизери». В замкнутом пространстве дома Энни Уилкс режиссеру удалось блестяще воплотить

напряженность кинговского сюжета. Это самый хичкоковский из фильмов по Кингу, где постоянно нагнетается пресловутый «саспенс». Как нарочно, на роль Энни была выбрана актриса по фамилии Бейтс — если помните, так звали психопата в знаменитом фильме Хичкока. Кэти Бейтс в 1990 году получила «Оскара» за лучшую женскую роль, а сам фильм в следующем году был удостоен «Золотого глобуса». Писателя Пола Шелдона сыграл Джеймс Каан, однако этому талантливому актеру не удалось передать творческие муки своего героя, занимающие столько места в романе. Сам писатель сказал: «Роман «Мизери» во многом о том, как писатель может выжить, укрываясь в своем воображении, как в пещере. В фильме эта тема вообще не представлена, поэтому он выглядит как 12-ти цилиндровая машина, в которой работают только 9 цилиндров».

Со следующей экранизацией разыгрался скандал — Кинг, наконец, дал волю своим чувствам. Это случилось, когда режиссер Бретт Леонард в 1991 году снял фильм «Газонокосильщик» по рассказу о сатире, который мастерски косит газоны, но потом приносит их владельцев в жертву древним богам плодородия. Этот несложный сюжет Леонард превратил в сагу о несостоящемся властелине виртуального мира с новыми для того времени компьютерными спецэффектами. Из сатира главный герой (его сыграл Ричард Фэхи) превратился в настоящего сверхчеловека. Большой успех фильма не обрадовал Кинга, который подал в суд, требуя удалить его имя из титров. Процесс стоил ему почти миллион, но закончился победой — «Газонокосильщик», как и два его продолжения, вышел на экран без всякого упоминания о Кинге.

В том же году Том Маклафлин экранизировал для ТВ известный кинговский рассказ «Иногда они возвращаются». История о победе школьного учителя Джима Нормана (актер Тим Матесон) над призраками донимавших его в детстве хулиганов была разыграна в правдивых декорациях американской глубинки, за что и полюбилась зрителям. Было снято продолжение, а потом еще два, где зловещие мертвецы снова и снова изводили бедного учителя, как мыши кота Леопольда.

В 1993 году Кинг возобновил сотрудничество с Джорджем Ромеро, доверив ему экранизацию своего любимого детища — «Темной половины». Тада Бьюмонта и его антагониста Джорджа Старка в нем, естественно, сыграл один актер — Тимоти Хаттон. Превосходно перевоплощаясь, он сумел передать и растерянность героя, и кошмарную самоуверенность его инфернального двойника. Ромеро полностью сохранил дорогой автору черный юмор романа («Что здесь происходит? — Убийство. Хотите

поучаствовать?»). Правда, конец получился слегка смазанным — вместо полчища воробьев, расклевывающих Старка на кусочки, удалось набрать только маленькую стайку. Но «Темная половина» все равно стала одной из самых удачных экранизаций Кинга. Чего нельзя сказать о снятом в 1993 году для ТВ фильме «Томминокеры» (в наших видеосалонах он продавался под названием «Странные гости»). При скромном бюджете режиссер Джон Пауэр не сумел выразительно показать ни пришельцев, ни их корабль, а неумелая игра актеров довершила результат.

На волне успеха «Мизери» режиссер Роб Райнер в 1992 году основал независимую компанию «Касл Рок энтертейнмент», которой предстояло сосредоточиться на «правильных» экранизациях Кинга. Писатель благословил ее, а, по слухам, и поддержал солидной суммой. Первым детищем компании стал снятый в следущем году режиссером Фрэйзером Хестоном фильм «Необходимые вещи». Злодея Лиланда Гаунта в нем сыграл знаменитый швед Макс фон Сюдов, его противника-шерифа — Эд Харрис. Все критики признали, что авторский замысел воплощен в фильме максимально точно. Однако он снова проиграл в популярности картине, отошедшей от авторского замысла довольно далеко. На этот раз речь шла о «Давилке» Тоба Хупера, вышедшей в 1995 году. История взбесившегося гладильного пресса обросла там множеством подробностей, причем виновником случившегося оказался хозяин прачечной — дьяволопоклонник, принесший в жертву сатанинской машине даже собственную дочь. Кровавых сцен в фильме оказалось куда больше, чем в рассказе, что сделало его популярным у нетребовательной публики. Через шесть лет появилась «Давилка-2», где компьютерная графика позволила еще более эффектно изобразить бесчинства злобного пресса.

В том же году на студии «Касл Рок» Тейлор Хэкфорд экранизировал роман «Долорес Клэйборн». Главную роль снова сыграла Кэти Бейтс, а второй главной героиней авторы фильма попытались сделать ее дочь Селену в исполнении Дженнифер Джейсон Ли. Их сложные взаимоотношения заметно потеснили дружбу-вражду Долорес с Верой Донован, как и ее конфликт с мужем, завершившийся убийством. Фильм снимался в рыбацком поселке на канадском острове Новая Шотландия, где по ходу съемок случился пожар, принесший большие убытки. Впрочем, постановщики без труда покрыли их за счет кассовых сборов, превысивших 25 млн. 1995 год оказался особенно урожайным на экранизации Кинга — режиссер Том Холланд по заказу Эй-Би-Си поставил фильм «Лангольеры». Компьютерная графика позволила изобразить таинственных «пожирателей времени», а убегающих

от них пассажиров самолета талантливо сыграл актерский ансамбль с участием Дина Стокуэлла, Дэвида Морса, Марка Чэпмэна и примкнувших к ним.

В следующем году тот же режиссер экранизировал «Худеющего», но фильм не привлек особого внимания. Та же судьба постигла вышедшую в 1998 году картину Брайена Сингера «Способный ученик», хотя главного героя в ней сыграл талантливый Брэд Ренфро, а его наставника-нациста — маститый Иэн Макеллен, известный сегодня всем по роли Гэндальфа. Емкий кинговский анализ природы фашизма был заменен довольно примитивной историей злого мальчишки, который из вредности увлекся нацизмом. Из политкорректности был смазан и кровавый финал — герой никого не убил, и все кончилось семейным скандалом. В общем и целом, фильм не удался, еще раз подтвердив, что режиссер, экранизирующий Кинга (как и любого настоящего писателя), должен понимать и любить его творчество.

Таким любителем оказался родившийся в 1959 году Фрэнк Дарабонт, снявший целых три фильма по произведениям СК. Первый, «Женщина в комнате», воплотил сюжет одноименного рассказа из сборника «Ночная смена». В этой малобюджетной картине, снятой еще в 1983 году, мать героя, которую он вынужден убить, талантливо сыграла Ди Крокстон. В 1993 году Дарабонт запустил на студии «Касл Рок» фильм «Побег из Шоушенка», вышедший на экран в следующем году. Он превосходно передал психологическое напряжение камерной (в буквальном смысле) повести Кинга, взяв на роли главных героев идеально подходящих актеров — фанатичного Тима Роббинса и хитроватого Моргана Фримена. Режиссер выбирал для экранного воплощения самые сентиментальные произведения Кинга, еще усиливая при этом их душещипательные свойства, из-за чего его фильмы прозвали «слезовыжималками».

По иронии судьбы, следущая экранизация Дарабонта снова касалась тюремной темы — это была «Зеленая миля», снятая в 1998 году. Успех фильму был обеспечен уже тем, что главную роль Пола Эджкомба сыграл любимец Америки Том Хэнкс. Великана-негра Коффи («как напиток, только пишется по-другому») сыграл подходящий по фактуре Майкл Кларк Дункан, да и остальные актеры (многие из них играли в «Лангольерах») полностью соответствовали образам романа. Фильм оказался изрядно затянутым (почти три часа) и, по мнению многих, чересчур сентиментальным, но все равно прошел при полных залах и в том же году получил «Оскара».

Из всех «своих» режиссеров Кинг ценит Дарабонта выше всех (может быть, наравне с Раймером). Как-то писатель сказал о нем:

«Он не стремится, чтобы все говорили: «вот этот фильм сделал Фрэнк Дарабонт». В своих фильмах он не рисуется, не мелькает на переднем плане». Дарабонт тоже не раз признавался в своей любви к творчеству Кинга: «Как писатель, он всегда волновал меня. Для меня он стоит наравне с Диккенсом — великим автором популярных романов. Как и Диккенс, он сострадает людям, и они чувствуют это». Режиссер так вдохновился, что в 2004 году выпустил роман ужасов «Пишущая машинка Вальпуски» — подражание кинговскому «Растению», где в пишущую машинку вселяется демон, печатающий гениальные сценарии в обмен на человеческую плоть и кровь. Роман получился слабеньким, и Дарабонт вернулся к тому, что у него получается лучше: по слухам, он ведет переговоры об экранизации последнего кинговского произведения «Парень из Колорадо».

К началу нового тысячелетия «свободные» романы Кинга закончились, и режиссерам оставалось делать ремейки или спешно закупать на корню только что вышедшие произведения. «Право первой ночи» здесь принадлежало компании «Касл Рок» — именно там весной 2001 года 47-летний режиссер Скотт Хикс снял фильм «Сердца в Атлантиде», вышедший на экран в августе. Теда Бротигана в нем сыграл такой звездный актер, как Энтони Хопкинс, а его юного друга — мальчик с подозрительно русским именем Антон Елчин (Yelchin). Оценки фильма были очень разными. В «Нью-Йорк таймс» критик Энтони Холден заметил: «оказывается, не так трудно заставить талантливого актера выглядеть последним болваном». Другие называли игру Хопкинса гениальной и достойной Оскара, а сам фильм признавали лучшей из экранизаций Кинга. Стоит отметить, что его авторы сосредоточились на первой части книги, почти забыв про вторую, автобиографическую.

В марте 2003 года появился фильм «Ловец снов», снятый Лоуренсом Кэсденом. Он довольно точно воспроизвел сюжет романа, начавшись интригующей сценой в духе «Секретных материалов». Однако к середине действие превратилось в мешанину отдельных эпизодов, почти не связанных друг с другом. Четверка главных героев оказалась довольно безликой, в отличие от идиота Даддитса (Донни Вальберг) и кровожадного полковника Кертиса (Морган Фримен). После смерти обоих действие окончательно зависло, и счастливый конец показался притянутым за уши — как, впрочем, и в самом романе. Последней на этот момент полнометражной экранизацией Кинга стал фильм Дэвида Кеппа «Потаенное окно», снятый в 2004 году. Писателя Морта Рейни в нем сыграл великолепный Джонни Депп, а его

зловещего двойника Шутера — Джон Туртурро. Режиссер пытался адекватно передать зыбкую атмосферу распада сознания, царящую в повести, но не слишком в этом преуспел. По-хорошему, обоих героев, как в «Темной половине», должен был играть один актер.

Возможности компании «Касл Рок» ограничены, а снимать фильмы по произведениям Кинга хотят многие. Чтобы держать этот процесс под контролем, писатель в 2001 году запустил программу «Детишки за доллар» (Dollar Babies) — он решил продавать молодым режиссерам права на экранизацию своих рассказов по доллару штука. Условием было его предварительное знакомство со сценарием и концепцией будущих фильмов. Несколько фильмов ему не понравились, и он запретил их публичный показ. Тем не менее, программа оказалась весьма плодотворной — уже снято полтора десятка «детишек», и почти столько же стоят на очереди. Только за один 2004 год вышли фильмы «Все, что ты любишь, ветром унесет», «Счастливый четвертак» и «Верхом на пуле». Последний, снятый Миком Харрисом, оказался особенно удачным благодаря игре и специфически жуткой атмосфере (сплошной туман, из которого торчат кладбищенские кресты — банально, но впечатляет).

Постепенно внимание экранизаторов Кинга начало смещаться от полнометражных фильмов к телесериалам. Сегодня во всем мире, не исключая России, это самый прибыльный бизнес. Первым сериалом, снятым по кинговским произведениям, стал «Жребий Салема», вышедший на экраны в 1979 году (позже его значительно сократили, превратив в полнометражный фильм). Режиссер Тоб Хупер, позже снявший знаменитую «Техасскую резню бензопилой», прекрасно воссоздал на экране обычный, ничем не выделяющийся городок Салемс-Лот. А вот ужасы у него получились довольно топорными, да и вампир Барлоу выглядел слишком суетливым для носителя древнего Зла. Главный герой (актер Дэвид Соул) был неплох, но тоже чересчур много суетился, отчего сцена убийства Барлоу, в книге мрачно-пафосная, стала почти комической.

В 1990 году вышел мини-сериал «Оно», довольно неплохо снятый Томми Ли Уоллесом. Режиссер сумел отсечь множество побочных линий, так мешающих при чтении романа, и создал довольно логичную историю о борьбе семерых друзей с чудовищем, живущим в городской канализации. Все идеи романа сохранились и были донесены до зрителя, а то, что в финале они оказались слегка смазанными — порок не фильма, а самой книги. Конечно, тогдашние спецэффекты не позволили адекватно изобразить многоликое Оно, которое лучше всего смотрелось в

образе клоуна Пеннивайза. Его сыграл Тим Керри, которыйнастолько вжился в роль, что во время съемок другие актеры невольно старались его избегать.

Годом позже Кинг впервые попробовал написать сценарий для ТВ под названием «Золотые годы». В нем взрыв в секретной лаборатории неожиданно заставляет пожилого охранника Харлана Уильямса помолодеть. Вместо того, чтобы предъявить этот феномен ученым, власти решают от греха подальше устранить Уильямса, и ему приходится спасаться бегством. Этот гибрид «Бегущего человека» и «Воспламеняющей взглядом» был снят Аланом Коултером и Кеннетом Финком и имел большой успех (не забывайте, что Кинг тогда находился на пике популярности).

В 1992 году другой сценарий Кинга — «Лунатики» (Sleepwalkers) — был экранизирован Миком Харрисом. Этот сорокалетний режиссер прежде работал с Лукасом и Спилбергом и хорошо знал, как делать приключенческие фильмы, но в жанре horror пока еще разбирался неважно. Поэтому «Лунатики» не произвели на зрителей особого впечатления. Иначе вышло с «Противостоянием», перенесенным на телеэкран в 1994 году. В этом романе почти нет психологических ужасов, зато много беготни и стрельбы, поэтому Харрис превосходно справился с его экранизацией — опять-таки отрезав множество лишних линий. Самым слабым получился как раз «ужасный» элемент — «черный человек» Флегг, который в фильме начисто лишился той роли объединяющего центра Зла, которая оправдывала его присутствие в романе.

Конечно, Кинг не мог пройти мимо такого близкого ему по жанру проекта, как «X-Files» (Секретные материалы). В сентябре 1997-го он согласился написать сценарий одной из серий — о кукле, в которую вселился злой дух. Кукла по имени Чинга умела произносить фразу «I wanna play» (Я хочу поиграть), заставлявшую людей совершать убийства, вырывать себе глаза и так далее. Под конец кукла сгорела, но в последних кадрах она появляется снова и произносит свою коронную фразу. Сценарий оказался слишком длинным, и продюсер Крис Картер переписал его, убрав треть эпизодов. Против обыкновения, Кинг не обиделся, и в феврале 1998-го серию с большим успехом показали по ТВ.

В марте того же года компания Эй-Би-Си начала съемки сериала «Буря столетия», сценарий которого написал сам Кинг. Позже он был переработан в книгу, изданную весной 1999-го. Действие «Бури» происходит на том же Маленьком Высоком острове, где жили герои «Долорес Клейборн», и охватывает три

зимних дня, повергших островок в ужас. Там появляется незнакомец демонического вида, для начала убивающий безобидную старушку. Когда его сажают в камеру, он сводит с ума жителей, заставляя их убивать себя и других, и напускает на остров страшную бурю. В конце концов он сгоняет покорных, скованных страхом островитян в церковь и требует отдать ему одного из их детей, чтобы сделать из него или нее своего ученика. Жребий падает на сына, который вынужден подчиниться воле соседей. Незнакомец забирает ребенка и исчезает. Через несколько лет он случайно встречает своего сына в Калифорнии, но тот уже полностью подчинен злой силе и не узнает отца.

Злодея в сценарии зовут Линож, что читается как анаграмма слова Legion — так звали беса или бесов, которых Иисус изгнал из одержимого в Гадарине, вселил затем в стадо свиней. Выходит, это адский дух — но еще и вампир, и «человек в черном». Так же, как они, он получает наслаждение от убийства и весело хохмит, отправляя на тот свет очередную жертву. Актер Феор Колм всячески подчеркивал демонический характер своего персонажа, иногда пережимая (ну зачем он каждые пять минут обнажает вампирские клыки?) Но в целом режиссер Крейг Баксли справился со своей задачей, поэтому в 2001 году Кинг одобрил его идею экранизировать на студии «Уорнер бразерс» роман «Мареновая Роза».

Это далеко не самое динамичное произведение СК, поэтому Кинг начал писать для него самостоятельный сценарий, мало что оставивший от первоначального сюжета. В сериале «Красная роза» (Rose Red) группа «охотников за привидениями» во главе с Джойсом Ридоном изучала зачарованный особняк в Сиэтле, выстроенный когда-то безумным миллионером Римбауэром на месте индейского святилища (привет «Кладбищу домашних животных»). Под действием темных сил этого места юная жена магната Эллен становится сатанисткой и лесбиянкой, занимаясь сексом в бельевом шкафу со своей чернокожей служанкой. Естественно, все кончается смертоубийством. Сюжет фильма отчасти отражает реальную историю Сары Винчестер, жены знаменитого оружейного фабриканта, которая после смерти маленькой дочери и мужа тронулась умом и по совету какого-то медиума построила в Сан-Хосе, штат Калифорния, дом-дворец из 160 комнат с совершенно безумной архитектурой.

Через много лет после таинственной смерти магната и его жены в опустевшем доме селятся шесть известных медиумов с разных концов США. Результат ясен — смельчаки дорого заплатили за свое любопытство, как и в «Призраках Хилл-Хауса» Ширли Джексон. В сценарии Кинг воспроизвел не только чужие,

но и свои сюжеты — сцена падения на дом Римбауэров камней с неба взята из «Кэрри», а зеркальный пол в одной из комнат явился из раннего рассказа «Стеклянный пол». Эллен Римбауэр в «Красной розе» сыграла Нэнси Тревис, ее безумца-мужа — Мэтт Кислер, а сам Кинг предстал перед зрителями в крошечной роли разносчика пиццы. Восьмисерийный сериал обошелся в $15 миллионов, но не оправдал надежд создателей — его рейтинг оказался намного ниже, чем у «Бури столетия». Не помогла даже тщательно подготовленная литературная мистификация. В августе 2001 года, за два месяца до премьеры сериала, вышла книга «Дневник Эллен Римбауэр», замаскированная под мемуары начала XX века. Ее составителем значился профессор Ридон. Многие думали, что книгу написал Кинг, другие отвергали такую возможность — слишком уж неуклюже она была сделана. В конце концов автором оказался Ридли Пирсон — соратник СК по любительской рок-группе и автор третьеразрядных триллеров.

В ноябре 2002 года на телеэкранах появилась новая версия «Кэрри», снятая Дэвидом Карсоном. Почти все критики дружно разругали сериал. Линда Стейси из «Нью-Йорк пост» вопрошала: «Зачем нужно переснимать хорошие фильмы, когда есть столько плохих?» Сериал и правда во всем уступал картине Де Пальмы, уже ставшей классикой жанра. Правда, здесь были дотошно восстановлены все упущенные в первом варианте эпизоды, а компьютер позволил нарисовать впечатляющую картину уничтожения Чемберлена. Однако героиня в исполнении Анджелы Беттис явно не дотягивала до Сисси Спейсек, да и другие актеры были не на высоте. Этот урок пошел не впрок режиссеру, который в том же 2002 году снял первую часть сериала по «Мертвой зоне». Все повторилось — при всем обилии спецэффектов новая версия уступала шедевру Кроненберга. Сыгравший главную роль Энтони Холл запомнился зрителям ролями трудных подростков и, как ни старался, не мог войти в образ благородного визионера. Едиственным полнокровным героем сериала стал священник Парди (Дональд Стирс), в романе едва заметный. Равнодушие зрителей првиело к тому, что обещанное продолжение сериала так и не было снято.

Успех «Бури столетия» побудил Кинга к продолжению совместной работы с Эй-Би-Си. Осенью 2002 года он начал писать сценарий многосерийного фильма «Госпиталь «Королевство»» (Kingdom Hospital — в названии сразу видна перекличка с фамилией автора). Идею ему внушил минисериал культового датчанина Ларса фон Триера с тем же названием — «Королевство» (Riget). Режиссером картины стал тот же Крейг Бэксли, а продюсером — сам Кинг, который несколько раз

появился на экране с комментариями а-ля Хичкок. Сериал снимали осенью 2003-го в закрытом на ремонт медицинском центре канадского города Ванкувер. В релизе телекомпании сериал именовался «шокирующей и пугающей историей о госпитале, построенном на месте старого кладбища и населенном призраками. Врачи полностью положились на науку и технику и не признают никакой мистики или вмешательства невидимых сил… пока им не приходится изменить свое мнение».

Первая из тринадцати серий «Королевства» появилась на телеэкранах в марте 2004 г., а закончился показ в июне. Получился изрядно затянутый фильм — нечто среднее между знаменитой «Скорой помощью» (все помнят дружные вопли «мы теряем его!») и не менее известным «Твин Пикс» Линча. Госпиталь у Кинга построен на проклятом месте, где когда-то при пожаре фабрики погибло множество работавших там детей. Теперь по коридорам больницы слоняются их призраки — добрые, вроде девочки Мэри, и злые, как мальчик-вампир Пол. Откуда он взялся, неясно — на фабрики вампиров вроде бы не брали даже в XIX веке. У Мэри есть ручной дух Антибус — громадный красный муравьед, ставший в итоге самым популярным героем фильма. Возможно, его прототип — египетский бог Анубис, проводник души в царство мертвых, но при чем тут муравьед?

Эманации зла повлияли на психику врачей, которые используют больных для жестоких экспериментов. В самом госпитале борются за влияние добрый доктор Хук (Эндрю Маккарти, до странности похожий на агента Малдера из X-Files) и его противник Стегмен (Брюс Дэвисон). Вокруг них, как в «Твин Пикс», мельтешит множество колоритных, но необязательных персонажей — жуликоватый администратор госпиталя Джесси Джеймс, слепой охранник Отто или толстая медсестра, падающая в обморок при виде крови. Их имена, как всегда у Кинга, имеют тайный смысл — рок-группа «Доктор Хук» реально существовала в середине 60-х и упоминается в паре романов СК, как и группа «Джесси Джеймс».

Сериал начинается с автомобильной аварии, буквально повторяющей ту, что случилась с Кингом в 1999-м. Пострадавший, художник Питер Рикмен (актер Джек Колмен), в тяжелом состоянии поступает в госпиталь «Королевство», где благодаря обретенной телепатии (вспомним «Мертвую зону») получает способность общаться с местными духами. Доктор Хук и его союзница, нервнобольная пациентка Элинор Друз (Дайен Лэдд), пытаются использовать прикованного к постели Рикмена, чтобы выяснить причину странных событий в госпитале. Это пробуждает злых духов, которые вселяются в пациентов и врачей,

превращая «Королевство» в форменный бедлам. Медиуму Элинор удается отправить Хука и Рикмена в прошлое, чтобы освободить призраков, запертых в стенах «Королевства». За время их отсутствия доктор Стегмен пытается с помощью злых духов завладеть госпиталем, но терпит поражение и гибнет нехорошей смертью от рук своих союзников. Ну и поделом ему.

Написав сценарий для половины серий, СК утомился и привлек к работе мэнского писателя Рика Дулинга, который довел дело до конца. Он же составил книгу «Дневники Элинор Друз» — близнеца «Дневника Эллен Римбауэр», которая вышла без указания автора в издательстве «Гиперион пресс» незадолго до показа сериала. В ней устами героини сообщается многое, чего нет в сюжете — еще одна параллель с «Твин пикс», где ту же роль играет дневник убитой Лоры Палмер. По отзывам читавших, книжка далеко не шедевр, да и о сериале можно сказать то же самое. Утратив черный юмор и глубину характеров своего датского прототипа (где, напомним, действие тоже происходит в госпитале), он не приобрел и увлекательности лучших романов Кинга. Примерно с середины сюжет начинает провисать, и персонажи — люди и духи, — бродят потерянные, не зная, чем заняться. Очевидно, это заметило и руководство Эй-Би-Си, поскольку отодвинуло «Королевство» из прайм-тайма на более ранние часы. Это стало одной из причин провала сериала — его средний рейтинг составил 6 из 10. Правда, многие критики против обыкновения расхвалили творение СК, что немного примирило его с неудачей.

В сентябре 2004 года появился еще один сериал-римейк — снятый Микаэлем Саломоном «Жребий Салема», в который компания «Уорнер бразерс» вложила $12 миллионов. Бена Мирса в нем сыграл известный в прошлом плейбой Роб Лоу, а вампира Барлоу — великолепный Дональд Сазерленд (Казанова в фильме Феллини). В пяти сериях были тщательно прописаны все упущенные в первом варианте сюжетные линии, а городок Салемс-Лот восстановлен по описанию Кинга прямо-таки с фотографической точностью. Результатом стала премия «Эмми», увенчавшая высокий рейтинг сериала.

Той же осенью Мик Харрис взялся за съемки «Безнадеги», которые закончились весной 2005 года в Аризоне. Работа над фильмом вновь не обошлась без происшествий — в павильоне случился пожар, пострадали пять человек, включая Тома Скеррита (он играл роль Джонни Маринвилла). Сериал вышел в конце года и в условиях ажиотажа вокруг «Темной Башни» получил неожиданно хороший рейтинг. Это побудило теледельцов энергичнее взяться за произведения Кинга, а самого

Харриса — вернуться к давно задуманной экранизации «Талисмана». Уже лет десять за этот проект планировали взяться разные режиссеры, включая самого Спилберга, но всякий раз что-то мешало довести дело до конца. Теперь Харрис полон решимости воплотить мир Долин на экране и уже летом 2006-го намерен начать съемки — если отыщет немалую сумму, которая для этого потребуется.

В мае 2005 года телекомпания Ти-Эн-Ти объявила о запуске восьмисерийного телесериала «Кошмары и сновидения» по сборнику рассказов Кинга 1993 года. Как обычно, начали распространяться слухи: сериал будет сниматься в Австралии, а роли в нем сыграют Шэрон Стоун и Энтони Хопкинс. Первое оказалось правдой, второе — нет. В основном роли достались австралийским актерам, включая довольно известных — Уильяма Мэси (звезда «Сахары»), Рона Ливингстона и Ребекку Джибни. Съемки «Кошмаров» начались в Мельбурне ближе к зиме (в Австралии это лето), а выход сериала на экран планируется в июне 2006-го. Кингоманы ждут его с нетерпением, учитывая, что в сборник входят такие известные рассказы, как «Крауч-Энд» и «Знаете, они классно играют». Дальше планируются фильмы по романам «Черный дом» и «Мешок с костями», причем в последнем главную роль должен сыграть Брюс Уиллис.

Но больше всего фанатов Кинга интересует возможность экранизации «Темной Башни» — именно этот вопрос чаще всего приходит на сайт писателя. Вот его собственный ответ: «Пока я сопротивляюсь этой идее, поскольку кино имеет свойство замораживать для зрителей героев и места действия. Читая книгу, каждый может по-разному представлять себе Роланда или Сюзанну, но после просмотра фильма ваше воображение застынет, и вы скажете: «О, оказывается Роланд Дискейн похож на Билли Боба Торнтона, а Эдди Дин — на Брэда Питта!» Кроме того, в книгах «Темной Башни» так много событий, что они не уложатся в один фильм — нужно снимать трилогию вроде «Властелина колец» или даже телесериал. Думаю, я не свыкнусь с этой идеей еще года два-три. Поэтому, если вы хотите узнать историю Роланда, вам придется пойти не в кинотеатр, а в книжный магазин». Многие послушались этого совета — ведь сага о Темной Башне в глазах нового поколения читателей превратилась в главное произведение Кинга, оттеснив на второй план его прежние «ужасные» романы.

3. В поисках Темной Башни

Уже говорилось, что образы для своих книг Кинг находит в кино и в жизни, а идеи приходят к нему из литературы. В этот раз случилось наоборот: еще в студенческие годы, рассеянно листая книжку викторианца Роберта Браунинга, писатель наткнулся на поэму «Чайльд Роланд к Темной Башне пришел». Желающие могут прочесть ее по-русски: уже давно опубликован неплохой перевод Веры Давиденковой, а недавно на волне кингомании появились еще три, лучший из которых принадлежит Нине Эристави.

Поэма хороша, хотя велеречива и туманна, как все викторианство. В ней говорится о путешествии некоего чайльда (то есть юного наследника титула, по-древнерусски «отрока») Роланда к легендарной Темной Башне. У Браунинга его имя восходит через Шекспира, из которого взята первая строка, к итальянцу Ариосто (поэма «Неистовый Роланд»), а от того — прямиком к герою французского эпоса. Приближаясь к цели по невыразимо мрачной болотистой равнине, герой встречает какого-то бродягу на полумертвой от голода лошади, который пытается обмануть его и указать неверный путь. Отказавшись от его услуг, Роланд движется дальше, вспоминая погибших товарищей и годы, проведенные в бесплодных поисках. Что такое Темная Башня, неясно, но в конце концов герой добирается до нее и трубит в рог, оповещая всех о том, что сказано в заглавии поэмы.

Почему-то это законченное по форме, но не по смыслу, произведение давно прошедшей эпохи взволновало молодого писателя. Вскоре перед его глазами возник образ искателя Башни, но это был не рыцарь из поэмы, а истинно американский ковбой с парой револьверов на поясе. Он ехал на муле, оглядывая местность льдисто-голубыми глазами Клинта Иствуда — тогда, в начале 70-х, он как раз сыграл первые громкие роли в «спагетти-вестернах» Серджо Леоне. Вокруг простиралась пустыня. Образ был таким ярким, что Кинг уселся к машинке и настучал пару страниц. Имя герою нашлось сразу — Стрелок, в оригинале gunslinger. Так на Дальнем Западе называли не просто меткого стрелка, но того, кто всегда выхватывал револьвер быстрее противника. Кинговскому Стрелку в этом не было равных — его пальцы, натренированные долгим обучением, двигались с такой скоростью, что окружающие не понимали, как оружие оказывалось у него в руках. Он не просто искал Темную Башню, а догонял какого-то врага. Кого же? Конечно, «темного человека» — вечное воплощение Зла. Так родилась первая строчка будущей эпопеи: «Человек в черном уходил через пустыню, а стрелок преследовал его».[88]

Вообще-то история Стрелка, как и все глубинные замыслы Кинга, уходила корнями в детство. В одной из книг «Темной Башни» он вспоминал: «Я и Дэвид убежали от тети Этелин, намереваясь вернуться в Коннектикут. Взрослые, разумеется, нас поймали, и отправили в сарай пилить дрова. Трудотерапия, так называл это дядя Орен. В сарае меня вроде бы чтото напугало, но будь я проклят, если смогу вспомнить, что именно, знаю только: чтото красное. Там я придумал героя, магического Стрелка, который сможет защитить меня. И чтото еще, связанное с магнетизмом, кажется, энергетические Лучи. Я на сто процентов уверен, что зародилась эта история именно тогда».[89] Как бы то ни было, для ее завершения понадобилось, чтобы маленький Стивен вырос, пересмотрел множество фильмов и прочитал немало книг, включая поэму Браунинга. Где-то в промежутке его фантазия создала «темного человека» — впервые он возник в стихотворении 1969 года. Тогда же был написан рассказ «Слейд», опубликованный следующим летом в студенческой газете. Его герой, затянутый в черную кожу ковбой-убийца Джек Слейд, был первым наброском будущего Стрелка.

В июне 1970 года, на грани между окончанием университета и смутным будущим, повесть о Стрелке была дописана за пять лихорадочных дней. Тогда у ковбоя появилось имя Роланд, а история Темной Башни обрела свою первоначальную форму. Стрелок — последний потомок древней династии Артура Эльдского, некогда правившей королевством Гилеад. В слове этом прослеживаются не только библейские аллюзии (так называлась одна из областей древней Палестины, хотя по-русски это название передается как Галаад), но и связь с легендами о короле Артуре. Имя Галахад носил самый идеальный из его рыцарей, которому суждено было стать хранителем легендарного Грааля. В мире Темной Башни библейские и рыцарские цитаты встречаются на каждом шагу, хотя они не объединены в строгую систему. Да Кингу это не нужно — он стремится не правдоподобно подражать чужим сюжетам, а придумать собственный. Ему важно показать, что мир Роланда связан преемством с христианской цивилизацией (недаром многие там верят в «человека-Иисуса»), а его элита исповедует рыцарские законы, хотя вместо мечей и копий у них револьверы с рукоятками из сандала.

Роланд воспитывался в суровом феодальном мире. Те ученики его школы, которым удавалось в поединке одолеть учителя, получали звание стрелка, остальных ждали позор и изгнание. Роланд вошел в число избранных, но вскоре его страну охватила гражданская война — современные учебники истории назвали бы ее «восстанием угнетенного третьего сословия». Герой

и его друзья учебников не читали, поэтому решили, что причина беспорядка кроется в Темной Башне, которая стоит в самом центре мира и скрепляет Лучи — таинственные оси мироздания. Где-то в ее недрах поселилась порча, поэтому мир «сдвинулся с места» и все быстрее катится к гибели.

С этим убеждением молодые стрелки двинулись на поиски Башни. Но вначале им пришлось столкнуться с человеком в черном. По одной версии, это Мартен, придворный шут отца Роланда и любовник его матери. По другой — заезжий чародей Уолтер о'Дим. В повести рассматриваются оба этих варианта, но при переделке «Стрелка» в 2004 году Кинг объединил их — там черный человек называет себя Мартеном, Уолтером, Мерлином (опять отголоски артурианы), да еще и Флеггом. Это он убил отца Роланда, разрушил его королевство, а на самого юношу напустил войско варваров. В отчаянной битве на Иерихонском холме погибли друзья Роланда — Алан, Катберт, Джейми Ле Керри. Это был его ка-тет — «единство многих», первое слово языка Срединного мира, изобретенного Кингом по примеру Толкина. Самого Стрелка тогда приняли за мертвого, и он едва сумел выбраться из кучи трупов.

После многолетних скитаний Роланд опять напал на след человека в черном и пустился преследовать его в Великую пустыню. По пути он перебил всех жителей маленького городка Талл, которых натравил на него враг, а потом нашел на заброшенный насосной станции мальчика лет десяти (опять любимый кинговский возраст), заброшенного туда из города по имени Нью-Йорк. Эта станция — явный признак связи двух миров. Такие признаки появлялись и раньше — цистерны «Ситго», христианские церкви, битловский «Hey Jude», который играют в местных салунах. К середине повести читатель понимает, что мир Роланда и есть наш мир. Вернее, то, что от него осталось после технологической катастрофы, которую устроили Великие Пращуры, окончательно загубившие природу и себя самих. Говоря точнее, мир Роланда — одно из параллельных воплощений нашего мира, которых, по Кингу, бесконечно много. Но этот мир самый важный, поскольку именно здесь находится Темная Башня — ось всех миров.

Соответственно Роланд, который должен спасти или обрушить эту Башню (автор пока с этим не определился) — главный человек во Вселенной. Почти полубог, побеждающий всех врагов и живущий много сотен лет, о чем несколько раз упоминает повесть. При этом на вид ему лет сорок — это возраст отца мальчика Джейка из Нью-Йорка. Внешне благополучный, но глубоко одинокий Джейк учится в элитной школе, по пути в

которую его толкает под машину человек в черном, по виду похожий на священника. Мальчик попадает в Срединный мир и волей-неволей должен присоединиться к Стрелку в его странствиях. По пути он гибнет вторично, свалившись в пропасть в горном туннеле. Стрелок же настигает своего врага и ведет с ним длинную путаную беседу в духе поэмы Браунинга, а потом приходит в себя рядом с останками человека в черном — судя по всему, он мертв уже не одно столетие.

В октябре 1978-го отрывок из «Стрелка» был опубликован в журнале «Мэгезин оф фэнтзи энд сайенс фикшн», а четыре года повесть вышла ограниченным тиражом в издательстве «Дональд Грант». Выпуская в свет «Стрелка», Кинг уже не сомневался, что эта история будет иметь продолжение. В завершение человек в черном говорил Роланду, что ему предстоит проникнуть в другой (то есть наш) мир и извлечь оттуда трех человек, которые помогут ему найти путь к Темной Башне. Сочинять вторую часть эпопеи писатель начал уже после «Талисмана», где сказочный мир впервые совместился с современной Америкой. Этот опыт был использован в романе «Извлечение троих» (в другом переводе «Двери между мирами»), вышедшем в сентябре 1986 года. В начале его Роланд оказывается у края Великого моря, где подвергается нападению гигантских омаров и теряет пальцы на правой руке. Израненный, почти умирающий Стрелок находит на берегу одиноко стоящую дверь и проходит через нее… прямо в голову нью-йоркского наркомана по имени Эдди Дин. Тот везет груз кокаина для мафиозного босса Балазара, который держит в заложниках его любимого брата Генри. Роланд помогает Эдди пронести кокаин через кордон агентов ФБР, а потом расправиться с Балазаром и его бандой. После чего забирает юношу в свой мир вместе с антибиотиками, которые помогают ему вылечиться.

Пока Эдди отвыкает от наркотиков, они находят вторую дверь и извлекают из нее Одетту Холмс — безногую активистку борьбы за гражданские права негров из Нью-Йорка 60-х. Подарок сомнительный, поскольку внутри Одетты живет вторая личность — стервозная Детта Уокер, задавшаяся целью делать гадости всем «кобелям беложопым». Она превращает путешествие в настоящую пытку, но потом влюбляется в Эдди, соединяет с его помощью обе свои половины и становится новой женщиной — Сюзанной Дин. Тем временем Стрелок снова оказывается в Нью-Йорке в сознании маньяка Джека Морта. Оказывается, это он, а не человек в черном толкнул Джейка под машину, и он же сбросил Сюзанну под поезд метро, отрезавший ей ноги. Забрать Морта с собой для перевоспитания явно не получится, и Роланд убивает его. Конец.

К третьей части эпопеи Кинг приступил только в 1989 году,

будучи уже другим человеком. Поэтому и роман «Бесплодные земли» получился другим — психическо-наркотические проблемы героев легко оставлены позади, что вышло не слишком правдоподобно. Теперь они — новый ка-тет, дружно спешащий к Темной Башне, которая стоит где-то на краю мира. Как и следовало ожидать, мир для Кинга — это Америка, поэтому Башню следует искать в направлении Калифорнии (кстати, там же находился Черный отель, где был спрятан Талисман). Судя по дальнейшему сюжету, дорога к ней идет на юго-запад через Топику, что в штате Канзас, а потом проходит через прерии и городки с мексиканскими именами. До этого герои долго пробираются через лес, где убивают гигантского кибернетического медведя Шардика — стража одного из двенадцати Лучей. Очевидно, море, по берегу которого они двигались прежде, соотносится с Атлантикой. Правда, география Срединного мира довольно путаная — ведь до этого Роланд шел на запад, пересекая пустыню и Скалистые горы, и по идее должен был попасть в Калифорнию, а не в Новую Англию. Но Кинг, в отличие от Толкина, не рисовал подробных карт своего мира, справедливо считая, что воображение читателей само доделает эту работу.

Поскольку мальчик Джейк появился в первой части явно не зря, автор заставил его ожить и снова перенестись в мир Роланда через очередную волшебную дверь, минуя чудовищного Привратника. В Нью-Йорке мальчик успел сделать много полезного — например, нашел на пустыре розу, которая оказалась версией Темной Башни в нашем мире (еще один пример путаницы с географией). С собой он прихватил отцовский пистолет и детскую книжку об ожившем паровозе по имени Чарли Чу-Чу — она почему-то показалась ему важной. Скоро к путешественникам приблудился странный зверь — ушастик-путаник (по-английски billy-bumbler, в переводе Рины Ружже — косолап), похожий на помесь собаки с енотом. Он умел повторять окончания слов, отчего и получил имя Ыш — усеченное «малыш». Смышленый зверек стал полноправным членом ка-тета, и все пятеро прибыли в город Луд — местный клон Нью-Йорка. Его населяли одичавшие враждующие кланы Зрелых и Седых, которые всячески мешали ка-тету. Седые даже похитили Джейка, но Роланд сумел спасти мальчика, а Эдди с Сюзанной нашли исправный монорельсовый поезд — Блейн Моно.

На беду оказалось, что поезд-компьютер сошел с ума, возомнив себя чем-то вроде Бога. Он согласился довезти путников до Топеки через выжженные экологической катастрофой Бесплодные земли, но пригрозил убить их, если они не

придумают загадку, которой он не сможет решить. На этом Кинг поставил точку и забросил эпопею на целых пять лет, приведя в траур ее многочисленных фанатов. Напоследок он заинтриговал их, оживив человека в черном и отправив его в погоню за катетом. При этом оставалось неясным, зачем Уолтеру все это нужно. Он упоминал, что кому-то служит, но имени этого владыки Зла сам автор еще не знал.

Ко времени написания четвертой книги Кинг глубоко увяз в жанре психологической прозы с сильным оттенком сентиментальности. Это сказалось и на новом романе «Колдун и кристалл». В начале автор походя отделался от Блейна Моно и забыл об Уолтере, явно не зная, что с ним делать. Остальная часть книги — без малого 700 страниц — оказалась посвящена юности Роланда. Его вместе с друзьями Катбертом и Аланом родители отослали в захолустный феод Меджис, чтобы уберечь от опасностей гражданской войны. В этой области, очень похожей на испаноязычный юго-запад США (Меджис — Мексика), Роланд влюбился в прекрасную дочь фермера Сьюзен Дельгадо. Попутно он раскрыл заговор местных боссов, которые планировали передать мятежному Джону Фарсону бензин для «огнеметных машин», найденных на старинных складах. Трое друзей уничтожили бензин и перебили явившийся за ним отряд мятежников, заманив его в «червоточину» — прореху в пространстве. Им удалось бежать, но Сьюзен враги поймали и сожгли живьем.

В описании этой истории СК проявил неожиданный для многих лирический дар, который прекрасно передал Виктор Вебер: «В последний раз она набрала полную грудь холодного воздуха, согрела своим сердцем и выпустила криком, несломленная, непокоренная:

— Роланд, я тебя люблю!

На конце своей жизни она чувствовала тепло — не боль. Ей хватило времени, чтобы вспомнить его глаза того оттенка синевы, каким бывает небо на рассвете. Ей хватило времени, чтобы вспомнить его мчащимся на Быстром по спуску, с черными волосами, выбивающимися изпод шляпы. Ей хватило времени, чтобы вспомнить, как легко и беззаботно он смеялся, чего уже никогда не будет в той долгой жизни, которую он проживет без нее, и этот смех она взяла с собой, когда светом и жаром вознеслась в черное небо, вновь и вновь восклицая его имя, призывая птичек и рыбок, медведей и заек».[90]

Это был совсем не тот Кинг, что грозил публике револьвером Чарли Деккера, что развлекался, выдумывая все новых убийственных монстров, что хохмил над ошметками своих жертв.

Этот писатель прошел через одинокие кошмары «Игры Джеральда», переплавил в себе упрямую гордость Долорес Клэйборн, пережил счастье и расплату за него вместе со стариками из «Бессонницы». Итогом его размышлений стало одно короткое слово «ка» — шутник Эдди все время называл его «кака». Это всеобщий закон жизни, не христианское предопределение, а скорее античный фатум, неподвластный изменению. Именно ка велит Роланду идти к Темной Башне, хотя он понимает — скорее всего, цель так и останется недостижимой. Если мы на каждом шагу противимся долгу, то жители древнего Срединного мира подчиняются велению ка, даже если оно несет с собой смерть. Так поступили и Роланд со Сьюзен, кинувшись в объятия друг друга и уже зная, что будет потом.

«Колдун и кристалл» внес немало нового в понимание характера Роланда, но ни на шаг не приблизил героев к Темной Башне. Вместо этого он растекся множеством побочных линий, отраженных и в названии. Колдун — это встреченный вначале героями Волшебник Страны Оз (где же ему быть, как не в Канзасе?), роль которого играл, естественно, Уолтер. Под кристаллом имеется в виду волшебный розовый камень — «радуга Мерлина», — добытый Роландом в Меджисе и потом исчезнувший из повествования. По некоторым признакам понятно, что это Талисман, найденный Джеком Сойером в зловещем Черном отеле. И это символично — именно в четвертой книге в цикл «Темной Башне», доселе самый замкнутый у Кинга, потоком хлынули сюжеты из других произведений. Юный Стрелок сражается с «регуляторами» из одноименного романа и видит, как сквозь губительную червоточину пробирается Мешочник с «мешком, набитым верещащими душами» — не кто иной как Лиланд Гаунт из «Необходимых вещей». Через другую червоточину Роланд и его ка-тет попадают в опустошенный супергриппом мир «Противостояния», где видят Рэндалла Флегга и узнают, что он и есть «черный человек». Под конец выясняется, что именно он стал причиной гибели отца и матери Роланда и его изгнания из родного Гилеада.

После этого Кинг надолго отвлекся от «Темной Башни». Фанаты все больше теряли терпение — один из них даже прислал писателю фото грустного плюшевого медвежонка, закованного в цепи, с подписью: «Если вы не закончите «Башню», он умрет!» Несколько раз СК твердо намеревался завершить цикл, но просто не знал, как за это взяться. Можно было сколько угодно отвлекаться, но рано или поздно героям предстояло прийти к цели, и что тогда? Любой исход — капитальный ремонт Башни, ее превращение в туристический аттракцион, обрушение с

вселенской катастрофой — выглядел очевидной глупостью. Кинг писал: «О том, что находится внутри этой чертовой Башни я знаю не больше… ну, чем знает Ыш! Я даже не знал, что она стоит на поле из роз, пока эти слова не слетели с моих пальцев».[91]

Неясно было главное — как Темная Башня вписывается в картину мира самого Кинга. Вначале она представлялась ему неким туманным воплощением Зла, потом стала символом Вселенной, за власть над которой борется Ало-Багровый Король. Со времен «Бессонницы» Кинг знал, что этот сатанинский монарх планирует обрушить Темную Башню и тем самым уничтожить Вселенную. Для этого он собрал где-то за пределами миров бригаду Ломателей — людей с уникальными психическими свойствами, в число которых входят Бротиган и Динки Эрншоу, герой рассказа «Все предельно». Они по очереди уничтожают Лучи, которые держат Башню, и работа близка к завершению.

Авария 1999-го не отвлекла внимания Кинга от Темной Башни — скорее, наоборот. В нескольких сетевых интервью весной и осенью следующего года он говорил о намерении начать очередной роман цикла — его планировалось назвать «Крадущаяся тень». Но тогда его отвлекло давно обещанное продолжение «Талисмана» — роман «Черный дом», начатый зимой 2001-го. В его написании тоже принял участие Питер Страуб — еще в феврале предыдущего года два писателя встретились во Флориде и составили синопсис страниц на сорок. После этого они разъехались по домам и взялись за работу. Результат был предъявлен читателям в сентябре и оказался куда мрачнее сказочного «Талисмана». Во всяком случае, даже сам Кинг не рекомендовал давать эту книгу детям.

Сказочному миру Долин в романе уделено очень мало внимания — в основном в нем говорится о Черном доме в лесах штата Висконсин, у вымышленного городка Френч-Лэндинг. Через него посланцы Алого Короля отправляют в иной мир детей, одни из которых работают на каких-то гигантских рудниках (об этом говорится и в «Талисмане»), а другие обеспечивают психической энергией бригаду Ломателей. Маньяк-людоед по кличке Рыбак уводит в Черный дом и Тайлера Маршалла — конечно же, ему одиннадцать лет. Тай, наделенный незаурядной психической энергией («сиянием», как сказал бы тот, прежний Кинг) должен стать великим Ломателем и завершить задачу разрушения Лучей. Однако шустрому мальчику удается убить своего мучителя, когда тот уже перенес его в мрачные владения Алого Короля. Тем временем выросший Джек Сойер — теперь он следователь полиции, — при помощи местных рокеров проникает через Черный дом в иную реальность и спасает оттуда Тая вместе

с сотнями других детей всех цветов кожи. В момент триумфа Джека смертельно ранит женщина, натравленная агентами Зла, но он остается вечно жить в волшебных Долинах, где его всю жизнь ждала прекрасная принцесса Софи.

Джек здесь уже не тот, что в «Талисмане» — это сорокалетний побитый жизнью человек, ищущий в тихом Френч-Лэндинге убежище от ужасов «убойного отдела» полиции. Но он так же непоколебимо стоит на стороне Добра и хранит в себе «сияние», позволяющее переноситься в Долины даже без помощи волшебства Спиди Паркера. В служении Добру тверды многие герои романа — местный шериф Дейл Гилбертсон, его подчиненные, отец и мать пропавшего Тая Маршалла. Слепой диджей Генри Лайден, мастер перевоплощения и единственный друг Джека Сойера. И даже страхолюдные рокеры с философским уклоном, «на лицо ужасные, добрые внутри». Правда, есть и другие. В городе живут обкрадывающий стариков директор дома престарелых Шустрик Макстон, мерзкий бульварный репортер Уэнделл Грин, жалкая алкоголичка Тэнзи Френо, раздавленная гибелью маленькой дочки — одной из жертв Рыбака. Но все они наделены человеческими чертами — хотя бы трусостью, как Грин, — и поэтому Джек, а за ним и автор прощают их.

Совсем другое дело прислужники Зла — в них нет ничего человеческого. В роли Рыбака выступает пациент дома престарелых Чарли Бернстайн, отвратительный старик, воняющий мочой. Всю жизнь он испытывал наслаждение от мучений и смерти беззащитных детей, стараясь непременно сообщить об этом их родителям — например, послать им красочные фото с соответствующими глумливыми подписями. У Чарли есть покровитель, без которого он уже давно бы лишился силы. Это некий лорд Маншан, слуга Алого Короля, который снабжает старика деньгами и укрывает его в страшном Черном доме, куда обычный человек никогда не войдет. За это Чарли должен отлавливать для лорда и его хозяина детей-работников и детей-Ломателей. До него Маншан так же сотрудничал с другими маньяками и людоедами, упиваясь пролитой ими кровью. Внешность его под стать привычкам: «Его огромное лицо похоже на половник, обтянутый кожей. Единственный глаз выпучен. Красные губы растянуты в улыбке».[92] Ему служит ворон Горг, чье имя взято из Лавкрафта — он заманивает детей в лапы маньяка. И над всеми ими — чудовищный Алый Король, Рам Аббала, средоточие всего Зла этого мира.

Таким же средоточием выглядит в романе сам Черный дом — еще один вариант «замка с привидениями». Внешне это обычный особняк угрюмо-черного цвета, изрядно напоминающий

бангорское жилье Кинга. Но внутри он протягивается в бесконечность, наполняясь бесчисленными ужасами. «В определенном смысле прогулка по «Черному дому» равносильна путешествию по мозгу психически больного… В какойто момент четверка спускается по лестнице из зеленого стекла. Сквозь ступени они видят птиц, парящих, как стервятники, и потерявшихся детей с бледными лицами, которые вопят от страха… В библиотеке на столе красного дерева человеческими костями выложено слово «смех». В богато обставленной гостиной Дейл и Док видят, что одна стена украшена человеческими лицами, которые срезали, высушили и укрепили на деревянных подставках. В пустых глазницах нарисовали огромные, удивленные глаза. Дейл думает, что одно лицо он точно узнал: Милтона Вандерли, школьного учителя, который как сквозь землю провалился три или четыре года назад».[93] Видимую часть здания построил когда-то тот же Чарли Бернсайд, но на самом деле Черный дом стоит здесь уже сотни лет — это такая же цитадель Зла, как дом Марстенов в «Жребии» или подземелья Дерри в «Оно».

«Черный дом» не стал бестселлером, хотя в нем возродилось многое от прежнего Кинга. В этом романе ужасы присутствуют полным списком — дом с привидениями, маньяк, вампиры и даже монстры из иного мира. Но все это какое-то картонное, ненастоящее — автора гораздо больше занимает устройство державы Алого Короля, которое остается за кадром. Что ему удалось, так это портреты городских стариков и описание горя родителей, потерявших детей. Но поклонники «ужастиков» ждали от писателя не этих сантиментов, а фанатов «Талисмана» разочаровал скомканный конец с нелепой гибелью Джека Сойера. Правда, многие считали, что перенос героя в Долины — удачный ход, способный когда-нибудь снова вывести Сойера на сцену (Бог любит троицу). Но пока что и Кинг, и Страуб категорически опровергают возможность продолжения «Талисмана».

С учетом массированной рекламы издательства «Саймон энд Шустер» продажи романа оказались довольно скромными. Раздосадованный Кинг снова объявил о своем скором уходе из литературы. Он вновь озвучил эту мысль в сентябре 2002 года, сказав в интервью, что окончание «Темной Башни» станет его последней книгой. Он заявил: «Я не хочу превращаться в графомана, поскольку на сегодняшний день высказал все, что хотел». К тому времени стало ясно, что цикл Темной Башни будет в итоге состоять из семи томов, написание которых шло стахановскими темпами. В ноябре 2003 года вышел пятый том, «Волки Кальи», летом следующего года — шестой, «Песнь

Сюзанны», а осенью — седьмой и последний под не слишком оригинальным названием «Темная Башня».

Все лето перед выходом пятого тома Кинг активно участвовал в рекламной кампании эпопеи — лично писал релизы, давал интервью и даже несколько раз встретился с читателями. Пользуясь случаем, оба «кинговских» издательства — «Викинг» и «Саймон энд Шустер» — дружно переиздали большими тиражами первые тома «Темной Башни». В эту кампанию вписалось и новое издание «Стрелка», состоявшееся в июне 2003-го. СК заметно изменил свое творение, сблизив его со следующими частями — например, вставил в текст упоминания об Алом Короле, сделав именно его, а не Уолтера, главным носителем Зла. В интервью он сознался, что в молодые годы «слишком уж старался изложить в книге нечто важное и звучащее по-умному». Кроме того, он объявил о намерении переделать и другие книги серии, объединив их в два-три больших тома — «в конце концов, это все одна книга».

Между тем поклонники эпопеи тревожились — дело шло к концу, а сюжет запутывался все сильней. К тому же продвижение к Башне опять застопорилось. Весь пятый том Роланд и его ка-тет провели в городке Калья Брин Стерджис — «кальями» от испанского calle, «улица», назывались все поселения этого приграничного района. Каждые семь лет туда, как и в соседние города, приезжали всадники в зеленых плащах и волчьих масках, чтобы забрать каждого второго ребенка и увезти их в замок Дискордия, откуда они возвращались полными идиотами, «рунтами». По слухам, из мозга детей извлекали некое вещество для подпитки Разрушителей Лучей. Конечно, Роланд с друзьями не могли пройти мимо такой несправедливости — они дождались Волков и перебили их всех, как в «Великолепной семерке». Это было несложно — неуязвимые воины оказались роботами, у которых достаточно было отстрелить антенну. «Стоило огород городить!» — наверняка подумали многие читатели. Правда, они смогли узнать о многих интересных обычаях аборигенов Кальи и выучить их «Песню созревания риса» (кам-кам-каммала), но Темная Башня оставалась все так же далека. Попутно в сюжет начинают проникать персонажи других романов Кинга — например, блудный священник отец Каллагэн из «Жребия Салема». Изрядная порция романа посвящена описанию его странствий по Америке и ее окрестностям, в итоге которых он оказался в Калье Брин Стерджис и встретился с ка-тетом Роланда.

Под занавес выяснилось, что Сюзанна беременна, причем отцом будущего ребенка оказался не кто иной как Роланд. В первой книге эпопеи Стрелок, чтобы спасти Джейка, вступил в

связь с демоном-женщиной, а в третьей Сюзанна отдалась демону-мужчине — опять-таки спасая Джейка. Оказалось, что демон один и тот же, и его подослал Алый Король, чтобы передать Сюзанне семя Роланда — его сын, по преданию, должен был убить отца. Но безногая негритянка не могла выносить ребенка, и силам Зла пришлось выделить ей в помощь ведьму-суккуба по имени Миа, которая захватила Сюзаннино тело и перебросила его в Нью-Йорк. Там, в зловещем клубе «Дикси-Пиг», соединенном с не менее зловещим замком Дискордия в ином мире, она должна родить дан-тете — юного короля. И на праздник его рождения уже собираются вампиры, «низкие люди» и тахины, то есть гибриды людей и животных, служащие Алому Королю (похоже, к тахинной халве они отношения не имеют).

В это время остальные члены ка-тета общаются с новым героем эпопеи, которым стал… Стивен Кинг. Без ложной скромности он ввел себя в сюжет как человека, от которого зависит космическое равновесие в мире Роланда (и кто скажет, что это не так?) Стрелок и Эдди являются к нему во время визита в Америку, чтобы убедить дописать историю Темной Башни в нужном направлении. Правда, главная цель у их поездки другая — приобрести у владельца нью-йоркский пустырь, где растет волшебная роза, чтобы не допустить его покупки компанией «Сомбра корпорейшн», основанной агентами Алого Короля («сомбра» по-испански — «тень»). Это им удалось, а вот с Кингом не повезло — он признался, что боится писать о Темной Башне и к тому же испытывает проблемы с алкоголем (дело происходит в Бриджтоне в 1977 году).

Не каждый писатель решится изобразить себя в виде пьяницы и труса, да и вообще фигурировать в собственном романе наравне с вымышленными героями. Этот прием был изобретен в середине XX века и получил у филологов название «метареализм». Кинг применил его не ради прихоти, а чтобы впервые в жизни отчитаться перед своими героями, а может, и перед собой. Он — хозяин созданной им Вселенной, но в то же время и слуга: «если он и передвигал Роланда, как шахматную фигуру по доске, то точно также передвигали и самого Кинга». Однако несколькими строками ниже он пишет о себе как о Создателе своего мира. «Я — Ган или одержим Ганом. Точно сказать не могу, но, возможно, разницы и нет, — он заплакал, молчаливыми и ужасными слезами. — Но это не Дис, я отвернулся от Диса, я отверг Диса, казалось бы, этого достаточно, но нет, ка всегда недовольна, эта жадная старая ка».[94] Хотя Роланду так и не удалось убедить Кинга продолжить роман, писатель явно норовил занять центральное место в повествовании.

Несмотря на эту художественную находку, «Песнью Сюзанны» многие читатели остались недовольны. Сюжет тянулся ни шатко, ни валко; казалось, что автор отрабатывает нудную повинность и тянет время, не зная, чем закончить всю эту историю. Именно такое мнение высказывали кингоманы на разноязычных форумах. Сам писатель в послесловии к роману признавался: «История настолько вышла из-под контроля, что это нелепо. Такое ощущение, что я просто наблюдаю за тем, что происходит, или слушаю песню».[95] В этих условиях от последнего тома многие не ждали ничего хорошего. Но свершилось чудо — законченная в августе 2003 года «Темная Башня» вернула нас к простоте и изобразительной силе первых книг серии. В этом 850-страничном томе нет ни одной лишней сцены и почти ни одного лишнего персонажа. Словно наверстывая упущенное, герои рванулись к своей цели со скоростью молнии.

В начале романа Джейк и отец Каллагэн врываются в логово вампиров в «Дикси-Пиг», чтобы спасти Сюзанну. Она тем временем помогает Миа произвести на свет ребенка — чудовищного младенца-паука, который тут же пожирает мать (к счастью, в момент родов женщины разделяются). Сына Алого Короля и одновременно Роланда зовут Мордред — намек на сына короля Артура, убившего своего отца. И на то, что должно произойти с отцом Мордреда… или даже с обоими отцами. Но пока что сам новорожденный чуть не погиб от револьвера Сюзанны и чудом успел скрыться в подземных коридорах. Там по иронии судьбы его второй жертвой стал Уолтер, пришедший предложить сыну своего шефа сделку. Мордред даже не разобрал, какую — уж очень ему хотелось есть. Так погиб вездесущий «человек в черном» — впрочем, не исключено, что он еще воскреснет в одном из новых кинговских романов.

Тем временем Сюзанна, перестреляв вампиров и «низких людей», завладела замком Дискордия (его название на латыни означает «раздор»). Там к ней присоединились прошедшие тоннель между мирами Джейк, Роланд и Эдди, после чего вся компания отправилась в Алгул-Сьенто или «Дом под синим небом». У нас это место назвали бы «шарашкой» — там на полном обеспечении Ломатели трудились над уничтожением Вселенной, не слишком думая над смыслом своей работы. Ка-тет Роланда оперативно захватил поселок при помощи старых знакомых Кинга — Теда Бротигана, Динки Эрншоу и дурачка Шими из «Колдуна и кристалла» (он тоже оказался ясновидящим). Охранники были перебиты, но один из них успел смертельно ранить Эдди.

Оставив Сюзанну у трупа мужа, Роланд с Джейком отправились выполнять другую неотложную задачу — спасать

Кинга. Гибель писателя в аварии, о которой они случайно узнали, нарушала космическое равновесие в пользу Зла. Поэтому ее нужно было предотвратить любой ценой, и такой ценой оказалась гибель Джейка. Покинул роман и Кинг, напоследок пообещав своему спасителю закончить историю Темной Башни. А Роланд с Ышем вернулись к Сюзанне и отправились с ней дальше через подземные коридоры под Дискордией, кишащие чудовищами. Их путь лежал в снежную пустыню Эмпатику (по-гречески «отчуждение»), мимо брошенного замка Алого Короля — деспот бежал, перебив вначале всех своих придворных. Не в силах войти в Темную Башню, он забрался на ее балкон, чтобы не пустить внутрь ненавистного Роланда.

Последним препятствием для ка-тета стал прикинувшийся добряком вампир Дандело, едва не убивший Стрелка. Прикончив монстра, Роланд с Сюзанной нашли у него в подвале Патрика Дэнвилла — того самого мальчика из «Бессонницы», ставшего гениальным художником. Оказалось, что нарисованные им предметы имеют свойство воплощаться, а стертые — исчезать. По просьбе Сюзанны он нарисовал дверь, ведущую в Нью-Йорк. Она знала о пророчестве, по которому дойти до Темной Башни может только один Стрелок, и Роланд отпустил ее. Правда, Нью-Йорк оказался не совсем тот — вместо «кока-колы» там пили напиток «нозз-а-ла» и ездили на неведомых машинах «такуро-спирит». Зато там были Эдди и Джейк, который в этой новой реальности оказался его братом. Все они узнали друг друга и — «с того самого момента все трое жили счастливо? Я этого не скажу, потому что так не бывает. Но счастье у них было. И они жили. Жили под сенью луча, который связывает Медведя Шардика и Черепаху Матурин, проходя через Темную Башню, и иногда даже становились свидетелями его волшебства. Вот и все. Этого достаточно. Скажите спасибо».[96] Say thankya — так завершает Кинг эту «земную» часть эпопеи, чтобы перейти к ее куда менее уютному эпилогу.

Итак, Роланд с Ышем и спасенным Патриком отправились дальше, а за ними по пятам шел Мордред. Сыну Алого Короля было холодно и голодно, он питался падалью и мечтал скорее добраться до горла Стрелка. И добрался бы, если бы не Ыш — он вовремя остановил монстра, но погиб сам. Ребенок-паук был застрелен — читатели явно ожидали от него большего, — а Роланд со своим спутником снова пустились в дорогу. На подступах к Темной Башне Алый Король встретил их меткими бросками снитчей — крылатых гранат, явившихся прямиком из романа о Гарри Поттере. Тут сыграл свою роль Патрик, который просто-напросто нарисовал старого злодея, а потом стер его. Тот

хоть и был бессмертен, но развоплотился — остались только злобно горящие глаза на балконе.

После этого Роланд отправил художника восвояси и, как мечтал долгие годы, возгласил перед Башней имена всех тех, кто не дошел до нее — Катберта и Сьюзен, Джейка и Эдди, Ыша и даже Стивена Кинга (как же без него?) А потом вошел внутрь и поднялся на вершину мимо бесконечных этажей, хранивших память обо всей его жизни. Открыв последнюю дверь, Стрелок почуял неладное, но было поздно: «Он увидел и все понял сразу, знание это обрушилось на него, как удар кувалды, горячее, как солнце пустыни. «О, нет! — закричал он. — Пожалуйста, только не это! Пожалейте меня! Проявите милосердие!» Руки Башни все равно толкали его вперед. Они были руками Гана, руками ка, и они не знали, что есть милосердие».[97]

В итоге герой оказался в той же пустыне, откуда начал свой путь в первой книге. Перед тем, как все забыть, он в ужасе понял, что обречен вечно повторять один и тот же путь к Темной Башне. Правда, у него и читателей осталась маленькая надежда, что в этот раз все будет иначе — у Роланда оказался с собой сигнальный рог Эльда, которого не было в прошлый раз. В него герой должен протрубить, оказавшись у подножия Башни — только тогда история завершится окончательно. А пока что человек в черном опять уходит через пустыню, а Стрелок догоняет его.

Многие поклонники пришли в ярость, услышав эту сказку про белого бычка. Им казалось, что их ожидания подло обмануты. Другие возражали — а чем еще могло все закончиться? В отличие от толкиновского Средиземья, Срединный мир Роланда нельзя исцелить мгновенно, прикончив пару-тройку плохишей. Возможно, он вообще не поддается лечению — слишком далеко зашел распад. Если здесь и можно что-либо исправить, то никак не Стрелку. Его дело не созидать, а догонять, выслеживать и убивать — в общем, геройствовать. Вечного героя, кочующего из века в век в разных обличьях, придумал не Кинг — его хорошо знают читатели Роджера Желязны, Роберта Говарда, Майкла Муркока. Выходит, Роланд Дискейн из Гилеада — один из таких героев?

Нет. Герои у мастеров фэнтези — а также в настоящем древнем эпосе, — совершают подвиги ради славы, спасают прекрасных дам или мстят за обиду, нанесенную их роду. Роланду это все не нужно. Он идет к Темной Башне, чтобы спасти свой мир, да что там — всю Вселенную (если принять версию, что все миры нанизаны на шампур этой самой Башни). То есть совершает деяние, которое по плечу разве что Богу. В цикле

Темной Башни есть и настоящий Бог-Творец (Ган), но он давно удалился от дел и никак не участвует в событиях, происходящих в мире. За власть над Вселенной — или за ее уничтожение, что в данном случае одно и то же, — борется Алый Король. Но если у него, такого сильного, за много веков ничего не получилось, то выходит, что ему противостоит не менее могучая сила. Под конец мы узнаем ее имя — это Роланд, Белый Король. Злополучный Мордред говорит о двух своих отцах, Алом и Белом, которые обречены бороться за власть и души людей. В этом узнается языческая, прежде всего зороастрийская мифология — ушедший на покой верховный бог и его дети, воплощающие Добро (Ормузд) и Зло (Ахриман). Ни один из них не может победить другого вплоть до дня вселенского Армагеддона. А описывать этот день Кингу явно не хочется — отсюда принципиальная незавершенность его эпопеи.

Со временем образ Роланда менялся. В первом романе он еще недалек от ковбоя Слейда — стреляющий робот, способный без особых сожалений истребить население целого города. Только после встречи с Эдди и Сюзанной выясняется, что Стрелок любит поговорить, помнит древние легенды, чуток и внимателен к своим товарищам. Даже шутит иногда — правда, улыбка его напоминает трещину на высохшем солончаке. Новое появление Джейка открывает в нем отцовские чувства. А в «Колдуне и кристалле» мы узнаем, как он может любить, и впервые видим его слезы. К концу от прежнего бесстрастного робота не остается ничего — перед нами живой человек со всеми человеческими слабостями. Меняются и его спутники — все они, даже Ыш, становятся стрелками, последними защитниками порядка на земле, которую поглощает хаос. И повторяют древнюю мантру: «Не из револьвера убиваю; тот, кто убивает из револьвера, забыл лик своего отца. Сердцем убиваю!»

При этом чаще всего ка-тету приходится сражаться не со Злом, не с орками и троллями, а с обычными, только одичавшими и сбитыми с толку людьми. Это и уроженцы Талла, и жалкие пещерные Мутанты-Недоумки, и жители Луда, привыкшие к постоянным убийствам. Даже нью-йоркские бандиты Балазара не тянут на роль сатанинского воинства. В начале носителем Зла выступал «человек в черном», но потом он стал откровенно лишним. Переписав «Стрелка», Кинг сделал Уолтера подручным Алого Короля, который прежде выходил на сцену лишь в четвертой книге. Только под конец мы видим Зло в подлинно толкиновском размахе. Сперва мрачный Тандерклеп («удар грома»), куда роботы-Волки привозят на муки беспомощных детей. Потом отвратительный клуб «Дикси-Пиг», где вампиры,

тахины и полулюди собираются на свою людоедскую трапезу. И, наконец, дворец Алого Короля — средоточие злобы и безумия, где каждый ненавидит всех остальных. После этих впечатляющих картин как-то разочаровывает сам владыка Зла — склеротичный Кащей из мультиков, пуляющий в Стрелка ручными гранатами. Ну что ж, Кинг не Толкин, и на подлинную эпичность ему всегда не хватало пороху.

Менялась и сама Темная Башня. В начале эпопеи ни Стрелок, ни автор не представляют, как она выглядит. Впервые мы видим ее в третьей книге глазами Эдди: «Поле простиралось на мили, и на горизонте стояла Темная Башня. Она представляла собой каменную колонну, уходящую так высоко, что он едва различал ее вершину. Окруженное кричащими красными розами массивное основание свидетельствовало об огромной массе, тем не менее Башня выглядела удивительно грациозной. Камень, из которой она была сделана, оказался не совсем черным, как он решил поначалу, а цвета сажи. Узкие окна-щели опоясывали башню восходящей спиралью; под окнами вилась почти нескончаемая лестница каменных ступенек».[98] В четвертой книге Башню видит во сне сам Роланд: «Да, вот она, серовато-черная колонна, подпирающая горизонт… В поднимающихся по спирали окнах он видит синий электрический свет, слышит крики тех, кто заточен в ее стенах. Он чувсвует и мощь этого места, и источаемое им зло. Он чувствует: с Башней что-то не так, перегородки между мирами теряют прочность».[99] В конце, когда Стрелок приходит к Башне, он видит «как минимум три узких окнаамбразуры, поднимающихся по спирали, и видел консольный эркер на вершине, сверкающий всеми цветами радуги в весеннем, солнечном свете… В их поле зрения попадало все больше расположенных по спирали окон, все большая часть массивных стен. В какойто момент Роланд разглядел на вершине два стальных флагштока… Он уже видел и балконы, и их металлическое, на уровне талии ограждение».[100]

Отправляясь в свой поход, Стрелок считал Башню воплощением Зла и шел ее разрушить. Где-то на полдороги он изменил мнение и решил ее спасти, причем загипнотизированные члены ка-тета (и читатели) даже не заметили этой подмены. Оказалось, что Башня — не зло и не добро, а просто ка (этим словом в эпопее явно злоупотребляют, прямо как «ку» на планете Плюк). Или даже все мироздание, как намекают «лысые доктора» из «Бессонницы». Они описывают Башню как колоссальное здание, на разных уровнях которого живут люди и духи («шоттаймеры» и «лонгтаймеры» по терминологии романа). «А над этими этажами, не достижимые для нас, но все же

принадлежащие той же башне существования, обитают и другие. Некоторые из них прекрасны, замечательны; другие же скрыты от нашего понимания».[101] После этого немного странно видеть эту величественную конструкцию просто мемориальным музеем Роланда; впрочем, вполне вероятно, что Башня для каждого своя.

К концу последнего романа у писателя сложилась довольно стройная космогония. Когда-то Ган-Творец поднял из вод Хаоса-Прима Темную Башню, вокруг которой закон-ка соткал бесчисленные миры. Все они вращаются вокруг Башни, которая принимает различные формы (на «главной» Земле, например, это волшебная роза). Пространство между мирами заполняет тодэш — бескрайняя тьма, кишащая чудовищами. Закончив творение, Ган улегся в основании мира громадной Черепахой, которая наблюдает, но ни во что не вмешивается. Много знающая ведьма Миа поучала Сюзанну: «Когдато давно не было в мире ничего, кроме Дискордии (другое название Прима), и из нее поднялись шесть Лучей, мощные, крепкие, пересекающиеся в одной точке. Существовала магия, которая могла целую вечность поддерживать их, но когда магия ушла отовсюду, за исключением Темной Башни, которую некоторые называли «Кан калих», Зал возвращения, люди впали в отчаяние. Когда эпоха магии закончилась, ей на смену пришла эпоха машин».[102]

Тем временем откуда-то взявшийся Алый Король принес порчу в бесчисленные миры, отражающиеся друг в друге (сразу вспоминаются «отражения» Амбера в серии романов Желязны). Одни из них оказались полностью обезлюдевшими, как альтернативная Земля из «Противостояния», посещенная ка-тетом Стрелка в его странствиях. Другие «сдвинулись с места» и одичали, подобно Срединному миру. Третьи, в том числе «главная» Земля, еще могут свернуть с гибельного пути, если Башню удастся удержать от падения. Миа утверждает, что спасти ее может только «возвращение магии». А вернуть ее должны сочинители вроде Кинга, способные не только фантазировать, но и воплощать свои фантазии в жизнь, как в старом рассказе «Компьютер богов». Такой сочинитель-демиург в созданном им мире становится равным Богу, то есть Роланду.

Параллель неожиданная, но в ней явно что-то есть. Кинг не раз говорил, что хотел бы быть похожим на «людей действия», и все время тайно, а порой и явно восхищался Стрелком. При этом он утверждал, что у него меньше общего с Роландом, чем с любым из своих героев, но со временем положение менялось. Он называл себя Ганом, создавшим воображаемый мир и теперь безвольно следящим за развитием событий. Но разве не он подбрасывал героям то подсказку, то полезный артефакт? В

«Песни Сюзанны» это была волшебная черепашка, позволившая героям выстоять в схватке с вампирами, в «Бесплодных землях» — ключ, помогающий Джейку попасть в Срединный мир. В «Колдуне и кристалле» тот же Кинг передает ка-тету, покинувшему Изумрудный дворец, рюкзаки с едой и обувь. В последней книге он же оставляет Сюзанне в ванной Дандело записку, раскрывающую ей глаза на сущность старого вампира. От таких поступков лишь один шаг к тому, чтобы самому вмешаться в действие. И хорошо, что Кинг удержался от этого шага — иначе он рисковал бы навсегда остаться в созданной им сказке.

На фоне битвы двух королей «говорящая» фамилия автора приобрела особое значение. Да, Роланд — Кинг, но и Алый Король — тоже Кинг. И если в душе писателя жил первый, то и без второго там не обошлось. Это он, Багровый, был его «темной половиной», заставлял спиваться, угрожал превратить в Джека Торранса. И если Кинг не поддался его искушениям, то многим другим людям повезло меньше. Ради них и была написана «Темная Башня», закончить которую Кинг пообещал Стрелку над телом погибшего Джейка. С высоты своего опыта он отверг наивный соблазн «Властелина колец» — уничтожьте Кольцо Всевластья, убейте его слуг, и Зло погибнет. На самом деле побороть его удастся только тогда, когда Алый Король развоплотится в душе каждого человека. Только тогда Темная Башня не отвергнет пришедших к ней и, быть может, окажется не такой уж темной.

Вот тот смысл, который Кинг попытался выразить в меру своего таланта. Получилось не вполне гладко, но зачем изобретать велосипед — то же самое давным-давно сказано в учении отцов Церкви. Конечно, глупо делать из Кинга христианского писателя. Стать таковым бангорскому затворнику невероятно трудно, а с учетом его окружения почти невозможно. В нынешней предельно материальной Америке есть два взгляда на Добро и Зло. Консерваторы считают, что Зло (к примеру, бен Ладен) пребывает вне нормального человека, и с ним непременно нужно разделаться или хотя бы отогнать подальше. Либералы — что Зло находится внутри, и с ним надо заключить сделку. Кинг, повторю, уверен, что оба начала одновременно обитают и внутри человека, и вне его. Именно поэтому его монстры так живучи, а герои так слабы и нерешительны. Даже Роланд, в начале цикла предстающий дубоватым ковбоем без страха и упрека, быстро обрастает человеческими чертами — любит друзей, пытается понять врагов и вообще чересчур много думает для эпического персонажа. Естественно, что Темная Башня, целиком выстроенная из кирпичиков эпоса, отвергает его. Может, и к лучшему —

завладев Башней, Стрелок, как в великой пьесе Шварца, неизбежно стал бы Драконом… то есть Алым Королем.

При этом Роланд до конца сохранил многие эпические черты, в том числе упрямую патриархальность. «Вы забыли лица своих отцов!» — рычит он проштрафившимся попутчикам, что звучит явным анахронизмом в стране разводов и неполных семей (вспомним, что сам Кинг не видел отца с двухлетнего возраста). Писатель словно оправдывается, когда говорит в интервью: «Эта фраза пришла из ниоткуда. Для меня она имеет смысл, поскольку я вырос в патриархальном обществе, где верили в Большого Папу, сидящего в Белом доме (опять Белый отец!) При этом меня воспитали женщины, мать и ее сестры, а отец очень быстро испарился. Только не ищите в этом ничего фрейдистского». Ладно, не будем. Отметим только, что Роланд — дин, то есть, на языке Срединного мира, не только «глава», но и «отец» своего маленького коллектива. Так что его невольная связь с Сюзанной является инцестом чисто по Фрейду. Но главное не это, а безусловное главенство Стрелка в его «семье», которое невольно подчеркивает Кинг. Сам он, как типичный американец эпохи феминизма, привык во всем уступать жене и дочери, и роман стал своего рода компенсацией за это.

Завершающие тома «Темной Башне» стали настоящей литературной головоломкой, где количество пересечений с текстами самого Кинга и других писателей стало поистине невероятным. Можно вспомнить только несколько: имя медведя Шардика — хранителя одного из Лучей — писатель взял из детского романа англичанина Ричарда Адамса о громадном медведе. Волшебную Черепаху, свою очередь, зовут Матурин (точнее Мэтьюрин) — это фамилия автора готических романов, а также судового врача из морских романов Патрика О'Брайена, героя популярного фильма «Хозяин морей: на краю земли». Среди Ломателей лучей в последнем романе возникает русская девушка по имени Дани Ростов — уж не Наташа ли Ростова из «Войны и мира»? Впрочем, более вероятно, что это просто одна из немногих знакомых Кингу русских фамилий.

Кинговеды дотошно подсчитали количество музыкальных и киношных цитат в разных томах «Темной Башни». Заметили и то, что необычный финал эпопеи взят из культового сериала середины 60-х «Пленник» (The Prisoner), снятого Патриком Макгуэном — там герой в конце тоже возвращался к началу действия. Нечто похожее происходит и в линчевском сериале «Твин Пикс», где действие вообще начинает развиваться в обратном направлении. Автор книги «Дорога к Темной Башне» Бев Винсент отметил, что автор, достигнув своей Башни —

завершения эпопеи — сделал то же, что его герой. То есть вернулся к первой фразе, к началу похода. Туда, где у него еще был шанс добиться успеха.

Но у его мира такой шанс вряд ли остался. Техника здесь давно проржавела, земля не родит, животные превратились в уродливых мутантов. Люди выполняют механическую работу или дурманят себя бес-травой. Величественный Луд превратился в свалку мертвых машин, где копошатся жалкие людишки, ежедневно истребляющие друг друга. Но страшнее всего Бесплодные земли за Лудом, которые путники видят из салона чудо-поезда Блейна: «В результате какогото жуткого катаклизма вся земля, распростершаяся под ними, была как бы выжжена и расплавлена. Поверхность ее превратилось в застывшее озеро спекшегося черного стекла, вздувшегося пузырями и складками, которые, собственно, и холмами называть было трудно. Между этими складками черная гладь обрывалась вниз, как бы проваливаясь в расщелины и углубления, которые было бы проблематично назвать долинами. Несколько скрюченных низкорослых деревьев тянулись к небу своими голыми изувеченными ветвями. Время от времени на поверхности попадались куски какихто керамических труб, пробившихся сквозь запекшееся стекло. Между трубами, набрасываясь друг на друга, летали какието странные существа, похожие на птеродактилей, с кожистыми крыльями без перьев и крючковатыми клювами».[103]

Разбрасывая по ландшафту Срединного мира приметы земной цивилизации, Кинг говорит: посмотрите, достаточно одного неверного шага, чтобы наш мир стал таким! Это может быть злая воля Алого Короля, как бы он ни назывался — разве эта воля не видна повсюду в человеческой истории? Или роковая случайность наподобие эпидемии супергриппа, следы которой катет увидел в «альтернативной» Топике 1986 года. Или жадность, побуждающая людей выкачивать последние запасы нефти, отравлять реки и вырубать леса. Или результат безумного эксперимента, затеянного учеными ради всеобщего блага или просто из любопытства. Всего этого в произведениях СК хватало и раньше, но каждый раз катастрофу останавливали в последний момент. Или, как в «Противостоянии», горстка уцелевших самоотверженно бралась за восстановление прежнего мира со всеми его гамбургерами и бейсбольными чемпионатами. Кинг с его здоровой провинциальной закваской не верил, что люди — без войн, без эпидемий — могут просто не захотеть жить.

А мы верим. Мы видим бесплодные земли, изгаженные многолетним «преобразованием природы», обветшавшие города,

ржавеющие гиганты индустрии. Поголовное пьянство и наркоманов, готовых за дозу убить родную мать. Женщин, которые ежегодно делают аборты или просто спускают новорожденных в канализацию. На Западе все почище, но не менее безысходно — белое население, раса Стрелков, вымирает, уступая дорогу новым племенам, чуть медленнее идущим тем же путем вырождения. Толкин еще в сороковых прозорливо заметил этот процесс опрощения и огрубления человеческой породы. Кинг с его либерализмом не хочет замечать его и сейчас — он просто говорит, что мир «сдвинулся с места». Но это и есть настоящий Апокалипсис, «не взрыв, но всхлип». Всхлип нерожденного младенца в утробе матери. И победи Стрелок хоть дюжину Алых Королей, он не вернет этого младенца, как не вернет людям воли к жизни.

Впрочем, сам Кинг в Апокалипсис не верит. Когда его лет десять назад прямо спросили об этом, он ответил: «Видите ли, для каждого человека существует только одна смерть — собственная. Шанс, что она совпадет с гибелью мира, меньше, чем шанс погибнуть от удара молнии посреди Сахары. Хотя он все-таки есть». В другой раз ему был задан вопрос о наиболее вероятной причине гибели мира. На этот раз он замялся: «Война? Эпидемия? Вряд ли — все это уже было и оказалось не слишком эффективным. Скорее всего, нашему старому Солнцу просто надоест однажды нас греть. Но хочется верить, что это случится где-нибудь через пару миллиардов лет». Впрочем, СК понимает — когда бы ни наступил конец света, он все равно будет внезапным. В 1990 году он написал рассказ «Вечер у Бога», в котором Всевышний в раздражении разбивает нашу планету, заслоняющую от него телеэкран — она мешает смотреть шоу Робина Уильямса. А когда святой Петр говорит, что Уильямс был в это время на Земле, Бог безмятежно отвечает: «О, не беда, у меня есть все его кассеты. Хочешь пива?»

Завершающие романы о Темной Башне отняли у Кинга полтора года, а последний из них стал его самой большой работой после «Противостояния». В одном из интервью он сказал: «Мне необходимо было закончить это. Я хотел осуществить желание 22-летнего юнца, мечтавшего написать самый длинный в истории популярный роман. И вот он — 2500 страниц или даже больше (на самом деле в семи романах их 3872). Это было все равно что переплыть Атлантику в ванне, и я не раз заставлял себя продолжать писать. Если бы я остановился, то уже не смог бы начать снова». В другой раз он сказал: «Моя идея состояла в том, чтобы использовать цикл историй о Темной Башне как некое подведение итогов, объединение максимального количества

написанных ранее произведений под крылом одной сверхистории. Речь тут не о претенциозности, а только о способе показать, как жизнь влияет на искусство (и наоборот)».[104]

С этой точки зрения появление автора в собственном произведении вполне естественно. Тот же Винсент отмечает, что Кинг в последних томах «Темной Башни» пародирует античную тему «бога из машины», который в нужный момент вмешивается в ход действия. Герои относятся к этому по-разному. Отец Каллаген приходит в волнение, прочитав «Жребий», где описана его история — ведь ее могут знать только он сам и Бог. У Роланда отношение более спокойное — в его мире вымысел и реальность соединены куда тесней, чем в нашем. Главное, чтобы писатель делал свое дело. «Когда ты не сможешь больше писать, — говорит он Кингу при первой встрече, — когда песнь Черепахи и рев Медведя стихнут в твоих ушах, ты можешь отдыхать. Но если услышишь их вновь, тут же начинай писать». При этом ошибки, совершенные автором, становятся реальностью для героев. По его воле Эдди вырос в районе Кооп-Сити, находящемся в Бруклине вместо реального Бронкса, а Сюзанна на станции метро «Кристофер-стрит» попала под знаменитый поезд А, который через эту станцию не ходит.

При этом Кинг появляется в «Темной Башне» не только как герой, но и как рассказчик, берущий читателя за руку и показывающий ему место действия: «Мы стоим на вершине холма и ждем, что он подойдет к нам. Он идет… Поднимается на холм, так близко от нас, что нам в ноздри ударяет кислый запах его пота. И вот тут мы должны присоединиться к нему, влиться в него, хотя рассказать о том, что чувствует сердце Роланда в этот самый момент, когда цель его жизни наконецто показалась вдалеке, не под силу ни одному рассказчику. Представить себе такое просто невозможно».[105] Кинг, как настоящий зритель, не видит всего — когда Патрик Дэнвилл покидает Роланда, он уходит и со страниц романа: «Здесь темнота скрывает его от глаза рассказчика».

Под конец автор заботливо предупреждает: «Дорогой Постоянный Читатель, вот что я вам скажу: вы можете остановиться здесь… Если вы пойдете дальше, то, уверяю вас, будете разочарованы. Более того, у когото может разбиться сердце. У меня на поясе остался только один ключ, и он может открыть только одну, последнюю дверь. То, что находится за дверью, не упрочит вашу любовь к жизни, на вырастит волосы на вашей лысине, не добавит пять лет от отпущенному вам сроку в этом мире (не добавит и пяти минут). Нет такого понятия, как хэппиэнд».[106] Предвидя обвинения, Кинг слегка ворчливо

объявляет о своей ненависти к завершению романов: «Концовки бессердечны. Концовка — закрытая дверь, которую ни один человек не может открыть. Я написал много концовок, но лишь по той же причине, по какой надеваю штаны перед тем, как утром выйти из спальни: таков уж обычай этой страны».

Писатель хотел сделать книги цикла как можно более красочными и поручил эту работу издательству «Дональд Грант», с которым работал и раньше. Иллюстрации к «Волкам Кальи» делал Берни Райтсон, к «Песни Сюзанны» — Даррел Андерсон. Кинг особо настаивал, чтобы последний роман иллюстрировал художник «Стрелка» Майкл Уилан. Как всегда у Гранта, книги вышли ограниченным тиражом и получились довольно дорогими, по $60–70, но позже «Скрибнер» выпустил их массовые издания, которые смогли купить все фанаты Кинга. Отклики были самые разные, от восторженных до разгромных. Однако все признавали «Темную Башню» главным творением Кинга, во многом изменившим его писательское лицо. Возможно, для будущих поколений читателей СК будет не «мастером ужасов», а создателем Одной Главной Книги. И не предчувствовал ли он это в 22 года, мечтая, что едва начатый «Стрелок» станет его «Горменгастом» или «Властелином колец»?

Завершив эпопею, Кинг писал: «Ни на один проект в моей жизни я не положил столько сил, и я знаю, что полностью успешным назвать его нельзя. Да и разве может быть таковой хоть одно произведение, созданное воображением? Тем не менее, я не отдам назад ни одной минуты из того времени, что прожил в где и когда Роланда. Эти дни в Срединном и Крайнем мирах были удивительными. В эти дни мое воображение работало так четко, что я мог унюхать запах пыли и услышать треск кожи».[107] Для писателя это счастье — скажите спасибо! — и хочется надеяться, что немного этого счастья перепадет и тем, кто читает удивительную историю Стрелка и его друзей.

4. Бегство от свободы

Кинг не раз повторял, что часы и дни после столкновения на шоссе 19 июня были самыми худшими в его жизни. Дикая боль, бессонница, унизительное бессилие калеки — все это живо напоминало кошмары из написанных им книг. Это заметили все, включая недоброжелателей: нашлись те, кто объявил случившееся с ним Божьей карой. Но их мнение беспокоило СК куда меньше, чем собственное здоровье. В ноябре 1999-го с его ноги окончательно сняли шины, но впереди была промозглая мэнская зима, от которой его состояние могло снова обостриться. По совету Табиты они сняли дом на курорте Сарасота в юго-западной Флориде, где прожили с января по март. Они и до этого провели во Флориде два зимних сезона, как делают многие богатые американцы. Местный климат явно пошел на пользу изломанным костям писателя, и он решил впредь проводить на юге каждую зиму. В следующем году он присмотрел для себя благоустроенный дом флоридского миллионера Джеффри Джонса и летом 2001-го купил его за $8,9 миллионов. На его выбор повлияло то, что в Сарасоте зимой отдыхали многие художники и литераторы, а неподалеку жил старый приятель Страуб.

Злосчастная авария изрядно оживила упавшую было популярность Кинга. Фанаты встряхнулись и завалили почтовое отделение Бангора письмами и телеграммами своему кумиру — их пришло более 50 тысяч, не считая тех, что передавались по имэйлу. А новое поколение, слушающее хип-хоп и считавшее СК «отстойным папиком», любопытства ради заглянуло в его романы, которые многим пришлись по вкусу. В 2000 году в Штатах было продано 12 миллионов его книг — в полтора раза больше, чем в предыдущем году. Тогда же он занял 13-е место в списке самых влиятельных лиц шоу-бизнеса, к которому в Штатах причисляют литературу (о времена, о нравы!) Из писателей его опередила только Дж. К. Роулинг со своим «Гарри Поттером», но он не ревновал — книга ему понравилась, тем более что англичанка не раз публично признавалась в любви к его произведениям. Не исключено, что успех поттеровского сериала стал одной из причин, побудивших-таки СК завершить «Темную башню». С другой стороны, в последних романах Роулинг чувствуется влияние Кинга (или, скорее, жанра, в котором он пишет). В шестом «Поттере» дело дошло до появления оборотней, а потом и зомби. Да и колорит там, в отличие от первых книг, совсем не детский и вполне кинговский.

Еще больше выросли тиражи в 2001 году, когда Кинг выпустил в свет начатый еще до болезни роман-воспоминание «Как писать книги». Американцы с их страстью к мемуарам раскупали эту книгу особенно охотно — ведь в ней была изложена официальная версия биографии писателя, о которой широкая публика мало что знала. Книга вышла в начале мая, когда Кинг впервые с момента аварии появился на публике в Нью-Йорке, в зале Бауэри на Дилэнси-стрит, где проходила ежегодная Книжная неделя. Три сотни книголюбов встретили его овацией, разглядывая иссиня-бледное лицо Кинга и его громоздкий алюминиевый костыль. Кинг коротко рассказал о своем самочувствии, после чего в гробовой тишине зала прочитал рассказ «Теория ЛТ о домашних животных».

Еще до этого, в феврале, был написан другой рассказ — «Верхом на пуле». Его герой, студент Алан Паркер, едет в родной город к матери, попавшей в больницу, и забредает ночью на кладбище, где видит странную могилу разбившегося на машине Джордж Стауба (почти Страуба, хе-хе). Потом он ловит попутку и в пути с ужасом узнает в ее водителе мертвого, собранного из кусков Стауба, готового забрать его в преисподнюю. Призрак предлагает ему обменять свою душу на жизнь матери, которая и так одной ногой в могиле. «Бери ее!» — из последних сил кричит Алан, вываливаясь на обочину. Потом он спешит в госпиталь, не надеясь уже застать мать в живых, но она жива и умирает только через семь лет. Быть может, все случившееся было лишь видением героя, но он не верит в это — отныне вся его жизнь омрачена сознанием своего предательства.

В духе времени Кинг решил не публиковать рассказ, а продать его через Интернет по $10 за копию. Неожиданно идея оказалась удачной — поклонники уплатили за новое произведение как минимум $150 тысяч. Это вдохновило СК выпустить в том же виде подзабытую повесть «Растение». К лету были написаны три новых части, которые вместе с предыдущими по очереди засылались в сеть по $15 за копию. Первые сборы были неплохими, но потом интерес к повести упал — тем более, что ничего интересного в ней так и не произошло. В декабре шесть частей «Растения» начали продаваться вместе, однако и это не вызвало читательского бума. Хуже того, многие предпочли пиратскую копию, которая уже через пару недель пошла гулять по Интернету. Всего за «Растение» удалось выручить около $500 тысяч с учетом накладных расходов — немало, но значительно меньше, чем рассчитывал автор. Это на время отбило у Кинга интерес не только к продолжению повести, но и к электронной коммерции.

В апреле 2001-го полуторамиллионым тиражом вышел долгожданный роман «Ловец снов». Его первые наброски писатель сделал через месяц после аварии, лежа в постели, при помощи гелевой ручки — «лучшего в мире компьютера». Роман перекликался сразу с несколькими книгами Кинга, особенно с «Томминокерами» и «Оно». Действие происходит в лесах к северу от Дерри, где в разгар зимнего охотничьего сезона компания четырех старых друзей оказывается лицом к лицу с инопланетянами, чей корабль сел где-то неподалеку. Эти существа подчиняют себе душу человека и одновременно откладывают в его тело споры, из которых вырастают громадные личинки — в остроумном переводе Татьяны Перцевой «срань-хорьки». Прогрызая тело хозяина, они выходят наружу в поисках новой пищи. В итоге двое друзей погибли, а один, Джоунси, вынужден делить тело с инопланетянином, которого он называет «мистер Грей» (почти мистер Смит из «Матрицы»). Остальные арестованы войсками вместе с сотнями местных жителей и туристов. От греха подальше их решено изолировать, а потом и уничтожить, как потенциальных носителей «космической заразы». От бойни спались немногие, включая одного из оставшихся друзей — психотерапевта Генри. Только он и взятый в плен Джоунси понимают, что происходит, и пытаются любой ценой остановить злобных пришельцев.

В «Ловце снов» кровавых сцен не меньше, чем в ранних романах Кинга. В предисловии автор признавался, что физические страдания, которые он переживал после аварии, отразились на романе, сделав его чересчур мрачным и болезненным. Правда, и в нем есть место для добрых чувств — это дружба четырех товарищей, родившаяся еще в детстве, когда они вместе защищали от хулиганов безобидного дауна Даддитса. Сейчас он тоже с ними и помогает им победить инопланетян, жертвуя при этом жизнью. Даддитс — двойник Сета из «Регуляторов», в избытке наделенный «сиянием», но не знающий, в какую сторону его направить. Под влиянием друзей он делает правильный выбор и дает им самим силы для борьбы. «Это подарок их четверке от подлого поганого мира, от которого обычно не дождешься прошлогоднего снега. Даддитс — нечто поразительное, облагородившее их души, и они любили его».[108]

Действие романа происходит в Дерри, и немудрено, что здесь снова появляется клоун Пеннивайз — но лишь мельком, как тень из прошлого. Он вполне сочувствует пришельцам, поскольку они, по Кингу, служат той же силе — вселенскому Злу. Хотя, похоже, космические пираты вообще не имеют понятия о добре и зле — им просто нужно выбраться со своей неуютной планеты,

погубленной то ли природой, то ли ими самими. В Земле они видят лишь поле для колонизации, а в землянах — досадную помеху, которую нужно устранить. Это сюжет сотен книг и фильмов, начиная с «Войны миров», но Кинг повернул его по-своему. Пусть инопланетяне бесчеловечны, но ничуть не лучше военные, без колебаний выполняющие приказ об убийстве своих сограждан. Их нравственная мутация ничуть не лучше физической мутации человека под действием инопланетного «рака». Не случайно ими командует полковник Курц — совершенно свихнувшийся герой «Апокалипсиса сегодня» Фрэнсиса Копполы.

Свою нелюбовь к милитаризму и шпиономании Кинг не раз выражал публично, особенно после прихода к власти администрации Буша. Он, как и все, был потрясен терактами 11 сентября и в своей статье в «Нью-Йорк таймс» писал: «Это не фильм и не книга — это просто люди, вооруженные всего лишь ножами для резки бумаги, захватили самолет и подчинили его своей воле. Стоимость вооружения террористов составила меньше ста долларов. И тем не менее, эти недоразвитые малобюджетные камикадзе спокойно пролетели прямо под зорким оком радаров американской службы безопасности… Все, что у них было — это желание умереть и нести смерть остальным. Это может случится снова. И теперь, когда все эти чокнутые по всему земному шару видели, что в принципе с Америкой можно сотворить все, что угодно, — это почти наверняка повторится».

В тот момент Кинг вряд ли помнил, что в рассказе «Конец всей этой мерзости» уже предсказал нечто подобное: «В 2003 году группа «Сыновья Джихада» взорвала нейтронную бомбу в Лондоне. Радиацией было заражено шестьдесят процентов английской столицы, а ее остальная часть превратилась в исключительно вредное для проживания место».[109] И тогда, и теперь он видел один путь предотвращения этого — не лихие «точечные удары» по террористам, а медленная работа по строительству более гуманного и спарведливого мира. С наивностью истинного шестидесятника он уверял: «Накормите голодных, и их дети уже не захотят бросать в вас бомбы». Поэтому дальнейшие шаги властей — вторжение в Афганистан, а потом в Ирак — встретили у писателя резко отрицательное отношение. В марте 2003-го он и его соратники по рок-группе оказались в числе 147 американских писателей, подписавших антивоенное послание президенту: «Мы считает, что Соединенные Штаты не должны присоединяться к тем, кто творит зло — это только умножит количество зла на планете». В последнем романе «Парень из Колорадо» он пишет: «Что президент делает на

Ближнем Востоке? Мы не знаем этого, потому что он сам не знает». Осенью 2004 года Кинг уехал во Флориду раньше срока, чтобы принять участие в предвыборной кампании демократов. На митинге их кандидата в президенты Джона Керри он заявил: «Благодаря Бушу мы рассорились со всем миром. Он умудрился просрать то всеобщее сочувствие, с которым к нам относились после 11 сентября».

Свои взгляды на ситуацию в мире писатель подробно изложил в мае 2001-го, выступая перед выпускниками колледжа Вассар. Радостной молодежи он говорил довольно мрачные вещи — о болезнях, страдании и смерти, для которой ничего не значит золотая карта «Американ экспресс». Еще он сказал: «Представьте себе маленький уютный дворик, где семья жарит барбекю, а за оградой стоят голодные женщины и дети. Этот дворик — Америка, а голодные люди, которые стоят за оградой и смотрят, как мы едим — большая часть мира. В нашей стране живут пять процентов мирового населения, которые потребляют 75 % мировых ресурсов. Объедками, которые средняя американская семья оставляет после праздничного обеда в День Благодарения, можно неделю кормить целую либерийскую деревню. Поколение Вудстока, мечтавшее когда-то изменить мир, теперь большей частью погрузилось в уютную спячку у своих телеэкранов… Но вы молоды, и у вас есть силы помочь, силы изменить положение. Конечно, деньги, которые вы достаете из кошелька, не спасут мир, но они могут помочь конкретному человеку».

Летом 2001 года Кинг закончил «Черный дом» (вышедший в сентябре), а осенью написал короткий роман «Почти как «бьюик» — в оригинале он называется «Из «бьюика-8». Его замысел родился в дальней поездке, когда СК оставил свой «линкольн» на обочине и отошел подальше в кусты «отдать долг природе», как это когда-то поэтически называли. Дело было уже сделано, когда ноги писателя вдруг поехали на скользкой глине, и он едва не свалился в какой-то овраг. Возвращаясь к дороге, он представлял, как умирает на дне, а его осиротевшую машину буксируют к полицейскому участку и держат там до тех пор, пока до этой глухомани не доберутся ее приметы. Но что если пустую машину на шоссе бросит не знаменитый писатель, а инопланетяне? Так в творчество Кинга через много лет после «Кристины» вернулась тема автомобиля-убийцы.

Такую машину — с виду обычный «бьюик-роудмастер» 1954 года — нашли полицейские из городка Стэнтон в Пенсильвании и поставили ее в гараже участка. Тут-то и выяснилось, что эта вещь только маскируется под «бьюик», а на деле служит мостом в другой мир. Туда исчезают чересчур любопытный полисмен и

сбежавший преступник, а оттуда являются странные растения, животные и даже один инопланетянин, которого сотрудники забили насмерть — слишком уж уродливым он был. «Желтое чудовище с головой, которая в общемто и не голова, а переплетение розовых отростков, шевелящихся и извивающихся. А под ними — желтая сморщенная кожа. Ростом за семь футов, оно превосходило человека. Оно издавало какието звуки, похожие на те, когда ночной мотылек бьется о стекло, пытаясь добраться до светящейся в комнате лампы».[110]

Роман казался возвращением к прежнему Кингу с его принципом «все непонятное страшно». На самом деле это была всего лишь стилизация — автора интересовали не зловещие пришельцы, а их воздействие на души полисменов из патрульного взвода Д, напоминающее о «Зеленой миле». Одни равнодушно проходят мимо «бьюика», другие предлагают как можно скорее уничтожить его, третьи пытаются изучать. Многие умирают, будто проклятые машиной. Сын одного из погибших Нед Уилкокс приходит в полицию с одной мыслью — разгадать тайну «бьюика». Однажды он заглядывает в кабину, и товарищам едва удается спасти его. «Нед начал уходить в сиденье, которое больше таковым не являлось. Оно исчезало, растворялось в поднимающемся снизу яростном свете… Я видел небо. Пурпурное, в облаках, сверкающее молниями. Совершенно чужое небо. В нем, сбившись в стаи, летали какието существа. Чуть дальше я увидел ковбойский сапог, большую часть кожи покрывала черносерая плесень. Боковина сапога прорвалась, и через дыру виднелась желтоватая кость».[111] И все же терпение полицейских победило — однажды «бьюик» взял и рассыпался, унеся тайну с собой.

После «Бьюика» Кинг занялся отбором рассказов, написанных за десять лет, для четвертого сборника под названием «Все предельно» (он вышел в марте 2002-го). Заглавный рассказ, где действует будущий персонаж «Темной Башни» Динки Эрншоу — о нравственном выборе человека. Юного мизантропа Динки, отвергнутого обществом, берут на содержание агенты организации «Трэн корпорейшн», чтобы он при помощи телепатии ликвидировал неугодных им лиц. По первому требованию ему доставляют все, что он захочет — вплоть до картины Рембрандта или фото Николь Кидмен с автографом. За это он должен время от времени писать и отправлять по и-мейлу «особые» письма, действующие как заговоры на смерть. Первое время Динки наслаждается доставшейся ему властью, но быстро приходит в себя. Начав интересоваться биографиями убитых им людей, он узнает, что все они боролись против войны и насилия,

и приходит к шокирующему выводу: «Я — всего лишь инструмент, окуляр, через которые смотрит настоящий бомбардир».[112] В итоге Динки убивает своего демонического куратора Шарптона и убегает — как потом выясняется, прямо в «шарашку» Алого Короля.

К Темной Башне имеет отношение и рассказ — вернее, небольшая повесть — «Смиренные сестры Элурии». Это эпизод из многолетних странствий Роланда, повествующий о том, как после ранения он попал в руки медсестер-вампиров, которые лечили пациентов только для того, чтобы после слопать. Одна из сестер, Дженна, влюбилась в Роланда и помогла ему бежать, но не смогла одолеть свою вампирскую природу и растаяла под лучами солнца. Еще один рассказ, «Счастливый четвертак» — типичная для Кинга мелодрама, рассказ о горничной Дарлин, которой кто-то из постояльцев оставил счастливую монету, позволившую сорвать все ставки в казино (оч-чень оригинальный сюжет!)

Кроме этих двух, все рассказы сборника относятся к «ужастикам». Часть их входила в книгу «Шесть историй», а «Баллада о блуждающей пуле» широко разошлась в Интернете. Поэтому читательский интерес к «Все предельно» оказался слабее, чем ожидал автор. Вдобавок большинство рассказов представляли собой простые зарисовки, причудливые фрагменты без начала и конца. Например, «Ланч в кафе Готам» описывает встречу разводящихся мужа и жены в обычном нью-йоркском ресторане. Супруги обмениваются колкостями, обедающий с ними психотерапевт жены (и, вероятно, ее любовник) пытается извлечь из ситуации свои выгоды, играет джаз — как вдруг метрдотель сошел с ума и набросился на посетителей с мясницким ножом. Его первой жертвой стал психотерапевт, а муж с женой, залитые его кровью, с трудом убежали от психа — но так и не помирились. Кинг объяснил: «Для меня, движущей силой был не сумасшедший мэтр, а безумные отношения между разводящимися людьми, в чем-то более безумными, чем он».[113]

Один из лучших рассказов сборника — «Комната для вскрытия номер четыре». Ее герой Говард Коттрелл, парализованный укусом змеи, был принят за мертвого и привезен в больницу для вскрытия. Он все видит и слышит, но не может пошевелить пальцем и в панике наблюдает, как эскулапы готовят инструменты и обсуждают, где и как его резать: «Нижнее лезвие входит в живот, как в масло. Затем режет нервный узел в солнечном сплетении, мышцы и сухожилия расположенные выше. Добирается до грудины. Когда лезвия сходятся на этот раз, раздается скрежет, ребра разваливаются в стороны, как две половины бочонка, стянутые веревкой. А ножницы все режут

мышцы и кости, превращая Говарда Завоевателя в рождественский обед, который никто есть не будет».[114] Несмотря на нарастающий ужас, он успевает фиксировать развитие отношений между тремя медиками — явный интерес сексапильной докторши Кэти к молодому врачу и неприязнь к громиле-санитару с его дурацкими шутками. Однако именно санитар в последний момент приносит новость о том, что пациента укусила змея и он, возможно, жив. Конец счастливый, даже забавный: «Кэти Арлен и я встречались четыре месяца. Расстались по взаимному согласию, в силу сексуальной несовместимости. У меня вставало, лишь когда она надевала резиновые перчатки».[115]

Следующий рассказ «В комнате смерти» — киношный эпизод пытки американского журналиста в какой-то стране Центральной Америки. Здесь, как и в предыдущем случае, мы видим беспомощного главного героя и четверку его палачей с запутанными личными отношениями. Но цель у Флетчера другая — выжить, вырваться из рук мучителей, которые подозревают его в связи с коммунистическими партизанами. Как полагается в голливуском кино, он героически перестрелял их, а пыточных дел мастера Хайнца (немецкое имя здесь необходимо) прикончил его же орудием труда. Детально описано, как глаза Хайнца выплескивались на щеки, а язык «загорелся, как тряпка». Да и сам он какой-то тряпочный, как все герои рассказа.

Герой рассказа «Дорожный вирус направляется на север» — еще одно альтер это Кинга, писатель Ричард Киннел. По пути домой он купил на распродаже странную картину с изображением зловещего типа за рулем машины и подписью, вынесенной в заглавие. Ее автор, художник-наркоман, недавно покончил с собой, уничтожив все свои полотна, кроме одного. Отправившись дальше, Киннел обнаружил, что картина странным образом меняется — изображенный на ней человек явно ехал вслед за писателем. И не только ехал, но и зверски убивал всех, с кем общался Киннел. Все попытки уничтожить картину оказались тщетными. Под конец Дорожный вирус явился в дом писателя, и перед смертью тот успел увидеть, что машина на холсте остановилась у его крыльца, и водителя в ней нет. В рассказе Кинг описал подлинную картину, действительно купленную им на распродаже. От нее пришлось избавиться из-за детей — они утверждали, что глаза водителя на картине следят за ними. Кстати, ожившие картины есть и в других произведениях СК — вспомним «Мареновую Розу».

Рассказ «Чувство, имя которому есть только на французском» странным образом повторяет новеллу Виктора Пелевина «Вести

из Непала». Его героиня, едущая с мужем на модный курорт, вновь и вновь переживает мгновения перед неизбежной гибелью в автокатастрофе, вспоминая заодно всю свою жизнь. Под конец она понимает, что находится в аду, который по Кингу (и Пелевину) есть бесконечное повторение одних и тех же рутинных событий. Естественно, французское слово в заглавии — это «дежавю». Самый известный и уже экранизированный рассказ сборника — «1408», посвященный проклятому номеру отеля. В предисловии Кинг пишет: «Номера отелей сами по себе вызывают страх, не так ли? Входя в номер, поневоле задаешься вопросом, сколько людей спали до тебя на этой кровати? Сколько среди них было больных? Сколько сумасшедших? Сколько думало о том, чтобы прочесть несколько строк из Библии, что лежит на прикроватном столике, и повеситься в стенном шкафу у телевизора?».[116]

Работая над «Как писать книги», Кинг в качестве пособия молодым писателям набросал начало типического ужастика, который потом дописал — не пропадать же добру! И правильно сделал, поскольку рассказ «1408» получился почти образцовым. В нем разоблачитель всяческой мистики Майк Энслин собирается провести ночь в номере отеля «Дельфин», где ранее покончили с собой двенадцать постояльцев. Напряжение нагнетается медленно — вначале менеджер отеля долго отговаривает Майка от его предприятия, потом они добираются до злополучного номера, и смельчак открывает дверь. Номер как номер, только дверь немного скособочена, как и картины на стенах — типичная «адская геометрия» по Лавкрафту. Об увиденном он сообщает в диктофон, и дальше мы следим за происходящим по этим отрывочным сообщениям. «Рваный ритм записи, в сочетании с все более бессвязной речью у большинства слушателей вызывают тревогу. Многие просят выключить пленку задолго до того, как запись, очень короткая, подходит к концу. Словами невозможно адекватно передать нарастающую убежденность слушателя в том, что человек, который диктовал эту странную запись, сходит с ума».[117]

Неправильности, вначале небольшие, начинают зловеще нарастать — меняются картины на стенах, исчезают вещи. В меню на тумбочке появляется надпись по-французски: «Птицы, запеченные в дерьме» (надо же, французы могут есть и такое! — сонно думает герой). Воздух превращается в вязкий кисель. В телефонной трубке раздаются голоса: «Даже если ты уйдешь из этого номера, ты никогда не покинешь его!» Охваченный безумием, Майк поджег на себе рубашку и выскочил в коридор, где, по счастью, наткнулся на соседа с ведерком льда. Он выжил,

но кончился как писатель — «он не может написать почтовую открытку, не почувствовав, как его прошибает холодный пот, а желудок болезненно сжимается».[118] Ничего случившегося в отеле он не помнит, но каждую ночь ему снятся кошмары — он так и не покинул номер 1408.

Рассказ «Человек в черном костюме» описывает встречу девятилетнего мальчика с дьяволом в гуще мэнского леса. Одетый в черный костюм монстр со сверкающими золотыми глазами и длинными когтями на руках хотел съесть мальчика, но тот сумел убежать и прожил долгую счастливую жизнь. Но до конца ее, до медленного угасания в доме престарелых он не переставал бояться, что дьявол придет за ним снова. Кинг написал эту историю под впечатлением рассказа своего приятеля о том, как его дед встретился с нечистым. Кроме того, «Человек» напоминает известную новеллу Готорна «Молодой Гудмен Браун», которую СК считает одним из лучших американских рассказов. До того, как войти в сборник «Все предельно», он был опубликован в «Ньюйоркере» и получил премию О. Генри за 1996 год.

Рассказ «Все, что ты любишь, ветром унесет» — по-чеховски грустная история коммивояжера, решившего застрелиться в захолустном мотеле в Небраске — от усталости, от одиночества, от равнодушия жены и дочери (чаще всего они общаются при помощи СМС-сообщений, и — характерный штрих — в последнем он впервые за пять лет сообщил жене, что любит ее). От самоубийства Альфи Зиммера удерживают только надписи в придорожных сортирах — он давно собирает их и лелеет надежду издать в виде книги. Теперь он стоит у края поля и гадает — если в фермерском доме по соседству снова зажжется свет, он отложит пистолет, вернется домой и напишет свою книгу. История остается без финала, и Кинг лишь предлагает читателям «помолиться за всех Альфи Зиммеров в этом мире». В рассказе «Смерть Джека Хэмилтона» писатель выдает свою, довольно запутанную версию гибели в июле 1934 года знаменитого ганстера Джона Диллинджера.

Стоит отметить, что ни в одном из рассказов сборника, кроме чисто литературного «Человека в черном костюме» и сказочных «Смиренных сестер», нет никаких монстров. Это в высшей степени характерно для позднего Кинга — все ужасы находятся внутри человека. Вампиры, оборотни, да и злобные инопланетяне — все это проявления «коллективного бессознательного», которые воплощают в себе разрушительные эмоции людей. Кинг всегда клянется читателям в своей честности, но, похоже, не верит и никогда не верил в реальность созданных им монстров. И слава

Богу — иначе он давно бы пребывал не в бангорском особняке, а в какой-нибудь маленькой психиатрической больнице.

Завершая работу над сборником «Все предельно», Кинг снова заявил, что после завершения цикла Темной Башни бросит писать: «Возможно, мои поклонники расстроятся, зато многие писатели и издатели вздохнут с облегчением и скажут: «Наконец-то он заткнулся»». То же говорилось в «интервью» с самим собой, которое Кинг вывесил в июне 2002-го на своем сайте. Однако Сьюзен Малдоу из «Скрибнера» отнеслась к его словам скептически: «Слух о том, что он бросает писать, старше Мафусаила, а он по-прежнему пишет». Так же беззаботен был Ральф Вичинанца: «Из своего опыта общения со Стивом я вынес ощущение, что он любит общаться с людьми, а писательство для него — главный способ общения».

Летом 2003-го последний том эпопеи был завершен, и кингоманы застыли в напряженном ожидании. Не чая уже дождаться от своего любимца новых произведений, они с удвоенной энергией принялись разыскивать старые. В то время известный знаток творчества Кинга австралиец Роки Вуд и двое его американских коллег объявили о предстоящем издании сборника «Неизданный Стивен Кинг». В свое время СК, делая уборку в кабинете, решил избавиться от груды старых черновиков и подарил их своей «альма матери» — Мэнскому университету. Теперь ученые мужи, получив позволение писателя, вытащили его творения из архива и предъявили их читателям. В их числе были глава из начатого в 1970 году романа «Меч в темноте», юношеская поэма «Динозавр», куски рассказов и «Молли» — вариант сценария для «X-Files», ставший позже «Чингой». Ко всему этому добавилась подробнейшая библиография, состоящая из четырех сотен названий. Массового читателя все это мало интересовало, поэтому издательство «Семетери дэнс» ориентировалось на богатых поклонников Кинга, выпустив новинку тиражом 2500 экземпляров в шикарных кожаных футлярах ручной работы (остается надеяться, что кожа была не человеческой, хе-хе).

Двумя годами раньше та же ученая компания выпустила еще один том, куда вошли ранний фантастический рассказ Кинга «Мебиус», сценарий «Они кусаются» и семь неоконченных рассказов. Что же осталось на стеллажах библиотеки Фоглера в Ороно? Не так уж мало — четыре романа, десяток рассказов, полтора десятка сценариев для кино и радио. В 1982 году Кинг почти закончил роман «Каннибалы» о зрителях, запертых в кинотеатре во время просмотра его фильма «Калейдоскоп ужасов». Через несколько дней заточения они потеряли

человеческий облик и начали есть друг друга. В итоге СК счел роман слишком мрачным и решил его не дописывать. По той же причине был заброшен роман «На острове», начатый в 1986 году. Автор говорил о нем в интервью: «Он о том, как богачи заманили парней с улицы на необитаемый остров, чтобы поиграть с ними в пейнтбол. А там оказалось, что эти типы стреляют настоящими пулями, и большую часть тех парней перебили. Но двое или трое выжили и дождались случая, чтобы отомстить». Там же хранится фантастический роман «Джордж Макардл» и, возможно, неоконченные романы «Сорняки» и «Молочник», из которых взяты одноименные рассказы. Но и это не все — не менее десятка ранних рассказов СК рассеяны по редким малотиражным изданиям, за которыми идет настоящая охота.

Стоит сказать, что СК давно стал объектом внимания коллекционеров. Хотя его первые издания вышли совсем недавно, в семидесятые годы, их уже продают по четыре — пять тысяч долларов, особенно книги издательства «Даблдэй», которых из-за плохой склейки осталось довольно мало. Почти каждый роман Кинга и даже некоторые рассказы выпущены в отдельных нумерованных изданиях для избранных. Фаворитом оказался «Мой милый пони» — его издание с цветными иллюстрациями стоило $2600. Часть экземпляров «на корню» подписывается автором. Вообще-то СК не любит подписывать книги — во время нечастых выездов в народ ему приходилось работать ручкой так усердно, что вечером он не мог поднести ложку ко рту. Что ж, популярность требует жертв. После аварии, ссылаясь на плохое здоровье, писатель свел ежедневное количество автографов до пары сотен. Книги с его подписью, как правило, возрастают в цене в три раза и больше в зависимости от длины надписи.

Сегодня собиранием всего, что связано с именем Кинга, заняты не менее 600 человек в разных странах (прежде всего, конечно, в Штатах). Выбор у них богатый: книги, фильмы, лазерные диски, компьютерные игры, книги жены СК, а теперь и его сына. Все это можно купить через Интернет, но фэны предпочитают навещать книжный магазин Стью Тинкера в центре Бангора — там можно отыскать что-нибудь действительно редкое. Самый курьезный предмет коллекционирования — «гитара Стивена Кинга», которая сделана из ствола громадного дерева, «сыгравшего» в киноверсии «Куджо». В 1997 году было изготовлено 250 таких гитар, раскупленных кинголюбами по $3000 за штуку.

Конечно, поклонники Кинга организованы хуже, чем фанаты какой-нибудь футбольной команды. Тем не менее, у них есть своя кинокомпания («Касл-Рок энтертейнмент»), издательства

(«Семетери дэнс» и «Оверлук»), журналы и десятки интернет-сайтов. Самый, пожалуй, известный — сайт немецкого журналиста Ганса-Эйка Лильи http://www.liljas-library.com, существующий с 1996 года. Здесь можно найти практически любую информацию о самом Кинге и его произведениях. Неплохи сайты американских кинголюбов — http://www.horrorking.com и слегка стебный http://malakoff.com/sking.htm. По-немецки обстоятелен сайт http://www.stephen-king.de. И мы не лыком шиты — в Рунете функционируют превосходные ресурсы Дмитрия Голомолзина http://www.stephenking.ru и Сергея Думакова http://king.bestlibrary.ru. На сайте http://greatking.narod.ru/index.htm, кроме самого Кинга, публикуются тексты его российских поклонников — ну, это на любителя. Кстати, наши сайты, в отличие от законопослушных западных, предлагают посетителям не только обзоры творчества СК, но и сами его произведения.

Любовь фэнов давно перестала раздражать Кинга, а иногда и радует его, хотя он явно предпочел бы признание со стороны коллег по перу. С этим дело обстоит не так радужно — многие писатели до сих пор третируют его как представителя «низкого жанра». Он и сам соглашается с этим, меланхолично замечая: «Мои книги — как колбаса. Она может быть очень вкусной, но от этого не перестает быть колбасой». В другой раз он сравнил себя с Биг-Маком, чем вызвал отклик своего давнего поклонника Дэвида Кроненберга: «Думаю, в этом Кинг прав. Как Биг-Мак, он впечатан в повседневную жизнь людей, и как раз в этом его сила. Многим людям он внушает мысли, которые иначе ни за что не пришли бы им в голову. Конечно, это ограничивает его возможности, но для него такое ограничение идеально. Он делает именно то, что хочет, и в этой сфере предстает искренним и безупречным художником».

И все же с годами Кинг все сильней стеснялся своего литературного изгойства. Порой он избирал наступательную тактику: «Некоторые знакомые спрашивают меня: «Стивен, почему ты все время публикуешь романы о зомби, вампирах и демонах? Может, напишешь когда-нибудь о профессорах, у которых проблемы с потенцией, или что-нибудь типа этого?» И я отвечаю: мне это неинтересно. Я абсолютно не стыжусь того, что я делаю, и книг, которые я пишу». В другой раз писатель начинал обороняться, смущенно бормоча что-то о Биг-Маках или ссылаясь на Диккенса, который тоже писал для широкой публики. И все же только слепой не видел, как ему хочется завоевать признание у литературного истэблишмента.

В октябре 2003 года этот «момент истины» все-таки наступил — СК удостоился медали Национальной книжной ассоциации «За

выдающийся вклад в американскую литературу». Фактически это означало присвоение ему статуса живого классика, ведь до него эту награду получали такие авторы, как Джон Апдайк, Сол Беллоу, Тони Моррисон. Некоторые известные писатели выступили с протестом против такого решения, назвав его «ужасной ошибкой», а «Нью-Йорк таймс» предположила, что оно вызвано давлением крупных издательств, с недавних пор спонсирующих ассоциацию — конечно, имелся в виду «Саймон энд Шустер». В «Бостон глоб» известный критик Хэролд Блум назвал награждение Кинга «очередным шагом вниз по лестнице, ведущей Америку к отупению». Сам Кинг принял медаль без восторга, но с удовольствием. Выступая на церемонии вручения, состоявшейся 19 ноября в зале на Таймс-Сквер, он сказал: «Пришло время наводить мосты между так называемой популярной и так называемой элитарной литературой. Прежде всего от этого выиграют читатели… Мне кажется, старое разделение устарело, и неправы те из сидящих в этом зале, кто гордится тем, что не прочитал ни строчки из Джона Гришема, Тома Клэнси и других популярных авторов».

На церемонии писатель выглядел бледным и нездоровым, что имело веские причины. Он подхватил грипп, но решил не пропускать вручение важной награды. В результате через два дня попал в больницу с тяжелой пневмонией и подвергся весьма неприятной операции по удалению мокроты из легких. Домой он вернулся только 21 декабря, в канун Рождества, и вдруг представил, как перешагивает порог кабинета и видит его пустым. Вся мебель вынесена, книги упакованы в коробки, любимые фото сняты со стен. Жена со смущенной улыбкой говорит: «Извини, как-то ночью мне не спалось, и я тут кое-что поменяла». Конечно, это была всего лишь фантазия, но у Кинга родилась идея рассказа о писателе, который предчувствует свою смерть. Позже она вылилась в замысел еще не оконченного романа «История Лайзи».

Но пока что казалось, что писатель настроен выполнить свое обещание и почить на лаврах. Из его кабинета по-прежнему доносился стук клавишей «макинтоша», но впервые за много лет это были не романы. Кинг писал сценарий сериала «Госпиталь «Королевство»» и статьи. Еще летом 2003-го он начал вести в журнале «Энтертейнмент уикли» — аналоге наших «Семи дней» — ежемесячную колонку, посвященную шоу-бизнесу. Сумму гонорара редакция не раскрывала, но она явно была немаленькой. За это СК должен был делать примерно то же, что когда-то делал в студенческом «Мусоровозе» — остроумно обозревать новости культуры. Главным образом он писал о музыке, слегка

переоценив свою подкованность в этом плане. Ведь классический рок и даже хэви-метал молодежь уже не слушала, а в рэпе и ска-панке он ориентировался с трудом — да, честно говоря, и не считал их за музыку.

Музыка в жизни и творчестве Кинга — тема особая. Как уже говорилось, он вырос под звуки рока, и цитаты из рок-н-рольных песен буквально пронизывают его произведения. Иногда это музыка одной группы — например, «Рамонес» в «Кладбище» (эти веселые панк-роковые хулиганы — давние любимцы писателя). Иногда — целая какофония, как в «Черном доме» или «Кристине», где собрано, наверное, все, что американский рок сказал об автомобилях. Отдельные части романа даже носят названия «Песенки тинейджеров» — о машинах, о любви, о смерти. Но, помимо рока, в жизни Кинга был другой музыкальный пласт, который нынешняя благополучная Америка изрядно позабыла. Это фолк шестидесятых и более раннего периода, неизменно окрашенный протестом — Боб Дилан, Фил Окс и их предшественники, начиная с легендарного рабочего певца Джо Хилла, именем которого Кинг назвал старшего сына. В молодости он исполнял их песни на вечеринках, кое-как подыгрывая себе на гитаре.

Весной 1992 года застарелая меломания Кинга нашла неожиданный выход — вместе с группой литераторов своего поколения он основал рок-группу. Все началось с одной встречи с читателями, где СК оказался в компании романиста Уоррена Зивона. Тот показал ему песню «Оборотни в Лондоне», которая так понравилась Кингу, что он решился спеть ее с эстрады — и неожиданно сорвал бурные аплодисменты. Этот опыт вдохновил его на дальнейшие шаги и объединил с другими поющими литераторами, которую сплотила Кэти Голдмарк, энергичная редакторша из Сан-Франциско. В мае в Анахейме, Калифорния, состоялся первый концерт группы «Рок Боттом ремейндерс» — что можно перевести как «осколки разбитого рока». Кроме Кинга, в нее вошли юморист «Майами геральд» Дэйв Барри (гитара), романисты Ридли Пирсон (бас-гитара) и Барбара Кингсолвер (клавишные) и создатель мультика про Симпсонов Мэтт Гренинг (саксофон). На подпевках у них были сама Кэти и две довольно известные писательницы — Тад Бартимус и очаровательная китаянка Эми Тан.

Через год группа набралась смелости совершить турне по всему востоку США, от Бостона до Майами. Кинг по этому случаю заказал себе шикарную черную гитару с жемужными пауками, бегущими по грифу. В основном «осколки» исполняли рок-н-ролльные мелодии 60-х. Одно время в состав группы входил

музыкальный обозреватель Эл Купер, потом он ушел вместе с Барбарой, не выдержав сложного характера Кэти. За клавиши в итоге сел журналист Митч Элбом, а за ударные — поэт Джош Келли. Группа выступает до сих пор, хотя остряк Барри заметил: «Мы поем так же хорошо, как парни из «Металлики» пишут романы». Репертуар простирается от старых блюзов до шуточных песен, сочиненных самими участниками — на одной из видеозаписей СК с воодушевлением исполняет песню Кэти Голдмарк «Не суди о книге по обложке», ставшую неофициальным гимном группы.

После аварии сотрудничество Кинга с «осколками» на время прервалось, но уже осенью 2000 года он играл с ними на концерте в Филадельфии. Чуть позже писатель затеял новый музыкальный проект — вместе с известным поэтом-песенником Джоном Мелленкампом он взялся за создание мюзикла «Братья-призраки из Сумеречного края». Кинг должен был написать сюжет в прозе, а Мелленкамп — сочинить вокальные партии. Героями стали два брата-подростка, ненавидящих друг друга. Приехав отдыхать в мэнский «Озерный край», они столкнулись с призраками двух своих предков — тоже братьев, которые когда-то убили друг друга. Теперь мстительные призраки пытаются отомстить за себя руками потомков, а родители братьев изо всех сил стараются помирить их и удержать от кровопролития. Работа над мюзиклом тянется до сих пор, и чем она закончится, пока неясно.

Затянулось и другое масштабное предприятие — перевод всей «Темной Башни» на язык комикса, которым занялся мэнский художник Гленн Чедборн. Пока что выход первой части рисованной эпопеи намечен на февраль 2007 года. Пробным камнем стала книга комиксов «Министерство снов», нарисованная тем же Чедборном по мотивам шести классическим рассказам Кинга и опубликованная недавно издательством «Семетери дэнс». Похоже, СК, который не раз высмеивал утверждения о «смерти книг», вынужден делать скидку на растущее равнодушие его соотечественников к печатному слову. Телевидение сделало свое дело — все больше людей не в силах воспринимать информацию без пояснительной картинки. Уже лет десять в американских газетах и журналах растет доля иллюстраций в ущерб тексту; очевидно, теперь настала очередь книг. Еще один симптом — всеобщее распространение аудиокниг, к которому Кинг тоже подключился одним из первых. При этом отмирание книжной культуры вряд ли его радует, и он вполне может посвятить этой теме один из будущих романов. Правда, самый впечатляющий ужастик об этом уже написан, и называется

он «451* по Фаренгейту».

Зная любовь Кинга к песенному жанру, фанаты часто интересовались, не пишет ли он стихи. «Когда-то я сочинил немало виршей, — отвечал он чуть смущенно. — Но всеми ими остался недоволен, поэтому большую часть не сохранил». Тем не менее летом 2003-го в рамках «раскрутки» новых томов «Темной Башни» он согласился включить шесть своих стихотворений в сборник «Вино дьявола», выпущенный тем же «Семетери дэнс». Туда вошла поэзия таких мастеров жанра, как Рэй Брэдбери, Питер Страуб и Чарльз де Линт. На их фоне Кинг выглядел вполне достойно, хотя, конечно, шедеврами его стихи назвать нельзя. Большинство из них опубликованы в ротапринтных сборниках Мэнского университета в 1968 — 71 годах со странными названиями (один из них именовался «Онан»). Гораздо позже написана «Песнь параноика», вошедшая в «Команду скелетов» — позже по ней был даже снят восьмиминутный фильм ужасов.

«Им не сыскать мое имя
В череде некрологов.
В их головах — муть,
им не найти мою мать,
она скончалась.
Стены от крика качались.
Кто собирал пробы,
точно с чешуйчатых гадов,
с моих петляющих взглядов,
со снов моих перекосных,
со слез моих перекрестных?»

Перевод Нины Эристави не слишком соответствует оригиналу, написанному, как принято в Америке, корявым белым стихом (My name is written in back files and looked up in newspaper morgues). Но и по нему видно, что Кинг рано поставил крест на своей поэтической карьере. При всей вторичности в стихотворении есть и смысл, и ритм, и кое-какая энергетика. Не хуже и стихи из романов, особенно балладные финалы глав «Темной Башни». И милая колыбельная из последней ее части (чаззет-чиззет-чеззет, все в лукошко влезет). И, конечно, «птички и рыбки, медведи и зайки». Того гляди, скоро придет пора объявить Кинга выдающимся автором детских стишков.

Музыкальные обзоры в «Энтертейнмент уикли» отнимали у писателя максимум день в неделю, и остальное время надо было куда-то девать. С начала 90-х он регулярно посещал бейсбольные

матчи с участием любимой команды «Бостон ред сокс». К спорту он, как большинство американцев, относится трепетно. В 1992 году писатель пожертвовал большую сумму на строительство стадиона имени Мэнсфилда в Бангоре. А в августе 2002-го был страшно горд, когда ему позволили вбросить первый мяч на открытии чемпионата страны по бейсболу. Теперь у него родилась идея написать книгу о «Красных носках», построенную как обозрение всех игр одного сезона. В работе Кингу помогал 34-летний писатель Стюарт О'Нэн — его давний приятель и тоже фанат бейсбола. Посещая каждый матч, они обменивались по электронной почте впечатлениями, из которых и составилась книга. По странному совпадению, именно в этот сезон команда «Ред сокс» впервые с 1918 года стала чемпионом Америки, и радости болельщиков не было конца. До этого Кинг горевал вместе с ними и даже в шутку просил поставить на своей могиле памятник в виде мраморного носка с надписью: «Я этого не увидел, но не увидишь и ты».

Книга «Верный» (Faithful — очевидно, имелся в виду верный поклонник) вышла в ноябре 2004-го, и сказать о ней нечего — по крайней мере тому, кто не любит спорт вообще и американский в частности. Когда Кинг пишет о бейсболе, в нем просыпается подросток с его восторженностью, туповатым юмором и полной неспособностью к анализу. Впрочем, так бывает и с писателями других стран, когда заходит речь о национальном увлечении — у нас это, естественно, водка.

К тому времени пресса уже раззвонила, что СК нарушил взятый на себя зарок и вовсю пишет книгу, жанр которой в скупых анонсах был обозначен как детектив. Кинг всегда любил детективы, но сам их не писал, ограничиваясь стилизациями типа «Последнего дела Амни». Теперь читателям был обещан полновесный роман-расследование, который «Саймон энд Шустер» вознамерился включить в новую серию «Hard Case Crime» — что-то вроде «детективной загадки». В феврале 2005-го «Парень из Колорадо» был дописан, а осенью вышел в свет. Тут-то и выяснилось, что детективный сюжет был лишь прикрытием. На самом деле речь шла о тайне, которую разумнее оставить нерешенной, как автор и поступил вместе со своими героями.

На маленьком Лосином острове у побережья Мэна два ветерана журналистики из местной газетки учат молоденькую практикантку Стефф премудростям ремесла. Одна из них гласит: люди хотят слышать складные истории, а жизнь преподносит в лучшем случае их обрывки. Один из таких обрывков — история мертвеца без документов, найденного лет десять назад на пляже островка. Вскрытие показало, что он подавился куском мяса, и

это было все. Друзья-газетчики провели свое расследование и по штампу на пачке сигарет узнали, что покойный — некий Джеймс Коган из Колорадо (если помните, в тех местах происходило действие «Сияния» и «Мизери»). Бросив семью и работу, он каким-то образом за несколько часов переместился в Мэн, пообедал и сел на паром, чтобы добраться до острова. Зачем он туда стремился и как погиб, осталось загадкой. Журналисты объясняют Стефф, что такая история не нужна читателям — они предпочитают удобные тайны, объяснение которых лежит на поверхности.

Но у Кинга есть и свой урок, отличающийся от журналистского. Какой-нибудь въедливый сыщик взялся бы раскапывать дело и наверняка довел его до конца (конечно, в романе — в жизни такие дела обычно остаются нераскрытыми). Получилось бы занимательно, но не более того. А здесь читателя бросает в дрожь от мысли, что нечто непонятное заставило преуспевающего художника и примерного семьянина броситься на другой конец страны, чтобы там растянуться на пляже с посиневшим лицом и куском отбивной, застрявшим в горле. Нелепо, ужасно, но прежде всего загадочно. И загадка эта никогда не разрешится, если только сам СК походя не решит ее в одном из будущих романов. Впрочем, многим это и не нужно — смотрят же они бесконечные «Секретные материалы», где тайна громоздится на тайну, а разгадки все нет. Современному человеку, перекормленному информацией, знание уже не нужно — ему достаточно щекотать нервы, а Кинг умеет делать это, как никто другой.

Время показало, что обещание СК бросить писать было то ли легковесной шуткой, то ли хорошо продуманным рекламным ходом. Оказалось, что он вовсе не собирается менять каждодневное корпение за компьютером на свободу богатого бездельника (кто бы сомневался?) Уже в сентябре 2004-го на кинговском сайте появился анонс рассказа «Лайзи и безумец», который должен был в конце года выйти в антологии «Сундучок удивительных историй». Однако рассказ перерос в роман, который к весне получил название «История Лайзы». Внимание в нем сместилось от писателя к его жене, а жанр Кинг обозначил как «историю любви с участием монстров… в том числе в человеческом облике». В июле он прочел главу из будущего романа на выступлении в бангорской школе на Мейпл-стрит. Речь шла о мальчике, который наблюдает, как его старший брат постепенно сходит с ума. Писательская жена куда-то пропала, и стало ясно, что роман изрядно отошел от первоначального замысла. Автор сам признался, что пока произведение

представляет собой «полную мешанину». В конце концов завершение «Истории Лайзы» было отодвинуто на осень 2006 года.

Роман о любви был отодвинут в сторону другим замыслом, более простым и ясным. Его идея пришла в голову Кингу, когда он увидел, что половина прохожих на улицах Нью-Йорка прижимает к уху мобильные телефоны. Однажды ему пришла в голову мысль: что, если кто-то пропустит по телефонной сети сигнал, который мгновенно убивает всех говорящих и слушающих? Нет, еще лучше — разрушает клетки мозга, превращая людей в кровожадных зомби. Роман об этом начал писаться в мае 2005-го и вначале носил название «Сигнал» (The Pulse). Потом выяснилось, что так называется только первая глава, а сам роман переименован в «Cell». Это не «клетка», как решили наши СМИ, а обыденное американское сокращение для сотового телефона (cell phone). «Мобильник» вышел в феврале 2006-го — СК писал его быстро, с удовольствием, явно ностальгируя по молодости. Роман получился в духе раннего Кинга — много крови и спецэффектов и минимум психологии. На своем сайте писатель обмолвился: «Он как дешевое виски — отвратителен, но неотвратимо тянет к себе». Что ж, ему виднее.

Еще до своего выхода «Мобильник» вовлек Кинга в необычное мероприятие — интернет-аукцион, на котором разыгрывалось имя одного из героев книги. Кроме него, в торжище приняли участие не менее десяти писателей, включая таких известных, как Джон Гришем и Нил Гейман. Собранные средства предполагалось передать организациям, защищающим права человека в разных странах. Перед началом Кинг выступил с заявлением: «Я прошу помнить, что «Мобильник» — весьма кровавое произведение. Герой может быть женщиной или мужчиной, но покупатель, желающий умереть, непременно должен быть женщиной. Кроме того, мне требуется описание внешности покупателя и его характера». Эти немного зловещие условия не отпугнули клиентов — 18 сентября в аукционе на E-bay приняли участие две сотни кинголюбов. За $25100 вожделенное имя досталось Пэм Александер, домохозяйке из Форт-Лодердейла, которая подарила его своему брату — давнему фанату Кинга. В результате один из героев романа получил имя Рой Хейзинга.

Пока неясно, чем станет «Мобильник» для Кинга — просто ностальгическим актом или переходом к новому этапу творчества. Пока что писатель занят обычными делами: перемещается между Мэном и Флоридой, общается по мейлу с читателями и, конечно, пишет. Пишет почти каждый день, несмотря на внушения близких и советы врачей. Теперь им

двигают не тяга к самовыражению, не страсть к деньгам и даже не борьба с демонами в собственной душе — похоже, все это в прошлом. Сегодня главное желание Кинга — быть вписанным в летопись «большой литературы». В интервью обозревателю британской «Гардиан» Стюарту Джеффрису в сентябре 2004-го он говорил: «В последнее время я нахожу немалое сходство между собой и Сомерсетом Моэмом — он тоже был одно время чрезвычайно популярен, а потом утратил эту популярность, обретя взамен литературную респектабельность. То же происходит со мной, и по той же причине — быть может, я делаюсь не лучше, а просто старше. Я уже пережил многих своих критиков, и со временем все забудут, что когда-то у меня была совсем другая репутация». В этой шутке, как говорится, есть доля шутки, но все остальное — правда.

В том же интервью Кинга снова спросили, собирается ли он бросить писать. «Что за ерунда? — искренне удивился он. — Писать так здорово, что ничего лучше в жизни просто нет. Поэтому я буду делать это и дальше». И закончил: «Я ужасно счастливый человек. Кроме любимого дела, у меня есть любимая жена и трое прекрасных детей — никто из них не сел в тюрьму и не пристрастился к какой-нибудь дряни. У меня было пристрастие к кокаину и болеутоляющему — наверное, оно есть и сейчас, но я смог отказаться от всего этого. Больше не пью. И к тому же, я один на миллион — такого таланта нет больше ни у кого. Потому-то мне и платят такие бабки».

Откровенность за откровенность. Мистер Кинг! (Нет, лучше так: дорогой Стив!) Вы даже не знаете, какой вы счастливый. Во-первых, вы живете в Америке, где население может хорошо оплачивать свои развлечения, одним из которых являетесь вы. Во-вторых, вам все-таки удалось заговорить ваших монстров, из которых таблетки и кокаин были самыми невинными. Хотя, возможно, когда-нибудь заклятие перестанет действовать, и вы, вернувшись в ваш уютный дом, найдете в шкафу буку с горящими желтыми глазами (we're never sleep, хе-хе). Но в ваших романах хватит рецептов на этот случай, вплоть до самого радикального — выстрелить в монстра «мощным потоком белого света» из раскрытой ладони, и он сразу превратится в стопку старых одеял. В-третьих, в наше поганое время всеобщего отчуждения вы все-таки нужны кому-то — не только жене и детям, что само по себе неплохо, но и читателям. Уже третье поколение зачитывает до дыр ваши книги, по недомыслию занесенные в разряд «ужастиков». Спешу вас разочаровать — по сравнению с рядовыми вечерними новостями ваши ужасы кажутся пионерскими историями у костра. На самом деле это просто страшные сказки

для тех, кто любит замечать прорехи в парадных декорациях мира. Как в любой сказке, Добро здесь может не успеть вовремя прийти на помощь, но мы знаем, что оно где-то рядом, и надеемся. Все как в жизни, только лучше. Так что пишите и дальше, и пусть Белизна как можно дольше хранит вас от Алого Короля и всех его подручных.

Москва, декабрь 2005 года (нашей реальности)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот и закончилась это книга. Как-то так получилось, что, уходя порой в сторону от главной темы — творчества Кинга — мы обсудили многое другое, от трудностей перевода до шансов Апокалипсиса. Так и должно быть: в душе каждого человека живет целый мир, а у писателя эти миры множатся с каждым новым произведением. Кинг научился делать свои миры весьма правдоподобными, поэтому многие считают его сверхчеловеком, настоящим Королем царства ужасов. Он и сам относится к этой мысли вполне серьезно. Вот что он пишет про одного из самых близких авторскому «я» персонажей — Таде Бьюмонте из «Темной половины»: «Когда люди, прочитавшие его книги, впервые встречались с Тадом, они были явно разочарованы. Вместо полубога они сталкивались с мужчиной среднего роста, носившим очки, начинавшим лысеть и имеющим дурную привычку натыкаться на окружающие предметы. То, что они не могли видеть, было третьим глазом внутри его головы. Этот глаз, сиявший в его темной половине, той его части, которая всегда была затенена… Именно он делал Тада подобным Господу, и Тад был даже рад, что они не могут увидеть его. Если бы они увидели его сокровище, он был уверен, что многие попытались бы украсть этот чудоглаз. Даже если бы для этого понадобилось выковыривать сокровище из головы Тада тупым ножом».[119]

И все же Кинг кокетничает, взваливая ответственность за содеянное им на чьи-то там глаза и голоса. Он любит говорить, что сюжеты приходят к нему «неизвестно откуда», что его книги пишутся «сами по себе», и он никогда не знает, чем они кончатся. Такое и правда случается, как знает любой писатель, но гораздо чаще произведение рождается из вполне конкретной мысли, чувства или желания. У самого СК таких мотиваций было четыре, причем до конца минувшего тысячелетия они четко сменяли друг друга. Вначале это были деньги (или известность, что в принципе то же), потом идеи, взросшие на смутном свободолюбии шестидесятых. Потом настала пора сублимации разрушительных инстинктов — «кризис среднего возраста». Потом пришел интерес к психологии, стремление добраться до глубин человеческой души. На пике этого этапа произошла авария на шоссе — вселенская катастрофа маленького кинговского мира, после которой писатель словно вернулся к истокам. В «Как писать книги» он заново переживал знакомство с миром и вновь знакомил с ним себя. Завершение «Темной Башни» стало классическим романом идеи, и мы вряд ли ошибемся, если

назовем эту идею христианской.

Но Кинг не остановился на этом, двинувшись вперед — или все-таки назад? Его последние мрачные произведения говорят, что «темная половина» его души жива и не спешит сдавать позиции. Это может стать преддверием распада, когда мир писателя все-таки «сдвинется с места», увлекая за собой нестойких читателей. Или началом поздней творческой и человеческой зрелости, толчком к наступлению которой может стать — как это ни печально — смерть кого-нибудь из близких чадолюбивого СК. Но что бы ни произошло в его жизни, он, без сомнения, откликнется на это единственным возможным способом — новыми романами. Которые по-прежнему будут завораживать одних и ужасать других, никого не оставляя равнодушным (конечно, при хорошем переводе). А это значит, что Кинг остается Королем, который не умирает, пока жив его последний неравнодушный читатель.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ХРОНОЛОГИЯ жизни и творчества СК

21 сентября 1947 — Стивен Эдвин Кинг родился в Портленде, штат Мэн. Отец — Дональд Кинг (1913–1986), коммивояжер. Мать — Рут Кинг, в девичестве Пиллсбери (1913–1974), домохозяйка. Сводный брат — Дэвид Виктор Кинг (род. 1945).

Октябрь 1949 — отец оставил семью. Стивен с матерью и братом живут в городке Дарем близ Портленда, периодически выезжая к родственникам в Уэст-де-Пер, штат Висконсин, и Форт-Уэйн, штат Индиана.

Сентябрь 1954 — Стивен идет в начальную школу в Дареме.

Июль 1955 — семья переезжает в Стратфорд, штат Коннектикут, где Рут Кинг находит работу в прачечной.

Апрель 1958 — Стивен поселился в Дареме у родителей матери — Гая Пиллсбери (1876–1965) и Нелли Пиллсбери-Фогг (1877–1963).

Сентябрь 1962 — поступление в высшую школу в Лисбон-Фоллс.

Апрель 1963 — первый сборник рассказов «Люди, места и вещи» (People, Places and Things), напечатан на гектографе в соавторстве с Крисом Чесли.

Май 1964 — Кинг печатает на гектографе две части повести «Звездные захватчики» (The Star Invaders).

Март 1965 — журнал «Комикс ревью» напечатал рассказ Кинга «Я был юным грабителем могил» (I Was a Teenage Grave Robber).

Апрель 1965 — работа на прядильной фабрике в Лисбон-Фоллс.

Сентябрь 1966 — поступление в Мэнский университет в Ороно.

Март 1969 — журнал «Стартлинг мистери сториз» опубликовал рассказ Кинга «Стеклянный пол» (The Glass Floor), написанный в 1967.

Июнь 1970 — окончание университета с дипломом учителя английского языка и литературы.

Июнь 1970 — первый вариант повести «Стрелок».

Июль 1970 — работа в прачечной в Бангоре, штат Мэн.

3 января 1971 женитьба на Табите Спрюс (род. 24 марта 1949).

Июль 1971 — рождение дочери Наоми (Наоми Рэчел Кинг)

Сентябрь 1971 — начало работы учителем английского языка в Хэмпдене, штат Мэн.

3 июня 1972 — рождение сына Джо (Джозеф Хилл Кинг).

Март 1973 — продажа романа «Кэрри» (Carrie) издательству «Даблдэй». Начало профессиональной писательской карьеры.

Сентябрь 1973 — Кинг с семьей переезжает в городок Норз-Уиндем, штат Мэн.

Февраль 1974 — смерть Рут Кинг от рака.

Апрель 1974 — опубликован роман «Кэрри».

Сентябрь 1974 — Кинг с семьей уезжает в Боулдер, штат Колорадо

Апрель 1975 — роман «Сияние» (The Shining), издан в феврале 1977.

Июнь 1975 — семья писателя возвращается в штат Мэн и селится в Бриджтоне.

Июнь 1975 — роман «Жребий Салема» (Salem's Lot), издан в октябре того же года.

Май 1976 — вышел фильм «Кэрри» (режиссер Брайен Де Пальма).

Октябрь 1976 — повесть «Туман» (позже издана в составе сборника «Команда скелетов»).

21 февраля 1977 — рождение сына Оуэна (Оуэн Филип Кинг).

Март 1977 — повесть «Ярость» (Rage), написанная в 1971 г. под псевдонимом «Ричард Бахман», опубликована издательством НАЛ.

Сентябрь 1977 — Кинг уезжает в Англию, где проводит три месяца.

Декабрь 1977 — Кинг возвращается в штат Мэн и покупает дом в городке Сентер-Ловелл.

Март 1978 — роман «Противостояние» (The Stand), издан в ноябре того же года.

Август 1978 — семья Кинга переезжает в Оррингтон, близ Бангора.

Октябрь 1978 — вышел сборник рассказов «Ночная смена» (Night Shift).

Апрель 1979 — семья Кинга возвращается в Сентер-Ловелл.

Август 1979 — в издательстве «Викинг» вышел переработанный вариант романа «Мёртвая зона» (The Dead Zone), написанного в 1976 г.

Октябрь 1979 — повесть «Длинный путь» (The Long Walk), написанная в 1967 г., издана под псевдонимом «Ричард Бахман».

Май 1980 — семья Кинга переезжает в Бангор, где живет до сих пор, оставив дом в Сентер-Ловелле для летнего отдыха.

Июнь 1980 — роман «Воспламеняющая взглядом» (Firestarter), издан в сентябре того же года.

Июнь 1980 — вышел фильм «Сияние» (режиссер Стэнли Кубрик).

Октябрь 1980 — книга «Пляска смерти» (Danse Macabre), вышла в феврале 1981.

Февраль 1981 — роман «Куджо» (Cujo), издан в мае того же года.

Июль 1981 — повесть «Дорожные работы» (Roadwork), написанная в 1974 г., издана под псевдонимом «Ричард Бахман».

Октябрь 1981 — сценарий телесериала «Ужасы Стивена Кинга».

Май 1982 — повесть «Бегущий человек» (The Running Man), написанная в 1971 г., издана под псевдонимом «Ричард Бахман».

Август 1982 — вышел сборник «Времена года» (Different Seasons), в который вошли ранее опубликованные повести «Рита Хейворт и побег из Шоушенка» (Rita Hayworth and Shawshank Redemption), 1979, «Способный ученик» (Apt Pupil), 1977, «Тело» (The Body), 1975, «Метод дыхания» (The Breathing Method), 1980.

Август 1982 — издана повесть «Стрелок» (The Gunslinger), позже ставшая первой частью эпопеи «Темная Башня» (The Dark Tower).

Октябрь 1982 — вышла книга комиксов «Калейдоскоп ужасов» (Creepshow), по которой снят одноименный фильм Джорджа Ромеро (вышел в ноябре 1982).

Декабрь 1982 — роман «Кладбище домашних животных» (Pet Sematary), издан в ноябре 1983 в издательстве «Даблдэй».

Март 1983 — роман «Кристина» (Christine), издан в сентябре того же года.

Сентябрь 1983 — вышел фильм «Мертвая зона» (режиссер Дэвид Кроненберг).

Февраль 1984 — роман «Талисман» (The Talisman), написанный в соавторстве с Питером Страубом, издан в октябре того же года.

Август 1984 — роман «Худеющий» (The Thinner), издан под псевдонимом «Ричард Бахман» в апреле 1985.

Октябрь 1984 — повесть «Цикл оборотня» (Cycle of the Werewolf).

Ноябрь 1984 — роман «Глаза дракона» (The Eyes of the Dragon), издан в феврале 1987 (ограниченный тираж вышел в декабре 1984).

Март 1985 — издан сборник «Книги Бахмана» (The Bachman Books), включающий изданные ранее повести «Ярость», «Длинный путь», «Дорожные работы» и «Бегущий человек».

Июнь 1985 — издан сборник рассказов «Команда скелетов» (Skeleton Crew).

Август 1985 — начало съемок фильма «На предельной скорости» (Maximum Overdrive), сценаристом и режиссером

которого был Кинг (вышел на экран в июле 1986).

Март 1986 — роман «Оно» (It), издан в сентябре 1986.

Август 1986 — роман «Извлечение троих» (The Drawing of the Three), вторая часть эпопеи «Темная Башня» (издан в июне 1987).

Октябрь 1986 — роман «Мизери» (Misery), издан в июне 1987.

Март 1987 — роман «Томминокеры» (Tommyknockers), издан в ноябре того же года.

Июнь 1988 — вступление в Общество анонимных алкоголиков.

Август 1988 — вышел фотоальбом «Кошмары в небе» (Nightmares in the Sky) с комментариями Кинга.

Ноябрь 1988 — вышел сборник рассказов «Тёмные видения» (Dark Visions), написанный Кингом совместно с Джорджем Мартином и Дэном Симмонсом.

Март 1989 — роман «Темная половина» (The Dark Half), издан в ноябре того же года.

Январь 1990 — роман «Бесплодные земли» (The Waste Lands), третья часть эпопеи «Темная Башня» (издан в августе 1991).

Апрель 1990 — дополненный вариант романа «Противостояние», издан в мае того же года в издательстве «Даблдэй».

Сентябрь 1990 — издан сборник «Четыре после полуночи» (Four Past Midnight), включающий написанные ранее повести «Лангольеры» (The Langoliers), «Потаённое окно, потаённый сад» (Secret Window, Secret Garden), «Полицейский из библиотеки» (The Library Policeman) и «Солнечный пёс» (The Sun Dog).

Январь 1991 — роман «Необходимые вещи» (Needful Things), издан в июне того же года.

Ноябрь 1991 — роман «Игра Джеральда» (Gerald's Game), издан в июле 1992.

Февраль 1992 — роман «Долорес Клейборн» (Dolores Claiborne), издан в октябре того же года.

Сентябрь 1992 — основана рок-группа «Рок боттом ремейндерс» (Rock Bottom Remainders) с участием Кинга и других писателей.

Март 1993 — вышел сборник рассказов «Кошмары и сновидения» (Nightmares and Dreamscapes).

Ноябрь 1993 — роман «Бессонница» (Insomnia), издан в апреле 1994.

Ноябрь 1994 — роман «Мареновая Роза» (Rose Madder), издан в июне 1995.

Октябрь 1995 — роман «Колдун и кристалл» (Wizard and Glass), четвертая часть эпопеи «Темная Башня» (издан в августе 1997).

Декабрь 1995 — роман «Безнадега» (Desperation), издан в сентябре 1996.

Апрель 1996 — роман-сериал «Зеленая миля» (The Green Mile) (публиковался в марте — августе шестью отдельными выпусками).

Июль 1996 — роман «Регуляторы» (The Regulators), издан в сентябре того же года под псевдонимом «Ричард Бахман».

Октябрь 1996 — сценарий фильма «Побег из Шоушенка» (The Shawshank Redemption).

Февраль 1997 — сценарий телесериала «Буря столетия» (Storm of the Century), экранизированный телекомпанией Эй-Би-Си.

Апрель 1997 — сборник рассказов «Шесть историй» (Six Stories), вышедший ограниченным тиражом.

Сентябрь 1997 — сценарий «Чинга» (Chinga), для одного из эпизодов сериала «Секретные материалы», написанный Кингом совместно с Крисом Картером (эпизод показан в феврале 1998).

Октябрь 1997 — брак Джо Кинга и 22-летней Линоры Вудмен.

Февраль 1998 — роман «Мешок с костями» (Bag of Bones) (издан в октябре того же года в издательстве «Саймон энд Шустер»).

Март-июнь 1998 — съемки телесериала «Буря столетия» по сценарию Кинга (показан в феврале 1999).

Апрель 1998 — роман «Сердца в Атлантиде» (Hearts in Atlantis), издан в сентябре того же года.

Октябрь 1998 — повесть «Смиренные сестры Элурии» опубликована в сборнике «Легенды».

Февраль 1999 — роман «Девочка, которая любила Тома Гордона» (The Girl Who Loved Tom Gordon), издан в мае того же года.

Апрель 1999 рождение внука Итана (сын Джо и Линоры).

Май 1999 — аудиокнига «Кровь и дым» (Blood and Smoke).

19 июня 1999 — авария на шоссе недалеко от летнего дома Кинга в Сентер-Ловелле. В результате наезда фургона «додж», управляемого 41-летним Брайеном Смитом, писатель получил множество серьезных травм. Выписан из Центрального госпиталя Мэна 9 июля.

Июль 1999 — неоконченная повесть «Растение» (The Plant) начала издаваться отдельными выпусками в виде электронной книги.

Сентябрь 1999 — вышла антология рассказов ужаса «999» с рассказом Кинга «Дорожный вирус направляется на север» (The Road Virus Heads North).

Март 2000 — рассказ «Верхом на пуле» (Riding the Bullet)

издан в виде электронной книги.

Март 2000 — роман-воспоминание «Как писать книги: мемуары о ремесле» (On Writing: A Memoir of the Craft).

Май 2000 — роман «Ловец снов» (Dreamcatcher), над которым Кинг работал во время болезни с ноября 1999 (издан в апреле 2001).

Июнь 2000 — брак Наоми Кинг и 44-летней афроамериканской публицистки Тандеки (Сью Букер).

Сентябрь 2000 — сборник эссе «Потаенные окна», изданный ограниченным тиражом клубом «Книга месяца».

Февраль 2001 — сценарий телефильма «Красная роза» (Rose Red), написанный по мотивам романа «Мареновая роза».

Май 2001 — премия Брэма Стокера за роман «Как писать книги».

Август 2001 — роман «Чёрный дом» (Black House), написанный в соавторстве с Питером Страубом (издан в сентябре 2001).

Ноябрь 2001 — роман «Почти как «бьюик» (From A Buick 8) (издан в марте 2002).

Март 2002 — издан сборник рассказов «Все предельно» (Everything's Eventual).

Август 2002 — издание полного варианта романа «Сияние».

Декабрь 2002 — роман «Волки Кальи» (Wolves of the Calla), пятая часть эпопеи «Темная Башня» (издан в ноябре 2003).

Апрель 2003 — роман «Песнь Сюзанны» (Song of Susannah), шестая часть эпопеи «Темная Башня» (издан в июне 2004).

Июнь 2003 — издание переработанной версии романа «Стрелок».

Август 2003 — роман «Темная Башня» (The Dark Tower), седьмая заключительная часть эпопеи «Темная Башня» (издан в сентябре 2004).

Август 2003 — Кинг начинает вести колонку в газете «Энтертейнмент уикли», посвященную шоу-бизнесу.

Ноябрь 2003 — вручение Кингу премии Национальной книжной ассоциации «За выдающийся вклад в американскую словесность».

Март 2004 — премьера первой серии 13-серийного телефильма «Госпиталь «Королевство»», снятого телекомпанией Эй-Би-Си по сценарию Кинга.

Август 2004 — брак Оуэна Кинга и 28-летней Келли Браффет.

Ноябрь 2004 — вышла книга «Верный» (Faithful) о сезоне игр бейсбольной команды «Бостон ред сокс», написанная Кингом совместно со Стюартом О'Нэном.

Январь 2005 — роман «Парень из Колорадо» (The Colorado

Kid) (опубликован в октябре 2005).

Ноябрь 2005 — роман «Мобильник» (The Cell) (опубликован в феврале 2005).

2. БИБЛИОГРАФИЯ русских переводов СК

Бегущий человек (1982)

Рига, Лиесма, 1993 (в книге также повесть «Телохранитель»)

Жуковский, Кэдмен, 1993 (под названием «Бегущий», пер. К. Котова, в книге также повесть «Метод дыхания» и рассказы).

Смоленск, ТОО «Русь», 1993 (пер. О. Сойкиной и О. Суровой, в книге также рассказ «Газонокосильщик»).

Киев, «Полиграфкнига», 1996 (пер. О. Сойкиной и О. Суровой, в книге также «Кэрри»)

М, АСТ, 1998 (пер. В. Вебера, в книге также «Дорожные работы»).

Безнадега (1996)

М, ООО «Харвест», 1997 (под названием «Отчаяние», в книге также повесть «Аделия» («Полицейский из библиотеки»)).

М, АСТ, 1999 (пер. В. Вебера).

М, АСТ, 2000 (пер. В. Вебера, в книге также «Зеленая миля»).

Бессонница (1994)

Харьков, Дельта, 1995 (пер. Е. Харитоновой)

Львов, Сигма, 1995 (пер. Ф. Сарнова)

Киев, «Полиграфкнига», 1995 (пер. Ф. Сарнова)

М, Мир, 1997 (пер. Ф. Сарнова)

М, АСТ, 1999 (пер. Ф. Сарнова)

Буря столетия (1999)

М, АСТ, 1999 (пер. М. Левина)

Воспламеняющая взглядом (1980)

Журнал «Звезда», 1986, № 4–7 (пер. О. Васильева, С. Таска)

М., Вагриус, 1992 (пер. О. Васильева, С. Таска, в книге также «Мертвая зона»)

СПб, «Нева-Лад», 1992 (в книге «Стивен Кинг. Избранное, т. 1» под названием «Несущая огонь», пер. О. Васильева, С. Таска)

Минск, Moka-Dalfield, 1992 (пер. О. Васильева, С. Таска).

Львов, Сигма, 1994 (пер. О. Васильева, С. Таска)

М, АСТ, 1998 (пер. О. Васильева, С. Таска)

Времена года (1982)

Способный ученик // Звезда, 1990, № 12 (пер. С. Таска)

Способный ученик. Владивосток, 1991 (в сборнике «Стивен Кинг. Похоронная компания», пер. С. Таска)

Способный ученик. СПб, «Нева-Лад», 1992 (в книге «Стивен Кинг. Избранное, т. 2», пер. С. Таска).

Рита Хейворт в Шоушенкской тюрьме. Жуковский, Кэдмен, 1993 (в книге «Куджо», пер. О. Лежниной, также «Куджо» и рассказы).

Метод дыхания. Жуковский, Кэдмен, 1993 (в книге «Бегущий», также роман «Бегущий» и рассказы).

Тело. Жуковский, Кэдмен, 1993 (в книге «Худеющий», под названием «Труп», пер. А. Филипенко, также «Худеющий»).

Способный ученик. СПб, Абрис, 1993 (в сборнике «Стивен Кинг. Верткая пуля»).

Способный ученик. Львов, Сигма, 1995 (в книге также рассказы)

Труп. Киев, «Полиграфкнига», 1996 (в книге также «Мизери»).

М, АСТ, 1998 (под названием «Четыре сезона»).

Все предельно (2002)

М, АСТ, 2003 (пер. В. Вебера, И. Гуровой, Н. Рейн, Т. Покидаевой)

Глаза дракона (1987)

СПб, ИМА-пресс-реклама, 1993 (под названием «Глаз дракона», пер. И. Феоктистова, А. Герцева, в сборнике «Кровавые игры» вместе с романом «Кладбище домашних животных»).

Львов, Сигма, 1994 (пер. В. Эрлихмана).

Киев, «Полиграфкнига», 1996 (под названием «Глаз дракона», пер. И. Феоктистова, А. Герцева)

М, АСТ, 1999 (пер. В. Эрлихмана)

Девочка, которая любила Тома Гордона (1999)

М, АСТ, 1999 (пер. В. Вебера)

Длинный путь (1979)

Львов, Сигма, 1995 (пер. В. Эрлихмана)

М, АСТ, 1998 (под названием «Долгая прогулка», пер. А. Георгиева, в книге также «Ярость»)

Долорес Клэйборн (1992)

Львов, Сигма, 1995 (пер. В. Эрлихмана)

Львов, Информационное агентство «Хронос», 1995 (пер. Е. Харитоновой).

М, Мир, 1996 (пер. И. Гуровой)

М, АСТ, 1997 (пер. И. Гуровой)

Дорожные работы (1981)

Львов, Сигма, 1995 (пер. А. Санина)

М, АСТ, 2002 (пер. А. Санина)

Жребий Салема (1975)

Жуковский, Кэдмен, 1993 (под названием «Судьба Иерусалима», пер. В. Эрлихмана)

М, «Баркалая и К», 1993 (под названием «Салимов удел», пер. Е. Александрова).

М, «Сашко», 1993 (под названием «Салимов удел», пер. Е. Александрова)

Киев, «Полиграфкнига», 1996 (пер. Е. Александрова)

Харьков, Платан, 1997 (под названием «Город зла», пер. М. Опалевой, в книге также «Зеленая миля»)

М, АСТ, 2000 (под названием «Жребий», пер. Е. Александрова)

Зеленая миля (1996)

Харьков, Платан, 1997 (пер. М. Опалевой, в книге также «Город зла» («Судьба Салема»))

М, АСТ, 1997 (пер. В. Вебера и Д. Вебера)

М, АСТ, 2000 (пер. В. Вебера и Д. Вебера, в книге также «Безнадега»)

Игра Джеральда (1992)

Таллинн, «Римол», 1993 (под названием «Последняя игра Джералда»)

Львов, Информационное агентство «Хронос», 1994 (пер. Е. Харитоновой, И. Шульги, в книге также рассказы)

Ташкент, Концерн «Шарк», 1994

М, Мир, 1997 (пер. В. Левитова).

М, АСТ, 2000 (пер. Т. Покидаевой, М. Козырева)

Как писать книги (2000)

М, АСТ, 2001 (пер. М. Левина)

Кладбище домашних животных (1983)

Жуковский, Кэдмен, 1993 (пер. В. Эрлихмана)

М, Биб-ка «Огонек», 1993 (в книге «Стивен Кинг. Собрание сочинений в 2 тт., т. 1» под названием «Кошачье кладбище», пер. И. Багрова)

Донецк, Джой, 1993 (под названием «Кладбище домашних любимцев», пер. А. Тишпнина)

СПб, ИМА-пресс-реклама, 1993 (в сборнике «Кровавые игры»

вместе с романом «Глаз дракона» под названием «Кладбище домашних любимцев», пер. А. Тишпнина)

Киев, «Полиграфкнига», 1996 (в книге также «Туман»)

М, АСТ, 1997 (пер. И. Багрова)

Команда скелетов (1985)

Владивосток, 1992 (под названием «Похоронная команда», пер. С. Таска и др.)

Жуковский, Кэдмен, 1992 (под названием «Коллекция трупов», пер. А. Медведева, С. Таска, В. Эрлихмана и др.)

М, АСТ, 1998

Кристина (1983)

Жуковский, Кэдмен, 1993 (пер. М. Мастура)

Киев, «Полиграфкнига», 1996 (в книге также «Воспламеняющая взглядом»)

М, АСТ, 1999 (пер. М. Мастура)

Куджо (1981)

Жуковский, Кэдмен, 1993 (пер. В. Эрлихмана, в книге также повесть «Рита Хейворт в Шоушенкской тюрьме» и рассказы)

Киев, «Полиграфкнига», 1996 (под названием «Кадж», пер. Н. Чешко, Д. Громова, О. Ладыженского).

М, АСТ, 1997 (под названием «Бешенство», в книге также «Второй» («Темная половина»)).

М, АСТ, 1997 (пер. В. Эрлихмана, в книге также «Цикл оборотня»)

Кэрри (1974)

М, Биб-ка «Огонек», 1993 (в книге «Стивен Кинг. Собрание сочинений в 2 тт., т. 2», пер. А. Корженевского)

М, «Зяблов и сын», 1993 (в книге также рассказы).

Львов, Сигма, 1995 (в книге также «Цикл оборотня» и рассказы)

Киев, «Полиграфкнига», 1996 (в книге также «Бегущий человек»)

М, АСТ, 2000 (пер. А. Корженевского)

Ловец снов (2001)

М, АСТ, 2002 (пер. Т. Перцевой)

Мареновая Роза (1995)

Харьков, Дельта, 1996 (пер. О. Рудавиной)

Львов, Сигма, 1996

Киев, «Полиграфкнига», 1997 (под названием «Капля крови»)

М, Мир, 1997 (под названием «Роза марена», пер. Ф. Сарнова)

М, АСТ, 2001 (под названием «Роза марена», пер. Т. Покидаевой, Н. Гордеевой).

Мертвая зона (1979)

Журнал «Иностранная литература», 1984, № 1–3 (пер. О. Васильева, С. Таска)

М, Молодая гвардия, 1987 (пер. О. Васильева, С. Таска, в книге также рассказы).

М, Вагриус, 1992 (пер. О. Васильева, С. Таска, в книге также «Воспламеняющая взглядом»)

СПб, «Нева-Лад», 1992 (в книге «Стивен Кинг. Избранное, т. 3, пер. О. Васильева, С. Таска, в книге также рассказы).

Донецк, «Полиграфсервис», 1993 (пер. О. Васильева, С. Таска)

Львов, Сигма, 1994 (в книге также «Потаенное окно, потаенный сад» и «Полицейский из библиотеки»)

Киев, «Полиграфкнига», 1996 (пер. О. Васильева, С. Таска, в книге также «Глаз дракона»)

М, АСТ, 1997 (пер. О. Васильева, С. Таска)

Мешок с костями (1998)

М, АСТ, 2002 (в 2 тт, пер. В. Вебера)

Мизери (1987)

СПб, ИМА-пресс-реклама, 1992

Львов, Сигма, 1995 (под названием «Отчаяние», пер. А. Григорьева)

Киев, «Полиграфкнига», 1996 (в книге также повесть «Труп»)

М, АСТ, 1998 (пер. А. Григорьева)

Необходимые вещи (1991)

Львов, Хронос, 1993 (пер. Н. Гридина, О. Беймук, Е. Харитоновой).

Новосибирск, Тимур, 1993 (под названием «Нужные вещи», пер. Л. Курляндской)

Львов, Сигма, 1995

М, АСТ, 1997 (под названием «Нужные вещи», пер. А. Аракелова)

М, АСТ, 2000 (под названием «Самое необходимое», пер. Ф. Сарнова)

Ночная смена

М, АСТ, 1999

Ночные кошмары и фантастические видения (1992)

М, Мир, 1994 (пер. И. Почиталина)

Львов, Информационное агентство «Хронос», 1994 (под названием «Кошмары и фантазии», пер. Б. Любарцева)

М, АСТ, 1999 (пер. И. Почиталина)

М, АСТ, 2000 (часть рассказов под названием «Детки в клетке»)

Оно (1986)

Жуковский, Кэдмен, 1993 (в 2 тт.)

Киев, «Полиграфкнига», 1997 (в 2 кн.)

М, АСТ, 2001 (в 2 тт.)

Пляска смерти (1981)

М, АСТ, 2001 (пер. О. Колесникова)

Почти как «бьюик» (2002)

М, АСТ, 2003 (пер. В. Вебера)

Противостояние (1978)

Жуковский, Кэдмен, 1993 (под названием «Армагеддон», в 2 тт., пер. А. Медведева)

Харьков, Дельта, 1995 (под названием «Исход», в 2 тт., пер. Ф. Сарнова)

М, Мир, 1997 (в 2 тт., пер. Ф. Сарнова)

М, АСТ, 1997 (в 2 тт., пер. Ф. Сарнова)

М, АСТ, 2001 (в 2 тт., пер. А. Медведева)

Регуляторы (1996)

М, АСТ, 1997 (пер. В. Вебера)

Сердца в Атлантиде (1999)

М, АСТ, 2001 (пер. И. Гуровой)

Сияние (1977)

Журнал «Неман», 1991, № 8 — 12.

СПб, «Нева-Лад», 1992 (под названием «Сияющий» в книге «Стивен Кинг. Избранное, т. 2», пер. Е. Александрова).

Жуковский, Кэдмен, 1992 (под названием «Сияющий», пер. Е. Александрова)

М, ТОО «Транспорт», Изд ф-мы «Эко-центр — ВНИРО», 1992 (под названием «Сияющий», пер. Е. Александрова).

Симферополь, Таврия, 1992 (под названием «Ясновидящий»).

М, ММЛ, 1992 (в книге также «Туман» и рассказы)

Таллинн, Мелор, 1992 (под названием «Монстр»)

Киев, ПКО «Украина», 1992 (под названием «Странствующий дьявол»)

М, «Экоцентр-ВНИРО», 1992

Вильнюс, ПОЛИНА, 1993 (под названием «Свечение», пер. Н. Агаянца и др.)

Минск, Moka-Dalfield, 1993 (под названием «Монстры»)

Киев, «Полиграфкнига», 1996 (под названием «Сияющий», пер. Е. Александрова)

М, АСТ, 1998 (пер. Е. Александрова)

Талисман (1984)

М, Хронос, 1993 (под названием «Столкновение миров», пер. О. Беймук, Е. Харитоновой)

Харьков, Издательский центр КПКФ «Реванш», 1993 (пер. И. Ткач)

Жуковский, Кэдмен, 1994

Киев, «Полиграфкнига», 1996

М, АСТ, 1999

Темная Башня I. Стрелок (1982)

М, МЦФ, 1994 (пер. Р. Ружже, Н. Ачеркан)

М, Мир, 1994 (под названием «Темная Башня», пер. Ф. Сарнова)

Львов, Хронос, 1994 (пер. О. Беймук, Б. Любарцева, А. Немировой, в книге также «Извлечение троих»).

Львов, Сигма, 1995 (пер. Р. Ружже, Н. Ачеркан, в книге также «Извлечение троих»)

Харьков, Дельта, 1995 (под названием «Темная Башня», пер. Т. Покидаевой)

М, АСТ, 1997 (под названием «Темная Башня», пер. Т. Покидаевой)

М, АСТ, 2002 (пер. Т. Покидаевой)

М, АСТ, 2005 (исправ. изд., пер. Т. Покидаевой)

Темная Башня II. Извлечение троих (1987)

Львов, Хронос, 1994 (под названием «Собрать троих», пер. О. Беймук, Б. Любарцева, А. Немировой, в книге также «Стрелок»).

М, Мир, 1994 (под названием «Темная Башня», пер. Ф. Сарнова)

Львов, Сигма, 1995 (под названием «Двери между мирами», пер. Р. Ружже, Н. Ачеркан, в книге также «Стрелок»)

Харьков, Дельта, 1995 (под названием «Темная Башня», пер.

Т. Покидаевой)

М, АСТ, 1997 (под названием «Темная Башня», пер. Т. Покидаевой)

М, АСТ, 2001 (пер. Т. Покидаевой)

Темная Башня III. Бесплодные земли (1991)

Харьков, Дельта, 1995 (под названием «Пустоши», пер. О. Рудавина)

Львов, Хронос, 1994 (под названием «Опустошенные земли», пер. О. Беймук, Б. Любарцева, А. Немировой)

Львов, Сигма, 1996 (пер. Р. Ружже)

М, АСТ, 1997 (пер. Т. Покидаевой)

Темная Башня IV. Колдун и кристалл (1997)

М, АСТ, 1998 (в 2 тт., пер. В. Вебера)

М, АСТ, 2003 (пер. В. Вебера)

Темная Башня V. Волки Кальи (2003)

М, АСТ, 2004 (пер. В. Вебера)

Темная Башня VI. Песнь Сюзанны (2004)

М, АСТ, 2005 (пер. В. Вебера)

Темная Башня VII. Темная Башня (2004)

М, АСТ, 2005 (пер. В. Вебера)

Темная половина (1989)

Жуковский, Кэдмен, 1993 (пер. В. Сухорукова)

М, Мир, 1994 (пер. Ф. Сарнова)

Тернополь, МП «Мальва-ОСО», 1995 (в книге также рассказы «Ночная смена» и «Дверной проем», общее название «Ночная смена»)

Киев, «Полиграфкнига», 1996

М, АСТ, 1997 (под названием «Второй», в книге также «Бешенство» («Куджо»)).

М, АСТ, 2001 (пер. В. Сухорукова)

Томминокеры (1987)

Жуковский, Кэдмен, 1993

СПб, ИМА-пресс-реклама, 1993 (под названием «Проклятье подземных призраков»)

Харьков, Платан, 1997

М, АСТ, 1997

Туман (1976)

Журнал «Вокруг света», 1988, № 4–7 (пер. А. Корженевского).

СПб, «Нева-Лад», 1992 (в книге «Стивен Кинг. Избранное, т. 1, пер. А. Корженевского).

Жуковский, Кэдмен, 1993 (в книге также «Лангольеры»)

Киев, «Полиграфкнига», 1996 (в книге также «Кладбище домашних животных»)

М, АСТ, 2001 (пер. А. Корженевского)

Худеющий (1984)

Донецк, «Джой», 1993 (под названием «Худей!», пер. А. Фредерикса)

Жуковский, Кэдмен, 1993 (пер. Д. Згерского, в книге также повесть «Труп»)

Киев, «Полиграфкнига», 1996 (в книге также «Лангольеры»)

Проклятие. Харьков, Дельта, 1996 (под названием «Проклятие», пер. Е. Харитоновой, в книге также повести «Лангольеры» и «Солнечный пес»).

АСТ, 1998 (пер. Д. Згерского)

Цикл оборотня (1984)

М, АСТ, 1999 (пер. С. Певчева, в книге также рассказы).

Черный дом (2001)

М, АСТ, 2002 (пер. В. Вебера)

Четверть после полуночи (1990)

Лангольеры. Жуковский, Кэдмен, 1993 (пер. Д. Згерского, в книге также «Туман»)

СПб, ИМА-пресс-реклама, 1993 (пер. Е. Харитоновой).

Лангольеры. Донецк, Джой, 1993 (пер. Е. Харитоновой, в книге также повесть «Потаенное окно, потаенный сад»)

Потаенное окно, потаенный сад. Полицейский из библиотеки. Львов, Сигма, 1994 (пер. Е. Харитоновой, в книге также «Мертвая зона»).

Проклятие. Харьков, Дельта, 1996 (пер. Е. Харитоновой, в книге романы и повести «Проклятие» («Худеющий»), «Лангольеры», «Солнечный пес»).

Солнечный пес. Киев, «Полиграфкнига», 1996 (пер. Е. Харитоновой).

Лангольеры. АСТ, 1998 (пер. В. Вебера, в книге также повесть «Секретное окно, секретный сад»)

Несущий смерть. М, АСТ, 1998 (пер. В. Вебера)

Библиотечная полиция. М, АСТ, 1999 (пер. А. Санина).

Ярость (1977)

Львов, Сигма, 1995 (пер. И. Котейко и О. Лежниной, в книге также рассказы)

Киев, «Полиграфкнига», 1996 (пер. И. Котейко и О. Лежниной, в книге также «Худеющий»)

М, АСТ, 1998 (пер. В. Вебера, в книге также «Долгая прогулка»)

3. ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов С. Соблазн Большой Литературы (Стивен Кинг — на бумаге и на экране). // Искусство кино, 1996, № 2.

2. Пальцев Н. Страшные сказки Стивена Кинга. В кн.: Кинг С. Мертвая зона. М, 1987.

3. Beahm G. Stephen King: America's best loved boogeyman. 1998

4. Beahm G. The Stephen King Companion. 1989

5. Beahm G. Stephen King Country: The Illustrated Guide to the Sites and Sights that inspired the Modern Master of Horror. 1999

6. Beahm G. Stephen King from A to Z: An Encyclopedia of His Life and Work. 1998

7. Bloom H. Stephen King. 1998.

8. Blue T. The Unseen King. 1996.

9. Blue T. Walking the Mile — The Making of the ‘Green Mile’. 2000.

10 Browne R. Gothic World of Stephen King: Landscape of Nightmares. 1987.

11. Collings M. The Complete Stephen King Encyclopedia. 1999.

12. Collings M. Horror Plum'd. 2003

13. Collings M. Stephen King as Richard Bachman. 2000.

14. Collings M. The Work of Stephen King: An Annotated Bibliography and Guide. 1996

15. Conner J. Stephen King Goes to Hollywood: A Lavishly Illustrated Guide to All the Films Based on Stephen King's Fiction. 1987

16. Davis J.P. Stephen King's America. 1994

17. Furth R. Stephen King's The Dark Tower Concordance. Vol. 1–2. 2003 — 04.

18. Hinchberger D. The Stephen King Catalog and Collector's Guide. 2001.

19. Hoppenstand G. The Gothic World of Stephen King. 1987.

20. Freeman D., Vincent B. The Illustrated Stephen King Trivia Book. 2004.

21. Jones S. Creepshows: The Illustrated Stephen King Movie Guide. 2001.

22. Lloyd A. Films of Stephen King. 1994

23. Magistrale T. Stephen King: The Second Decade. 1996

24. Reino J. Stephen King: The Fist Decade. 1988

25. Russell S. Stephen King: A Critical Companion. 1996

26. Spignesi S. Complete Stephen King Encyclopedia. 1993

27. Spignesi S. The Essential Stephen King. 2001.

28. Spignesi S. Lost Work of Stephen King. Vol. 1–2. 1998 — 99.

29. Spignesi S. Shape Under the Sheet: The Complete Stephen King Encyclopedia. 1991
30. Terrell C. F. Stephen King: Man and Artist. 1991
31. Vincent B. The Road to the Dark Tower. 2005.
32. Winter D. King in Faces of Fear. 1990
33. Winter D. Stephen King: The Art of Darkness. 1992
34. Wood R., Rawsthorne D., Blackburn N. Complete Guide to the Works of Stephen King. 2002.
35. Wood R., Rawsthorne D., Blackburn N. Stephen King — Uncollected, Unpublished. 2005.

4. ПОДПИСИ к карте «Штат Мэн — страна Кингландия»

Красный шрифт
Дерри
Ладлоу
Маленький Высокий остров
Касл-Рок
Хэйвен
Чемберлен
Салемс-Лот
Озеро Кашвакамак
Озеро Темный след
Лосиный остров

Черный шрифт
Огаста
Портленд
Льюистон
Киттери
Дарем
Бангор
Олдтаун
Оррингтон
Лисбон-Фоллс
Бриджтон
Сентер-Ловелл

5. МЕСТА действия романов и повестей СК

Касл-Рок — Куджо, Необходимые вещи, Мертвая зона, Тело, Солнечный пес, Темная половина, Девочка, которая любила Тома Гордона

Дерри — Оно, Бессонница, Мареновая Роза, Мешок с костями, Ловец снов

Маленький Высокий остров — Долорес Клэйборн, Буря столетия

Бриджтон — Туман

Салемс-Лот — Жребий Салема

Хэйвен — Томминокеры

Чемберлен — Кэрри

Ладлоу — Кладбище домашних животных

Озеро Кашвакамак — Игра Джеральда

Озеро Темный След — Мешок с костями

Озеро Тэшмор — Потаенное окно, потаенный сад

Лосиный остров — Парень из Колорадо

Нью-Йорк — Метод дыхания

Лос-Анджелес — Способный ученик

Сайдуиндер, Колорадо — Сияние, Мизери

Либертивилл, Пенсильвания — Кристина

Харвич, Коннектикут — Сердца в Атлантиде

Стэтлер, Пенсильвания — Почти как «бьюик»

Френч-Лэндинг, Висконсин — Черный дом

Фэрвью, Коннектикут — Худеющий

Колд-Маунтин, Джорджия — Зеленая миля

Джанкшен-Сити, Айова — Полицейский из библиотеки

Десперейшн, Невада — Безнадега

Уэнтворт, Огайо — Регуляторы

notes

1

Пер. М. Левина.

2

Пер. М. Левина.

3

Пер. М. Левина.

4

Пер. О. Колесникова.

5

Пер. И. Гуровой.

Пер. О. Колесникова.

7

Пер. О. Лежниной.

8

Пер. О. Колесникова.

9

Пер. А. Медведева.

10

Пер. М. Левина.

11

Пер. М. Левина.

12

Пер. В. Вебера.

13

Пер. М. Левина.

14

Пер. О. Колесникова.

15

Пер. О. Колесникова.

16

Пер. О. Колесникова.

17

Пер. О. Колесникова.

18

Пер. О. Колесникова.

19

Пер. О. Колесникова.

20

Пер. О. Колесникова.

21

Пер. О. Колесникова.

22

Пер. О. Колесникова.

23

Пер. О. Колесникова.

24

Пер. О. Колесникова.

25

Пер. О. Колесникова.

26

Пер. О. Колесникова.

27

Пер. О. Колесникова.

28

Пер. О. Колесникова.

29

Пер. О. Колесникова.

30

Пер. О. Колесникова.

31

Пер. М. Левина.

32

Пер. В. Вебера.

33

Пер. А. Корженевского.

Пер. М. Левина.

35

Пер. Е. Александрова.

36

Пер. А. Корженевского.

37

Пер. В. Васильева, С. Таска.

38

Пер. М. Левина.

39

Пер. М. Левина.

Пер. О. Колесникова.

41

Пер. С. Таска.

42

Пер. С. Таска.

43

Пер. И. Почиталина.

Пер. И. Почиталина.

45

Пер. И. Почиталина.

Пер. И. Почиталина.

Пер. В. Сухорукова.

Пер. О. Васильева, С. Таска.

49

Пер. О. Лежниной.

50

Пер. М. Мастура.

51

Пер. С. Певчева.

52

Пер. А. Корженевского.

53

Пер. А. Медведева.

Пер. А. Медведева.

55

Пер. Е. Харитоновой.

Пер. Е. Харитоновой.

Пер. А. Аракелова.

Пер. И. Багрова.

59

Пер. И. Багрова.

Пер. Р. Ружже, Н. Ачеркан.

61

Пер. Т. Покидаевой.

Пер. М. Левина.

63

Пер. М. Левина.

Пер. М. Левина.

Пер. В. Вебера.

Пер. Т. Покидаевой.

Пер. И. Гуровой.

Пер. И. Гуровой.

69

Пер. И. Почиталина.

Пер. И. Почиталина.

71

Пер. Т. Покидаевой.

Пер. Б. Любарцева.

73

Пер. И. Почиталина.

Пер. И. Почиталина.

Пер. И. Почиталина.

Пер. И. Почиталина.

77

Пер. И. Почиталина.

Пер. Ф. Сарнова.

Пер. Ф. Сарнова.

Пер. Ф. Сарнова.

81

Пер. Ф. Сарнова.

Пер. В. Сухорукова.

83

Пер. В. Вебера.

Пер. В. Вебера.

Пер. В. Вебера.

Пер. М. Левина.

Пер. М. Левина.

Пер. Р. Ружже, Н. Ачеркан.

89

Пер. В. Вебера.

Пер. В. Вебера.

91

Пер. В. Вебера.

Пер. В. Вебера.

Пер. В. Вебера.

Пер. В. Вебера.

Пер. В. Вебера.

Пер. В. Вебера.

Пер. В. Вебера.

Пер. Т. Покидаевой.

Пер. В. Вебера.

100

Пер. В. Вебера.

101

Пер. Ф. Сарнова.

102

Пер. В. Вебера.

103

Пер. Т. Покидаевой.

Пер. В. Вебера.

105

Пер. В. Вебера.

106

Пер. В. Вебера.

107

Пер. В. Вебера.

108

Пер. Т. Перцевой.

109

Пер. Н. Рейн.

110

Пер. В. Вебера.

111

Пер. В. Вебера.

112

Пер. В. Вебера.

113

Пер. В. Вебера.

Пер. В. Вебера.

115

Пер. В. Вебера.

Пер. В. Вебера.

117

Пер. В. Вебера.

Пер. В. Вебера.

119

Пер. В. Сухорукова.